Патронов
Причины
и следств.
1919
324433

НВЛ — Библиотека
ВВ255
П285

И. Патроновъ.

4 ВВ255
П285

ПРИЧИНЫ и СЛѢДСТВІЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

1914—19 г.г.

(Современныя лекціи для русской интеллигенціи).

Новочеркасскъ.
Типографія Т-ва „Время".
1919.

И. Патроновъ.

ПРИЧИНЫ и СЛѢДСТВІЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

1914—19 г.г.

(Современныя лекціи для русской интеллигенціи).

Новочеркасскъ.
Типографія Т-ва „Время".
1919.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

4 ВВ255 р
П285

324433

47-195
39

Передъ разсвѣтомъ.

(Изъ Гюго)

Бываютъ времена постыднаго разврата,
Побѣды дерзкой лжи надъ правдой и добромъ;
Все честное молчитъ, какъ будто бы объято
Тупымъ, тяжелымъ сномъ.

Жизнь стала оргіей. Въ душонкахъ низкихъ, грязныхъ
Чувствъ человѣческихъ ничто не шевелитъ;
Пируютъ, пляшутъ, пьютъ. Все пошло, безобразно,
А совѣсть крѣпко спитъ...

Нахальный хохотъ, крикъ нелѣпый опьяненія
Всѣ рѣчи честныя, всѣ мысли заглушалъ;
Бойцы за родину лежатъ, полны презрѣнія,
На днѣ сырыхъ могилъ...

Но эти времена позорныя не вѣчны.
Проходитъ ночь. Встаетъ заря на небесахъ...
Толпа ночныхъ гулякъ, ты скроешься, конечно,
При солнечныхъ лучахъ?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль о выясненіи причинъ современной великой войны явилась у меня еще въ началѣ ея на фронтѣ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ безконечныхъ споровъ Европейской прессы о томъ, кто виноватъ въ возникновеніи войны. Въ нашей и союзнической прессѣ главнымъ виновникомъ изображался Вильгельмъ. Это былъ своего рода громоотводъ, на который обрушилось европейское негодованіе. Одинъ человѣкъ, пользуясь властью, конечно, можетъ вызвать войну. Однако то воодушевленіе и самопожертвованіе, какое проявилъ весь нѣмецкій народъ, заставили сильно усумниться, дѣйствительно ли война была только мечтой Вильгельма, тѣмъ болѣе, что мы живемъ уже не въ вѣкъ абсолютизма, а конституціоннаго періода европейской исторіи, когда правители должны считаться съ интересами народныхъ массъ и не могутъ вести личной политики.

Даже разсматривая событія, происшедшія сто лѣтъ тому назадъ —Отечественую войну, Толстой считалъ, что Наполеонъ былъ лишь ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи, а великое движеніе народовъ съ запада на востокъ произошло вслѣдствіе какихъ то неуловимыхъ законовъ исторіи. Между тѣмъ Наполеонъ сто лѣтъ тому назадъ обладалъ гораздо большей властью чѣмъ Вильгельмъ или русскій Императоръ въ наше время. За Наполеономъ могли пойти массы, какъ бы загипнотизированныя его геніемъ, чего нельзя сказать относительно Вильгельма. Въ тожс время считать, что движеніе народовъ происходитъ по какимъ то неуловимымъ законамъ, значитъ, не признавать за исторіей возможности объясненія этихъ законовъ. Съ философской точки зрѣнія, можетъ быть, эти законы и неуловимы подобно тому, какъ нельзя отыскать начало всѣхъ началъ, но объяснить реальныя, такъ сказать, житейскія причины войнъ исторія должна, иначе она безполезная наука.

Принявъ за основу историческій методъ изслѣдованія вопроса, я рѣшилъ разсмотрѣть взаимоотношеніе воюющихъ на-

родовъ въ давно прошедшія времена и особенно въ послѣднее время. Подробное изслѣдованіе этого вопроса составило бы солидный томъ, интересный развѣ только для спеціалистовъ.

Моя же задача - дать лишь удобопонятное и краткое изложеніе вопроса, доступное для широкой публики, для такъ называемой средней интеллигенціи, къ которой принадлежитъ подавляющее большинство нашихъ офицеровъ. Поэтому взаимоотношенія народовъ въ давнопрошедшія времена, мною изложены въ видѣ краткаго обзора для того, чтобы всякій могъ вспомнить все то, что онъ училъ на школьной скамьѣ, а позднѣйшія событія, за 50 лѣтъ до войны, изложены болѣе подробно. Эти взаимоотношенія и наростаніе идей, предшествовавшихъ войнѣ, достаточно полно разобраны въ литературѣ, главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ выдающихся нѣмцевъ, какъ, напримѣръ, Трейчке, Бернгарди и др., во французской военной литературѣ, наконецъ, въ лекціяхъ англійскаго профессора Крэмба въ 1913 году, изданныхъ въ 1914 году и явившихся прямымъ пророчествомъ о будущей войнѣ. Менѣе всего этимъ вопросомъ интересовались наши ученые.

Такимъ образомъ, исходя изъ научныхъ основъ, трудъ этотъ въ тоже время является дилетантскимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ потребовалъ бы слишкомъ много времени и многихъ источниковъ, которыхъ теперь достать негдѣ. За то его не побоится прочесть нашъ средній интеллигентъ, чувствующій инстинктивный страхъ передъ толстыми фоліантами и громкими профессорскими фамиліями авторовъ. Распространить возможно шире правильные взгляды на истинныя причины великой войны и есть цѣль настоящей книги.

Кромѣ того я хотѣлъ бы, чтобы, прочтя ее, всякій, такъ называемый средній интеллигентъ, проникся мыслью, что не политическія партіи создаютъ новую эру, и новое счастье страны, а историческій ходъ событій, вытекающій изъ предыдущихъ вѣковъ. „Natura non fecit saltum“ (природа не дѣлаетъ скачковъ) — это старая римская поговорка.

Какой то умный французъ сказалъ, что Франція это не тѣ 40 милліоновъ французовъ, которые живутъ на территоріи Франціи а тѣ сотни милліоновъ, которые жили на ней съ того времени, какъ имѣются болѣе или менѣе данныя объ исторической жизни народа. Тоже можно сказать про Россію и про всякое государство. Только соціалисты въ своемъ великомъ невѣжествѣ и партійномъ ослѣпленіи вообразили, что они открыли новые законы, по которымъ должно пойти человѣчество, незави-

симо отъ своего прошлаго. Только они способны считать, что вся наша, или французская исторія была сплошной ошибкой и преступленіемъ. Наука уже сдѣлала такіе успѣхи, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ не отвергнуть этого грубаго, самодовольнаго, невѣжественнаго взгляда. Не должны ли, исповѣдуя его, наши потомки черезъ сто лѣтъ назвать нашу жизнь тоже ошибкой и преступленіемъ? Только разсматривая прошлое, можно уразумѣть настоящее, ибо мертвые повелѣваютъ.

По военнымъ обстоятельствамъ я могъ приняться за работу лишь въ концѣ лѣта 1918 года. События мѣнялись быстро, почему оцѣнка тѣхъ или другихъ текущихъ явленій можетъ и показаться субъективной. Но изложеніе всѣхъ событій, подготовившихъ войну на основаніи изученія литературы этого вопроса, а также вѣроятныя послѣдствія ея для нашего отечества врядъ ли могутъ быть оспариваемы людьми, которые способны оцѣнивать событія и факты безъ партійныхъ очковъ.

Новочеркасскъ. 1 апрѣля 1919 г. *Авторъ.*

I. Причины и слѣдствія вообще.

„Герой же моей повѣсти, котораго я люблю „всѣми силами души, котораго старался „воспроизвести во всей красотѣ его, кото„рый всегда былъ, есть и будетъ прекра„сенъ—правда".

Л. Толстой.

Еще въ ранней юности по исторіи Иловайскаго мы изучали, что въ столь сложныхъ явленіяхъ, какъ война нужно различать поводъ и причину. Поводъ можетъ быть подчасъ самый пустячный, причины же всегда серьезны. Въ средніе вѣка, когда Европа состояла изъ многочисленныхъ самостоятельныхъ государствъ, имѣющихъ во главѣ абсолютныхъ монарховъ, причина и поводъ часто совпадали и могли быть весьма несущественны, включительно до личнаго оскорбленія монарховъ или ихъ сановниковъ. Это была маленькая политики маленькихъ государствъ, гдѣ семейныя отношенія перемѣшивались съ государственными. Но тѣ времена давно прошли.

Уже въ началѣ XVI-го вѣка итальянскій ученый Макіавелли научно обосновалъ принципы реальной политики, которая руководствуется не нравственностью, не общепонятной честностью или личными симпатіями, а исключительно государственными интересами.

Характерная черта новѣйшихъ войнъ заключается въ томъ, что онѣ опредѣляютъ дальнѣйшую судьбу воюющихъ подчасъ на многіе годы. Еще Наполеонъ говорилъ, что между двумя сраженіями часто лежатъ имперіи. Поэтому то причины современныхъ войнъ не всегда понятны массамъ, ибо вытекаютъ изъ глубинъ исторіи. Даже поводы—и тѣ стали столь существенны, что ихъ легко принять за причины.

Напримѣръ, поводомъ въ настоящей войнѣ былъ давнишній конфликтъ между Австріей и Сербіей, окончившійся убійствомъ австрійскаго престолонаслѣдника эрцгерцога Фердинанда въ Сараевѣ. Причина же составитъ предметъ настоящаго изслѣдованія. Точно также причиной войны 1870 г. между Франціей и Пруссіей было не извращеніе Бисмаркомъ Эмской депеши, а грядущее объединеніе Германской Имперіи, препятствіемъ которому была Франція. Причиной Китайской войны 1900 г., конечно, было не изгнаніе миссіонеровъ изъ Китая и возстаніе боксеровъ, а соперничество державъ въ Китаѣ и стремленіе завладѣть новымъ лакомымъ рынкомъ. Въ русско-японской войнѣ поводомъ былъ споръ о концессіяхъ на Ялу, а причиной — вопросъ жизни и смерти для Японіи—остаться ей попрежнему островнымъ государствомъ или же утвердиться на материкѣ для свободнаго развитія страны, давшей избытокъ населенія, которому некуда было дѣваться, почему она теряла путемъ эмиграціи наиболѣе жизнеспособныя и цѣнныя силы. Даже столь серьезное съ международной точки зрѣнія преступленіе, какъ убійство посла, графа Мирбаха, не послужило причиной войны между Совѣтской Россіей и Германіей, ибо оба эти государства другъ другу были нужны и взаимно полезны. Словомъ, подобныхъ примѣровъ можно привести множество, гдѣ даже самые серьезные на первый взглядъ поводы не влекли за собой войны, если только она не назрѣла въ силу историческихъ событій и не вызывалась насущнѣйшими нуждами государства. Поэтому то только газетные журналисты ищутъ виновника войны въ опредѣленныхъ личностяхъ государственныхъ дѣятелей, но ни одинъ серьезный человѣкъ не станетъ утверждать, что войну выдумалъ Вильгельмъ или „коварная Англія“. Война просто была исторической необходимостью. Только такой взглядъ будетъ правильнымъ.

Мы можемъ представить себѣ міръ, какъ огромную сцену, гдѣ государства и народы—лишь дѣйствующія лица великой драмы, вершитель же судебъ ихъ—Богъ. Въ концѣ концовъ, какъ выразился Наполеонъ, политика—это судьба: „la politique c'est la falalité“, но только не слѣпая судьба, не греческая moira, которая правитъ даже богами независимо отъ ихъ поступковъ, и не фатализмъ Ислама, въ коемъ все заранѣе предусмотрѣно и предопредѣлено, а та судьба, которая слагается разумными существами—людьми и составляетъ слѣдствіе совокупности ихъ поступковъ, вытекающихъ изъ многочисленныхъ данныхъ, какъ-то: окружающей

насъ природы, нашихъ характерныхъ свойствъ, историческихъ условій и проч. Только одну данную я задаюсь цѣлью кратко разобрать это историческія условія, такъ какъ они намъ наиболѣе понятны, наиболѣе полезны въ видѣ урока на будущее. Въ нихъ слѣдуетъ искать причинъ современныхъ событій.

Даже про отдѣльныхъ индивидуумовъ часто говорятъ: „этотъ человѣкъ далеко пойдетъ" или „изъ него ничего путнаго не выйдетъ". Говоря такимъ образомъ, обыкновенно руководствуются знаніемъ характера даннаго лица и тѣми общественными условіями, въ которыхъ протекаетъ его жизнь, Отсюда выраженіе: „всякъ своему счастью—кузнецъ". Однако никто на этомъ основаніи кромѣ цыганокъ и хиромантовъ не можетъ предсказать судьбы отдѣльнаго человѣка. Самые пустые случаи, какъ то: легкая царапина и зараженіе крови, изувѣченіе автомобилемъ, обыкновенное паденіе на улицѣ могутъ нарушить всѣ разсчеты. Но даже изъ духовной стороны—случайная встрѣча или прочтенная книга могутъ дать совершенно другое направленіе умственной дѣятельности человѣка. Поэтому то мы часто бываемъ свидѣтелями и изумляемся причудливости и капризамъ слѣпого случая, судьбы, играющей людьми какъ мѣшками. Отсюда противоположныя оговорки: „дуракамъ счастье", „не родись богатымъ—родись счастливымъ" и т. п. Несомнѣнно, чѣмъ болѣе одаренъ человѣкъ отъ природы, чѣмъ болѣе онъ трудится, тѣмъ меньше зависитъ отъ случайностей, отъ слѣпой судьбы. Но иногда и самые выдающіеся люди подвержены неумолимому жестокому року. Это то, что греки называли moira судьба. Иногда же совершенно бездарные живутъ, что называется, подъ счастливой звѣздой.

Такимъ образомъ, въ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ случай и удача играютъ огромную роль. Конечно, чѣмъ способнѣе, даровитѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ зависитъ отъ случая, Но исключеній такая масса, что невозможно установить ходъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ характера и способностей, ибо мотивъ и цѣль здѣсь играютъ главную роль, а то и другое весьма перемѣнчивы.

Но жизнь націи измѣряется столѣтіями и тысячелѣтіями. Ею управляютъ такія силы, которыя по своей сущности весьма подходятъ къ силамъ природы. Поэтому случай, удача, счастье здѣсь играютъ весьма ничтожную роль. Наоборотъ здѣсь на лицо всѣ признаки закономѣрности, не

прерывая цѣпь причинъ и слѣдствій. Но причины часто настолько скрыты, что слѣдствія кажутся неожиданными. Если мы захотимъ, напримѣръ, объяснить себѣ столь сложное явленіе, какъ крѣпостное право, то приказъ Бориса Годунова о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, такъ называемый, Юрьевъ день—будетъ только кажущейся причиной. По изслѣдованію профессора Ключевскаго ни одного государственнаго акта, устанавливающаго крѣпостное отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ въ его позднѣйшемъ видѣ, издано не было. И даже Юрьевъ день устанавливаетъ лишь прикрѣпленіе къ данному мѣсту, а не къ лицу. Но если вспомнить, что крѣпостное право существовало не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, то придется разсмотрѣть, какъ образовались государства. Тогда мы увидимъ, что въ эпоху произвола и необезпеченности личности въ Западной Европѣ возникла ленная система и феодальный строй, приведшій къ закрѣпощенію личности въ цѣляхъ ея же охраненія отъ иноземной власти. Въ Россіи феодальнаго строя не существовало, но тѣ же причины правового устройства и произвола повлекли за собой тѣ же слѣдствія—закрѣпленіе личности у князей, воеводъ и служилыхъ дворянъ, даже безъ письменныхъ договоровъ и законовъ, а просто на основаніи обычая.—Точно также неправильно было бы объясненіе нашей революціи исключительно войной или же работой евреевъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторыя газеты. Революція вытекала естественно изъ предыдущихъ историческихъ событій. Война лишь способствовала ей, а еврейство играло въ ней одну изъ главныхъ ролей, но оно было бы безсильно, если бы народъ не былъ подготовленъ къ ней ходомъ исторіи.

Такимъ образомъ, для правильнаго пониманія слѣдствія необходимо правильное пониманіе причины. Но въ этомъ то и заключается большая трудность. Современная война, какъ чрезвычайно сложное явленіе, вытекаетъ не только изъ глубины давно прекратившейся жизни націй, какъ историческая необходимость, но еще изъ современныхъ политическихъ и коммерческихъ отношеній. Потому то, чтобы понимать и въ особенности предвидѣть ее, современному государственному дѣятелю нужны столь разносторонніе знанія, которыя чрезвычайно рѣдко соединяются въ одной личности.

Извѣстный французскій журналистъ, Людовикъ Нодо, относящійся къ намъ, какъ къ союзникамъ, съ искренней симпатіей, въ своей книгѣ о японской войнѣ проводитъ красной нитью главную причину нашихъ неудачъ: „Ils ne

savaient pas"—они не знали. Да, мы совершенно не знали Японіи, и это была главная причина нашихъ пораженій. Всѣ знали Японію по описанію Гончарова во „Фрегатъ Палладѣ", т. е. Японію 50-хъ годовъ XIX-го столѣтія. Между тѣмъ, страна эта представляетъ необыкновенный въ наше время примѣръ азіатскаго государства съ особой восточной тысячелѣтней культурой, сумѣвшаго какимъ то чудомъ только во 2-й половинѣ XIX-го столѣтія, всего въ теченіи какихъ нибудь 50-ти лѣтъ, проникнуться принципами европейской государственности и военнаго искусства. Истинныя намѣренія и сила Японіи выяснились только на Симоносекскомъ договорѣ (1895 г.), и съ тѣхъ поръ до японской войны прошло лишь 9 лѣтъ. Это слишкомъ короткій промежутокъ времени, чтобы узнать своего сосѣда.

Но знали ли мы, по крайней мѣрѣ, Германію, которую исколесили вдоль и поперекъ тысячи нашихъ состоятельныхъ образованныхъ людей? Всѣ путешествовавшіе знали, что тамъ всюду чистота и порядокъ. На желѣзныхъ дорогахъ большія строгости, которыя намъ претили; всюду отличное пиво и сигары, дешевая мануфактура и издѣлія, но очень плохо кормятъ. Мы знали также, что германская промышленность и техника достигли высшаго развитія, что нѣмцы очень патріотичны и преданы Кайзеру. Намъ не нравились чванные нѣмецкіе офицеры, почему появленіе въ нѣмецкой литературѣ еще до японской войны такихъ книгъ, какъ напр. „Въ маленькомъ гарнизонѣ" или „Іена или Седанъ", рисующихъ неприглядныя стороны нѣмецкой военной среды, было встрѣчено нами съ чувствомъ удовлетворенія. Мы хвалили нѣмецкихъ ученыхъ за ихъ точныя знанія своей спеціальности и скептически относились къ нѣмецкому искусству и къ нѣмецкой женщинѣ, самой, можетъ быть, некрасивой и неуклюжей изъ всѣхъ европейскихъ женщинъ, но зато примѣрной хозяйкѣ и матери. Мы представляли себѣ Германію, какъ бронированный кулакъ, помнили слова Бисмарка о желѣзѣ и крови, и о томъ, что съ Россіей не слѣдуетъ воевать, но духовнаго міра Германіи—того, что составляетъ душу націи, мы не знали. Подъ словомъ „мы"—я подразумѣваю наше образованное общество, въ томъ числѣ и правительство, такъ какъ раздѣляю взглядъ Бокля, что всякій народъ имѣетъ такое правительство, какого онъ достоинъ.

Нѣтъ болѣе вѣрнаго зеркала души націи, чѣмъ ея литература, и это особенно вѣрно по отношенію къ Германіи.

Ежегодно эта страна выбрасывала на книжный рынокъ нѣсколько сотъ сочиненій по военнымъ вопросамъ — явленіе небывалое во всѣхъ другихъ странахъ. Многіе изъ этихъ сочиненій, разсматривающія не только узко-спеціальные, тактическіе, но и филосовскіе вопросы войны переведены на всѣ европейскіе языки и составляютъ вкладъ въ міровую литературу. Таковы книги Бернгарди: „Германія и будущая война“, „Современная война“, „Наше будущее“, или спеціальное сочиненіе Фалькенгаузена „Большая современная война“. Къ нимъ я еще вернусь, а пока скажу, что книги эти, появившіяся за нѣсколько лѣтъ, а частью уже наканунѣ войны, прозвучали первыми раскатами грома приближающейся военной бури.

Недавно[1]) по вопросу—когда же кончится война—вспомнили, что говорилъ объ этомъ Мольтке: Въ концѣ 80-хъ годовъ уже на девятомъ десяткѣ жизни фельдмаршалъ Мольтке писалъ: „Если, напримѣръ, теперь вспыхнетъ война, то нельзя предвидѣть, сколько времени она будетъ продолжаться и когда кончится. Самыя могущественныя державы Европы, вооруженныя сильнѣе, чѣмъ когда либо ранѣе, вступятъ въ бой другъ съ другомъ. Ни одна изъ нихъ послѣ первыхъ же столкновеній не окажется настолько ослабленной, чтобы признать себя побѣжденной и заключить миръ на тяжелыхъ условіяхъ, или чтобы хотя черезъ годъ не оправиться и возобновить борьбу. Въ результатѣ, можетъ получиться семилѣтняя, даже тридцатилѣтняя война и, горе тому, кто произведетъ пожаръ въ Европѣ, кто первый броситъ фитиль въ пороховую бочку“.

Были ли извѣстны эти книги тѣмъ, кому сіе надлежало вѣдать? Не думаю. О нихъ знали въ Петроградѣ многіе офицеры Генеральнаго Штаба; но врядъ ли подобными вещами интересовался военный министръ Сухомлиновъ и Начальникъ Генеральнаго Штаба Жилинскій. Эти бонвиваны, сохранившіе и на седьмомъ десяткѣ жизни легкомысліе кавалерійскихъ корнетовъ, врядъ ли и въ молодости способны были интересоваться серьезными вещами. Вообще, если бы наши государственные сановники продолжали учиться и читать умныя книжки и на министерскихъ постахъ, то уже вышеприведенныя слова Мольтке указали бы имъ, что нечего расчитывать на шестимѣсячную войну, какъ объ этомъ говорилъ не только Сухомлиновъ, но даже такой государственный умъ, какъ

[1]) Въ іюлѣ 1918 г.

Витте. Если бы они даже слегка просмотрѣли вышедшія незадолго до войны сочиненія Бернгарди, то легко убѣдились бы, что предстоятъ событія колоссальной важности. Но учиться до могилы и писать серьезныя книги на седьмомъ—восьмомъ десяткѣ могутъ только нѣмцы. Тамъ вышедшіе въ отставку сановники обыкновенно подводятъ итоги своему служебному опыту, знаніямъ и пишутъ или книги или записки. Наши же сановники, выйдя въ отставку, обыкновенно рѣшаютъ, что со всѣмъ прошлымъ покончено и, неумѣло поражая древнему Цинцинату, занимаются садоводствомъ или культурнымъ куроводствомъ. Я не могу забыть одного генерала, который, командуя корпусомъ въ Восточной Пруссіи, отдавалъ всѣ боевые приказы по формѣ старой диспозиціи 80-хъ годовъ, содержащей что-то около 20-ти параграфовъ. Такой приказъ обыкновенно на 4-хъ страницахъ получался за часъ до его выполненія войсками въ Штабахъ дивизій. Это были всѣ знанія по военному искусству, которыя сохранились въ памяти у почтеннаго генерала. Къ счастью его удалили еще въ августѣ 1914 г.

Итакъ, война назрѣвала, а мы, по выраженію Нодо, „они не знали“. Проекты объ увеличеніи арміи на 5 корпусовъ къ началу 1917 года, о расширеніи постройки снарядныхъ заводовъ, о развитіи воздушнаго флота уже оказались запоздавшими.

Однако утѣшеніемъ намъ можетъ служить то, что въ блестящемъ одиночествѣ невѣжества мы оказались не одни. Въ томъ же „splendid isolation“ очутилась и наша союзница Англія. У насъ знаніе иностранныхъ языковъ стоитъ выше, чѣмъ въ Англіи, и всѣ выходящія извѣстныя сочиненія появляются въ русскомъ переводѣ подчасъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Но чтобы нѣмецкая мысль переплыла Сѣверное море, для этого, по мнѣнію англійскаго профессора Крэмба, необходимо полстолѣтія.

Крэмбъ учился въ нѣмецкомъ университетѣ и обладалъ обширными знаніями въ области нѣмецкой исторіи и литературы. И онъ считалъ, что война между Англіей и Германіей неминуема. Опасность, по его мнѣнію усугублялась еще тѣмъ, что образованный классъ Англіи не знаетъ и даже не хочетъ знать о подлинныхъ настроеніяхъ Германіи. Крэмбъ высмѣиваетъ своихъ соотечественниковъ и ихъ свѣдѣнія о Германіи. „Какой нибудь радикальный членъ парламента, освободясь отъ государственныхъ заботъ, проводитъ двѣ не-

дѣли въ Берлинѣ, встрѣчается съ членами рейхстага и находитъ ихъ всѣхъ готовыми поддержать миръ со всѣмъ человѣчествомъ и въ томъ числѣ и съ Англіей. „Что за пугальщики“, спрашиваетъ онъ съ возмущеніемъ, когда слышитъ о нѣмецкихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ и нѣмецкомъ вторженіи? Затѣмъ есть еще біографъ и путешественникъ который проводитъ нѣсколько большій промежутокъ времени въ городахъ и деревняхъ Бранденбурга Западной и Восточной Пруссіи и возвращается пораженный силою встрѣченной имъ ненависти. Онъ описываетъ безумное желаніе войны съ Англіей, одушевляющее всѣ классы общества. Потомъ есть еще статистикъ, исчисляющій количество миль, занимаемыхъ нѣмецкими желѣзными дорогами и нѣмецкими каналами, берлинскими улицами и берлинскими сточными трубами, или англійскій офицеръ еще не устарѣвшаго типа, который готовясь къ поступленію въ развѣдочный отдѣлъ военнаго министерства, проводитъ три мѣсяца въ Германіи и находитъ ее «націей проклятыхъ профессоровъ».

Характерно то, что и наши и англійскія свѣдѣнія о Германіи крайне запоздали. Книги Бернгарди, въ которыхъ совершенно опредѣленно говорилось о грядущей войнѣ и необходимость ея философски обосновывалась, стали извѣстны въ Петроградѣ лишь нѣкоторымъ офицерамъ изъ профессоровъ, или особенно любознательныхъ, лишь за одинъ или два года до войны. Свои чрезвычайно интересныя лекціи объ отношеніяхъ Англіи и Германіи профессоръ Крэмбъ читалъ въ началѣ 1913 г. въ „Queen's College“—въ Лондонѣ, а въ концѣ 1913 г. онъ уже умеръ, не обработавъ и не собравъ своихъ лекцій, почему напечатаны были только отрывки ихъ..

Однако у англичанъ были государственные дѣятели, которые предвидѣли событія и предостерегали своихъ соотечественниковъ о грядущей опасности, которая явится гамлетовскимъ вопросомъ—быть или не быть. Таковъ былъ лордъ Сольсбери, который еще въ 1900 г. предупреждалъ, что Германія желаетъ быть великимъ центральнымъ государствомъ, желаетъ владѣть англійскими островами, какъ завоеванными провинціями. Такимъ образомъ Англія уподобится Карфагену, который съ нѣмецкой точки зрѣнія нужно разрушить. И вслѣдъ за нимъ лордъ Робертсъ предостерегалъ англичанъ: „Пробудитесь отъ вашего летаргическаго сна!.. Вооружитесь и сами станьте въ ряды, какъ подобаетъ англичанамъ И тогда, если вамъ суждено умереть,—вы умрете величествен-

ной смертью, если же вы останетесь побѣдителями, то ваша побѣда будетъ такой, какой никогда не бывало въ прошломъ Англіи".

Я не припомню, были ли у насъ подобные государственные дѣятели или члены Государственной Думы, все же просуществовавшей до войны почти 9 лѣтъ. Мнѣ извѣстно однако, что одинъ изъ выдающихся государственныхъ умовъ Россіи, Витте, былъ только поклонникомъ Германіи, и уступка ей въ торговомъ договорѣ въ началѣ 90-хъ годовъ сдѣлана по его настоянію. При немъ также, уже подъ давленіемъ войны и надвигавшейся революціи то же самое сдѣлано еще въ 1904 году. Мы покупали миръ путемъ огромной торговой контрибуціи.

Въ гораздо лучшемъ положеніи въ отношеніи знанія Германіи оказалась Франція. Рана 1870 года, угроза новаго разгрома въ 1875 году, предотвращенная Россіей и Англіей, не забылись. Съ одной стороны мечты о реваншѣ у наиболѣе пылкихъ французовъ, съ другой—опасность, постоянно грозящая со стороны Германіи, заставили Францію быть на сторожѣ. Поэтому то на всякое новое увеличеніе германской арміи Франція отвѣчала соотвѣтственными мѣропріятіями и довела у себя воинскую повинность до высшаго напряженія.

Еще въ концѣ XIX столѣтія вышла книга Густава Лебона „Психологія соціализма", гдѣ подробнѣйшимъ образомъ указано, какимъ образомъ нѣмцы постепенно проникли во всѣ сферы общественной жизни Франціи, какъ они завладѣваютъ ея торговлей, промышленными предпріятіями въ самомъ Парижѣ, вытѣсняя французовъ. За нѣсколько лѣтъ до войны была переведена на русскій языкъ книга Ленуара „Нѣмецкое шпіонство во Франціи". Авторъ приводитъ рядъ интереснѣйшихъ примѣровъ шпіонской подготовки Пруссіей войнъ 1866 и 70 г. Въ Пруссіи явилась геніальная въ этомъ отношеніи личность, по странному совпаденію носившая фамилію Штиберъ, (по нѣмецки—сыщикъ). Этотъ своеобразный Шерлокъ Холмсъ настолько покрылъ Австрію и Францію сѣтью шпіонажа, что не было ни одного мѣстечка, гдѣ Пруссія во время войны не имѣла бы вѣрныхъ агентовъ, снабжавшихъ прусскій генеральный штабъ самыми точными свѣдѣніями. И даже суровый Мольтке, который вообще не любилъ ничего хвалить, выразился въ 1866 году, что служба тайной развѣдки ведется „хорошо и хорошо". Штиберъ былъ другомъ и повѣреннымъ Бисмарка, который немало обязанъ ему своими

дипломатическими успѣхами. По вычисленію Ленуара не менѣе 10000 нѣмецкихъ шпіоновъ всегда наводняло Францію во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности до гувернеровъ, гувернантокъ и парикмахеровъ включительно. Вообще со времени Штибера способность къ шпіонажу стала особеннымъ даромъ нѣмцевъ.

Нельзя, конечно, сомнѣваться, что въ Россіи ихъ было гораздо больше, ибо у насъ поле дѣятельности для этого болѣе обширно и болѣе доступно. Планомѣрный ростъ нѣмецкихъ колоній во всѣхъ наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктахъ намъ хорошо извѣстенъ, а непрерывныя уступки Германіи по этому вопросу нашего правительства не разъ служили злободневной темой задолго до войны. Наконецъ, тотъ фактъ что друзьями дома Сухомлинова были Мясоѣдовъ и Альтшиллеръ, есть ни что иное, какъ повтореніе такой же исторіи 1870 года, когда нѣмецкіе шпіоны окружали французскаго военнаго министра маршала Лебефа.

Я уже упоминалъ о книгѣ Фалькенгаузена „Der grosse Krieg der Jeztseit", вышедшей за нѣсколько лѣтъ до войны. Это слишкомъ спеціальное сухое сочиненіе. Однако оно даетъ весьма правдоподобныя картины грандіозной будущей войны на сушѣ и на морѣ. Участницей ея кромѣ Россіи. Франціи является также и Англія. Побѣждаетъ всюду Германія. Это было одно изъ послѣднихъ узко-спеціальныхъ крупныхъ сочиненій на тему о войнѣ, которая и началась. Вспомнимъ вкратцѣ тѣ событія, свидѣтелями которыхъ мы были въ теченіи 4-хъ лѣтъ.

Основной военно-научный взглядъ, принятый во всѣхъ государствахъ, былъ таковъ, что въ современной войнѣ необходимы быстрѣйшая мобилизація и сосредоточеніе, полнѣйшее напряженіе сразу всѣхъ силъ, дабы нести войну на территорію противника и сразу нанести ему рядъ крупныхъ ударовъ, пока онъ не успѣлъ сосредоточиться. Идеалъ войны былъ—вести ее не только съ полнымъ напряженіемъ, но и возможно короче, дабы не разстраивать хозяйственной жизни страны. Примѣромъ подобной идеальной войны служилъ 1870-й годъ, гдѣ въ пять масяцевъ Франція была сокрушена Въ 1914 году былъ принятъ тотъ же планъ быстраго разгрома Франціи и вывода ея изъ строя до того времени, пока поспѣетъ помощь Англіи и сосредоточитъ свою армію Россія. Противъ послѣдней была направлена вся австрійская армія и оставлено въ резервѣ 6 нѣмецкихъ корпусовъ на Вислѣ въ раіонѣ Данцигъ—Торнъ подъ названіемъ „Reise Armee".

Въ августѣ 1914 года произошли на обоихъ фронтахъ рѣшительныя сраженія, которыя сразу опредѣлили дальнѣйшій затяжной ходъ войны. Молніеносное наступленіе нѣмцевъ на францію задержала маленькая Бѣльгія. Французская армія однако была разбита, и нѣмецкая конница находилась уже въ 45-ти километрахъ отъ Парижа. Тогда Жоффръ поставилъ на карту весь имѣющійся запасъ снарядовъ и принялъ чрезвычайныя мѣры, до массовыхъ разстрѣловъ включительно, противъ недостаточной стойкости и дисциплинированности французскихъ войскъ, оказавшихся въ этомъ отношеніи гораздо ниже германскихъ. Англія успѣвшая высадить нѣсколько дивизій, остановила дальнѣйшее движеніе нѣмцевъ въ Бельгіи, у которыхъ, видимо, нехватило живыхъ силъ, такъ какъ 6 корпусовъ оставленные въ резервѣ, понадобились противъ русскихъ. Пришлось отойти за линію; Аррасъ Суассонъ—Реймсъ—Верденъ. Ближайшее разстояніе фронта отъ Парижа стало 90 километровъ.

На Востокѣ въ это время вся австрійская армія въ первыхъ числахъ августа перешла въ наступленіе по двумъ направленіямъ: въ восточномъ — на Волочискъ и сѣверномъ — на Люблинъ. Армія эта была разбита войсками генерала Иванова и еще послѣ нѣкотораго сопротивленія въ Галиціи остановилась уже въ Карпатахъ.

Со стороны Восточной Пруссіи нѣмцы выставили лишь заслонъ около двухъ корпусовъ, остальные же резервные корпуса въ глубокомъ тылу на Вислѣ. Заслонъ этотъ былъ сбитъ первой арміей генерала Ранненкампфа, который продолжалъ наступленіе въ западномъ направленіи, въ то время, какъ съ юга наступала 2-я армія генерала Самсонова. Крайне несогласованное наступленіе обѣихъ армій и бездарное управленіе ими со стороны генераловъ Жилинскаго, Ренненкампфа и Самсонова привели къ небывалому разгрому. Шесть сосредоточенныхъ корпусовъ генерала Гинденбурга разбили сначало армію Самсонова (5 корпусовъ), а затѣмъ угрожая обходу лѣваго фланга Ренненкампфа (4 корпуса), заставили его съ большими потерями отойти къ Нѣману. Мы понесли чрезвычайный уронъ, но, вѣроятно, этимъ спасли отъ разгрома французскую армію, такъ какъ эти 6 корпусовъ лучшихъ первоочередныхъ войскъ, брошенныхъ своевременно на Францію, могли бы рѣшить, быть можетъ, судьбу Парижа. Восточная же Пруссія, оставленная намъ безъ боя, могла бы быть впослѣдствіи, какъ показали дальнѣйшія событія, легко освобождена. Не успѣхъ нѣмцевъ на Западѣ и успѣхъ

на Востокѣ заставили невольно Германію обратить вниманіе на Россію и оставить въ покоѣ Францію, что дало возможность послѣдней перейти къ позиціонной войнѣ и заняться собираніемъ силъ въ то время, какъ Англія продолжала непрерывно усиливать свою армію на материкѣ. Въ серединѣ сентября нѣмцы подъ натискомъ нашей 10-й арміи отступили и остановились на укрѣпленной линіи кр. Лецена, перейдя къ позиціоной войнѣ. Затѣмъ въ концѣ сентября вновь мобилизованными, а, можетъ быть, и переброшенными частями съ французскаго фронта перешли въ наступленіе на Варшаву и едва незаняли ее въ октябрѣ. Своевременно подоспѣвшіе сибирскіе корпуса, усилили 2-ю армію Шейдемана, отбросивъ нѣмцевъ, которые быстро отошли къ границамъ, гдѣ, получивъ значительное подкрѣпленіе, вновь перешли въ наступленіе и едва не окружили нашу 2-ую армію у Лодзи. Ноябрь мѣсяцъ перешелъ въ кровопролитнѣйшихъ бояхъ у Лодзи и Ловича, и окончился отходомъ нашихъ 1-ой, 2-ой и 5 ой армій на линію р.р. Бзури, Равки и Пилицы. Съ декабря мѣсяца здѣсь началась позиціонная война.

Въ Галиціи въ это время наши войска занимали Карпаты, частью спускаясь въ долину Венгріи, осаждали Перемышль и продолжали наступленіе на Краковскомъ направленіи.

Такимъ образомъ, въ первые четыре мѣсяца война велась согласно усвоенному въ мирное время принципу съ полнымъ напряженіемъ, со вводомъ въ дѣло всѣхъ наличныхъ силъ. Однако ни одна сторона ни добилась сколько нибудь ощутительнаго результата. Ясно было, что война затягивается, тѣмъ болѣе, что въ декабрѣ уже у насъ обнаружился недостатокъ въ снарядахъ. Обѣ стороны имѣли и крупные успѣхи, и крупныя пораженія. Планъ Германіи—разгромить Францію, чтобы потомъ обратиться противъ Россіи,—потерпѣлъ полное крушеніе. Планъ союзниковъ выиграть время чтобы дать возможность мобилизоваться Россіи и высадить возможно больше силъ Англіи, слѣдуетъ считать для 1914 г. удавшимся.

Вслѣдствіе недостатка снарядовъ Россія принуждена была въ концѣ 1914 года перейти исключительно къ оборонѣ. Нѣмцы же въ концѣ января 1915 года перешли въ наступленіе и, вытѣснивъ насъ изъ Восточной Пруссіи, остановились у крѣпости Осовца и заняли часть Польши сѣвернѣе Нарева. Въ Галиціи въ февралѣ мѣсяцѣ австрійцы пробовали

двумя корпусами освободить осаждаемый нами гор. Перемышль, но не удачно. 10-го марта Перемышль палъ.

На западномъ фронтѣ послѣ великой битвы на Марнѣ объ стороны укрѣпились другъ противъ друга, создавъ сплошную укрѣпленную линію окоповъ и проволочныхъ заграждeній. Въ февралѣ французы рѣшили было прорвать нѣмецкій фронтъ и перешли въ наступленіе 7 корпусами, но потерпѣли неудачу, наткнувшись на сложную и сильную систему полевыхъ укрѣпленій.

Между тѣмъ занятіе Россіей всей Галиціи, угроза Венгріи и Кракову, тяжелое положеніе Австріи, потерявшей цвѣтущую и плодородную область, заставило Германію перейти къ позиціонной войнѣ противъ Франціи, оставивъ тамъ лишь самое необходимое число войскъ, и обрушиться всецѣло на Россію. Къ такому шагу нѣмцевъ должно было побудить еще хорошо извѣстное имъ отсутствіе у насъ не только снарядовъ, но и патроновъ.

Въ серединѣ апрѣля началось знаменитое наступленіе Макензена на Дунайцѣ со стороны Кракова. Противъ нашихъ слабо укрѣпленныхъ позицій и растянутыхъ частей былъ произведенъ ударъ, силою около 10 германскихъ корпусовъ при ураганномъ огнѣ артиллеріи. Ударъ этотъ отразился тяжело на дивизіи ген. Корнилова, который, выручая дивизію, былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Нашимъ арміямъ пришлось очистить всю Галицію, отдать Варшаву, Польшу и остановиться лишь на линіи озерно-болотисто-лѣсной полосы отъ бол. Тирула (южнѣе Риги) по озерамъ Нарочь, Вишневское и др., по р. Березинѣ, черезъ Пинскія болота и далѣе черезъ Волынь, Галицію (западнее Тарнополя) до Румынской границы. Нашъ отходъ и наступленіе нѣмцевъ продолжались все лѣто и окончились толко въ августѣ. Мы потерпѣли крупнѣйшее пораженіе, отдавъ противнику громадную территорію и понеся крупныя потери. Главная причина нашихъ неудачъ заключалась въ отсутсвіи снарядовъ и патроновъ, а также въ недостаткѣ винтовокъ, вслѣдствіе чего не могли быть использованы наши большія пополненія. Кромѣ того не было въ тылу приготовлено заблаговременно укрѣпленныхъ позицій, значеніе которыхъ на сѣверо западномъ нашемъ и на французскомъ фронтахъ выяснилось еще въ декабрѣ 1914 года. Однако, въ концѣ августа и въ сентябрѣ мы нанесли противнику частичные удары на Тарнопольскомъ и Березянскомъ направленіяхъ (было взято нами

около 50 тыс. плѣнныхъ), остановившіе планъ противника — совершенно вытѣснить насъ изъ Галиціи. Нашему противнику, видимо, казалось, что Россія разбита, почему ей предложенъ былъ миръ на весьма выгодныхъ условіяхъ съ возвращеніемъ Варшавы и отдачей Галиціи. На такое вѣроломство тогдашнее наше, весьма непопулярное, правительство не пошло, и война продолжалась. Казалось бы, что французы и англичане, а также выступившая Италія, могли разбить нѣмцевъ, занятыхъ на Востокѣ. На западномъ фронтѣ дѣйствительно такія попытки дѣлались.

Первая попытка англо-французовъ облегчить положеніе Россіи относится къ началу мая 1915 года. Наступленіе у Арраса продолжалось 1½ мѣсяца 9 корпусами, но успѣхъ былъ достигнутъ только отчасти. Вторая попытка наступленія была сдѣлана въ сентябрѣ въ Шампани. Наступленіе велось на фронтѣ 31 кил. силами 27-ми пѣх. дивизій и 2-хъ конныхъ корпусовъ. Бой продолжался 2 недѣли, но рѣшительнаго результата не далъ. Еще разъ одна попытка была сдѣлана французами въ декабрѣ 1915 г., но также съ ничтожными результатами.

Причина подобныхъ неуспѣховъ англо-французовъ, отлично вооруженныхъ и снабженныхъ, наступавшихъ при томъ крупными силами на небольшемъ въ сущности фронтѣ, заключается въ особой силѣ германскихъ полевыхъ укрѣпленій, располагающихся въ нѣсколько линій съ поперечными, особо укрѣпленными отсѣками, вооруженныхъ громаднымъ количествомъ пулеметовъ.

Въ декабрѣ 1915 г. и мы дѣлали попытку частичнаго наступленія на р. Стрыпѣ (въ Галиціи) но также неудачно.

Такимъ образомъ, 1915 годъ не далъ ни какихъ рѣшительныхъ результатовъ, не заставилъ никого изъ противниковъ подумать о мирѣ, несмотря опять-таки на крайнее напряженіе силъ и введеніе въ бой многочисленныхъ новыхъ формированій.

Въ 1915 году окончательно выяснилось, что война идетъ на истощеніе и что даже цѣлый рядъ крупныхъ сраженій не можетъ рѣшить участи войны.

1916 годъ начался февральскимъ наступленіемъ нѣмцевъ на Верденъ. Въ этомъ бою нѣмцы пренебрегали потерями, примѣняя для атаки густыя колонны войскъ. Въ результѣ нѣсколько сотъ тысячъ потерь и продвиженіе впередъ нанѣсколько километровъ. Верденъ не былъ взятъ.

Въ апрѣлѣ австрійцы, значительно ослабивъ свой фронтъ противъ насъ, съ помощью нѣсколькихъ германскихъ дивизій нанесли крупное пораженіе Италіи. Венеціи угрожала серьезная опасность. Тогда въ маѣ перешли въ наступленіе русскія арміи и, одерживая успѣхи въ теченіе всего лѣта, продвинулись въ нѣкоторыхъ частяхъ фронта на 100 вер., взявъ въ общей сложности свыше 40 тыс. плѣнныхъ. Германцы могли остановить наше наступленіе только переброской значительныхъ подкрѣпленій съ французскаго и нашего сѣвернаго фронтовъ. Но тогда перешли въ наступленіе французы и, нанеся нѣмцамъ колоссальныя потери, продвинулись въ направленіи Парижъ—С. Кентенъ на 40 слишкомъ кил. Это былъ самый крупный успѣхъ французовъ до 1915 г.

Въ августѣ 1916 г. выступила Румынія и фронтъ уширился до Дуная.

Въ общемъ, въ 1916 году центральныя державы терпѣли только пораженія, при томъ весьма крупныя, если не считать побѣды надъ маленькой Румыніей. Ослабленіе нашихъ противниковъ было несомнѣнно. Россія же и союзники непрерывно усиливались новыми формированіями и вооруженіемъ.

Я не касаюсь войны на Балканскомъ полуостровѣ и на Кавказѣ, какъ второстепенныхъ театровъ.

Зима 1916—17 г.г. въ военномъ отношеніи была почти полнымъ затишьемъ. Единственно, успѣшное за весь предшествующій годъ германское наступленіе въ Румыніи закончилось въ первыхъ числахъ декабря. Признаки истощенія центральныхъ державъ были на лицо. Союзники же готовились къ рѣшительному дружному удару, чтобы закончить войну къ концу года ея. И всѣ эти расчеты разрушила „великая“ русская революція.

Насколько матеріальныя средства, накопленныя зимой въ Россіи были велики, видно хотя бы изъ того, что революція застала интендантскихъ запасовъ въ прифронтовыхъ базахъ на 4 мѣсяца. Всѣ склады буквально ломились отъ огромнаго количества огнестрѣльныхъ припасовъ. Фронтовыя части были до ведены до полнаго состава, а запасные полки въ тылу умѣщали цѣлую милліонную армію будущихъ укомплектованій. Мы имѣли полное основаніе надѣяться, что весною противнику будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Частичный ударъ былъ произведенъ союзниками въ концѣ мар-

та 1917 года по линіи Суассонъ-Реймсъ, но онъ далъ только частичный успѣхъ, легко остановленный нѣмцами.

„Великая" реформаторская дѣятельность временнаго правительства, съ петроградскимъ совдепомъ уже въ мартѣ поколебала увѣренность въ побѣдѣ. Когда же въ маѣ Керенскій издалъ свою декларацію правъ солдата, сомнѣній не могло быть—армія погибла. Еще уцѣлѣвшія отъ революціи остатки ея съ помощью чехо-словаковъ блеснули послѣднимъ наступательнымъ фейерверкомъ 18 іюня, блеснули для того, чтобы окончательно потухнуть Совершенно неожиданно для себя, не имѣя вовсе значительныхъ силъ, не мечтая ни о какомъ широкомъ наступленіи, нѣмцы одержали въ 1917 г. крупную побѣду, отдавшую имъ огромныя области Галиціи и Подолію съ богатымъ урожаемъ и огромной цѣнности военное имущество. Потери наши людьмы весьма незначительны—всего нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время грабежа или пьянства. Никакая конница не могла догнать улепетывающихъ „товарищей". Еще до этой катастрофы мы мечтали, что возможно образумленіе нашей арміи, если противникъ перейдетъ въ наступленіе. Образумленіе дѣйствительно началось, но нѣмцы прекратили наступленіе, предоставивъ арміи самой разваливаться съ помощью братанія и свободной агитаціи.

Насколько противникъ учитывалъ моральное ничтожество нашихъ войскъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ. По оффиціальнымъ даннымъ Развѣдыв. Отдѣленія Штаба Ю.-З. фронта центральными державами съ 13 сентября по 23 окт. нов. ст. было переброшено: на англо-французскій фронтъ—11 дивизій, на итальянскій—14, на салоникскій—4 болгарскихъ и въ Малую Азію—1 турецкая (съ Румынскаго фронта). Всего съ русскаго фронта на другіе нѣмцы перебросили 30 дивизій; прибыло же за это время съ французскаго на русскій фронтъ исключительно для пополненія и отдыха 3 пѣхотныхъ и 2 кавал. дивизіи. Переброска началась 1 сент., а закончилась 10 окт. ст. стиля; всѣ распоряженія о перевозкѣ должны были быть сдѣланы въ августѣ. Отсюда ясно насколько нѣмцы понимали развалъ нашей арміи независимо отъ Корниловскаго или большевистскаго выступленія.

Фактическое выбытіе изъ строя русской арміи отразилось прежде всего на итальянской арміи; 14 германскихъ дивизій, снятыхъ съ русскаго фронта, естественно должны были нанести Италіи крупное пораженіе; однако не вывели

ее изъ строя. Осенью 1917 года была выведена изъ строя Румынія и съ ней заключенъ сепаратный миръ.

Зима 1917—18 г. прошла въ приготовленіяхъ противниковъ къ войнѣ 1918 г. уже безъ Россіи. Русскій же фронтъ ликвидировался съ начала при помощи отдѣльныхъ перемирій и распродажи противнику военнаго имущества. Ликвидація эта закончилась Брестскимъ миромъ, а въ срединѣ февраля нѣмцы перешли въ наступленіе по всему фронту, свободному отъ русскихъ войскъ, пока не достигли въ апрѣлѣ намѣченныхъ пунктовъ въ Донской области.

Такимъ образомъ, 1918 годъ начался одновременнымъ наступленіемъ центральныхъ державъ на 2-хъ фронтахъ: восточномъ въ лицѣ свободнаго передвиженія по странѣ, не имѣющей арміи, и западномъ—въ видѣ грандіознаго наступленія на англо-французскія арміи. Мы знаемъ результаты этого наступленія. По нѣмецкимъ источникамъ взяты сотни тысячъ плѣнныхъ, тысячи орудій и пулеметовъ и занята новая значительная территорія Франціи съ прямой угрозой Парижу. Однако, понесшія большой уронъ союзныя войска сами перешли въ наступленіе и принудили нѣмцевъ къ отступленію на значительномъ фронтѣ „по стратегическимъ соображеніямъ“ [1]).

324433

Этотъ краткій конспектъ, можетъ быть, страдающій нѣкоторыми неточностями, все же даетъ намъ хронологическую картину событій. Мы видимъ что въ теченіи первыхъ полутора лѣтъ Германія вела исключительно побѣдоносную войну на обоихъ фронтахъ. Она начала терпѣть пораженіе только въ 1916 году. Въ 1917 году выбыла изъ строя Россія, но ее замѣнила Америка. Къ лѣту 1918 года положеніе Германіи все еще остается побѣдоноснымъ, но чувствуется: это послѣдняя побѣда. Если предположить, что въ этомъ году [2]) Германія будетъ разбита, то будущій историкъ все же съ изумленіемъ долженъ остановиться на вопросѣ, какимъ образомъ эта сравнительно малочисленная страна въ теченіи 4-хъ лѣтъ могла вести упорную и успѣшную войну съ сильнѣйшей въ мірѣ коалиціей? Этотъ вопросъ невольно напрашивается сразу же у всѣхъ тѣхъ, кому пришлось начать

[1]) Писано въ началѣ августа 1918 г. Въ концѣ же сентября уже выяснилось настоящее пораженіе нѣмцевъ которые отступили на 300 верстномъ фронтѣ и обратились съ мирной нотой на условіяхъ превозглашенной ранѣе президентомъ Вильсономъ.

[2]) Подразумѣвается 1918 годъ.

ВОЕННАЯ БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАГО МУЗЕЯ

войну не въ Галиціи, гдѣ такъ легко было бить плохую австрійскую армію а въ Восточной Пруссіи. Въ самомъ дѣлѣ 6 корпусовъ Гиндербурга сразу же разбили 9 нашихъ лучшихъ первоочередныхъ корпусовъ. Вѣдь тогда не было и рѣчи о недостаткѣ снарядовъ и патроновъ. Значитъ, здѣсь сыграло роль главнымъ образомъ военное искусство. Кто зналъ нашихъ высшихъ генераловъ 1-й и 2-й армій, кто помнитъ, что командующій ими Генералъ Жилинскій еще въ мирное время, какъ начальникъ Генеральнаго Штаба, былъ извѣстенъ своей бездарностью, а Раненкампфъ безчестностью и такъ называемымъ «очковтираніемъ», тотъ легко поймета, что такіе генералы одерживать побѣдъ не могутъ Я не буду касаться многихъ другихъ столь же «даровитыхъ», дошедшихъ до высокихъ чиновъ при полномъ незнаніи дѣла. Къ чести для Великаго Князя Николая Николаевича они тотъ часъ были удалены. Однако, дѣло было сдѣлано—9 нашихъ корпусовъ разбиты.

Въ ноябрѣ 1914 года едва не была окружена и уничтожена подъ Лодзью наша 2-я армія Ген. Шейдемана. Ее съ трудомъ удалось спасти. Окруженный нами лучшій нѣмецкій генералъ Макензенъ со своей обходной колонной, ведя бой на 4 фронта, все же прорвался, уведя плѣнныхъ. Уже потомъ, въ февралѣ 1915 года былъ захваченъ дневникъ у одного убитаго офицера, гдѣ кратко по днямъ излагалась неравная борьба группы Макензена въ дни 8—11 ноября подъ Брезинами.

„22-го ноября (нов стиля)—мы окружены со всѣхъ сторонъ, помощи нѣтъ, предстоитъ сдача въ плѣнъ гвардіи и 49-ой резервной дивизіи“.

„22-го ноября—вечеръ; приказано всѣмъ умереть или пробиться“.

„23-го ноября—Брезины взяты штурмомъ, мы пробиваемся“.

Уничтоживъ весь обозъ и многіе артиллерійскіе парки Макензенъ отчаянно дрался въ теченіи 4-хъ дней съ остатками двухъ дивизій и пробился, уведя даже съ собою плѣнныхъ. А вѣдь противъ него было направлено Ген. Ренненкампфомъ около 5-ти дивизій, къ сожалѣнію крайнѣ неискусно.

Въ февралѣ 1915 года, на рѣкѣ Равкѣ было взято послѣ отчаяннаго боя нѣсколько сотъ плѣнныхъ нѣмцевъ. Среди

нихъ оказалось много лицъ интеллигентныхъ профессій. Высокій, весь въ грязи и очкахъ, дрожащій отъ холода солдатъ очень бодро отвѣчалъ на вопросы и высказалъ полную вѣру въ правоту нѣмецкаго дѣла и его окончательное торжество. Онъ оказался ассистентомъ профессора одного изъ германскихъ университетовъ (не помню, какого). Когда плѣнныхъ строили, одинъ изъ нихъ, унтеръ-офицеръ, обратился комнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ: „Ваше Высокоблагородіе разрѣшите мнѣ вести ихъ“.—„Да ты кто такой?“—„Я Петроградскій житель, тамъ у меня осталась мать.“—„А какъ попалъ на войну?“—„Мы всѣ военно-обязанные выѣхали оттуда за нѣсколько дней до войны“—послѣдовалъ отвѣтъ. Въ это же время я получилъ свѣдѣнія, что виновники неоднократной порчи полевого шестового телеграфа найдены. Ихъ захватили на мѣстѣ преступленія. Это оказались наши же солдаты, примѣнившіе шесты на кипяченіе чая.

«Дескать, очень ужъ сухія дрова, быстро разгараются, мы и соблазнились» Между тѣмъ, лѣсъ былъ тутъ же. Въ эти же дни командиръ одного изъ полковъ разсказалъ мнѣ, что у него осталось слишкомъ мало старыхъ солдатъ мирнаго времени, а прибывающія пополненія на первыхъ же порахъ никуда не годятся въ боевомъ отношеніи. Они разбѣгались отъ свиста пролетѣвшихъ надъ ихъ головами нашихъ же снарядовъ „Я приказалъ, добавилъ онъ, всѣхъ этихъ бѣгуновъ выпороть и представьте, на другой день они отлично вели себя въ бою.

Мнѣ пришлось перечитать много писемъ отъ плѣнныхъ и убитыхъ. Я почти не находилъ тогда недовольства войной. Всегда пишущіе выражали увѣренность въ побѣдѣ германскаго оружія. Изрѣдка попадались женскія жалобы на продовольственное ограниченіе. Но вѣдь уже въ январѣ 1915 года всѣ продукты были взяты на учетъ и тогда же установленъ хлѣбный паекъ—4 фунта въ недѣлю на человѣка.

У одного изъ убитыхъ солдатъ была найдена не большая книжка подъ заглавіемъ «Unsere Vaterland's Lieder». Всего 37 пѣсенъ. Я приведу наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ—три германскихъ гимна.

Die Wacht am Rhein.	**Стража на Рейнѣ.**
1) Es braust ein Ruf wie Donnerhall,	Шумитъ зовъ сильный, какъ громъ
Wie Schwertgeklirr und Wogenprall:	Какъ лязгъ мечей и шумъ волнъ

Zum Rhein, zum Rhein zum deutschen
Rhein, wer will des Stromes Hüter sein!

Lieb Uaterland, magst ruhigyein: fest steht und treu die Wacht am Rhein.

2) Durch Hunderttausend zuckt es schnell und aller Augen blitzen hell, der Deutsche bieder, fromm und stark, beschützt die heil'ge Landesmark!

Lieb Vaterland usw.

3) Er blickt hinauf in Himmelsaun, da Heldenväter niederschaun und schwört mit stolzer Kampfeslust:
Du Rhein bleibst deutscher wie meine Brust.

Lieb Vaterland usw.

Solang ein Tropfen Blut noch glüht, noch eine Faust den Degen zieht und noch ein Arm die Büchse spannt, betritt kein Feind hier deinen Strand!

Lieb Vaterland usw.

5) Der Schwur erschallt, die Woge rinnt, die Fahnen flattern hoch im Wind, am Rhein, am Rhein am deutschen Rhein wir alle wollen Hüter sein!

Lieb Veterland usw.

Къ Рейну, къ Рейну, къ нѣмецкому Рейну,
Кто хочетъ быть стражемъ теченія?

Дорогая родина, будь покойна
твердо и вѣрно стоитъ стража на Рейнѣ.

Сквозь стотысячную толпу проникаетъ этотъ кличъ,
И глаза всѣхъ ярко блестятъ;
Нѣмецкій гражданинъ, набожный и стойкій, охраняетъ святую страну.

Дорогая родина и т. д.

Онъ смотритъ въ небеса,
Откуда взираютъ герои,
И клянется гордымъ военнымъ пыломъ:
Ты, Рейнъ, останешся нѣмецкимъ
такъ же, какъ моя грудь.

Дорогая родина и т. д.

Покамѣстъ еще горитъ одна капля крови,
Еще рука способна держать саблю и направлять ружье,
Не ступитъ ни одинъ врагъ на твой берегъ.

Дорогая родина и т. д.

Клятва звучитъ, волна бѣжитъ,
Флаги высоко развѣваются по вѣтру
У Рейна, у Рейна, у нѣмецкаго Рейна,
Мы всѣ хотимъ быть его хранителями.

Дорогая родина и т. д.

II. Deutschland Deutschland über alles.

1. Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt, wenn es stets. zu Schutz und Trutze brüderlich zusammen hält, vonder Maas bis an die Memel. von der Etsch bis an den Belt!

Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!

2. Deutsche Frauen, deutsche Freue, deutscher Wein und deutscher Sang sollen in der Welt behalten ihren alten schönen Klang; uns zu edler Tat begeistern unser ganzes Leben lang.

Deutsche Frauen, deutsche Freue, deutscher Wein und deutscher Sang!

3. Einigkeit und Recht und Freiheit für das Deufsche Vaterland!
Danach lasstuns alle streben brüderlich mit Herz und Hand!
Einigkeit und Recht und Freiheit sind des Glückes Unterpfand.

Blüh im glanze dieses glückes, blühe, deutsches Vaferland!

III. Was ist des Deutschen Vaterland.

1. Was ist des Deutschen Vaterland?
Ist' Preussenland? ist's Schwabenland

II. Германія — выше всего.

Германія, Германія выше всего въ свѣтѣ, если она стоитъ за защиту и отпоръ всегда вмѣстѣ по братски отъ Мааса до Мемеля, отъ Этча до Бельта.

Германія и т. д.

Нѣмецкія женщины, нѣмецкая вѣрность, нѣмецкое вино, нѣмецкое пѣніе должны удержать въ мірѣ свой старый прекрасный лозунгъ: воодушевлять насъ во всю нашу жизнь къ честнымъ поступкамъ.

Нѣмецкія женщины, нѣмецкая вѣрность и т д.

Единство, право и свободу для нѣмецкаго отечества! Къ этому давайте всѣ стремиться въ братскомъ единеніи отъ чистаго сердца! Единство, право и свобода— суть основы счастья. Процвѣтай въ блескѣ этого счастья, дорогая родина!

Процвѣтай въ блескѣ этого счастья, дорогая родина!

III. Что такое Отечество для нѣмца?

Что такое для нѣмца отечество? Пруссія ли это? Швабія ли? Или же земля у Рейна, гдѣ цвѣтетъ виноградникъ? Или же,

Ist's wo am Rhein die Rebe blüht?
Ist's wo am Belt die Möwe zieht?

O nein, o nein, o nein, o nein!
Zein Vaterland muss grösser sein!

где надъ Бельтомъ летаютъ чайки?

О нѣтъ, о нѣтъ, о нѣтъ, о нѣтъ!
Его отечество должно быть обширнѣе.

2. Was ist des Deutsehen Vaterlaud?
Ist's Beijerland? ist's Steierland?
Ist's, wo des Marsen Rind sich streckt?

O nein, o neiu usw.

Что такое для нѣмца отечество?
Баварія ли это это? Или Штирія?
Можетъ быть это мѣста, гдѣ племенной пасется скотъ?

О нѣтъ, о нѣтъ и т. д.

3. Was ist des Deutschen Vaterland?
Ist's Pommerland? Westfalenland?
Ist's wo der Sand der Dünen weht?
Ist's wo die Donau brausend geht?

O nein, o nein usw.

Что такое для нѣмца отечество?
Померанія ли это, или же Вестфалія?
Или же, гдѣ разносится песокъ дюнъ?
Или, гдѣ Дунай бурно течетъ?

О нѣтъ, о нѣтъ и т. д.

4. Was ist des Deutschen Vaterland?
Zo nenne mir das grosse Land!
Ist's Land der Schweizer Ist's Tirol?
Das Land und Volk gefiel mir wohl!

O nein, O nein usw.

Что такое для нѣмца отечество?
Такъ назови же мнѣ большую страну! Можетъ быть, это земля Швейцарцевъ. Тироль ли это? Страна и народъ мнѣ были право по душѣ.

О нѣтъ, о нѣтъ и т. д.

5. Was ist des Deutschen Vaterland?
Zo nenne mir das grosse Land!
Gewiss ist es das Osterreich,
an Siegen und an Ehrenreich?

O nein, O nein usw

Что такое для нѣмца отечество?
Такъ назови же мнѣ большую страну!
Конечно, это Австрія, прославленная побѣдами и почестями.

О нѣтъ, о нѣтъ и т. д.

6. Was ist des Deutschen Vaterland?
Zo nenne endlich mir das Land!
Zoweit die deutsche Zunge
Klingt, und Gott im Himmel Lieder singt!

Das soll es sein, das soll es sein, das wackrer Deutsche nenne dein.

Что такое для нѣмца отечество?
Такъ назови же, наконецъ, эту страну! Доколѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь и воспѣваются божественныя пѣсни — вотъ это то, должно быть, и есть. вотъ это, храбрый нѣмецъ, назови своимъ.

7. Das ist des Deutschèn Vaterland wo Zorn vertilgt den welschen
Tand, wo jeder Frevler heisset Feind, wo jeder Edle heisset Freind.

Das soll es sein; das soll es sein das ganze Deutschland soll es sein.

Это и есть для нѣмца отечество
Гдѣ злоба поглощаетъ всѣ препятствія,
Гдѣ каждый злодѣй назовется врагомъ,
Гдѣ каждый честный будетъ другомъ.

Вотъ это должно быть все нѣмецкое отечество.

8. Das ganze Deutschland soll es sein! O, Gott, vom Himmel sieh darein und gib uns echten deutschen Mut, dass wir es lieben treu und gut! Das soll es sein. das soll es sein, das gange Deutschland soll es sein!

Такова должна быть вся Германія. О, Боже, съ небесъ взирай на насъ и пошли намъ настоящій нѣмецкій духъ, чтобы мы любили наше отечество съ вѣрностью и добротой.

Вотъ это то и должно быть всей Германіей.

Таковы мотивы нѣмецкихъ національныхъ гимновъ. Въ наиболѣе раннемъ изъ нихъ «Wasistdes Deutschen Vaterland», написанномъ поэтомъ и профессоромъ, Арндтомъ, современникомъ героевъ освободительной войны 1813 года, мы видимъ мечты о будущей Германской имперіи. Это собственно міровая имперія, которая должна распространяться туда, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь и простирается нѣмецкій духъ. Въ остальныхъ болѣе позднихъ, когда объединеніе уже достигнуто, воспѣвается отечество и все нѣмецкое, за что всякій гражданинъ долженъ жертвовать жизнью и на стражѣ чего вѣрно стоять.

Не безинтересно привести для сравненія другіе гимны.

Rule Britannia!	**Правь Британія!**
1. When Britian first at Heawens command,	По волѣ Вышняго Британія возстала
Arose from out the azure main,	Изъ глубины лазоревыхъ морей;
This was her charter, the charter of the land	Ей хартія дана на вольность, на свободу,
The guardin angels sung this shain,	Ей Ангелъ данъ хранителемъ дѣтей
Rule Britaunia...	Правь Британія!
Britannia rule the wares,	Правь мудро чрезъ волны,
Britons never shall be slaves.	Никогда англичанинъ не будетъ рабомъ!
2. The nations not so blest- as thee	Народы не столь благословенные, какъ ты
Must in their turns to tyrants fall,	Поочередно подпадутъ подъ власть тирановъ,
While thou shall flaurist great and free	Но ты будешь процвѣтать великая и свободная на страхъ и зависть всѣмъ.
The dread and envy of them all	Правь Британія и т. д.
Rule Britannia... ect.	

3. The muses, still will freedom faund	О, музы, еще съ найденной свободой
Shall to thy happy coast repair.	Я долженъ добраться къ вашему счастливому берегу
Blest isle will matchless beauty crown'd	На благословенный островъ, вѣнчанный несравненной красотой и
And manly hearts to guard the fair.	справедливостью, охраняемый мужественными сердцами.
Rule Britannia	Правъ Британія и т. д.
Britannia rule the wares,	
Britons never shall be slaves.	

Здѣсь также на первомъ планѣ идея отечества, которое въ отличіе отъ другихъ странъ никогда не подпадаетъ подъ власть тирановъ, и никогда англичане не будутъ рабами.

Французская марсельеза всѣмъ извѣстна, и потому я не буду ея приводить. Я приведу лишь исторію этого замѣчательнаго гимна.

Марсельеза написана въ 1792 году Руже-де-Лилемъ, молодымъ офицеромъ Страссбургскаго гарнизона. Дитрихъ, мэръ города, устроившій у себя вечеръ передъ уходомъ Рейнской арміи, предложилъ присутствующимъ составить военную пѣснь для волонтеровъ. Руже-де-Лиль въ теченіе сутокъ составилъ гимнъ, одновременно подбирая слова и музыку при помощи віолончели. Наслѣдующій день гимнъ былъ исполненъ передъ войскомъ и безчисленное количество разъ повторенъ народомъ, волонтерами и солдатами. Въ іюнѣ этотъ гимнъ исполнялся въ Марселѣ, откуда былъ перенесенъ въ Парижъ марсельскими добровольцами. Вездѣ марсельеза возбуждала энтузіазмъ и быстро распространилась не только среди войскъ, но и въ народѣ. Въ солдатахъ она пробуждала такое бодрое настроеніе, что многіе генералы приписывали ей честь побѣды.

Наша революція не создала своего гимна. Она пользуется напрокатъ марсельезой-переводной или же исковерканной на русскій образецъ. Впрочемъ, и вся революція взята на прокатъ исъ соціалистическихъ теорій.

Нащъ гимнъ „Боже Царя храни“, написанный Львовымъ въ царствованіе Императора Николая I-го, лишь возвеличиваетъ идею абсолютнаго самодержавія и рѣшительнаго ничего не говоритъ объ отечествѣ, идея котораго, какъ показала революція, была непонятна русскому народу.

Августъ 1918 года.

II. Милитаризмъ и пасифизмъ.

„И съ грустью тайной и сердечной
„Я думалъ: жалкій человѣкъ!
„Чего онъ хочетъ? Небо ясно.
„Подъ небомъ мѣста много всѣмъ.
„Но безпрестанно и напрасно
„Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ"?

М. Лермонтовъ.

Эти слова такъ часто склонялись на всѣ лады во 2-й половинѣ XIX и въ началѣ XX-го вѣка, что нельзя пройти мимо нихъ, говоря о современной войнѣ. Такъ называемая безумная скачка вооруженій была притчей во языцѣхъ для газетъ, а также парламентскихъ и государственныхъ дѣятелей.

Съ одной стороны приходилось считаться съ тѣмъ, что Германія непрерывно увеличиваетъ свои морскія и сухопутныя силы, становясь такимъ образомъ все сильнѣе и часто вліяя на рѣшеніе международныхъ вопросовъ однѣми лишь угрозами. Съ другой стороны не хотѣлось увеличивать расходовъ на вооруженіе по недостатку-ли средствъ, какъ въ Россіи, или же нежеланія вести военное бремя, какъ въ Англіи. И цѣлый рядъ государствъ—Россія, Англія, Франція, Америка вдругъ заговорили о миролюбіи, о необходимости сократить вооруженія и рѣшать международные вопросы третейскимъ судомъ. И вотъ въ 1899 году собирается Гаагская конференція, которая ничего не рѣшаетъ. Выпускаетъ свое воззваніе къ народамъ Европы президентъ Тафтъ. Англія предлагаетъ Германіи дѣлать морскіе каникулы—передышки въ постройкѣ дредноутовъ. Особенно въ этомъ отношеніи было солидарно общественное мнѣніе Англіи и Россіи. Первой ужасно не хотѣлось строить новые дредноуты и увеличивать дорого стоющую сухопутную армію, а въ особенности не переходить ко всеобщей воинской повинности, на которой настаивалъ лордъ Робертсъ. Во второй—всѣ зачитывались Толстымъ и были настроены крайне антимилитаристически. Въ

отвѣтъ на все это Бетманъ-Гольвекъ въ свое рѣчи въ рейхстагѣ 1911 года сказалъ: „жизненная сила націи является единственнымъ мѣриломъ ея вооруженія". Вообще въ Германіи идея всеобщаго мира и разоруженія не пользовались популярностью. Единственное произведеніе въ этомъ родѣ „Waffen nieder" принадлежитъ М-me Зуттнеръ и особеннымъ успѣхомъ въ Германіи не пользовалось. Оно болѣе извѣстно въ другихъ странахъ, гдѣ антимилитаризмъ былъ болѣе въ модѣ.

Дѣйствительно, несмотря на всѣ миролюбивые разговоры войны слѣдуютъ непрерывно одна за другой въ концѣ XIX-го и началѣ XX го вѣковъ: 1895 годъ—Японо-Китайская, 1898 годъ— Испано-Американская, 1900—Англо-Бурская и Китайская, 1904—05—Русско-Японская и въ 1909 Балканская. Словомъ, несмотря на упорное стремленіе къ миру, на кажущуюся рѣдкость войнъ сравнительно съ прежними вѣками, до самаго послѣдняго времени на земномъ шарѣ не было десятилѣтія, гдѣ бы между современными крупными и культурными государствами не происходило войны. Вообще же за время историческаго существованія государствъ на земномъ шарѣ не было и года, гдѣ бы солнце не освѣщало полей сраженія.

Пасифизмъ (отъ латинскаго слова pax), т. е. стремленіе къ вѣчному всеобщему миру—такой прекрасный идеалъ, что всѣ проповѣдники его заранѣе обезпечены всеобщими симпатіями и пожеланіями. Мечи и ружья будутъ перекованы на плуги и вообще полезныя машины. Вся энергія и трудъ затрачиваемыя ра приготовленія къ войнѣ, пойдутъ всецѣло на увеличеніе благосостоянія человѣчества, которое въ такомъ случаѣ, мало работая и обладая свободнымъ досугомъ, посвятитъ его всецѣло на развитіе ума и духовныхъ способностей. Какіе таланты оно тогда выдвинетъ, какія широкія перспективы рисуются въ нашемъ воображеніи! Самое воспоминаніе о войнѣ, о военномъ героизмѣ—Наполеонъ, Цезарь, Александръ Македонскій—все это отойдетъ въ далекое прошлое, во времена варварства. Будетъ только благородное соперничество въ области мира, въ твореніи красоты, усовершенствованій своего ума, открытіи новыхъ путей знаній—къ музыкѣ, живописи, скульптурѣ, поэзіи, архитектурѣ, къ овладѣнію былыми и будущими эпохами, къ познанію вселенной и Бога, который намъ совершенно непонятенъ на основаніи нынѣшнихъ позитивныхъ знаній и недоступенъ въ религіи, дающей лишь туманные образы будущаго.

„Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
„Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ,
„Иною доблестью и славой
„Гордится будетъ человѣкъ:
„То будетъ доблесть думъ высокихъ,
„То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,—
„И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ жестокихъ
„Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ,
„На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
„Высокій колосъ зашумитъ,
„И пѣсня пахаря на волѣ
„Отрадой свѣтлой зазвучитъ!“

Словомъ, царство Божіе на землѣ такъ заманчиво, такой прекрасный идеалъ, что мы готовы признать военное ремесло варварскимъ занятіемъ и не считаться съ такимъ исключительнымъ случаемъ, какъ ссора двухъ московскихъ профессоровъ съ пощечиной. А между тѣмъ, если возможна драка даже между профессорами, то какъ же можно разсчитывать на ангельскія отношенія между менѣе просвѣщенными членами общества и, наконецъ, между націями, расами?

Пасифисты раздѣляются на многія группы, отличающіяся различіемъ взглядовъ и мотивовъ пасифизма. Напримѣръ, для Толстого и его послѣдователей война является предосудительной, какъ всякое убійство. Она противорѣчитъ духу 4-хъ евангелій, идеѣ христіанства. Сказано—„не убій“, и никакихъ компромиссовъ тутъ не можетъ быть. Но вѣдь уже скоро будетъ 2.000 лѣтъ, какъ Христосъ явился проповѣдывать миръ, а кругомъ идетъ война. На это многіе богословы и представители церкви отвѣчаютъ, что Христосъ имѣлъ въ виду не политическій миръ, а миръ души—внутренній миръ. Они же утверждаютъ, что убивать, защищая себя отъ враговъ, не противорѣчитъ христіанству. Группа юристовъ вродѣ юриста Альберди, доказываетъ, что война противорѣчитъ закону, какъ какому-то высшему началу, довлѣющему надъ человѣчествомъ. Между тѣмъ воюющіе не признаютъ ничего выше кромѣ себя, кромѣ грубой силы. Они должны признать третейскій судъ такъ же, какъ въ государствахъ частныя лица подчиняются установленному суду. Подобные юристы забываютъ, что вѣдь судъ въ государствахъ поддерживается только вооруженной силой. Какъ только сила эта перестаетъ существовать, какъ въ данномъ случаѣ въ Россіи, то прекращаетъ свои дѣйствія и судъ.

Третья группа пасифистовъ ссылается на то, что довольно страданія на семлѣ. Къ чему еще увеличивать ихъ въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ? Эта группа является наиболѣе логической и разумной. Она дѣйствительно облегчила страданія. вызываемыя войной. Въ началѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка появилась книга «La bataille à Solferino». Я забылъ фамилію ея автора. Помню лишь, что онъ много способствовалъ созыву Женевской конвенціи и недавно умеръ въ нищетѣ. Въ бою подъ Сольферино въ 1859 году соединенныя войска сардинцевъ и французовъ разбили австрійцевъ. Авторъ описываетъ поле сраженія послѣ битвы съ изуродованными трупами и ужасными страданіями раненыхъ, которыхъ было около 40.000, Книга эта произвела тогда сенсацію за границей и много способствовала созыву Женевской конвенціи и появленію новаго международнаго института—Краснаго Креста, Но какъ странно, что раньше не обращали вниманія на подобныя же страданія раненыхъ! Въ бою подъ Прейсишъ-Эйлау (1807 г.) на полѣ сраженія осталось около 30 000 раненыхъ. Они умирали медленной смертью, постепенно замерзая на голой землѣ. А знаменитая бородинская роща, гдѣ въ 1812 году по тогдашнему способу отпиливали безъ усыпленія пораженныя части рукъ и ногъ у раненыхъ, обваривая ихъ въ кипящемъ маслѣ для предохраненія отъ зараженія! О попеченіи и уходѣ за непріятельскими ранеными тогда не было и рѣчи, и только во второй половинѣ XIX-го столѣтія человѣчество пришло къ мысли о правилахъ Женевской конвенціи. Выходитъ по теоріи Бокля, что не принципы милосердія и гуманности, которые были всегда одни и тѣ же, способствовали смягченію нравовъ, а исключительно просвѣщеніе и распространеніе знаній, постепенно накапливающихся вѣками.

Все это современные взгляды на всеобщій миръ. Если же мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что идея пасифизма совершенно не нова. Она вѣроятно существуетъ съ того времени, какъ и человѣкъ въ видѣ разумнаго существа. Разсужденія объ этомъ идеалѣ мы найдемъ у всѣхъ древнихъ историковъ и поэтовъ отъ Иліады Гомера до Римской исторіи Тацита. Въ средніе вѣка проповѣдывался миръ именемъ Бога. Во времена реформаціи различалась справедливая и несправедливая война и призывалось проклятіе на того, кто начинаетъ послѣднюю. Справедливая война обосновалась въ сочиненіи нидерландскаго писателя Гроціуса (XVI вѣкъ) «De jure belli et pacis» (о правѣ войны и мира). Въ XVII-мъ вѣкѣ опять возникаютъ идеи мира во имя религіи. Во Франціи появилось

большое сочиненіе аббата С.-Пьера, въ которомъ война порицается, какъ противное религіи явленіе. Толстой только повторилъ этотъ взглядъ. Въ XIX вѣкѣ является такъ называемая „Манчестерская школа", созданная въ Англіи Кобденомъ. Преслѣдуя только интересы промышленности и свободу торговли, она, конечно, обрушивается на войну—разрушительницу благосостоянія. Всеобщій миръ долженъ быть обезпеченъ великимъ заговоромъ—кооперацією всѣхъ промышленныхъ классовъ Европы. Но какимъ образомъ это возможно, если основа существованія этихъ классовъ есть непрерывная конкуренція между собою? Наконецъ, есть еще одинъ взглядъ, по которому война противорѣчитъ соціальному благу, экономически безполезна, какъ для побѣдителя, такъ и для побѣжденнаго. Представители техники—инженеры, изобрѣтатели и различные практическіе дѣятели пришли къ заключенію, что война сама себя изживетъ. Чѣмъ болѣе губительнѣе будутъ орудія войны, тѣмъ скорѣе она кончится. Существуетъ по этому поводу не одно фантастическое сочиненіе, гдѣ разсматривается послѣдняя война. Одна сторона будетъ уничтожена вновь изобрѣтеннымъ газомъ (это предсказаніе отчасти оправдалось подобно тому, какъ подводные корабли Жюль-Верна) или особымъ атомнымъ составомъ, взрывъ котораго вызываетъ вулканическое изверженіе и повергаетъ въ прахъ любой городъ отъ одной аэропланной бомбы.

Несмотря на все это, войны продолжаютъ существовать во всей силѣ. Идеалъ всеобщаго мира остается попрежнему идеаломъ, а война имѣетъ пожалуй не меньше адептовъ, чѣмъ вѣчный миръ. Я приведу нѣсколько историческихъ примѣровъ этого рода. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ греческихъ историковъ Фукидидъ утверждаетъ, что война есть суровая дисциплина человѣчества. Это постоянный и благородный факторъ человѣческой жизни. Это школа героизма, поле для упражненія человѣчества въ величайшемъ качествѣ—доблести. Взглядъ римскихъ историковъ такой же. Вѣдь римляне были великими изобрѣтателями въ области войны. Они придали ей научный характеръ. Римскій легіонъ есть великое изобрѣтеніе тогдашняго времени—не меньше, чѣмъ искусство Наполеона въ XIX вѣкѣ. Легіону Римъ обязанъ своими побѣдами. Сочиненіе Цезаря „De bello Gallico" (столь извѣстное гимназистамъ 4—5 класса) это и тактическое и философское сочиненіе. Магометъ утверждаетъ войну, какъ божественный актъ. Въ средніе вѣка папы благословляютъ религіозную войну и Крестовые походы, повторяя такимъ образомъ утвер-

жденіе Магомета. Одинъ зъ великихъ европейскихъ умовъ XV—XVI вѣка, Макіавелли, повторяетъ взгляды древнихъ историковъ, что война есть школа доблести и героизма. Въ эпоху реформаціи появилось научно обоснованное понятіе о справедливыхъ и несправедливыхъ войнахъ. Поэтому то, разъ война преслѣдуетъ хорошую благородную цѣль, то она считалась добрымъ дѣломъ. Фридрихъ Великій, положившій начало будущему германскому могуществу, въ глубокой старости пишетъ Вольтеру письмо: „Я старъ, веселъ, боленъ подагрой, хорошо настроенъ. Теперь, когда польскій вопросъ разрѣшенъ росчеркомъ пера и нѣсколькими каплями чернилъ (раздѣлъ Польши), энциклопедія не можетъ больше возставать противъ наемныхъ разбойниковъ (энциклопедія—изданіе коллективнаго труда выдающихся французскихъ ученыхъ въ серединѣ XVIII вѣка). За будущее я немогу ручаться, но, просматривая страницы исторіи, я вижу, что никогда не проходило десятилѣтія безъ войны. Эта перемежающаяся лихорадка можетъ имѣть перерывы, но прекратиться—никогда". Это говорилъ на закатѣ дней одинъ изъ величайшихъ королей Европы. Мнѣніе о двухъ патентатахъ и вообще о войнѣ не философа, не историка, а просто практическаго дѣятеля, одного изъ величайшихъ императоровъ Европы—Петра Великаго, хорошо извѣстно. Мнѣ пришлось бы много исписать, чтобы повторить сужденія по этому вопросу извѣстнѣйшихъ государственныхъ умовъ Европы. Вообще, теоріи пасифизма принадлежатъ не выдающимся государственнымъ умамъ прежняго и новѣйшаго временъ, а отвлеченнымъ философамъ и писателямъ, стоящимъ далеко отъ жизни, или же товарищамъ-соціалистамъ.

Если мы попробуемъ бросить бѣглый взглядъ много вѣковъ назадъ и задаться вопросомъ изъ за чего велись міровыя войны, то легко установить, что въ то время, какъ однѣ изъ міровыхъ войнъ велись за насущнѣйшіе интересы государствъ, другія имѣли ввиду совершенно отвлеченныя цѣли, не вызываемыя никакими практическими соображеніями. Примѣровъ сколько угодно. Вы помните, какъ персидскій царь Дарій Гистаспъ предпринялъ грандіозный походъ въ Скифію. Какія задачи онъ могъ осуществить въ этой неизвѣстной таинственной странѣ? Греки вели войны съ персами изъ-за вопроса жизни и смерти—быть или не быть. Но походъ Александра Македонскаго съ утилитарной точки зрѣнія совершенно непонятенъ. Когда на прощаніе его учитель Аристотель сказалъ ему: „Куда бы ни привели тебя побѣды, не забывай никогда, что ты грекъ, проводи всюду твердой ру-

кой черту отдѣляющую грека отъ варвара" - молодой полководецъ отвѣтилъ: „Я хочу преслѣдовать иную цѣль, я хочу сдѣлать всѣхъ эллинами; это будетъ цѣлью моихъ побѣдъ". Не кажется ли намъ подобная цѣль неосуществимой, даже абсурдной?

Всѣ войны Рима имѣли болѣе осязательную цѣль. Онѣ велись за міровое господство. А каковы мотивы и цѣль Крестовыхъ походовъ, предпринимаемыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ? Какая-то невѣдомая сила, невѣроятное религіозное воодушевленіе толкало сотни тысячъ людей на мало успѣшное предпріятіе безъ практической пользы—освобожденіе Гроба Господня. Проходитъ еще нѣсколько сотъ лѣтъ, и въ Европѣ повторяется рядъ религіозныхъ войнъ.

Англія на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ вела рядъ войнъ съ Франціей, Испаніей, Голландіей и, наконецъ, съ Наполеономъ. Здѣсь была общая цѣль—міровое господство. И ту же цѣль преслѣдовалъ Наполеонъ.—То же самое мы видимъ въ Германіи, стремящейся въ средніе и новые вѣка владѣть Священно-римской Имперіей.

Нашъ извѣстный историкъ, Ключевскій, объясняетъ, что Россія росла путемъ колонизаціи и естественнаго расширенія границъ во всѣ стороны. Но какъ объяснить рядъ непрерывныхъ войнъ съ турками, начавшихся вслѣдъ по овладѣніи ими Константинополемъ? Легко, конечно, объяснить это утилитарной цѣлью—желаніемъ овладѣть берегами Чернаго моря. Но развѣ подобной цѣлью задавались запорожскіе и донскіе казаки, когда они вели борьбу съ турками, часто вопреки политикѣ московскаго правительства? Желаніе пограбить, конечно, было, но главную роль играла идея борьбы съ басурманами, какъ врагами христіанства. И даже въ XIX вѣкѣ, когда всюду война приняла только утилитарный характеръ, Россія продолжаетъ рядъ разорительныхъ для себя войнъ за права родственныхъ ей балканскихъ народовъ, и войны эти пользуются широкой популярностью, какъ въ интеллигентныхъ, такъ и въ народныхъ массахъ.

Представители матеріалистическаго воззрѣнія на міръ, какъ, напримѣръ, Молешоттъ, Марксъ, Энгельсъ и др. ученые или просто вожди соціалъ-демократіи объясняютъ всю исторію міра матеріальными потребностями человѣка, запросами желудка. Но они совершенно не даютъ объясненій такимъ явленіямъ, какъ Крестовые походы, какъ войны реформаціи, гдѣ матеріальные интересы играли совершенно ни-

чтожную роль Объясненіе можетъ быть только одно—„не однимъ бо хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ“. Существуютъ такіе запросы духа, которые выше желудочныхъ инстинктовъ, выше жизни, обычнаго обывательскаго пониманія. Въ человѣческой жизни есть мотивы и цѣли, не поддающіеся анализу разума. Это таинственныя и темныя силы. Въ войнѣ это явленіе сказывается непрерывно и принимаетъ самыя разнообразныя формы: то онѣ поражаютъ своей внѣшней красотой, возвышеннымъ героизмомъ, то кажутся иногда фантастическими, то строго утилитарными. Можно доказать, что боевая слава—иллюзія, но такимъ же образомъ легко прійти къ заключенію, что сама жизнь иллюзія или, по выраженію Лермонтова, пустая и глупая шутка. Однако, всѣ мы продолжаемъ эту „глупую шутку“, ибо она составляетъ сущность сего міра. Ради сохраненія жизни, мы уничтожаемъ эту же жизнь. И до сихъ поръ намъ не хватало ни власти, ни воли, чтобы прекратить войну и установить всеобщій миръ. Или же въ насъ попрежнему сидитъ первобытный дикарь, который просто смѣется надъ нами, надъ нашей цивилизаціей?

Еще характернѣе область непонятнаго, область духа сказывается въ героическихъ поступкахъ однихъ лицъ. Начиная съ древнѣйшихъ временъ отъ спартанскаго законодателя Ликурга, уморившаго себя голодомъ, дабы не дать повода спартанцамъ нарушить его законы, и Римскаго Муція Сцевулы, сжегшаго на огнѣ руку передъ Этрусскимъ царемъ Порсеной, и вплоть до нынѣшнихъ дней передъ нами прошли тысячи людей, цѣнящихъ идею выше жизни, выше земного благополучія. Въ первые вѣка нашей эры это была христіанская идея; въ средніе вѣка она видоизмѣнилась въ религіозную идею отдѣльныхъ исповѣданій, потомъ перешла въ идею отвлеченной истины (Галлилей, Джіорандо Бруно, Саванаролла и проч.), изъ за которой шли на костеръ и страдали въ тюрьмахъ.

Въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка вдругъ является навязчивая идея—достиженіе сѣвернаго и южнаго полюсовъ. Что тамъ можетъ быть? Ничего, конечно, кромѣ мрака, леденящаго холода, царства смерти. Но одна за другой снаряжаются экспедиціи, изъ коихъ еще у всѣхъ въ памяти: экспедиція Нансена—на пароходѣ, Андре на воздушномъ шарѣ, улетѣвшемъ въ 1897 году въ безконечное пространство, чтобы больше никогда не вернуться. Затѣмъ извѣстна еще экспедиція Джексона, потомъ Пири и Кука (1909 годъ), и, наконецъ, самая замѣчательная—Капитана Скотта (1912

годъ). Тогда европейскія газеты были полны описаній этого героическаго путешествія, закончившагося смертью большинства членовъ экспедиціи. Умирающій вождь ея въ послѣдніе часы свои, прощаясь съ жизнью, пишетъ трепетной рукой о величіи Англіи—его націи. Есть ли здѣсь хоть намекъ на утилитарную и личную цѣль? Величіе Англіи, исканіе истины, личная слава, какъ нѣчто само по себѣ цѣнное—такова цѣль этой безпримѣрной экспедиціи. Мы не забыли еще трагической гибели парохода „Титаникъ", радіотелеграфистъ котораго оставался на своемъ посту вплоть до полнаго погруженія и успѣлъ дать знать о помощи. Когда одной изъ переполненныхъ спасающимися пассажирами лодокъ грозило потопленіе, командиръ ея обратился ко всѣмъ съ заявленіемъ, что двумъ человѣкамъ необходимо оставить лодку. Два англичанина отвѣтили: „all right" и бросились въ море. Примѣровъ героизма отдѣльныхъ лицъ въ русской военной исторіи множество. Ихъ можно объяснить мгновеннымъ возбужденіемъ храбрости. Однако, случай съ рядовымъ Осиповымъ въ Михайловскомъ укрѣпленіи, взорвавшимъ пороховой погребъ и себя, принадлежитъ къ заранѣе обдуманному холодному героизму.

Въ наши дни случилось событіе, которое должно быть отнесено не къ велѣніямъ холоднаго разсудка, а къ чему то высшему—трансцендентному—къ явленію высокаго духа доблести. Я имѣю въ виду Корниловское выступленіе. Въ августѣ прошлаго года (подразумѣвается 1917 г.) еще были шансы на удачу. Но для всякаго, пережившаго въ Донской области декабрь, январь 1917—18 г., было ясно, что предпріятіе это обречено на неуспѣхъ. Ибо нѣсколько сотъ человѣкъ, собравшихся подъ знамя Корнилова, не могли противостоять всей Россіи. Столь же безнадежной становилась борьба на границахъ области. И такъ называемые «реальные политики» или, проще сказать, шкурники это хорошо понимали. Они предпочли не рисковать и спрятаться до болѣе удобнаго и удачнаго случая. Для большинства молодежи положеніе могло быть неяснымъ. Но для Корнилова и многихъ окружающихъ его лицъ оно было ясно, какъ малонадежное и рискованное дѣло. И все же Корниловъ остался вѣренъ себѣ до конца. Принципъ единой Россіи, спасеніе ея собственными организованными силами и вѣрность союзникамъ—такова была его идея, совершенно непрактичная и неосуществимая въ то время. И если бы она не продолжала расти, какъ сѣмя, упавшее на добрую почву, не дала уже ощутимыхъ результатовъ, то скептиками была бы названа нынѣ авантюрой

И теперь еще [1]) въ Кіевѣ есть цѣлая группа генераловъ и общественныхъ дѣятелей, которые считаютъ, что не за чѣмъ трудиться надъ объединеніемъ Россіи, если умиротвореніе ея можетъ быть достигнуто при помощи нѣмецкихъ штыковъ. Эти жалкіе торгаши, сановные шкурники, которымъ чужды какія бы то ни было идеи, кромѣ желудочныхъ, до сихъ поръ считаютъ дѣло Корнилова ненужнымъ пролитіемъ крови, несоотвѣтствующимъ интересамъ „реальной политики". Но если у нашихъ противниковъ—нѣмцевъ сохранилось еще какое нибудь уваженіе къ русскимъ, то безусловно оно относится только къ Корнилову и его сподвижникамъ. Такой умный народъ, какъ нѣмцы, не можетъ не понимать, что честный противникъ лучше безчестныхъ друзей.

Если сподвижники Корнилова въ лицѣ партизанъ и добровольцевъ оказали чудеса храбрости, то, главнымъ образомъ, благодаря своему вождю. Невозможно было не быть храбрымъ, видя, какъ б. Верховный Главнокомандующій, относясь съ совершеннымъ презрѣніемъ и равнодушіемъ къ смерти, появляется въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, иногда впереди разворачивающейся пѣхоты. И всѣ послѣдующіе по степени начальники невольно слѣдовали тому же принципу безповоротной рѣшимости и храбрости.

Изъ многочисленныхъ трагическихъ моментовъ Кубанскаго похода участникамъ его долженъ быть особенно памятенъ день 15-го марта, когда первую половину дня шелъ дождь, а вторую поднялась снѣжная мятель. Передъ разлившимся ручьемъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ изъ станицы Ново-Дмитріевской скопились: пѣхота, артиллерія, конница, обозъ. Пѣхота переправлялась на крупахъ лошадей и частью въ бродъ, конница по покрытому разливомъ мосту и въ бродъ, а обозы и артиллерія совершенно застряли, ибо разливъ усилился и переправа стала невозможной. Въ 2-хъ верстахъ станица, гдѣ шелъ бой. Среди повозокъ, орудій, лошадей стояла одинокая фигура генерала Алексѣева, по случайному совпаденію въ этотъ моментъ оставленнаго всѣми приближенными. Старикъ дрожалъ отъ холода, изыскивая способы для переправы оставшихся людей и лошадей. А мятель все усиливалась, ослѣпляя и занося группу отставшихъ, плохо одѣтыхъ и замерзающихъ людей. Шекспировскій король Лиръ, изгнанный дочерями и скитающійся въ

[1]) Писано въ августѣ 1918 г.

лѣсу во время бури представляетъ трагическую фигуру. Трагизмъ этотъ усиливается на сценѣ его монологомъ: „Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря“ и пр. Но я думаю, что въ описываемый моментъ не менѣе трагична была фигура перваго русскаго генерала, хлопочущаго надъ разрѣшеніемъ задачи невозможной переправы.

Еще одинъ случай долженъ привлечь вниманіе психологовъ. Въ 1917 году 1-го Октября было выпущено изъ Александровскаго училища 25 женщинъ прапорщиковъ. Подобное небывалое явленіе было встрѣчено обществомъ весьма несочувственно. Авантюризмъ, эксцентричность, истеричность, наконецъ, грязные намеки—таковы были объясненія этого явленія. Послѣдствія же показали слѣдующее. Всѣ эти странныя дѣвушки боролись съ большевизмомъ въ Москвѣ; нѣкоторыя были ранены. Уцѣлѣвшія переселились на Донъ, Кубань и Терекъ, гдѣ принимали участіе въ многочисленныхъ бояхъ и походахъ, выказавъ удивительную храбрость и выносливость, служа примѣромъ воинской доблести. Большая часть ихъ перебита и переранена. Я не знаю, какъ объяснятъ подобное явленіе господа матеріалисты? Мнѣ же кажется наиболѣе правдоподобнымъ объясненіе закономъ противоположности. Всякое дѣйствіе въ природѣ вызываетъ противодѣйствіе; добро и зло непосредственно сопутствуютъ другъ другу. Когда случилось столь небывалое въ природѣ явленіе, какъ утрата большинствомъ русскихъ мужчинъ присущей имъ нѣкогда доблести, когда большинство, даже молодыхъ людей обратилось въ безстыдныхъ шкурниковъ и пустыхъ говоруновъ, природа какъ бы для равновѣсія и въ насмѣшку вдругъ выдвигаетъ въ противовѣсъ имъ группу истинно храбрыхъ и идейныхъ женщинъ. Это поучительное и неестественное явленіе не должно никогда повторяться, если русскіе мужчины не хотятъ быть презрѣнными трусами во мнѣніи культурнаго міра.

Роковой выстрѣлъ генерала Каледина есть также ничто иное, какъ героическій поступокъ человѣка, немогущаго вынести позора Россіи, извѣрившагося и отчаявшагося въ возможности спасенія ея и Дона. Напрасно думаютъ, что самоубійство есть слабость воли. Сознательное и обдуманное самоубійство всегда требуетъ сильной воли и величія души.

Такимъ образомъ въ войнѣ, какъ и во всякаго рода борьбѣ, заключается нѣчто такое, что часто превосходитъ разумъ. Въ ней человѣкъ обладаетъ чѣмъ то, что онъ цѣнитъ выше религіи, выше промышленности, выше соціаль-

наго благополучія. Онъ цѣнитъ силу, которая даетъ ему возможность подняться выше надъ жизнью—стремленіе къ идеалу. И возможно, что правы тѣ, которые утверждаютъ, что безъ войны человѣчество зачахло бы умственно и захирѣло. Оно предалось бы растительной, мѣщанской жизни и вовсе не примѣнило бы свой досугъ, свою энергію на достиженіе тѣхъ заманчивыхъ перспективъ будущаго, о которыхъ мечтаютъ пасифисты. Только война будитъ духъ человѣчества, развиваетъ ту изумительную энергію, которая дала такіе поразительные результаты во всѣхъ сферахъ жизни.

Среди глубокаго мира народы ведутъ непрерывно войну — коммерческую и политическую, которая и переходитъ по временамъ въ войну открытую, съ оружіемъ въ рукахъ. Какъ бы ни проповѣдывали пасифисты отвращеніе къ войнѣ, въ насъ гдѣ то глубоко сидитъ первобытный дикарь, который просто смѣется надъ нами, надъ нашей цивилизаціей. Цивилизація здѣсь, конечно, ни при чемъ. Если на постепенное біологическое образованіе современнаго человѣка (по Дарвину) потребовались сотни тысячъ лѣтъ, то, предположивъ, что наше совершенствованіе и въ дальнѣйшемъ безконечно, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что тѣ же сотни тысячъ лѣтъ потребуются для превращенія насъ въ ангеловъ и тогда... тогда, можетъ быть, не будетъ войнъ. А пока наши основныя природныя свойства остались такими же, какъ и двѣ тысячи лѣтъ назадъ, войны будутъ попрежнему.

Но цивилизація, измѣнивъ формы жизни, измѣнила конечно, къ лучшему и формы войны. И совершенно напрасно мирный обыватель пугается ужасовъ современныхъ войнъ, наивно полагая, что онѣ превосходятъ все, бывшее до сихъ поръ на свѣтѣ. Между тѣмъ онъ спокойно остается на своемъ мѣстѣ и по занятіи его непріятелемъ; продолжаетъ заниматься своими дѣлами и даже ходитъ въ кинематографъ. Его стѣсняютъ лишь тѣмъ, что требуютъ уступки части помѣщенія, иногда реквизируютъ нѣкоторые запасы, словомъ, онъ несетъ извѣстные убытки.

Я имѣю въ виду, конечно, не нашу гражданскую войну. Развѣ таковы были прежнія войны по своимъ ужасамъ и опустошительности? Въ описаніи походовъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей имѣется, напримѣръ, такая замѣтка: „Спокойно подвигалось это войско; оно разбило непріятельскія арміи, оно уничтожило всѣ его богатые города, оно вырѣзало всѣхъ его жителей". Обыкновенно древнія войны кончались уничтоженіемъ цѣлыхъ имперій, паденіемъ ста-

рыхъ и возникновеніемъ новыхъ культуръ. Теперь такихъ потрясеній почти не бываетъ. Побѣжденный народъ продолжаетъ существовать, попадая лишь въ худшее на время положеніе. Иногда же становится еще могущественнѣе всего только въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Таковы примѣры Пруссіи 1813 года и Франціи 1870 года. Не можетъ уничтожится и Россія. Послѣ великихъ потрясеній мы въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ должны оправиться, не смотря на ужасы гражданской, поистинѣ варварской войны.

Насъ пугаютъ крупныя цифры потерь. Вѣдь 20 милліоновъ народу погибло! Это половина народонаселенія Франціи! Но когда мы возмемъ процентное отношеніе, то цифры сразу станутъ маленькими. Къ началу войны численность воюющихъ державъ въ круглыхъ цифрахъ милліоновъ была слѣдующая: Россія—180, Германія—70, Австрія—50, Италія—около 40, Турція съ Балканскими государствами—40, Франція—40, Англія—около 50, Соединенные Штаты—80. Японія—50, Всего—600 милліоновъ; погибло 20, т е. 3%. Много ли это сравнительно съ прежними войнами? Даже, если принять во вниманіе наиболѣе пострадавшую по своей глупости Россію, то общія ея потери—10 милліоновъ составятъ около 6% всего населенія. Доказано, что съ усовершенствованіемъ оружія процентное отношеніе потерь въ бояхъ все уменьшается. Это кажется страннымъ, но фактъ, который я, къ сожалѣнію, не могу доказать статистическими данными, не имѣя подъ рукой никакихъ пособій Самые кровопролитные бои были тогда, когда дрались холоднымъ оружіемъ. Тогда побѣжденному не было пощады. Онъ или цѣликомъ истреблялся, или уводился въ рабство. Въ XIX вѣкѣ мы уже дожили до того, что воюющіе подбираютъ и перевязываютъ и своихъ и чужихъ раненыхъ. Мы негодуемъ, что нашихъ плѣнныхъ плохо кормятъ. Но и самъ противникъ плохо кормится. Нельзя требовать отъ него поэтому, чтобы онъ кормилъ хорошо плѣнныхъ. И смягченіемъ ужасовъ прежнихъ войнъ мы обязаны современной цивилизаціи.

Итакъ, формы войны измѣнились, измѣнились къ лучшему въ сторону гуманности и христіанскихъ началъ.

Это все, что достигло человѣчество за 2.000 лѣтъ христіанской эры. Но сущность войны осталась та же и останется еще на безконечное время. И до сихъ поръ сохранили вполнѣ силу старыя римскія поговорки: „homo homini lupus“—(человѣкъ человѣку—волкъ), vis pacem—para bellum“—(хочешь мира—готовься къ войнѣ), а также—„voe victis“—(горе побѣжденнымъ!)

Въ основѣ нашей жизни попрежнему остались двѣ данныя—борьба за существованіе и борьба за власть, эту синюю птицу, полету которой нѣтъ предѣла и измѣренія, Арбитражъ, третейскій судъ до сихъ поръ были безполезными средствами въ международныхъ отношеніяхъ. Они дѣйствовали лишь тогда, когда касались несущественныхъ вопросовъ, въ родѣ спора о Фашодѣ между Англіей и Франціей, но никогда не помогали, когда дѣло касалось насущныхъ интересовъ страны или противорѣчили ея политическимъ планамъ. Совершенно недѣйствительны и союзы какъ средство обезпеченія всеобщаго мира. Договоръ съ врагомъ, даже уступка ему также дѣйствительны лишь до тѣхъ поръ, пока поддерживается мечемъ. Не кажется ли намъ до очевидности жалкими и даже смѣшными современные бумажные протесты опереточно-трагическаго правительства Совнаркома, посылающаго многочисленные ультиматумы всѣмъ, въ томъ числѣ и Германіи. Только прусской дисциплинированностью и политической выдержкой можно объяснить то долготерпѣніе, которое проявлялъ германскій канцлеръ. Знаменитый Бисмаркъ былъ иногда искрененъ и рѣзокъ, когда глупость черезчуръ бросалась въ глаза. И онъ навѣрно спросилъ бы у Іоффе: „Можете ли вы поддержать ваши протесты силою оружія?“—„Не можемъ“.—„Тогда и убирайтесь вонъ, мнѣ уже надоѣло смѣяться“. Каковы бы ни были личныя симпатіи между правителями и даже народами, союзъ держится только реальными интересами, и, когда они не совпадаютъ, совершенно напрасно заключать союзъ. Время, когда политика основывалась на личныхъ симпатіяхъ монарховъ или ихъ родственныхъ связахъ, миновало безвозвратно. И потому то нашъ союзъ съ Германіей въ 1918 г. былъ бы фальшивымъ, неестественнымъ. Наша цѣль—создать вновь единую Россію, а это совершенно противорѣчитъ интересамъ Германіи, и никогда послѣдняя добровольно не согласится на возстановленіе разрушеннаго и поверженнаго въ прахъ сосѣда. Ибо дружба между народами пустое слово; миръ является лишь перемиріемъ въ міровой исторіи войны. Вѣчный миръ возможенъ лишь въ могилѣ. Онъ есть сонъ и даже не прекрасный, какъ говоритъ Бернгарди.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ, можетъ быть, скучныхъ разсужденій я приведу вычитанное мною гдѣ то много лѣтъ тому назадъ стихотвореніе (автора не помню):

Мнѣ снится: съ косою, съ сѣдой бородой
Усѣлся Сатурнъ недвижимъ

Событія міра картиной живой,
Мѣняясь, бѣгутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха родимыхъ, разбитыхъ боговъ,
По латамъ повитый плащемъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящей зари золотой,
Хрипитъ обезсиленный Римъ.
Онъ видитъ: гигантъ, умирая поникъ
Подъ юной могучей рукой,
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.
Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, креста
Работаетъ петля, топоръ,
И юный аскетъ, призывая Христа,
Молясь, зажигаетъ костеръ,
Средь стоновъ, проклятій „Te Deum" гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезингера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви.
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой,
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.
Вѣкъ новый—блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ,
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущій народъ
Въ восторгѣ куритъ фиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ идетъ по волнамъ,
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ
И штуцеръ блеститъ нарѣзной.
Теперь ужъ хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой.

Августъ 1918 г.

III. Идеалы Германіи до войны.

„Помни, читатель, что ты нѣмецъ!"
„Черезъ борьбу—къ побѣдѣ!"
„Міровое господство или упадокъ".

Ф. Бернгарди.

Нынѣ слова „германецъ" и „нѣмецъ" почти однозначущи. На самомъ дѣлѣ, въ первые вѣка христіанской эры, германцами назывались многочисленные народы: кимвры, тевтоны, херуски, лангобарды, готы, вандалы, сфевы, маркоманы, саксы и другіе. Такимъ образомъ, нынѣшніе англичане, скандинавскіе народы, голландцы, нѣмцы и отчасти французы —это родственные народы. Когда они жили въ родныхъ лѣсахъ еще до христіанской эры, у нихъ былъ общій богъ войны—Одинъ. Это было суровое, могучее божество тевтонскаго племени, обитающее надъ облаками и оттуда управляющее своими земными дѣтьми. Высшимъ качествомъ считалась воинская доблесть, презрѣніе къ смерти, самымъ благороднымъ занятіемъ—война. Души героевъ и павшихъ въ бою попадали въ Валгаллу— обитель Одина. Наши сѣверные славяне, имѣвшіе общеніе съ варягами до принятія христіанства, также признавали Одина. Въ одномъ изъ историческихъ романовъ, рисующихъ жизнь нашихъ предковъ „въ туманѣ тысячелѣтія" славянскіе герои умираютъ въ битвахъ со словами: „Пора—иду въ чертогъ Одина, я вижу дѣвы на крыльцѣ; скорѣй возмите, боги, сына, онъ умеръ со смѣхомъ на лицѣ". Презрѣніе къ смерти, умереть со смѣхомъ на лицѣ, считалось высшей доблестью.

У греческихъ историковъ имѣется указаніе на слѣдующій инцидентъ изъ жизни императора Юліана. Когда встрѣтившись съ нѣкоторыми тевтонскими племенами на Рейнѣ, онъ сталъ упрекать ихъ буйными, хищническими нравами, одинъ изъ вождей въ отвѣтъ на упреки отвѣтилъ: „Но и въ самой войнѣ мы видимъ величайшее счастье жизни".

Съ тѣхъ поръ прошли многія сотни лѣтъ. Вся Европа, принявъ христіанство и достигнувъ необыкновеннаго расвѣта, какъ матеріальнаго такъ и умственнаго, ищетъ все новыхъ путей къ достиженію возможнаго на землѣ счастья. Въ то время, какъ одни философы стоятъ на христіанской точкѣ зрѣнія, ставя ученіе Христа высшимъ идеаломъ, другіе требуютъ лишь равномѣрнаго распредѣленія земныхъ благъ внѣ зависимости духовнаго развитія. Матеріализмъ и спиритуализмъ—это два основныхъ полюса, вокругъ которыхъ споритъ и волнуется человѣческая мыслъ.

И среди этого умственнаго спора во второй половинѣ XIX вѣка раздается новое слово Ницше: „Вы слышали, что было сказано въ древніе времена:—Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю, а я вамъ говорю:—блаженны храбрые, ибо они сдѣлаютъ землю своимъ престоломъ. И вы слышали людей, говорившихъ: блаженны, нищіе духомъ, а я вамъ говорю—блаженны, великіе духомъ и свободные умомъ, ибо они войдутъ въ Валгаллу. И вы слышали людей, говорившихъ: блаженны миротворици, ибо они нарекутся сынами Божіими, а я вамъ говорю—блаженны, творящіе войну, ибо они будутъ названы, если не дѣтьми Іеговы, то дѣтьми Одина, болѣе великаго, чѣмъ Іегова". Но вѣдь Ницше сошелъ съ ума еще въ 1880 году. Значитъ, это былъ бредъ сумасшедшаго. Наша студенческая молодежь и интеллигенція, зачитывающаяся Ницше въ 90-хъ годахъ, вѣроятно, такъ и думала. Если вы спросите кого либо изъ нашихъ интеллигентовъ, читавшихъ Ницше въ молодости, въ чемъ суть его философіи, то получите отвѣтъ:

„Какъ вамъ объяснить? Это эгоистическая, не христіанская философія—„падающаго оттолкни", впрочемъ, вѣдь Ницше сошелъ съ ума".

Неоднократно газеты приводили рѣчи императора Вильгельма, въ которыхъ говорилось о старомъ нѣмецкомъ Богѣ", „о нашемъ добромъ Богѣ", упоминаемомъ въ патріотическихъ пѣсняхъ: «Der Gott der Eisen wachsen liess» и «Wittreten zum Beten». И теперь, когда я пишу эти етроки, Императоръ въ рѣчи своей передъ рабочими въ Эссенѣ 30-го августа сказалъ такія слова: «Тотъ, тамъ наверху знаетъ мое чувство отвѣтственности.. такъ неужели нашъ добрый Богъ оставитъ насъ въ послѣдній мигъ? Мы часто дома и на фронтѣ поемъ: Богъ—нашъ твердый оплотъ». Какой же это особый нѣмецкій Богъ? Вѣдь христіанскій Богъ для всѣхъ одинъ. Поэтому то къ подобнымъ рѣчамъ съ обращеніемъ къ осо-

бому нѣмецкому Богу относились въ другихъ странахъ съ недоумѣніемъ или насмѣшкою. А между тѣмъ, и Вильгельмъ II-й и Ницше и всѣ нѣмцы были по своему правы. Въ XIX вѣкѣ воскресъ духъ Одина. Онъ вновь посѣтилъ когда то любимыхъ дѣтей своихъ, забывшихъ его со времени принятія христіанства. Онъ, видимо, простилъ измѣну и пришелъ вдохновить ихъ въ тяжелую годину предстоящихъ испытаній. И когда Ницше говоритъ о томъ, что Одинъ выше Іеговы—онъ говоритъ объ этомъ сознательно. Когда же Императоръ Вильгельмъ говоритъ о нашемъ добромъ Богѣ—онъ говоритъ объ Одинѣ и выражаетъ этимъ упованіе и надежды своего народа.

Какимъ же образомъ произошло то, что, когда у насъ шла проповѣдь непротивленія злу и антипатріотизма, въ Германіи была сдѣлана переоцѣнка христіанству и его идеаламъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я изложу чрезвычайно кратко общую исторію Германіи и подробнѣе умственное теченіе ея въ XIX вѣкѣ. И тогда намъ, можетъ быть станетъ понятно, какимъ образомъ умственный цвѣтъ германской націи вызвалъ духъ забытаго бога Одина.

Въ мою задачу не входитъ подробное изложеніе исторіи Германіи. Это было бы слишкомъ длинно и скучно и кромѣ того сдѣлано уже германскими историками. Намъ нужно лишь понять нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые имѣли наибольшее вліяніе на умы современной Германіи. Но предварительно я сдѣлаю конспективный набросокъ Германіи, при помощи котораго мы вспомнимъ тѣ этапы умственнаго движенія и государственнаго строительства, какіе пережила эта страна.

Изъ римской исторіи мы знаемъ, что кимвры и тевтоны наносили римлянамъ иногда жестокія пораженія Они нападали на Италію и грозили Риму, пока, наконецъ не были разбиты Маріемъ въ 101-омъ году до Р. Х. на Равдійскомъ полѣ. При Юліѣ Цезарѣ уже существовала великая Германія отъ Рейна до Эльбы. Воюя удачно въ Галліи, Цезарь побѣждалъ и германскія племена на западномъ берегу Рейна. Римляне не разъ пытались подчинить Германію подобно Галліи и доходили до Эльбы, но въ 9 году до Р. Х. легіоны римскаго полководца Вара были уничтожены Германомъ или Арминіемъ въ Тевтобургскомъ лѣсу. Этому Арминію, какъ нѣмецкому національному герою, былъ открытъ въ 1875 году памятникъ близъ Детмольда Императоромъ Вильгельмомъ I. Послѣ пораженія Вара Римъ отказался отъ мысли покорить

германцевъ и даже создалъ въ сѣверной Италіи цѣпь укрѣпленій, которая сдерживала ихъ натискъ.

Въ V вѣкѣ началось великое наступательное движеніе преимущественно германскихъ племенъ, извѣстное подъ именемъ Великаго переселенія народовъ. Въ 410 году Римъ былъ взятъ Аларихомъ—вождемъ вестготовъ, а въ VI вѣкѣ заняты всѣ западно-римскія области.

Нѣкоторыя германскія племена совсѣмъ исчезли (готы, лангобарды, маркоманы), другіе слились съ сосѣдями (франки съ галлами), третьи утратили совершенно отъ смѣшенія національныя черты (современные англичане).

При Карлѣ Великомъ (742-814 г.) существовала Великая Германія отъ Нѣмецкаго моря до рѣки Гариліано (Южная Италія) и отъ южныхъ склоновъ Пиринеевъ-на западѣ, до рѣки Эльбы на востокѣ. Однако, со смертью Карла вслѣдствіе разногласій его сыновей она по Верденскому договору (843 г.) раздѣлена на три части: 1) Карлъ Лысый-земли на западъ отъ Рейна, т е. нынѣшняя Франція; 2) Лотарь-Италія, Бургундія и земли между Рейномъ и Маасомъ (нынѣшняя Лотарингія и 3) Людовикъ-земли къ востоку отъ Рейна, которыя и составили ядро будущей Германіи. Послѣ смерти Лотаря къ Людовику отошла восточная часть Лотарингіи вмѣстѣ съ г. г. Базелемъ, Страсбургомъ, Мецемъ, Триромъ, Кельномъ, Ахеномъ, Утрехтомъ. Вслѣдъ затѣмъ было нѣсколько попытокъ къ возстановленію прежней Германіи Карла Великаго. Эти попытки кратковременно удавались, но при послѣднемъ изъ рода Каролинговъ Людовикѣ Дитяти (900-911 г.) все распалось. Еще до того отдѣлилась Франція, ставъ самостоятельнымъ королевствомъ.

Съ того времени императоры стали избираться и первымъ изъ нихъ былъ Конрадъ 1 Франконскій (911-918 г.) Эта выборная система императоровъ владѣтельными князьями надолго сохранилась въ Германіи и была источникомъ многихъ смутъ.

Франконскій Салическій родъ далъ нѣсколькихъ королей Оттоновъ (I, II и III) и Генриховъ. Послѣдній Генрихъ V (1106-1125 г.) закончилъ свой родъ. Характерными чертами этого рода въ продолженіи почти двухъ вѣковъ были походы въ Италію, желаніе во что бы то ни стало владѣть ею и борьба за власть съ папами. Какъ ни различны были короли, но мечты о прежнемъ могуществѣ со включеніемъ Италіи руководили ими непрерывно во внѣшней политикѣ.

Вслѣдъ за Франконской династіей слѣдуетъ династія Гогенштауфеновъ, изъ коихъ первымъ былъ Конрадъ III (1138-1125). Родъ этотъ правилъ до 1268 года и далъ такихъ замѣчательныхъ королей, какъ Фридрихъ Барбарусса и его преемники Генрихъ VI и Оттонъ IV. Идея остается прежняя. Одинъ императоръ за другимъ направляется на югъ черезъ Альпы, пытаясь сдѣлать Италію частью Германіи, управлять Италіей, а слѣдовательно и папствомъ съ береговъ Рейна, сдѣлать дѣйствительность изъ того, что называли Священной Римской Имперіей. Это мечта о міровомъ господствѣ. Къ ней присоединилась и общая съ Франціей идея освободить гробъ Господень, завладѣть Іерусалимомъ и первый же Гогенштауфенъ принимаетъ участіе во II-омъ Крестовомъ походѣ. Затѣмъ Фридрихъ Барбарусса участвуетъ въ III-мъ Крестовомъ походѣ, а Фридрихъ II- въ пятомъ (1228 г).

Родъ Гогенштауфеновъ окончился со смертью Конрадина, обезглавленнаго въНеаполѣ въ 1268 году. Одинъ изъ новѣйшихъ германскихъ историковъ Гизебрехтъ считаетъ обѣ эти эпохи (Франконской династіи и Гогенштуфеновъ) великими въ исторіи Германіи. Онъ восторженно говоритъ объ этихъ королях, которые такъ мужественно боролись за великіе, религіозные и міровые идеалы. По его мнѣнію, нѣмецкій геній уже тогда проявилъ себя полностью въ религіи, законодательствѣ и поэзіи (въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка жили извѣстные поэты: Вольфрамъ—авторъ „Парсиваля“ и Вальтеръ).

Но вотъ послѣ смерти послѣдняго Гогенштауфена наступаетъ великое междуцарствіе (1257—1272). Монархическій строй распался. Германія раздробилась на множество мелкихъ враждующихъ государствъ. Усилились князья и образовались союзы городовъ (Ганза) Законы сошли на нѣтъ и водворилось такъ называемое кулачное право.

Избранный императоромъ Рудольфъ I Габсбургскій (1272—1291) занялся исключительно внутреннимъ устройствомъ страны. Побѣдой надъ чешскимъ королемъ Оттокаромъ онъ пріобрѣлъ Австрію, Штирію, Каринтію, Краину, ставшіе съ тѣхъ поръ наслѣдственными землями дома Габсбурговъ.

Императоры попрежнему были избираемы, хотя преимущественно изъ одного рода. XIV вѣкъ ознаменованъ борьбой между претендентами различныхъ партій, въ которую вмѣшивались и папы, а также борьбою между князьями и горо-

дами. Золотая булла Карла IV-го даровала право избранія императоровъ только 7-ми курфюрстамъ.

Съ XV вѣка начинаются безпорядки, въ католической церкви, возникшіе на почвѣ злоупотребленій и паденія нравовъ ея высшихъ представителей. Умственное развитіе въ Германіи къ этому времени уже сдѣлало такіе успѣхи, что не могло мириться съ мертвой схоластикой католицизма.

При Сигизмундѣ Венгерскомъ (1410—1417) начались такъ называемыя гусситскія войны на религіозной почвѣ; при Максиміліанѣ I (1493—1519) началась борьба за конституцію и отдѣлились швейцарцы. При помощи браковъ своихъ сыновей Максиміліанъ подготовилъ присоединеніе испанскихъ владѣній, а также Богеміи и Венгріи. Отсюда началась характерная политика Габсбурговъ—рѣшать затруднительныя политическія задачи при помощи браковъ, выражающаяся въ извѣстномъ изрѣченіи: „Bella gerant alii; du, felix Austria, jube; quod alis Mars—dat tibi Venus". (Пусть другіе ведутъ войны—ты же счастливая Австрія заключай браки; что другимъ даетъ Марсъ—тебѣ дастъ Венера).

Съ 1519 по 1556 годъ продолжалось долгое царствованіе Карла V Испанскаго и временное соединеніе Германіи и Испаніи. Онъ уступилъ нѣмецкія владѣнія своему брату Фердинанду, при которомъ управленіе сосредоточивалось въ рукахъ имперскаго правительства.

Съ 1517 года началось великое религіозное движеніе, охватившее почти всю Германію и извѣстное подъ именемъ Реформаціи. Поводомъ къ ней послужила находка Лютеромъ въ Эрфуртѣ древней латинской Библіи. Причина же заключалась по тогдашнему времени въ высокомъ умственномъ развитіи Германіи, которое не могло мириться съ обскурантизмомъ церкви. Карлъ V всячески противодѣйствовалъ новому ученію, приверженцы котораго со времени Шпейерскаго сейма (1529 г.) получили названіе протестантовъ. Для защиты впредь новаго ученія протестанскіе князья заключили такъ называемый Шмальканденскій союзъ и помогли Франціи въ войнѣ съ Карломъ, понесшимъ пораженіе при Крепи (1544). Тогда для искорененія новой вѣры Карлъ заключилъ союзъ съ Римомъ и покорилъ верхнюю Германію и Саксонію. Нѣмецкіе же протестанты воевали въ союзѣ съ Франціей, которой достались три лотарингскихъ епископства. Въ 1556 году послѣдовалъ Аугсбургскій религіозный миръ и отреченіе Карла V отъ престола. При братѣ его Фердинандѣ I (1556—

1564) продолжалось чисто аристократическое правленіе. Въ это время Германіи угрожали на востокѣ—турки, а на западѣ возвышалась Франція.

Сынъ Максимиліана II и внукъ Фердинанда I—Рудольфъ II (1576—1612), воспитанный іезуитами, вновь началъ гоненіе на протестантовъ. Опять протестанскіе князья заключили унію для защиты. Фердинандъ II (1619—1637) усмирилъ чеховъ и упразднилъ унію, начавъ преслѣдованіе протестантовъ. Въ дѣло вмѣшались католическая Франція и протестантская Швеція. Густавъ-Адольфъ, король шведскій, разбилъ католическую лигу при Брейтенфельдѣ (1631) и Люценѣ (1632), но самъ палъ въ послѣдней битвѣ. Эта война, извѣстная подъ именемъ Тридцатилѣтней, кончилась Вестфальскимъ миромъ (1648 г.) при Фердинандѣ III (1637—1657). Германія была на долго разорена; цвѣтущіе города ея обѣднѣли и запустѣли. Протестанты добились свободы вѣроисповѣдыванія. Франція и Швеція воспользовались частью нѣмецкихъ земель.

Реформація, продолжавшаяся почти 150 лѣтъ, на долгое время задержала дальнѣйшее развитіе Германіи, какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Однако нѣмецкіе историки считаютъ, что это было величайшее проявленіе германскаго духа и что та свобода мысли, какая достигнута реформаціей, дала лишь впослѣдствіи великіе плоды въ видѣ появленія въ Германіи величайшихъ умовъ Европы. Однако, въ XVII—XVIII вѣкѣ умственное развитіе Германіи находилось всецѣло подъ вліяніемъ Франціи.

Послѣ Вестфальскаго мира авторитетъ императорской власти палъ совершенно, но, такъ называемая, Священная Римская Имперія продолжала существовать. Власть Леопольда I (1658—1705) была слаба и не имѣла возможности противостоять продолжающему стремленію Франціи и Швеціи поживиться на счетъ Германіи. Среди всеобщаго паденія нравовъ и подражанія французскому двору лишь Бранденбургское курфюршество Гогенцоллерновъ оставалось въ сторонѣ и крѣпло своими суровыми нравами и бережливостью. Въ возгорѣвшейся войнѣ шведы были разбиты курфюрстомъ при Фербелинѣ (1675) и у нихъ отняты Балтійскія провинціи. Но Людовикъ XIV присоединилъ Страсбургъ и нѣкоторыя германскія провинціи.

При Леопальдѣ I возгорѣлась большая война за испанское наслѣдство. Поводомъ къ ней послужилъ споръ между

Людовикомъ XIV и Леопальдомъ I, изъ которыхъ каждый предлагалъ своего кандидата, имѣвшаго право по родственнымъ связямъ на испанскій престолъ. На самомъ дѣлѣ главной причиной была честолюбивая политика Людовика XIV. Въ 1701 году Англія заключила союзъ съ Австріей, Голландіей, курфюрстомъ Бранденбургскимъ. Часть князей Германіи стала на сторону Австріи, другая на сторону Людовика. Французы были разбиты во многихъ сраженіяхъ и заключеніе мира послѣдовало въ 1713 году.

Война эта еще разъ подчеркнула полное разъединеніе составныхъ частей Германіи, ведущихъ самостоятельную политику за или противъ императора. Хотя союзники и побѣдили, но выгоды получила одна лишь Англія. Германія вновь была разорена. Австрія окончательно склонилась къ упадку. Усилилась Пруссія.

Въ 1701 году прусское курфюршество при Фидрихѣ I (1657—1713) стало королевствомъ. Его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ I (1688—1740), отличаясь суровостью, бережливостью и организаторскими способностями, привелъ страну въ хорошее состояніе. Его сынъ Фридрихъ II Великій (1712—1786) явился главнымъ создателемъ прусскаго могущества. Онъ организовалъ и увеличилъ армію, отнялъ у Австріи Силезію, получилъ часть прусской Польши и побѣдоносно окончилъ войну съ Австріей, Франціей и Россіей (благодаря Петру III, уступившему ему изъ личныхъ симпатій всѣ завоеванія). Въ общемъ въ теченіи 224 лѣтъ Пруссія представляетъ мятежное государство, побѣдоносно защищаясь и мѣряясь силами чуть ли не со всей Европой. И Европа не въ состояніи сломить ея духа и духа короля. Это былъ не только величайшій король, но и ученый, писатель, окруженный выдающимися людьми вѣка, ведшій въ продолженіи жизни переписку съ Вольтеромъ и всячески покровительствующій талантамъ. Онъ оставилъ своему наслѣднику государство, увеличенное на 1100 кв. кил., 70 мил. талеровъ сбереженій и 200000-ную армію.

Паденіе Австріи и окончательное расчлененіе такъ называемой Священной Римской Имперіи шло быстро. Іосифъ II (1765—17—90) былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государей своего времени — своего рода революціонеръ на тронѣ. Онъ провелъ цѣлый рядъ реформъ: отмѣнилъ крѣпостное право, былъ сторонникомъ вѣротерпимости, свободы печати, старался поднять благосостояніе народа и образованія. Но его реформы, слишкомъ круто проводимыя сверху,

встрѣтили сильное противодѣйствіе высшихъ классовъ и были частью ограничены, частью совсѣмъ отмѣнены.

Французская революція соединила на время Австрію и Пруссію. Но прежнихъ талантливыхъ королей уже не было, и союзники терпѣли только пораженія. По миру 1795 года Германія потеряла лѣвый берегъ Рейна. Въ войнѣ 1805 года Австрія уже сражалась съ Наполеономъ и южными германскими государствами. Значительно усилились Баварія, Вюртенбергъ и Баденъ. Францъ II въ 1804 году принялъ титулъ только императора австрійскаго, подъ именемъ Франца I. Такимъ образомъ, перестала существовать старая Германія подъ именемъ Священной Римской Имперіи. Въ 1805 году образовался подъ протекторатомъ Наполеона Рейнскій союзъ государствъ, отпавшихъ отъ Германіи, по коему отъ нея отошла почти одна треть земель.

Каковъ же былъ умственный обликъ Германіи XVIII вѣка? Какъ это ни странно, но въ дни раздробленія и взаимнаго соперничества отдѣльныхъ государствъ—ея составныхъ частей Германія дала рядъ ученыхъ, философовъ, писателей и поэтовъ. Это была старая полуидиллическая, полудеспотическая Германія, временъ зрѣлаго возраста Лессинга, молодости и ранней славы Гете, дѣтскихъ лѣтъ поэта Шиллера, историка Гердера и философа Якоби. Это была патріархальная, въ сущности космополитическая Германія. Въ произведеніяхъ тогдашнихъ мыслителей мы не найдемъ проповѣди патріотизма. Возвышенный сентиментализмъ и высшіе общечеловѣческіе идеалы составляютъ сущность произведеній Гете и Шиллера—этихъ великихъ міровыхъ поэтовъ. Исключительнымъ идеаломъ тогдашней Германіи была культура, не патріотизмъ, а общечеловѣческая культура и вѣчные міровые вопросы. Тогдашніе писатели и поэты не были патріотами въ современномъ смыслѣ слова. Какъ поступилъ, напримѣръ, Гете, когда весь народъ его, боровшійся противъ Наполеона, ждалъ отъ него слова. Онъ совершенно отвернулся отъ настоящаго и сосредоточилъ свое вниманіе на персидской поэзіи. О Наполеонѣ онъ выразился: „Этотъ человѣкъ слишкомъ силенъ для насъ, мы съ нимъ никогда не справимся“. Лессингъ сказалъ, что патріотизмъ представляетъ героическую слабость, отъ которой, онъ радъ, что избавился. Якоби же говорилъ: „Я со всѣхъ сторонъ слышу слово „нѣмецъ“, но что такое нѣмецъ? Я тщетно стараюсь вложить какой нибудь точный смыслъ въ это слово“. Тогдашній историкъ Гердеръ пришелъ къ заключенію, что изъ

всѣхъ родовъ глупости національная гордость наибольшая глупость; она погубила Грецію, Іудею и Римъ. Это вѣдь такъ похоже на позднѣйшее разсужденіе Толстого о патріотизмѣ, какъ о чувствѣ вредномъ, противочеловѣческомъ!

А какъ вели себя германскіе князья во времена владычества Наполеона? Они занимались интригами, шли войной противъ своихъ же и заискивали передъ Наполеономъ ради сохраненія своихъ титуловъ и призрачной самостоятельности. И только одна Пруссія находилась въ сторонѣ отъ этого космополитическаго и недостойнаго движенія. Со времени великихъ курфюрстовъ она непрерывно проявляетъ изумительную энергію и государственное строительство. Ея короли стремятся укрѣпить и расширить свою территорію, организовать новое государство, не стѣсняясь средствами. Макіавелизмъ былъ отличительной чертой политики Гогенцоллерновъ съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія одержала первую побѣду при Фербелинѣ. Ту же политику продолжали Фридрихъ I и Фридрихъ Великій. „Тотъ человѣкъ глупъ и та нація глупа, говорилъ онъ, которые, имѣя власть захватить своего врага врасплохъ, не сдѣлали бы этого и не нанесли бы ему смертельнаго удара". Даже Фридрихъ-Вильгельмъ III—пустой и тщеславный человѣкъ, котораго Наполеонъ называлъ портнымъ среди королей, примѣнилъ ту же политику въ 1813 году, а въ XIX—XX вѣкѣ той же политикѣ слѣдовали Вильгельмъ I и нынѣжній Кайзеръ.

Какимъ же образомъ случилось, что государство, достигшее расцвѣта и могущества при Фридрихѣ Великомъ, вдругъ, спустя лишь 20 лѣтъ послѣ его смерти (1786 - 1806) перестало существовать? Въ теченіи столь короткаго времени рѣзко измѣнилась карты Европы. Пруссія была сильна въ эпоху такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма. Но она не могла сравниться съ Франціей, совершенно измѣнившейся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проявившей изумительную національную энергію, перешедшей къ новымъ формамъ жизни, управляемой геніальнымъ полководцемъ и императоромъ. Подобно всѣмъ прочимъ государствамъ Европы Пруссія застыла въ старыхъ формахъ чисто сословнаго государства, съ наемной арміей и притомъ съ бездарными преемниками Фридриха Великаго.

Въ началѣ революціонныхъ войнъ старыя дисциплинированныя арміи Пруссіи и Австріи побѣждали неорганизованную революціонную армію Франціи. Но когда французъ-

ской арміи вернули прежнюю организацію, когда эта армія проникнутая идеей свободы и національной гордости, попала въ руки геніальнаго полководца, то старыя арміи Европы были безсильны противъ нея. И уже съ 1794 года Пруссія и Австрія терпѣли пораженія. Послѣ пораженія Австріи въ 1805 году стало ясно, что очередь за Пруссіей. Послѣ разгрома при Іенѣ и Ауерштедтѣ въ 1806 году, затѣмъ при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ въ 1807 году (гдѣ принимали участіе и русскіе). Пруссія перестала существовать, какъ самостоятельное государство. Король жилъ изгнанникомъ въ Мемелѣ, потомъ въ Кенигсбергѣ. Наполеонъ разрѣшилъ ей имѣть только 42000 войска. Крѣпости и города занимали французскіе гарнизоны. Это состояніе продолжалось около 7-ми лѣтъ (1806—1813), и въ это время германскія и въ частности прусскія войска должны были сражаться за чуждые имъ интересы—за гегемонію Наполеона.

Это великое національное униженіе совершенно преобразило Пруссію и всю Германію. Въ первой появляется рядъ выдающихся государственныхъ и военныхъ дѣятелей, которые постепенно преобразовываютъ страну и создаютъ ея военныя силы. Это сдѣлали прусскіе министры—Штейнъ и Шарнгорстъ. Первый, по тому времени уже солидный дѣятель (родился въ 1757 году), занимавшій съ успѣхомъ рядъ государственныхъ должностей, еще въ 1804 году будучи министромъ торговли, высказался за упраздненіе всѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, и оставленіе лишъ Австріи и Пруссіи, отъ существованія коихъ, по его мнѣнію, зависитъ существованіе нѣмецкаго племени. Ставши первымъ министромъ въ 1807 году, въ самый ужасный для Германіи годъ, онъ немедленно упразднилъ крѣпостное право и далъ самоуправленіе городамъ, которые получили магистраты и думы изъ гласныхъ. Общаго народнаго представительства ему не удалось ввести, вслѣдствіе противодѣйствія короля. Однако, по требованію Наполеона, онъ былъ удаленъ въ 1809 году и скрылся въ Россію. Въ 1815 году онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Вѣнскаго конгресса, гдѣ мечталъ объ объединеніи Германіи подъ главенствомъ Пруссіи и Австріи. Вслѣдствіе наступившей послѣ этого общей реакціи, ему пришлось выйти изъ состава прусскаго правительства.

Генералъ Шарнгорстъ—прусскій военный министръ—въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ провести всѣ тѣ реформы, которыя были потомъ приняты въ XIX вѣкѣ всѣми государствами Европы. Имѣя такихъ талантливыхъ сотрудниковъ,

какъ Клаузевицъ и Гнейзенау, онъ провелъ слѣдующія реформы. Армія перестала быть наемной и стала вооруженнымъ народомъ, что легко было сдѣлать въ связи съ упраздненіемъ крѣпостного права. Введена всеобщая воинская повинность и сокращенные сроки службы. Образованъ ландверъ и ландштурмъ. Отмѣнены тѣлесныя наказанія. Производство въ офицеры обусловлено не происхожденіемъ, а подготовкой. Всѣ, независимо отъ происхожденія, должны начинать службу рядовыми. Все это въ настоящее время кажется общепринятымъ, но тогда это было новое слово въ военной области, претворенное цѣликомъ въ дѣло въ одной лишь Пруссіи. Послѣдняя могла въ 1813 году выставить 300.000-ную армію не стараго типа, а новую, не уступающую французской арміи.

Духовная подготовка передовыхъ классовъ нѣмецкаго общества была совершена знаменитымъ философомъ Фихте въ его „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу", прочитанныхъ въ 1807—08 г.г. въ Берлинѣ. Причину бѣдствія онъ видитъ въ нравственномъ паденіи общества, погрязшаго въ мелочахъ, мѣщанствѣ, чуждаго высшихъ интересовъ. Его нравственная философія—это цѣлый рядъ обязанностей по отношенію къ другимъ и къ отечеству. Онъ проповѣдывалъ патріотизмъ, какъ необходимое условіе для творческой дѣятельности. Призывая нѣмцевъ къ нравственному возрожденію, Фихте видитъ единственный путь къ этому въ національномъ воспитаніи. Онъ предлагаетъ основать рядъ государственныхъ учрежденій, гдѣ бы всякому давалось соотвѣтственное его способностямъ образованіе, сущность котораго не въ накопленіи знаній, а въ развитіи разума и характера, совмѣстно съ занятіями ручнымъ трудомъ. Онъ проповѣдывалъ необходимость всесторонняго развитія способностей. Нѣкоторыя его мысли, напримѣръ, о совмѣстномъ воспитаніи обоего пола, лишь недавно кое-гдѣ получили осуществленіе (въ Швеціи, въ Финляндіи и Америкѣ). Въ общемъ, вліяніе Фихте въ то время было громадно на возрожденіе нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ пустой и тщеславный человѣкъ, по капризу судьбы правившій въ наиболѣе трудное и необыкновенное время, Пруссія дѣйствительно возродилась въ національномъ и нравственномъ духѣ. Наступившая послѣ 1815 года общая реакція во всей Европѣ остановила дальнѣйшее движеніе, не тронувъ однако положеннаго фундамента. Въ теченіи 20 лѣтъ сходитъ постепенно со сцены галлерея вы-

дающихся мыслителей Германіи и героевъ Освободительной войны, которая покрыла Пруссію такой славой, какой война противъ Ксеркса покрыла Аѳины Штейнъ умеръ въ одиночествѣ и удаленіи отъ современниковъ въ 1831 г., Шарнгорстъ въ 1813 году, Фихте—въ 1814, Блюхеръ—въ 1819, Іоркъ въ 1830, Гнейзенау—въ 1831. Но идеи, положенныя ими, продолжаютъ жить въ университетахъ и среди молодой Германіи. Великія событія, униженія и слава преобразили ее. Она перестала быть полудеспотической, полуидиллической, космополитической страной. „Страданія молодого Вертера“ или „Коварство и любовь“ (Шиллера) уже не служили больше излюбленной темой. Начинаетъ крѣпнуть мечта о національномъ объединеніи германскаго народа Тогда то и появилась приведенная выше пѣсня нѣмецкаго профессора и поэта—Арндта; „Was ist des deutschen Vaterland“. Послѣ 1815 года Пруссія и Австрія находились подъ реакціоннымъ вліяніемъ Меттерниха и лишь мелкія государства получили конституцію: Нассау, Саксенъ-Веймаръ, Баварія, Баденъ, Вюртенбергъ. Однако, заключенный между ними, несмотря на реакцію, таможенный союзъ Пруссіи и прочихъ государствъ, кромѣ Австріи, былъ уже предвѣстникомъ грядущаго объединенія.

Въ 1840 году кончилось, наконецъ, продолжительное царствованіе Фридриха Вильгельма III и на престолъ прусскій вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который не оправдалъ надеждъ либераловъ. Происшедшая во Франціи въ 1848 году революція повлекла за собой революцію въ Пруссіи и Австріи. Система Меттерниха пала, и оба эти государства получили конституціонное устройство. Послѣ освободительной войны, Пруссія не воевала въ продолженіи 50 лѣтъ, Армія, реформированная Шарнгорстомъ, была одной изъ лучшихъ армій Европы. Такіе таланты, какъ Гнейзенау, Клаузевицъ, Мольтке, ставшій въ 1857 году Начальникомъ Генеральнаго Штаба, положили прочное основаніе военной наукѣ.

Отлично организованная Мольтке армія, талантливое руководство ею дали возможность побѣдоносно закончить три войны: въ 1864 году, между Австріей и Пруссіей съ одной стороны и Даніей—съ другой; война кончилась отнятіемъ у Даніи Шлезвига и Голштиніи; въ 1866 году—между Пруссіей и Австріей изъ за главенства въ германскомъ союзѣ и дѣлежа Шлесвига и Голштиніи; Австрія вышла изъ союза; и, наконецъ, въ 1870 году съ Франціей. Эта послѣдняя вой-

на окончилась полнымъ пораженіемъ Франціи, отнятіемъ у нея Эльзасъ-Лотарингіи и объединеніемъ Германской Имперіи подъ главенствомъ прусскаго короля, провозглашеннаго императоромъ.

Мечта Штейна и прочихъ германскихъ патріотовъ осуществилась. Каковы же дальнѣйшія задачи? Это наиболѣе интересный вопросъ, который намъ можетъ разъяснить причины современной войны. Для того, чтобы отвѣтить на него необходимо разсмотрѣть умственное движеніе въ Германіи во II-ой половинѣ XIX вѣка. Оно складывалось изъ двухъ факторовъ: вліянія Наполеоновской эпохи и особаго освѣщенія прежнихъ историческихъ этаповъ Германіи выдающимися нѣмецкими историками—Трейчке, Гизебрехтомъ, Дройзеномъ, Хеслеромъ и др. и, какъ слѣдствіе отсюда—выводовъ, сдѣланныхъ государственными и военными дѣятелями Германіи.

Вліяніе Наполеона на германскую мысль было велико. Нѣмцы не забыли страшнаго униженія въ 1806—12 г.г., когда сотни тысячъ ихъ принуждены были сражаться во славу корсиканца, не забыли великихъ битвъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, гдѣ рѣшалась судьба всей Европы. Но, отрекшись отъ Наполеона, какъ притѣснителя и тирана, они начали усваивать его міровоззрѣніе. Въ чемъ же оно заключается? Этотъ великій и одинокій умъ боролся въ сущности за идею земной славы. Онъ видѣлъ цѣль въ героизмѣ, въ совершеніи великихъ земныхъ дѣяній, въ подчиненіи своей волѣ людей, уподобленіи Александру Македонскому и основаніи всемірной имперіи. Словомъ, міровое господство—вотъ идея и цѣль Наполеона, отвергающаго скучную житейскую мораль и примиреніе жизненныхъ споровъ съ отнесеніемъ ихъ въ туманную загробную жизнь. Христосъ же проповѣдывалъ въ сущности законъ самоуничиженія. Жить и трудиться для другихъ, находить удовлетвореніе въ отреченіи отъ всего земного и стремленіе къ туманному, небесному, быть „servus servorum Dei"—рабомъ рабовъ Господнихъ, какъ подписывались въ средніе вѣка самые могущественные папы. И нашъ Толстой—представитель этого христіанскаго міровоззрѣнія—называетъ поэтому Наполеона лишь ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи. А кого изъ насъ не привлекаетъ, въ комъ не вызываетъ сочувствія трагическая и краткая карьера этого великаго и одинокаго ума—явившагося въ дни великой революціи и потрясшаго всѣ основы старой Европы? Вѣдь появленіе его и дѣятельность чрезвычайно ускорили

прогрессъ человѣчества въ семъ мірѣ, приблизили его къ лучшему будущему. И сколько времени Европа пребывала бы въ дальнѣйшемъ рабствѣ и невѣжествѣ XVIII вѣка, если бы не французская революція и не Наполеонъ? *) Наполеоновскія идеи упали въ Германіи на благодатную почву. Онѣ совпали съ тѣми идеями, которыя носила Германія на зарѣ своей исторіи. И лучшіе историки доказываютъ это изложеніемъ и освѣщеніемъ предыдущихъ эпохъ. Ученые и философы обосновываютъ наполеонизмъ и древнюю религію Германіи въ своихъ трактатахъ, а государственные люди задаются новыми грандіозными проблемами, необходимость которыхъ воспитывается въ народѣ въ продолженіи всего времени отъ 1870 года

Намъ достаточно будетъ разсмотрѣть наполеонизмъ, перенесенный на германскую почву, въ освѣщеніи самаго популярнаго историка и государственнаго дѣятеля, фонъ—Трейчке, философа Ницше и генерала Бернгарди.

Генрихъ фонъ Трейчке подобно Фридриху Ницше и многимъ замѣчательнымъ людямъ Германіи былъ по происхожденію славяниномъ. Его предки были чехами, переселившимися въ Саксонію въ эпоху Тридцатилѣтней войны. Отецъ его былъ комендантомъ крѣпости Кенигштейнъ, возвышающейся на высокой скалѣ надъ Эльбой. Трейчке родился въ 1834 году, въ довольно мрачный періодъ общеевропейской реакціи. Его готовили къ военной карьерѣ, но болѣзнь и послѣдовавшая затѣмъ глухота помѣшали этому. Онъ учился въ Бонскомъ университетѣ, гдѣ сразу же увлекся исторіей и героями Освободительной войны. Въ немъ тамъ же сказался поклонникъ Пруссіи и династіи Гогенцоллерновъ. Начавъ свою карьеру преподавателемъ въ Лейпцигѣ, онъ въ 1859 году написалъ трактатъ о государствѣ, въ которомъ сказывается другъ Бисмарка, защитникъ Гогенцолерновъ и поклонникъ прусской бюрократіи. Сущность государства, по его мнѣнію—сила. Это не только матеріальная, но и великая моральная сила, потому что авторитетъ государства надъ индивидуумомъ является чѣмъ то высшимъ и безапелляціоннымъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ во Фрейбургѣ прочиталъ лекціи, которыя потомъ вошли въ его двухтомное сочиненіе „Die Politik“. Съ необычайной страстностью и энтузіазмомъ онъ говоритъ о величіи Германіи подъ главенствомъ Пруссіи какъ разъ въ то время, когда создавалась современная Германія (1860—70 г.г.) Во Фрейбургѣ, Килѣ, Гейдельбергѣ

*) Таковы современные историческіе взгляды.

его лекціи пользовались огромной популярностью, а пламенный энтузіазмъ заразилъ тысячи слушавшихъ его студентовъ.

Въ 1870 году создалась новая Германія. Трейчке сталъ членомъ рейхстага и продолжалъ свою работу историка и политическаго дѣятеля. Аудиторія его состояла не только изъ студентовъ, но и изъ свѣтскаго берлинскаго общества—князей, чиновниковъ, военныхъ и дипломатовъ. Они приходили сюда слушать художественные разсказы о величіи Германіи въ прежніе годы, въ прежніе вѣка. Онъ рисовалъ трагическіе образы Оттонидовъ, Гогенштауфеновъ, столь мужественно боровшихся за міровое господство и проникнутыхъ уже тогда величіемъ Германіи. Онъ возбуждалъ патріотическій восторгъ или презрѣніе, объясняя причины неустройства до послѣдняго времени судьбы Германіи. Причины эти заключаются въ томъ, что въ то время, когда Франція, Испанія, Англія, Голландія боролись за обладаніе земнымъ шаромъ, Германія была занята болѣе возвышенными цѣлями. Она была погружена въ моральное и религіозное созерцаніе (Реформація и Тридцатилѣтняя война), стремилась къ свободѣ духа, къ абсолютному идеализму. Но самой главной темой его исторіи были разсказы о томъ, какъ Богъ или міровой духъ привелъ Германію и германцевъ запутанными и окольными путями къ теперешнему высокому положенію подъ властью Пруссіи и Гогенцоллерновъ—этихъ великихъ правителей, не имѣющихъ по достоинству себѣ равныхъ среди европейскихъ или вообще міровыхъ династій. Пруссія одна оказалась способною заново сковать въ одно мощное цѣлое обломки когда то единой имперіи Карла Великаго.

Это главная идея Трейчке—величіе Пруссіи, слава арміи, представляющей собой націю и націи, представляющей собою армію. Онъ вселялъ пламенную увѣренность въ величіи Германіи, въ безграничныхъ перспективахъ, открывающихся передъ нею въ будущемъ. Нѣмцы—первый народъ изъ народовъ. Славяне только могутъ служить навозомъ для удобренія германской культуры. Такова тема его пяти томовъ „Исторіи“, 2-хъ томовъ „Политики“, затѣмъ „Deutsche Kämpfe“, а также „Bilder aus der deutschen Geschichte.

Той же идеей, прославляющей Германію выше всего, первымъ народомъ изъ народовъ, проникнута исторія современниковъ Трейчке—Гизебрехта и Дройзена.

По мнѣнію Трейчке, все движеніе Германіи, начиная отъ Карла Великаго, династіи Гогенштауфеновъ, великаго геро-

ческаго прошлаго Священной Римской имперіи, отъ эпохи Реформаціи и Фридриха Великаго вплоть до Гнейзенау и Штейна направлено къ одной цѣли—объединенію Германіи падъ господствомъ Пруссіи. И какой только славы не достигнетъ такая мощная нація, разъ объединеніе будетъ достигнуто! Какая мечта средневѣковыхъ императоровъ не будетъ превзойдена той Германіей, которую теперь видитъ Трейчке?

Дальнѣйшую цѣль этой Германіи Трейчке опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Точно такъ же, какъ величіе Германіи заключается въ управленіи Пруссіей, такъ величіе и благополучіе міра будетъ заключаться въ господствѣ германской культуры, германскаго ума, германскаго характера. Въ этомъ идеалъ Германіи и роль ея въ будущемъ.

Міровое господство, о которомъ мечтаетъ Германія, не есть только матеріальное господство. Матеріальная, грубая сила, конечно, необходима для упроченія этого господства, но цѣли его духовнаго порядка. Торжество это будетъ торжествомъ германской культуры, германскаго міровоззрѣнія во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни и дѣятельности. Германіи назначено возстановить ту творческую роль въ области религіи, отъ которой вся тевтонская раса отказалась въ V-мъ вѣкѣ. Вѣдь тогда же Германія имѣла свою религію—религію доблести, религію бога Одина. Творческая сила Греціи и Рима изсякла, мѣсто ихъ заняли Іудея и Галлилея съ ихъ мрачной туманной религіей, цѣлью коей является самоуничиженіе и приготовленіе къ непонятному загробному міру. И въ эпоху величія и героизма своей молодости весь германскій народъ совершилъ великую ошибку, принявъ религію и культуру побѣжденнаго Рима.

Въ теченіи многихъ поколѣній и вѣковъ Германія должна была смотрѣть на міръ чужими глазами, поклоняться Богу, который не былъ ея Богомъ, жить чужимъ міровоззрѣніемъ и стремиться къ небу, которое не было ея небомъ. Съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ бросилась она сначала въ поиски за святой жизнью въ Италію и Крестовые походы. Когда эта надежда пала, зародилась новая идея—Реформація. Это стремленіе освободиться отъ оковъ чуждой религіи, начинающееся Шмалькаденскимъ союзомъ (1545) и кончающееся на поляхъ сраженій Тилли, Валленштейна, Густава Адольфа. Реформація—это величайшее явленіе нѣмецкаго духа—отбросила сначала Германію своими войнами

и разореніемъ надолго назадъ, но за то способствовало воскресенію забытой религіи доблести.

Въ XVIII вѣкѣ Германія порвала съ Римомъ. Въ XIX вѣкѣ религія дѣлается предметомъ философскихъ споровъ Канта, Гегеля, Шопенгауера, Штраусса и, наконецъ, Ницше. Такой высокій философскій умъ, какъ Кантъ, проповѣдникъ категорическаго императива въ нравственныхъ началахъ, считалъ, что религія должна основываться на нравственности, а не наоборотъ, какъ это принято христіанствомъ. Онъ не вѣритъ въ чудеса вообще и относится къ нимъ отрицательно. Штраусъ лишь допускаетъ дѣйствительно существованіе Христа, но Евангеліе считаетъ болѣе миѳологіей, чѣмъ дѣйствительнымъ письменнымъ памятникомъ. По его мнѣнію, мы вѣдь не христіане, а догматическая религія—абсурдъ Онъ поклонникъ дарвинизма, матеріализма; вѣчный миръ, по его мнѣнію, иллюзія и притомъ не хорошая иллюзія. Прусская монархія Бисмарка для него является добродѣтелью и самой культурной формой общежитія. Къ соціализму онъ относится съ искреннимъ презрѣніемъ.

Лишь Гегель находитъ абсолютную религію въ христіанствѣ. Но уже Ницше даетъ переоцѣнку нравственнымъ принципамъ. Онъ возвеличиваетъ стихійную силу личности („Jenseits von Gut und Böse“), доказываетъ ложность понятій о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ и считаетъ важнымъ все то, что поднимаетъ жизненность, что производитъ аффекты безъ отношенія ихъ къ нравственной оцѣнкѣ. Идеалъ его—сверхжизненный образъ отдѣльнаго человѣка, могучая воля котораго—единственный критеріумъ добра и зла. Цѣль человѣчества—преодолѣть самого себя во имя болѣе высокаго идеала—сверхчеловѣка. Еще въ ранней молодости, служа вольноопредѣляющимся въ батареѣ, Ницше въ своихъ письмахъ съ восторгомъ говоритъ о своей службѣ, о ея высокихъ цѣляхъ и воспитательномъ значеніи.

Итакъ, начавъ свое раціональное отношеніе къ религіи реформаціей, Германія продолжаетъ его въ XVIII и XIX вѣкахъ и даетъ столько раціоналистовъ-философовъ, какъ ни одна страна Европы. Къ концу XIX и началу XX вѣка она завершаетъ эту работу возвращеніемъ къ своему первоначальному творчеству въ области религіи.

Эта новая религія, которая можетъ быть названа религіей самыхъ серьезныхъ умовъ Германіи, это новое движеніе, составляющее руководящую идею нѣсколькихъ столѣ-

тій—борьба германской мысли не только съ Римомъ, но и съ самимъ христіанствомъ. Должна ли Германія подчиниться этой чужой вѣрѣ, родившейся въ чужемъ климатѣ, парализовавшей ея собственное религіозное творчество?

Если мнѣнія дѣятелей реформаціи и позднѣйшихъ философовъ-раціоналистовъ были различны, компромиссны и даже противорѣчивы, если они блуждали въ „туманѣ“ христіанства и „свѣтѣ“ раціонализма, то Ницше расчистилъ „накопившійся тысячелѣтіями вздоръ“. Онъ старается вернуть германское воображеніе ко временамъ Аларіха и Теодориха, закрѣпить его многовѣковымъ опытомъ, вернуть къ забытой религіи доблести. „Вы слышали, что было сказано въ древніе времена—блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю, а я вамъ говорю—блаженны храбрые, ибо они сдѣлаютъ землю своимъ престоломъ.' И вы слышали людей говорившихъ: блаженны, нищіе духомъ, а я вамъ говорю—блаженны великіе духомъ и свободные умомъ, ибо они войдутъ въ Валгаллу. И вы слышали людей, говорившихъ: блаженны миротворцы, а я вамъ говорю—блаженны, творящіе войну, ибо они будутъ названы, если не дѣтьми Іеговы, то дѣтьми Одина, болѣе великаго, чѣмъ Іегова“.

Я не упомянулъ о взгладахъ Трейчке на войну. Онъ никогда не говоритъ о ней, какъ о бичѣ человѣчества, наоборотъ, какъ о великомъ факторѣ въ постоянномъ стремленіи человѣчества къ совершенствованію, въ то время, какъ всякая попытка къ уничтоженію войны изображеется имъ, какъ неумная и безнравственная. Въ качествѣ члена рейхстага по вопросу объ ограниченіи вооруженія Трейчке отвѣчалъ: „Германія будетъ увеличивать свою силу до максимума, независимо отъ какихъ бы то ни было предложеній, которыя ей сдѣлаетъ Англія, Россія или какое либо государство на землѣ“. Ему армія просто кажется естественнымъ выраженіемъ жизненныхъ силъ націи и подобно тому, какъ увеличиваются эти силы, должна увеличиваться германская армія и германскій флотъ. Военная сила націи представляетъ собою точный коэффиціентъ идеализма націи.

„Положите мнѣ мечъ на гробъ“, писалъ Гейне въ 1856 году. Еще лучше отражалъ настроеніе одинъ изъ германскихъ поэтовъ второй половины XIX вѣка, Лиліенкронъ, сражавшійся въ 1866—70 годахъ въ рядахъ германской арміи. Онъ воспѣвалъ духъ войны и славы, проявленный тогда германской арміей. Его произведенія представляютъ

великій контрастъ съ чувствами Толстого въ описаніи Бородинской битвы. Но и Толстой и Лиліенкронъ отлично знали то, о чемъ говорили, какъ непосредственные участники войны. Разница только въ міровоззрѣніи и—какая разница!

Мы видѣли тотъ духъ и тѣ идеи, которыя господствовали въ умахъ лучшихъ представителей Германіи во второй половинѣ XIX вѣка. Какимъ образомъ достигнуть этихъ идей, превратить ихъ въ реальное бытіе, какъ осуществить завѣтныя мечты? Конечно, только войной. Съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ войну извѣстный генералъ Бернгарди въ XX вѣкѣ. Онъ восторженный поклонникъ Ницше, но послѣдній далъ лишь общій умозрительный идеалъ сверхчеловѣка. Бернгарди же указываетъ путь, какъ долженъ дѣйствовать сверхчеловѣкъ.

Весной 1912 года вышла въ Германіи книга генерала Бернгарди „Deutschland und der nächste Krieg“ (Германія и будущая война). Это откровенная книга, имѣющая не только военное, но и вообще научное значеніе, ибо авторъ обнаруживаетъ не только выдающагося спеціалиста, но и знатока нѣмецкой и европейской исторіи цивилизаціи. Онъ старается понять и обосновать не только свою профессію, но и выяснить, почему она почетна и необходима? Изучая исторію, литературу, политику, философію своей націи, Бернгарди старается отвѣтить на вопросъ, что такое Германія? Подъ Германіей онъ понимаетъ ту жизненную, постоянно стремящуюся впередъ силу, одушевляющую нѣмецкую націю съ незапамятныхъ временъ до настоящаго дня и отъ настоящаго до безконечнаго будущаго. „Какова же, спрашиваетъ онъ, истинная цѣнность, истинное значеніе этой силы въ теперешнемъ положеніи Германіи?“ И онъ даетъ опредѣленный отвѣтъ. Борьба, война. Какая борьба? Изолированіе Россіи по частямъ, уничтоженіе Франціи и лишеніе ея возможности поднять голову, а затѣмъ для Германіи наступитъ часъ сведенія счетовъ съ Англіей.

Интересъ книги заключается въ томъ, что она отражаетъ сильное теченіе нѣмецкой, и особенно прусской мысли, и наростаніе руссофобства, франкофобства, но особенно англофобства. Появившаяся за 2 съ половиной года до войны, эта книга была чрезвычайно симптоматична. Она, какъ въ фокусѣ, соединила въ себѣ мысли многихъ нѣмецкихъ писателей, историковъ, поэтовъ, трактующихъ о войнѣ и будущихъ задачахъ Германіи въ теченіи послѣднихъ 40 лѣтъ.

Она отражаетъ настроеніе, убѣжденіе, глубокую увѣренность и надежду сотенъ тысячъ нѣмцевъ—пруссаковъ, баварцевъ, швабовъ, саксонцевъ и проч.

Философія войны обосновывается на ученіяхъ Канта, Ницше, Трейчке.—Война представляется для генерала Бернгарди долгомъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ подчиненіе сильнаго болѣе слабому, а война—это сила, обезпечивающая сильному власть надъ слабымъ. Война уравновѣшиваетъ вѣсы; это біологическая необходимость, наиболѣе мужественное распространеніе системы государственнаго управленія.

Около того же времени вышло двухтомное сочиненіе Бернгарди „Современная война". Это уже чисто спеціальное сочиненіе, совершенно неинтересное для людей не военныхъ. Однако, и тамъ Бернгарди вновь касается политическаго положенія Германіи, вновь указываетъ на ея враговъ—Россію, Францію и особенно Англію и совѣутетъ надѣяться лишь на свои силы, отъ которыхъ зависитъ будущее. Онъ вѣритъ въ германскую націю, въ то, „что ей предопредѣлена великая будущность, и что она призвана сыграть великую роль въ исторіи человѣчества". Но она лишь тогда окажется на высотѣ задачи, когда напряжетъ до высшаго предѣла свою военную мощь и когда ея политика, стремящаяся къ высшимъ цѣлямъ, не убоится самыхъ опасныхъ путей и признаетъ ту истину, что какъ на войнѣ, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ государствъ только желанія и дѣйствія даютъ великіе результаты".

Этого великаго будущаго Бернгарди касается, наконецъ, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: „Unsere Zukunft: ein Mahnwort an das deutsche Volk", вышедшемъ въ 1913 году. Книга эта представляетъ въ сущности дополненіе и развитіе идей, уже высказанныхъ въ сочиненіи „Германія и будущая война". Если языкъ данъ политикамъ для того, чтобы скрывать свои мысли, то генералъ Бернгарди за свою солдатскую откровенность и искренность достоинъ глубокаго уваженія. Онъ за нѣсколько лѣтъ до войны и послѣдній разъ въ 1913 году предупреждалъ враговъ Германіи—„идемъ на вы" и философски обосновывалъ, почему иначе не можетъ быть. Бернгарди высказываетъ опять рядъ общихъ мыслей о политикѣ и особенно о значеніи войны. По его мнѣнію, война вытекаетъ изъ природы, которая представляетъ собою одинъ законъ борьбы за развитіе и за существованіе. Эта дарвиновская теорія неоспорима. Еще Гете сказалъ, что ос-

нова жизни—вытѣснить или быть вытѣсненнымъ. Только война улучшаетъ человѣчество съ біологической точки зрѣнія. Безъ нея оно приняло бы болѣзненное развитіе, исчезла бы всякая возможность нравственнаго и матеріальнаго улучшенія народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культура. Когда необходимо обезпечить благо своего народа, война является уже долгомъ. „Послѣднее спасеніе и высшее благо заключается въ мечѣ". Именно большая война, по мнѣнію Бернгарди, подѣйствуетъ на народъ, объединяющимъ образомъ и убьетъ тѣ болѣзненныя соціалистическіе микробы, которые угрожаютъ ему гибелью.

Бернгарди энергично возстаетъ противъ маленькой политики и боязни войны. Онъ цитируетъ Данте: «Дѣло въ остріѣ оружія, а не въ его массѣ». Поэтому Германіи нечего бояться Тройственнаго согласія, нечего выжидать, а самой пользоваться благопріятнымъ моментомъ для объявленія войны. 65-ти милліонный народъ, вложившій въ борьбу за свое существованіе всѣ свои силы, побѣжденъ быть не можетъ. Война уже назрѣла въ силу историческихъ причинъ. Политическое положеніе Германскаго государства ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ культурному достоинству народа и экономическому значенію его заграницей. Ни одинъ народъ міра никогда не совершилъ ничего подобнаго въ культурномъ отношеніи, какъ нѣмцы. Важнѣйшая духовная дѣятельность, имѣющая міровое значеніе, зарождалась въ душѣ германскаго народа. Такъ, напримѣръ, реформарція, говоритъ Бернгарди, родилась во внутреннихъ тайникахъ души германскаго народа и совершенно забываетъ, что Гусситское движеніе, т. е. та же реформація, начата чехами на 100 лѣтъ раньше проповѣди Лютера.

Германія—первый народъ, руководитель другихъ народовъ въ области культурнаго развитія. Отсюда выводъ: «для Германіи существуютъ двѣ альтернативы и нѣтъ третьей—міровое могущество или упадокъ». (Weltmacht oder Niedergang).

Но, можетъ быть, Трейчке, Ницше, Бернгарди—одинокіе умы, а вся мыслящая Германія вовсе не съ ними. Представимъ себѣ, что въ началѣ XX вѣка у насъ явились свои Трейчке, Ницше и Бернгарди. Развѣ ихъ стали бы слушать? Нашимъ кумиромъ былъ Толстой съ его анархическимъ міровоззрѣніемъ, Максимъ Горькій и вообще всѣ соціалистическія ученія.

Въ томъ то и дѣло, что Трейчке, Ницше и Бернгарди были истинными выразителями мыслей своего народа. Къ

1914 году міровоззрѣніе Германіи вполнѣ сложилось. Готовясь основать міровую имперію, она уже подготовила созданіе міровой религіи. Преобладающее настроеніе умовъ въ университетахъ, въ арміи и среди наиболѣе культурныхъ элементовъ все было направлено въ сторону того, что можетъ быть названо религіей доблести въ развитіи идей Наполеона и Ницше, въ прославленіи героизма и великихъ поступковъ. Тѣ самые нѣмцы, которые видѣли въ Наполеонѣ притѣснителя и тирана, прониклись догматомъ Наполеона—„ведите жизнь исполненную опасности и стремитесь къ міровому господству!“

Но если мечты о міровой имперіи и міровой религіи доступны лишь образованнымъ классамъ, то всякій грамотный нѣмецъ понималъ, что Германіи тѣсно. Она производитъ, въ силу своихъ внутреннихъ рессурсовъ, ежегодно большій избытокъ умственной и физической энергіи, чѣмъ какая бы то ни была другая нація въ мірѣ. И ежегодно въ силу эмиграціи въ Америку и другія страны этотъ избытокъ энергіи пропадаетъ. Ежегодно нѣмецкіе патріоты должны смотрѣть въ безсильной злобѣ, какъ наилучшіе и наиболѣе предпріимчивые изъ гражданъ покидаютъ отечество, перестаютъ быть нѣмцами, становятся подданными другихъ государствъ, отдавая свою доблесть, энергію другимъ націямъ, которыя обратятъ ихъ противъ самой же Германіи. Эти вопросы являлись предметомъ серьезнаго изслѣдованія для многочисленныхъ нѣмецкихъ историковъ и государственныхъ дѣятелей.

Въ результатѣ для всякаго нѣмца было ясно, что Германія, обладающая геніемъ имперостроительства и вынужденная необходимостью, не можетъ отказаться отъ расширенія своихъ границъ и колоніальной политики. Отсюда происхожденіе общеизвѣстныхъ лозунговъ конца XIX и начала XX вѣка: „Drang nach Osten“ и „Unsere Lukunft ist auf dez See“.

Мы врядъ ли найдемъ другое государство въ Европѣ, гдѣ передъ войной было бы такое духовное единеніе между различными элементами общества, какое существовало въ 1914 году въ Германіи между императоромъ, правительствомъ и милліонами мыслящихъ нѣмцевъ всѣхъ классовъ и состояній. И если мечтамъ этимъ суждено потерпѣть крахъ, то это будетъ великій крахъ, духовное банкротство всего нѣмецкаго народа, а не одного какого либо класса или партіи.

Сентябрь 1918 г.

IV. Германія и Англія.

„Но твой удѣлъ, о Римъ,
„это—управлять. Никогда не от-
„рекайся отъ своего предназна-
„ченія—щадить покорившихся и
„подчинять надменныхъ".

Виргилій.

Въ упомянутыхъ выше книгахъ Бернгарди, кромѣ общихъ разсужденій о философіи войны, высказано рядъ мыслей на политическія темы, о взаимоотношеніяхъ будущихъ противниковъ, а главнымъ образомъ Германіи и Англіи и почему именно первая должна вести войну противъ второй.

Кто главный врагъ Германіи, кто мѣшаетъ осуществленію ея глубочайшихъ желаній и стремленій, возвышенныхъ и святыхъ задачъ? Не Россія и не Франція. Онѣ играютъ лишь второстепенную роль. Германія имѣетъ одного врага. Одна нація преграждаетъ ей дорогу. Этотъ врагъ—Англія.

Какимъ же образомъ случилось, что родственные народы германскаго племени, еще недавніе союзники по Ватерлоо въ 1815 году (такъ называемый тогдашній „belle alliance" или „Schönbund"), совмѣстно положившіе конецъ феерической карьерѣ Наполеона, вдругъ превратились въ ярыхъ враговъ? Такъ какъ нѣмецкіе историки въ своихъ сочиненіяхъ ссылаются постоянно на „преступное" прошлое Англіи, то необходимо, хотя бы конспективно, вспомнить исторію этой огромной имперіи.

Нынѣшняя Англія, населенная въ древности кельтами и бриттами, находилась 400 лѣтъ подъ владычествомъ Римской имперіи. Въ V вѣкѣ римскіе легіоны покинули Британію, и тогда начались набѣги сѣверныхъ сосѣдей—пиктовъ и скоттовъ. Тогда были призваны на помощь саксы.

Болѣе 100 лѣтъ продолжалась борьба между пришлыми саксами и коренными кельтами (сказаніе о кельтскомъ королѣ—Артурѣ).

Въ концѣ VI вѣка король Этельбергъ принялъ христіанство. Въ началѣ IX вѣка отдѣльныя королевства были соединены подъ названіемъ Англіи королемъ Эгбертомъ (800—839). Затѣмъ начались вторженія норманновъ и датчанъ (дановъ). Въ концѣ IX и въ X вѣкѣ устроителями государства были короли—Альфредъ Великій и Этельредъ II, когда вновь возобновились нападенія датчанъ.

Въ 1013 году датскій король Свенъ покорилъ островъ, а его сынъ, Канутъ Великій, окончательно утвердился въ Англіи, породнившись съ домомъ Этельреда. Вскорѣ однако вернулся Эдуардъ Исповѣдникъ—сынъ Этельреда, скрывавшійся у Нормандскаго герцога. Послѣ его смерти явился герцогъ нормандскій Вильгельмъ Завоеватель, который, разбивъ преемника Эдуарда Исповѣдника—графа Горольда при Гастингсѣ (1066) завладѣлъ Англіей. При немъ введена феодальная система и присоединена къ Англіи и Нормандія, послѣдствіемъ чего были вѣковыя распри между Франціей и Англіей.

Послѣ долгихъ споровъ и междоусобій между наслѣдниками Вильгельма изъ Англіи и Нормандіи на престолѣ утвердился французскій Анжуйскій домъ (1154—1185), первымъ изъ коихъ былъ Генрихъ II Плантагенетъ. За время предыдущихъ междоусобій всю власть пріобрѣли бароны. Благодаря могуществу своего дома, владѣвшаго третьей частью Франціи, Генрихъ возстановилъ королевскую власть и далъ многія права городамъ и корпораціямъ. Въ 1171 году Генрихъ покорилъ Ирландію и ввелъ въ ней англійскія учрежденія. Противъ него возстали его сыновья, недовольные своими удѣлами, и въ союзѣ съ французскимъ королемъ Филиппомъ II Августомъ принудили отца признать себя вассаломъ Франціи (1183).

Сынъ Генриха—Ричардъ I, по прозванію Львиное сердце (1189—1199), участникъ многихъ Крестовыхъ походовъ, разорилъ страну налогами на безполезныя внѣшнія предпріятія.

Его братъ—Іоаннъ Безземельный (1196—1216) невольно положилъ основаніе англійской свободѣ, которая подвергалась многимъ измѣненіямъ, но никогда уже не исчезала.

Затѣявъ войну съ Франціей изъ-за убійства своего племянника Готфрида, онъ въ войнѣ съ французскимъ королемъ Филиппомъ II потерялъ всѣ свои французскія земли. Съ того времени англійскіе короли перестали быть французами. Однако, подчинившись папѣ, Іоаннъ вновь обратился противъ Франціи и въ союзѣ съ германскимъ королемъ—Оттономъ IV потерпѣлъ жестокое пораженіе при Бувинѣ (1214). Тогда противъ него возстали вельможи и горожане и заставили подписать Великую Хартію вольностей (1215). Новая война Іоанна противъ своихъ подданныхъ вызвала предложеніе короны сыну Филиппа II, который временно завладѣлъ Англіей, но потомъ вновь вступилъ на престолъ сынъ Іоанна—Генрихъ III (1216—1272). Началась междоусобная война изъ-за Великой Хартіи вольностей. Въ битвѣ при Льюсѣ (1264) Генрихъ III былъ разбитъ, созвалъ въ Лондонѣ парламентъ и принесъ присягу на вѣрность Великой Хартіи. Въ парламентѣ были не только бароны, церковные сановники, но и депутаты отъ городовъ, изъ которыхъ развивалась потомъ нижняя палата.

Съ 1272—307 г. началась славная эпоха сына Генриха — Эдуарда I. Въ это время были заведены земская полиція, мировые суды и совершенно пала феодальная власть барономъ. Городскіе представители въ парламентѣ являлись поддержкой королю противъ феодаловъ. Въ палату посылались по 2 представителя отъ графствъ, городовъ и мѣстечекъ. Во внѣшней политикѣ былъ покоренъ Валлисъ, и съ этого времени англійскіе наслѣдники называются принцами Валлійскими. Прекращеніе шотландскаго королевскаго дома подало поводъ ко вмѣшательству въ дѣла Шотландіи и къ вассальному подчиненію ея.

Сынъ Эдуарда I—Эдуардъ II (1307—27), какъ ничтожный король, былъ свергнутъ своей женой Изабеллой, которая стала регентшей въ правленіе своего сына—Эдуарда III (1328—77). Шотландія послѣ сраженія при Нивелькроссѣ (1346) была совершенно покорена. Въ 1339 году началась война за престолонаслѣдіе между Эдуардомъ III и французскимъ домомъ Валуа. Для Англіи эта война послѣ смерти Эдуарда III и его сына принца Чернаго окончилась въ концѣ концовъ потерей всѣхъ владѣній во Франціи, кромѣ городовъ Гюина и Кале. Финансовыя затрудненія короля много способствовали развитію англійской конституціи. Мелкое дворянство, соединилось съ городскими представителями, и въ 1343 году возоикла нижняя палата, ставшая законода-

тельнымъ учрежденіемъ. Древнее же собраніе высшихъ государственныхъ чиновъ, прежнихъ вассаловъ и знати по назначенію короля превратилось въ верхнюю палату. Короли, опираясь на парламентъ, начали освобождаться отъ власти папъ. Такъ была отмѣнена ленная подать папѣ.

Послѣ Эдуарда III престолъ перешелъ къ его внуку—Ричарду III (1377—99) съ регентомъ дядей короля –Іоанномъ Ланкастерскимъ. Неудачная война съ Франціей истощила государственную казну. Такъ какъ парламентъ обложилъ всѣхъ одинаковой податью, то началось возстаніе крестьянъ, подавленное потоками крови. Ричардъ III противъ воли парламента началъ взимать налоги, и во время усмиренія имъ ирландскихъ князей парламентъ низложилъ его и передалъ престолъ Генриху Ланкастерскому, подъ именемъ Генриха IV. (1399—413). Генрихъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ заговоровъ и возстаній; права общинъ были расширены и въ угоду духовенству изданъ законъ о сожженіи еретиковъ.

Генрихъ V (1413—1422) возобновилъ притязанія на французскій престолъ, пользуясь внутренними раздорами во Франціи во время сумасшедшаго короля—Карла VI. Послѣ многихъ побѣдъ и особенно при Азенкурѣ (1415) Генрихъ V получилъ регентство и долженъ былъ стать послѣ смерти Карла VI королемъ Франціи, но умеръ въ 1421 году. Столѣтняя же война между Англіей и Франціей (1337—1453) продолжалась.

Во время малолѣтства Генриха VI (1422—1461), государствомъ управляли его дяди—Глочестеръ въ Англіи и Бетфортъ во Франціи. Между тѣмъ во Франціи королемъ провозглашенъ Карлъ VII сынъ Карла VI. Благодаря пробужденію французскаго національнаго чувства (исторія Орлеанской дѣвы), англичане потеряли всѣ завоеванія во Франціи и за ними осталось только Калэ.

Неудачи способствовали внутреннимъ неурядицамъ. Въ Кентѣ вспыхнулъ мятежъ. Затѣмъ намѣстникъ Ирландіи—герцогъ Іоркскій Ричардъ пошелъ войной на Лондонъ. Началась Тридцатилѣтняя война, извѣстная подъ именемъ Бѣлой и Алой розы (1455—1485), между Іоркскимъ домомъ—Бѣлая и Ланкастерскимъ—Алая. Послѣ ожесточенной борьбы, въ которой принимала участіе и Франція, и вся высшая знать Англіи, со многими казнями, изгнаніями, конфискаціями, побѣдителемъ оказался Эдуардъ—Іоркскаго дома. Бѣдствія во-

йнъ обрушились всецѣло на лордовъ и ихъ вассаловъ. Много принцевъ погибло въ бояхъ или было казнено. Усилилось могущество нижней палаты насчетъ верхней. Въ общемъ же привиллегіи палатъ были уменьшены насчетъ короны Начались произвольные налоги и нарушено правосудіе расширеніемъ прерогативъ королевскаго совѣта.

По смерти Эдуарда IV (1483), королемъ долженъ былъ стать его сынъ Эдуардъ V, но его опекунъ и дядя—Герцогъ Глочестерскій-Ричардъ завладѣлъ престоломъ, удушилъ двухъ племянниковъ и короновался въ 1485 году подъ именемъ Ричарда III. Тогда бѣжавшій во Францію Генрихъ Тюдоръ, высадился въ Мильфордѣ, соединился со своими сторонниками и послѣ битвы при Босфордѣ разбилъ Ричарда, павшаго въ битвѣ. Началось царствованіе дома Тюдоровъ (1485-603)

Генрихъ VII (1485—509) начинаетъ не только новую династію но и новый порядокъ вещей. Онъ заключилъ миръ съ Франціей и Шотландіей (при помощи брака дочери своей съ Іаковомъ—королемъ Шотланди). Въ междоусобной войнѣ погибла почти вся древняя аристократія Англіи, почему и могущество ея естественно пало. Генрихъ былъ сторонникомъ городской буржуазіи, много способствовалъ развитію флота и торговли и возвысилъ королевскую власть. Однако постоянной арміи не было, почему короли не имѣли такой сильной власти, какъ на материкѣ.

Генрихъ VIII (1509 –47) продолжалъ политику отца настолько, что управлялъ почти неограниченно безъ парламента. Изъ за отказа папы разрѣшить ему разводъ и новый бракъ онъ отдѣлился отъ католической церкви и объявилъ себя единственнымъ главою церкви. Онъ самъ составилъ основы новой вѣры, упразднилъ монастыри и конфисковалъ ихъ имущества. Однако еще ранше была подготовлена почва къ реформаціи архіепископомъ Виклифомъ, возстававшимъ противъ обскурантизма и злоупотребленій въ католической церкви.

При малолѣтнемъ сынѣ Генриха VIII—Эдуардъ VI (1547—53) регентомъ былъ его дядя Соммерестъ. Когда вспыхнули крестьянскія возстанія, онъ сталъ на ихъ сторону и хотѣлъ имъ помочь. Но тогда возстали дворяне и во главѣ ихъ герцогъ Нортумберландскій Варвикъ. Онъ низвергъ Соммереста и самъ занялъ его мѣсто. Крестьянскія возстанія подавлены при помощи нѣмецкихъ и итальянскихъ наемниковъ. Епископъ Кракмеръ при помощи протестантскихъ богослововъ

выработалъ 39 статей вѣры, составившихъ основу англиканской церкви. Въ 1552 г. парламентъ, выслушавъ мнѣніе духовенства, утвердилъ эти основы, какъ законъ, который и сохранился почти цѣликомъ до нашихъ дней.

Послѣ смерти Эдуарда, назначенная имъ преемница Іоанна Грей, невѣстка Варвика и самъ Варвикъ были казнены, а на престолъ вступила дочь Генриха VIII отъ первой жены его Екатерины Аррагонской—Марія (1553—58). Она была католичка и вышла замужъ за Филиппа Испанскаго. Началась реакція и періодъ кровавыхъ казней еретиковъ (отсюда названіе—Марія Кровавая). При ней было потеряно послѣднее владѣніе Англіи на материкѣ—Кале.

Маріи наслѣдовала Елизавета, дочь Генриха VIII и Анны Болейнъ (1558—1603). Она славилась бережливостью, образованностью и мужественнымъ характеромъ. Была возстановлена англиканская церковь. Земледѣліе и промышленность при ней достигли высокой степени развитія. Возникли новыя отрасли производства (металлическое и шелковое). Мореплаваніе сдѣлало огромные успѣхи и внѣшняя торговля сильно возросла. Открыто и присоединено много колоній въ Америкѣ, Новой Землѣ, Канадѣ, Исландіи и Остъ-Индіи. Завязаны сношенія съ Россіей. Уничтожено морское могущество Испаніи послѣ пораженія непобѣдимой Арманды въ 1588 году. Однако были внутреннія смуты, а также возстанія (трагическая судьба Маріи Стюартъ — шотландской королевы). Начались постоянные раздоры съ католической Ирландіей, гдѣ насильно введена епископальная церковь.

Елизавета назначила своимъ преемникомъ сына Маріи Стюартъ—Іакова VI (въ Англіи I-й), которымъ начался домъ Стюартовъ съ 1603 по 1688 г. Іаковъ I (1603—25) соединилъ въ своемъ лицѣ три короны—Англіи, Шотландіи и Ирландіи. При немъ опять начались волненія и заговоры католиковъ и протестантовъ, а также столкновенія между королемъ и парламентомъ. Іаковъ хотѣлъ помочь въ Тридцатилѣтней войнѣ своему зятю—Фридриху V Пфальцскому. Парламентъ отпустилъ ему на это лишь небольшую сумму и при этомъ потребовалъ смѣщенія и суда надъ подкупными сановниками—любимцами короля, высказавшись также противъ брака принца Валлійскаго съ инфантой Испанской. Король распустилъ парламентъ за его резолюцію, что палата общинъ имѣетъ право высказываться по всѣмъ вопросамъ, касающимся общаго блага. Когда Іаковъ I скончался, Англія готовилась къ войнѣ съ Испаніей и Германскимъ императоромъ.

Сынъ Іакова—Карлъ I (1625—49) продолжалъ антипарламентскую политику отца и распустилъ парламентъ, но ему вновь пришлось собрать его, вслѣдствіе нужды въ средствахъ при предстоящемъ вмѣшательствѣ короля въ протестантскіе споры. Собранный парламентъ потребовалъ прежде всего преданія суду министра Букингема. Король вновь распустилъ парламентъ, для экспедиціи же на помощь французскимъ протестантамъ онъ объявилъ принудительный заемъ, который добывался жестокими мѣрами. Экспедиція кончилась неудачно, а истощеніе казны заставило Карла вновь обратиться къ парламенту. Палата общинъ заявила, что не дастъ ни гроша, пока не будутъ устранены злоупотребленія и составила для своего огражденія петицію о правахъ дополнявшую Великую Хартію. Король не соглашался утвердить этотъ новый законъ, но долженъ былъ уступить, когда парламентъ постановилъ предать суду Букингема. Послѣ убійства послѣдняго, король приказалъ закрыть парламентъ, но тотъ принялъ резолюцію признать врагомъ всякаго, кто введетъ въ Англіи папизмъ или начнетъ собирать налоги безъ утвержденія парламента. Карлъ посадилъ въ тюрьму членовъ оппозиціи и началъ править самъ. Налоги начали взимать силой, а суды присяжныхъ замѣнены коронными. Въ то же время король рѣшилъ искоренить въ Шотландіи пресвитеріанство и ввести епископальную церковь. Тогда въ 1638 году въ Эдинбургѣ было объявлено революціонное правительство.

Въ 1640 году король вновь созвалъ парламентъ, но общины потребовали измѣненія насильственной политики и церковной системы. Парламентъ былъ вновь распущенъ. Между тѣмъ шотландцы разбили отрядъ королевскихъ войскъ и завладѣли городомъ Ньюкестлемъ. Король созвалъ тогда одну верхнюю палату въ Іоркѣ, но лорды не рѣшились принять на себя отвѣтственность. Тогда король заключилъ миръ съ шотландцами и обязался уплатить военныя издержки. Затѣмъ былъ созванъ парламентъ, получившій названіе долгаго. Большинство въ немъ принадлежало пуританамъ, но къ оппозиціи примкнули и многіе лорды. Король требовалъ денегъ на подавленіе шотландскаго мятежа, но ему предъявили списокъ злоупотребленій и обвиненій противъ лордовъ Страффорда и Лауда, изъ коихъ первый былъ казненъ. Послѣ этого парламентъ вынудилъ у короля законъ на право собираться каждые три года даже безъ королевскаго призыва, а въ январѣ 1642 года королю была подана Великая Ремонстрація, заключающая около 200 пунктовъ обвиненій противъ прави-

тельства и епископовъ. Король потребовалъ выдачи оппозиціи, обвиняя ихъ въ измѣнѣ, но спикеръ палаты отказался, ссылаясь на парламентскія привиллегіи. На выручку парламента явилась лондонская милиція и началась война между кавалерами (сторонники короля) и круглоголовыми (сторонники парламента). Парламентъ выставилъ армію въ 25.000 человѣкъ и заключилъ союзъ съ шотландцами. Король имѣлъ 12 тысячъ, но зато опытныхъ войскъ. Сначала война велась съ перемѣннымъ счастьемъ, но въ 1644 году королевскія войска потерпѣли жестокое пораженіе при Марспонмурѣ, и лишь раздоры въ арміи и въ парламентѣ отсрочили гибель короля. Раздоры начались главнымъ образомъ между двумя сектами—индепендентами, представителемъ коихъ былъ Кромвель и пресвитеріанами. Послѣдніе начали переговоры о мирѣ, которые ни къ чему не привели. Лѣтомъ въ 1645 году Кромвель выигралъ надъ королевскими войсками крупную побѣду, при чемъ на основаніи захваченной переписки король былъ обвиненъ въ измѣнѣ и сношеніи съ иностранными дворами. Онъ отдался въ руки шотландцевъ, но вслѣдствіе его дальнѣйшей двойной политики тѣ выдали его англійскому парламенту за 400.000 фунтовъ. Парламентъ хотѣлъ теперь распустить армію, состоящую главнымъ образомъ изъ индепендентовъ, но армія не пожелала быть покорнымъ орудіемъ въ рукахъ парламента. Кромвель подавилъ возстаніе въ Лондонѣ, усмирилъ шотландцевъ и очистилъ парламентъ отъ пресвитеріанъ. Новый парламентъ предалъ Карла I суду и казнилъ его въ январѣ 1649 года. Власть перешла къ арміи. Парламентъ отмѣнилъ королевскую власть, упразднилъ верхнюю палату и назначилъ для управленія страной совѣтъ, въ который между прочимъ вошли Кромвель и адмиралъ Блекъ.

Въ Ирландіи, отложившейся въ это время отъ Англіи, королевская партія вербовала сторонниковъ. Въ самой арміи появилась коммунистическая секта, требовавшая полнаго равенства имущества, отмѣны податей и властей. Кромвель жестоко расправился съ этой сектой, усмирилъ Ирландію, затѣмъ вторгся въ Шотландію, которая къ этому времени объявила королемъ Карла II, разбилъ армію послѣдняго въ 1651 году при Ворчестерѣ. Карлъ едва спасся во Францію, а Шотландія лишена самостоятельности и просто присоединена къ Англіи Вслѣдъ затѣмъ у молодой англійской республики началась война съ Голландіей. Въ 1653 году при Лоосѣ адмиралъ Блекъ одержалъ блестящую побѣду надъ Голландскимъ флотомъ и упрочилъ морское могущество Англіи.

Вслѣдъ затѣмъ между арміей и парламентомъ начались раздоры. Послѣдній требовалъ сокращенія арміи, а армія жаловалась на злоупотребленія и требовала новаго парламента. Въ апрѣлѣ 1653 года Кромвель разогналъ парламентъ „во славу Божію". Такъ окончился Долгій парламентъ. Потомъ былъ разогнанъ также и Государственный совѣтъ и созванъ новый парламентъ, состоящій исключительно изъ благочестивыхъ или такъ называемыхъ „святыхъ". Однако и этотъ парламентъ былъ распущенъ, и Кромвель принялъ званіе лорда протектора съ чисто королевской властью. Былъ созванъ новый парламентъ изъ 400 англичанъ, 30 ирландцевъ и 30 шотландцевъ, но вновь распущенъ вслѣдствіе возбужденныхъ имъ конституціонныхъ вопросовъ. Тогда страна раздѣлена на 12 округовъ, подчиненныхъ генераламъ съ неограниченной властью.

Внѣшняя политика Кромвеля была блестяща. Онъ объявилъ войну Испаніи въ союзѣ съ Франціей, въ результатѣ чего Англія пріобрѣла Ямайку. Въ 1657 г. парламентъ хотѣлъ преподнести Кромвелю королевскую власть, но онъ отказался. Послѣ смерти Кромвеля, послѣдовавшей въ 1658 г. власть перешла по наслѣдству къ его неспособному сыну Ричарду. Но начальники арміи возстали противъ него и парламента и онъ добровольно отказался отъ власти. Началась анархія, конецъ которой положилъ генералъ Монкъ, который въ 1660 году занялъ Лондонъ. Новый парламентъ, въ которомъ большинство были роялисты, вступилъ въ переговоры съ Карломъ II и тотъ въ маѣ прибылъ въ Лондонъ. Началась эпоха реставраціи съ 1660 по 1689 г.

Стюарты ничему не научились, ничего не забыли. Вопреки амнистіи казнили и изгоняли цареубійцъ и выбрасывали изъ могилъ кости вождей революціи. Постановленія республики отмѣнены. Вліяніе пріобрѣли англикане, а при дворѣ даже католики. Король нуждался въ деньгахъ, продалъ Людовику XIV г. Дюнкирхенъ и началъ неудачную войну съ Нидерландами, затѣянную приверженцами католицизма. Нѣсколько разъ Карлъ собиралъ парламентъ и вновь распускалъ его, и всякій разъ большинство состояло изъ оппозиціи. Вслѣдствіе казни вождей оппозиціи, обвиненныхъ въ заговорѣ, назрѣвала новая борьба, но король умеръ въ 1685 году.

Вслѣдствіе женитьбы герцога Іоркскаго (наслѣдника престола) на католичкѣ, въ 1680 былъ изданъ билль о лишеніи его права на престолъ. Отсюда приверженцы билля назывались виги (преимущественно нижняя палата), а противники—торіи (палата лордовъ).

Іаковъ II (1685—88) началъ постепенно возстанавливать католичество. Виги обратились къ зятю короля Вильгельму Оранскому, умоляя его стать на защиту протестантизма. Въ ноябрѣ 1688 года Вильгельмъ высадился съ 15.000 человѣкъ. На его сторону перешли войска и флотъ, и онъ безъ боя вступилъ въ Лондонъ и принялъ регентство. Парламентъ объявилъ бѣжавшаго Іакова лишеннымъ престола. Вильгельмъ издалъ декларацію правъ, заключающую точное опредѣленіе границъ верховной власти, а также актъ о вѣротерпимости. Между тѣмъ Іаковъ II въ 1689 году высадился въ Ирландіи, гдѣ вспыхнуло возстаніе и созвалъ ирландскій парламентъ. Однако ему было нанесено два пораженія и онъ опять бѣжалъ.

Честолюбивая политика Людовика XIV крайне вредила Англіи, и потому война съ нимъ, такъ называемая „за Испанское наслѣдство" была популярна. Героемъ ея былъ герцогъ Мальборо. Она продолжалась 12 лѣтъ и закончилась въ 1713 году Утрехтскимъ миромъ. Англія получила отъ Франціи Гудзоновъ заливъ, Новую Шотландію, Ньюфаундлендъ, а отъ Испаніи Гибралтаръ. Британскій флотъ сталъ первымъ въ Европѣ, а французскія морскія силы уничтожены. Это произошло уже при королевѣ Аннѣ (1702—13).

Въ 1707 году принятъ актъ объ уніи Шотландіи и Англіи подъ именемъ Великобританіи. Послѣ смерти королевы Анны престолъ перешелъ къ Ганноверской династіи.

При Георгѣ I (1727—60) правили виги. Англія вела войну съ Франціей за австрійское наслѣдство, и въ 1744 году французскій флотъ былъ уничтоженъ при Тулонѣ. Внукъ Іакова II вновь сдѣлалъ высадку въ Шотландіи съ помощью французовъ, но потерпѣлъ пораженіе. Въ 1755 году между Англіей и Франціей вновь возгорѣлась война изъ-за спора о колоніальныхъ границахъ въ Америкѣ. Англія завладѣла тамъ нѣкоторыми землями, а въ Индіи Калькуттой, Суратомъ и Пондишери.

Георгъ III (1760—1820). У власти тори. Война съ Испаніей закончилась пріобрѣтеніемъ Гаванны, Манильи, а отъ Франціи—Канады. Затѣмъ, воспользовавшись переворотомъ въ Бенгаліи, Англія завоевала ее, а также Бегаръ и Ориссу (въ Индіи). Отсюда начало неисчислимыхъ частныхъ обогащеній въ Англіи. Въ 1766 году конгрессъ Сѣверо-Американскихъ колоній, вслѣдствіе новыхъ налоговъ Англіи, провозгласилъ независимость. Началась война, въ которой приняли

участіе: Франція, Испанія и даже Россія (вооруженный нейтралитетъ). Въ 1782 году Сѣверо-Американскія колоніи получили независимость, а Франціи и Испаніи возвращены нѣкоторыя, отнятыя раньше, владѣнія. Возставшая Ирландія получила нѣсколько больше самостоятельности. Возстаніе въ Индіи магарадскихъ правителей было усмирено съ расширеніемъ владѣній Англіи и учрежденія контроля надъ Остъ-Индской компаніей. Открытіе Кука въ Австраліи положили начало англійскихъ владѣній въ этой части свѣта.

Во время Французской революціи Англія держала нейтралитетъ и лишь казнь короля послужила предлогомъ къ войнѣ. На материкѣ побѣждали французы, а Англія всюду на морѣ, почему французы были совершенно вытѣснены изъ Остъ и Вестъ-Индіи, мыса Доброй надежды и другихъ колоній. Вслѣдствіе обезоруженія, такъ называемаго, католическаго союза, въ Ирландіи вспыхнулъ мятежъ. Тогда стоявшій во главѣ правительства Вильямъ Питтъ (младшій) предложилъ въ 1785 году билль о сліяніи ирладскаго парламента съ англійскимъ. Оба государства сравнены въ правахъ. На самомъ дѣлѣ семь восьмыхъ ирландцевъ, какъ католики остались безъ политическихъ правъ. Въ томъ же году противъ Франціи выступила новая коалиція, которая кончилась неудачно. Австрія и Россія приняли вооруженный нейтралитетъ, вслѣдствіе котораго англійскіе корабли не могли заходить въ ихъ гавани. Въ 1802 году Англія заключила съ Россіей, Швеціей и Даніей договоръ о мореплаваніи, а съ Франціей Амьенскій миръ, по которому вернула Франціи, Испаніи и Голландіи всѣ свои прежнія завоеванія.

Столь тяжелыя условія заставили Англію въ 1803 году вновь объявить войну Франціи и Испаніи, заключивъ союзъ съ Россіей. Къ нимъ присоединились Австрія и Швеція. Англійскій адмиралъ Нельсонъ уничтожилъ французско-испанскій флотъ при мысѣ Трафальгарѣ, но пораженія союзниковъ на материкѣ ухудшило положеніе Англіи. Переговоры съ Наполеономъ не привели ни къ чему и окончились эдиктомъ императора о блокадѣ европейскихъ гаваней и объявленіи англійскихъ судовъ добычей всякаго. Неудачная война Россіи въ 1807 году и соглашеніе ея съ Франціей, учрежденіе Рейнскаго союза нѣмецкихъ государствъ подъ протекторатомъ Наполеона, оставили Англію безъ всякой поддержки на материкѣ. Континентальная же система, т. е. закрытіе для Англіи всѣхъ европейскихъ гаваней стала невыносима. Пришлось продолжать войну съ Франціей во что бы то ни стало.

Въ началѣ 1807 года во главѣ стало новое министерство Гренвиля. Пользуясь возстаніемъ испанцевъ, Англія отправила одинъ корпусъ подъ начальствомъ герцога Веллингтона въ Португалію, а другой подъ начальствомъ генерала Мура — въ Испанію. Веллингтонъ въ союзѣ съ инсургентами получилъ значительный перевѣсъ на полуостровѣ.

Въ 1809 году, вслѣдствіе сумасшествія Георга III, регентомъ сталъ его сынъ—принцъ Валлійскій. Франція послѣ Вѣнскаго мира вновь стала на верху могущества, а успѣхи Англіи въ Испаніи окончились. Однако во главѣ правленія оставались торіи, даже послѣ убійства министра Персиваля.

Отступленіе Наполеона изъ Россіи послужило поворотнымъ пунктомъ въ перемѣнчивомъ счастьи тогдашней англійской политики. Франція была унижена и первенство въ Европѣ перешло къ Англіи. Она получила громадныя колоніальныя пріобрѣтенія отъ Франціи, Голландіи и Даніи (Мальту, Іоническіе острова, часть Гвіанны, Мысъ Доброй Надежды, весь островъ Цейлонъ, Гельголандъ и рядъ завоеваній въ Индіи). Ватерлоо было заключительнымъ аккордомъ тогдашней славы Англіи.

За время войны страшно возросъ національный долгъ, обрушившійся главнымъ образомъ на низшіе классы, а плохіе урожаи и промышленный кризисъ создали почву для недовольства широкихъ массъ народа. Въ это время—1820 г. вступилъ на престолъ Георгъ IV. Съ этого времени начинается вновь продолжительная борьба между торіями и вигами, т. е. между лордами и нижней палатой за реформы въ демократическомъ духѣ. Въ 1829 году, послѣ долгой борьбы, наконецъ, совершилась эмансипація католиковъ въ Ирландіи и имъ открытъ доступъ въ парламентъ. Въ 1830 году поднятъ вопросъ о парламентской реформѣ.

Георгъ IV умеръ въ 1830 году, и на престолъ вступилъ братъ его—герцогъ Кларенскій. Послѣ нѣкоторой борьбы билль о парламентской реформѣ принятъ въ 1832 году, которымъ обезпечено господство за вигами, хотя и въ умѣренной формѣ. Новый парламентъ уладилъ въ Ирландіи церковныя недоразумѣнія, отмѣнилъ невольничество въ англійскихъ колоніяхъ и особыя привиллегіи Ость-Индской компаніи. Вслѣдъ затѣмъ непрерывно продолжалась борьба въ министерствѣ обѣихъ палатъ между собою о десятинномъ биллѣ, городской реформѣ и проч. Въ концѣ 1834 года парламентъ былъ распущенъ. Новый парламентъ (1835—37 г.г.) вновь

велъ борьбу изъ-за городового и десятиннаго сбора въ отношеніи Ирландіи.

Во время самаго разгара борьбы — въ 1837 году скончался король Вильгельмъ IV и на престолъ вступила королева Викторія. Съ этого времени наступилъ періодъ глубокихъ внутреннихъ преобразованій, постепенно измѣнившихъ старый аристократическій строй Англіи современнымъ демократическимъ. Въ первые годы возникло движеніе чартистовъ, требовавшихъ для всѣхъ равныхъ политическихъ правъ. Оно было подавлено суровыми мѣрами. Либеральное министерство лорда Мельбурна было замѣнено торійскимъ кабинетомъ Пиля. Неудовольствіе противъ хлѣбныхъ законовъ заставило принять законъ о свободѣ торговли хлѣбомъ. Новое министерство Росселя (1846 г.), вслѣдствіе страшнаго голода въ Ирландіи и ряда неурожайныхъ годовъ, открыло англійскія гавани для судовъ всѣхъ націй и уничтожило всѣ навигаціонныя ограниченія.

Въ области внѣшней политики Англія выступала защитницей народныхъ правъ, попираемыхъ тогда всюду въ Европѣ, поддерживая тайно всѣ революціонныя выступленія и возбудивъ ненависть всѣхъ реакціонныхъ правительствъ, за что министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ, получилъ названіе лорда-поджигателя. Однако это не помѣшало Пальмерстону признать переворотъ во Франціи въ 1852 г. и заключить союзъ съ Луи-Наполеономъ, слѣдствіемъ чего Англія выступила совмѣстно съ Франціей въ Крымской войнѣ 1855 года, которая ничего ей не принесла, кромѣ разстройства финансовъ и задержала внутреннюю преобразовательную дѣятельность.

Возстаніе сипаевъ въ 1857 году послужило поводомъ къ упраздненію Ость-Индской кампаніи и подчиненію Индіи англійскому правительству. Въ 1863 году по иниціативѣ Гладстона Англія добровольно возвратила Греціи Іоническіе острова. Дѣло реформы подвигалось медленно и восторжествовало въ 1867 году, когда главой министерства сдѣлался Россель, а главой палаты общинъ—Гладстонъ. Послѣдній внесъ билль о реформѣ, расширяющей права нисшихъ классовъ. Билль былъ отвергнутъ, и министерство вышло въ отставку. Новый консервативный кабинетъ Дерби-Дизраелли принужденъ былъ внести еще болѣе радикальный билль, который былъ принятъ обѣими палатами. Послѣ этого составился кабинетъ Гладстона, который провелъ рядъ новыхъ реформъ. Въ 1869 году упразднена Ирландская національная церковь, доходы коей обращены на устройство школъ. Въ

1870 году послѣдовалъ новый законъ о народномъ образованіи и новый земельный законъ. Въ 1871 году послѣдовала отмѣна дипломовъ въ арміи, а въ 1872 году система тайной подачи голосовъ на выборахъ. Финансовая политика Гладстона была блестяща, но иностранная неудачна. Онъ допустилъ разгромъ Франціи въ 1870 году и принужденъ былъ признать фактическую отмѣну статьи парижскаго трактата, коимъ ограничивались права Россіи на Черномъ морѣ. Въ 1874 году, потерпѣвъ пораженіе по вопросу объ университетскомъ образованіи, Гладстонъ распустилъ парламентъ, но послѣ выборовъ новаго принужденъ былъ уступить мѣсто лорду Биконсфильду. Лордъ Биконсфильдъ велъ болѣе рѣшительную внѣшнюю политику. По Берлинскому конгрессу (1878) Англія не воюя пріобрѣла о. Кипръ. Королева Викторія провозглашена императрицей Индіи. Кромѣ того англичанами пріобрѣтено большинство акцій Суэцкаго канала, почему Англія заняла преобладающее положеніе въ Египтѣ. Въ 1880 году возникла война съ Афганистаномъ, и занятъ городъ Кабулъ. Парламентъ былъ распушенъ, а новый далъ большинсто либераловъ, почему министерство Биконсфильда пало. Началось второе министерство Гладстона, продолжавшееся съ 1881—по 1885 годъ.

Гладстонъ былъ противникомъ Биконсфильда по вопросамъ внѣшней политики. Истинный представитель англійской свободы—онъ не допускалъ всѣхъ тѣхъ пріемовъ, которыми руководствовались въ международныхъ отношеніяхъ, уважая права слабыхъ государствъ. Внѣйшняя политика его была неудачна, а внутренняя блестяща. Въ 1881 году произошло возстаніе въ южной Африкѣ, окончившееся миромъ съ буарами и дарованіемъ имъ самоуправленія; затѣмъ въ Египтѣ и въ Суданѣ англичане потерпѣли рядъ пораженій отъ мѣстныхъ возстаній. Въ Ирландіи продолжались волненія на почвѣ земельныхъ отношеній, почему принятъ рядъ исключительныхъ мѣръ противъ тайныхъ обществъ феніевъ. Въ 1885 г. проведенъ новый избирательный законъ, дававшій права даже прислугѣ обладающей доходами въ 15 фунтовъ стерлинговъ.

Въ 1885 году на почвѣ неудачъ во внѣшней политикѣ Гладстонъ уступилъ мѣсто консервативному кабинету Салисбери. Послѣдній улучшилъ отношенія съ Россіей, нарушенныя споромъ изъ. афганскихъ границъ. Къ британскимъ владѣніямъ присоединена Бирма.

Въ 1886 году послѣ новыхъ выборовъ Гладстонъ третій разъ сталъ во главѣ министерства Но скоро вышелъ въ отставку вслѣдствіе непринятія парламентомъ его проекта

объ автономіи Ирландіи (такъ называемый Гомруль). Его опять замѣнилъ Салисбери, принявшій противъ Ирландіи рядъ исключительныхъ законовъ.

Въ 1888 году вновь произошли недоразумѣнія съ Россіей объ афганскихъ границахъ и по дѣламъ болгарскимъ. Въ 1889 году въ Англіи преобразовано самоуправленіе на болѣе демократическихъ началахъ. Въ 1890 году Англія признала права Франціи на островъ Мадагаскаръ. Германія сдѣлала Англіи большія уступки въ Африкѣ, получивъ за это о. Гельголандъ.

Въ 1892 году министерство Салисбери пало и вновь во главѣ сталъ Гладстонъ Однако черезъ годъ онъ вновь вышелъ въ отставку. вслѣдствіе новаго непринятія парламентомъ ирландскаго Гомруля. Гладстона опять замѣнилъ Салисбери. Благодаря послѣднему, главнымъ образомъ, возникла въ 1900 году англо-бурская война, окончившаяся послѣ многихъ неудачъ побѣдой Англіи. Но тотчасъ же буры получили автономію.

Въ 1901 году умерла королева Викторія, въ царствованіе которой англійская парламентская жизнь достигла высшаго развитія, благодаря невмѣшательству короны. На престолъ вступилъ Эдуардъ VII.

Въ 1904—1905 годахъ Англія еще продолжала быть врагомъ Россіи и союзницей Японіи, и лишь послѣ войны начинается постепенное сближеніе, вслѣдствіе явной угрозы со стороны Германіи.

Таковы были тѣ историческіе этапы, которые прошла Англія на своемъ жизненномъ пути. Отличительнѣйшей чертой ея исторіи были: міровая колоніальная политика, сопровождаемая непрерывной внѣшней борьбой и внутренняя борьба за парламентскія права—борьба вѣковая, которая только въ 19 вѣкѣ приняла болѣе спокойный характеръ. Англійскія свободныя учрежденія выковывались, какъ мы видѣли, цѣной кровавой борьбы и потому не удивительно, что нѣтъ болѣе свободной страны, чѣмъ Англія, остающаяся все же монархіей.

Мы видѣли, что она была всегдашнимъ вѣковымъ врагомъ Франціи и отчасти Россіи, но не была врагомъ Германіи, не вела съ ней войнъ, хотя бы уже потому, что государства эти не были сосѣдями и отдѣляются моремъ. Во

время войны за Испанское наслѣдство Пруссія была союзницей Англіи. Во времена Фридриха Великаго, хотя Англія была на сторонѣ Маріи Терезіи, но вооруженнаго столкновенія не послѣдовало. Въ началѣ 19 го вѣка Пруссія была врагомъ Англіи, какъ вынужденный союзникъ Наполеона, но въ 1813—14—15 г.г. она уже союзникъ Англіи. Словомъ, пока Пруссія была занята своимъ увеличеніемъ и собираніемъ Германіи въ одно цѣлое, не было причинъ къ столкновенію съ Англіей. Врагомъ она стала во второй половинѣ 19 го вѣка съ тѣхъ поръ, когда Германія, объединившись, поставила своей задачей міровое господство и стала сосѣдомъ Англіи на морѣ.

Возстанавливая общественное мнѣніе Германіи противъ Англіи, нѣмецкіе историки указываютъ на рядъ преступленій Англіи въ прошломъ и на тѣ низкія моральныя и умственныя качества, которыя ставятъ англичанъ гораздо ниже нѣмцевъ. Наибольшимъ англофобомъ является Трейчке. По его мнѣнію, англійская раса обладаетъ пятою частью земного шара путемъ воровства.

„На основаніи какого права? На основаніи сначала хитрости, а потомъ насилія. Замкнутые между Сѣвернымъ моремъ и Дунаемъ, между Рейномъ и равнинами Польши, все болѣе и болѣе стѣсняемые въ своихъ границахъ и сознавая силу, можемъ ли мы, спрашиваютъ нѣмецкіе патріоты, терпѣть, что въ рукахъ Англіи пятая часть земного шара? Долженъ ли всякій честный нѣмецъ спокойно смотрѣть, какъ его нація истощается съ каждымъ годомъ? Можетъ ли онъ, въ этомъ случаѣ, считаться мужчиной и оставаться вѣрнымъ религіи доблести, которая, вновь проповѣдуется въ Германіи? Хорошо Англіи утверждать, что у нея нѣтъ воинственныхъ намѣреній противъ Германіи. Самое существованіе Англіи, какъ Имперіи, есть непрерывное воинственное наступленіе. До тѣхъ поръ, пока Англія, это великое воровское государство, сохраняетъ свою добычу, какъ результатъ ограбленія міра, какое право имѣетъ она ждать мира отъ другихъ націй? Англія обладаетъ всѣмъ и не въ силахъ сдѣлать ничего. Германія не обладаетъ ничѣмъ и могла бы сдѣлать все. Какой же человѣческій или Божескій приказъ велитъ намъ сидѣть неподвижно? Каковы англійскія грамоты на владѣніе міромъ и какими законами можетъ она оправдать свое владѣніе? Законами доблести, но, главное, счастливымъ случаемъ, обманомъ, насиліемъ“.

Мы видимъ, что, увлекаясь подобнаго рода разсужденіями, нѣмцы теряютъ даже здравый смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всякое государство развивалось путемъ насилія, вооруженной борьбы и дипломатическаго искусства, т. е.

хитрости. Вѣдь политика Гогенцоллерновъ является классическимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ. Другихъ способовъ для развитія государствъ пока не придумано. Поэтому, упреки Англіи въ насиліи, хитрости просто смѣшны и странны въ устахъ разсудительныхъ нѣмцевъ. И въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій до войны нѣмецкіе историки изображали Англію, какъ великое пиратское государство, и взглядъ этотъ, несмотря на его очевидную нелѣпость, проникъ во всѣ классы общества.

Но существуютъ и болѣе серьезныя историческія основанія. Главенство Англіи, по мнѣнію историковъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ея политическая мощь столь же обманчива, какъ и ея добродѣтель. „Вещь, всецѣло представляющая обманъ, по мнѣнію Трейчке, долго существовать не можетъ".

Поэтому она не въ состояніи долго сохранить за собой неосновательнаго главенства. На морѣ ее быстро догоняютъ другія державы. Ея населеніе, если не считать иммиграцію, почти не увеличивается. Ея упадокъ внѣ сомнѣнія. Это можетъ произойти и безъ войны. Англія послѣ 1700 года, подобно Венеціи послѣ 1500 г., постепенно впадаетъ въ оцѣпененіе. Незамѣтно для себя самой, слабая внутри отъ одичанія и болѣзней, она мало по малу утратитъ свои великія колоніи. Кто явится ея преемникомъ, какъ не Германія"?

Первымъ совмѣстнымъ дѣломъ германцевъ на зарѣ ихъ исторіи было уничтоженіе Римской имперіи и созданіе на ея развалинахъ новаго государства. Въ 20-мъ вѣкѣ Германія подъ главенствомъ Гогенцоллерновъ должна уничтожить подобно Риму дряхлѣющую Великобританскую имперію и на ея мѣстѣ создать новую Германскую всемірную державу.

Еще Наполеонъ пытался вырвать земной шаръ „изъ отвратительныхъ щупальцевъ этого спрута, этого Британскаго владычества, душащаго міръ". Но ему не удалось добиться освобожденія земного шара отъ „самой скучной, самой несносной, вульгарной, мѣщанской, какъ говоритъ Гейне, Имперіи". И это сдѣлаетъ Германія.

Тотъ же Трейчке является наиболѣе яркимъ выразителемъ нѣмецкаго англофобства. Онъ непрерывно указывалъ своему народу на необходимость войны съ Англіей, на уничтоженіе англійскаго господства на морѣ, называя это средствами, необходимыми Германіи, чтобы вступить на путь славы и мірового господства, по которому она обдуманно

шла въ теченіе всѣхъ вѣковъ своей исторіи. Оттониды въ 10-мъ вѣкѣ намѣтили этотъ планъ, а Гогенцоллернамъ суждено завершить его въ 20-мъ вѣкѣ.

По мнѣнію англійскаго профессора Крэмба,, міровое господство Великобританіи оскорбляетъ Трейчке, какъ человѣка, почти въ такой степени, какъ и нѣмца. Оно оскорбляетъ его, какъ человѣка своей безнравственностью, своимъ высокомѣріемъ и своей претенціозной самонадѣянностью. Оно оскорбляетъ его, какъ нѣмца потому, что онъ приписываетъ успѣхъ Англіи въ войнѣ за міровое господство, потому что Германія была занята болѣе возвышенными и болѣе духовными задачами. Не будь ея углубленія въ эти задачи и послѣдовавшей затѣмъ гражданской войны, то Германія сумѣла бы въ 17 и 18 вѣкахъ сдѣлать Дунай германской рѣкой и установить германское господство отъ Босфора до Инда. И не безъ основанія онъ опредѣляетъ англійскую политику въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ, какъ направленную главнымъ образомъ на подавленіе Пруссіи съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе политическіе дѣятели открыли подлинную природу этого государства и угадали предназначенную ему судьбой великую будущность. Развѣ не была Англія предательскимъ, но робкимъ врагомъ Пруссіи въ 1864—66—71 и, наконецъ 75 годахъ? Но главной причиной ненависти къ Англіи служитъ убѣжденіе, пріобрѣтавшее съ годами все большую силу, что міровое господство Англіи совершенно не соотвѣтствуетъ подлинной силѣ и внутренней цѣнности Великобританіи—разсматривается ли эта цѣнность въ политической, соціальной, умственной или правительственной области. Это ненависть къ обману. Это протестъ суроваго апостола дѣйствительности. Онъ постоянно указываетъ, что націи „лавочниковъ“ пора уходить со сцены, подчеркивая мѣтко и справедливо общую низость и все болѣе увеличивающуюся мелочность англійской политической жизни. То, что Трейчке ненавидитъ въ Англіи—то же самое, что ненавидѣлъ въ ней Наполеонъ: претенціозность, самодовольство посредственности, представляющія неподлинный патріотизмъ, не возвышенную и серьезную страстность Германіи въ 1813 и 1870 г.г., но узкую самонадѣянность—чувство, выраженное въ наиболѣе вульгарномъ изъ всѣхъ національныхъ гимновъ—„Rule Britania“ (?!).

По мнѣнію Трейчке, Британская Имперія создана не геніемъ, не храбростью и даже не великой системой управленія, какъ, напримѣръ, Венеція, а случайностью ея географи-

ческаго положенія, безпечностью другихъ націй, безмѣрной двуличностью ея министровъ и естественнымъ и врожденнымъ лицемѣріемъ всей націи. Это дало возможность вырасти этой чудовищной имперіи-колоссу съ глиняными ногами. И въ силу этого въ Трейчке сложилось убѣжденіе, что такая держава можетъ быть уничтожена. А съ какою радостью и ликованіемъ встрѣтили бы націи уничтоженіе расположеннаго на островѣ государства—„старой Англіи, по истинѣ старой, испорченной и насквозь прогнившей“!

Мы видимъ здѣсь, со стороны англійскаго профессора, какъ бы нѣкоторыя симпатіи къ нѣмцамъ и оправданіе ихъ политической логики. Тѣмъ интереснѣе становятся многія детали разсужданій выдающихся нѣмецкихъ умовъ.

Трейчке не былъ одинокъ въ своихъ мнѣніяхъ. Какъ профессоръ-историкъ, политикъ, членъ рейхстага онъ пользовался колоссальнымъ успѣхомъ во многочисленныхъ аудиторіяхъ. И онъ дѣйствительно заразилъ своимъ энтузіазмомъ десятки тысячъ студентовъ—будущихъ общественныхъ, государственныхъ дѣятелей и генераловъ. Настроеніе ихъ было совершенно опредѣленное.

„Должна ли Германія согласиться на то, чтобы Англія владѣла пятою частью земного шара, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ актовъ владѣнія, кромѣ первенства въ пиратствѣ? Неужели дѣйствительно все потеряно, и война за міровое господство кончена? Неужели на міровой аренѣ Германія, закованная въ блестящую броню, подобно запоздавшему борцу, явилась слишкомъ поздно на великій турниръ? Неужели судьба, подобно герольду, возвѣстила трубными звуками о томъ, что списокъ бойцевъ заполненъ? Развѣ германская молодежь согласится на такое трусливое отвлеченіе и не поплатится за это своею честью и своимъ мужествомъ? Въ этомъ сила и подлинное значеніе, неоднократно повторяемаго лозунга Бернгарди“: „Weltmacht odcr Niedergang“.

Бернгарди находитъ, что съ Англіей возможно постоянное или временное соглашеніе на слѣдующихъ условіяхъ:

„Если это соглашеніе будетъ постояннымъ, то существенные интересы Германіи должны быть вполнѣ обезпечены. Ничто не должно мѣшать необходимому нашему развитію. Это обстоятельство требуетъ отъ Англіи отказа отъ современнаго мірового владычества и признанія не только въ принципѣ, но и въ дѣйствительности равноправія Германіи съ Великобританіей. Въ европейской политикѣ Англія дол-

жна предоставить намъ полную свободу дѣйствій и заранѣе согласиться на всякое наше территоріальное расширеніе на континентѣ, будетъ ли это достигнуто при помощи среднеевропейскаго союза или даже войною съ Франціей. Въ нашемъ колоніальномъ расширеніи Англія не должна намъ мѣшать, насколько это расширеніе не совершается на ея счетъ. Она должна дать опредѣленное согласіе на преобразованіе владѣній въ Сѣверной Африкѣ въ пользу Германіи и Италіи. Англія должна принять на себя обязательство не препятствовать Австріи въ ея стремленіяхъ на Балканахъ; въ передней же Азіи она должна вполнѣ отстраниться, предоставивъ тамъ Германіи полную свободу, необходимую для расширенія ея экономической дѣятельности. И, наконецъ, Англія не должна дѣйствовать въ ущербъ развитію военно-морского могущества Германіи и въ будущемъ не препятствовать ей въ пріобрѣтеніи угольныхъ станцій".

Изъ этого мы видимъ, какой дорогой цѣной Англія могла бы купить миръ. Для этого ей пришлось бы совершенно отказаться отъ вѣковой колоніальной политики. И этотъ миръ былъ бы въ сущности временнымъ. Ибо, какъ только Германія достигла бы морского и колоніальнаго господства, а также расширилась бы на континентѣ, она, конечно, не потерпѣла бы существованія на равныхъ условіяхъ англійскаго господства. И все равно война становилась неминуемой.

Переходя къ колоніальной политикѣ Англіи и ея культурегерству, нѣмецкіе критики и тутъ утверждаютъ, что колоніи созданы безмѣрнымъ предательствомъ, насиліемъ, коварнымъ разжиганіемъ соперничества. Колоніи будто бы уже горятъ желаніемъ сбросить англійское иго и ждутъ только случая, подобно тому, какъ неумѣніе и ошибки англійскихъ министровъ привели къ отпаденію въ 1782 году Сѣверо-Американскихъ владѣній.

„Ваше владѣніе, говорятъ они, было ретроградным и непросвѣщеннымъ. Индія не только Италія Азіи. Она не только страна сказки, искусства и красоты. Она кромѣ того, центральный ковчегъ религіи на землѣ. Индія—сама по себѣ религія. Между тѣмъ какое пониманіе этого проявили вы, англичане? Вы явились въ Индію съ трубкой для куренія опіума въ одной рукѣ и съ библіей въ другой, Индія въ поискахъ за грезами приняла опіумъ со страстью отчаянія, библію же вашу она отшвырнула съ безмѣрнымъ презрѣніемъ и она проснулась отъ своего, навѣяннаго опіумомъ, сна лишь для того, чтобы дать глазамъ и душѣ новый объектъ энтузіазма для новаго поклоненія великимъ завѣтамъ своей рассы. Но офи-

церы вашей арміи и ваши чиновники неспособны прочитать страницу этихъ завѣтовъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться случаемъ предпринять новый и великій религіозный экспериментъ, вы, побѣдители, получивши взаймы свою собственную религію, явились къ самой самобытной расѣ на земномъ шарѣ и предложили ей взять взаймы у тѣхъ, которые сами являются должниками. Съ какимъ презрѣніемъ къ побѣдителямъ долженъ браминъ, погруженный въ изученіе величественныхъ и суровыхъ постиженій, встать въ полночь отъ своихъ занятій и, гуляя взадъ и впередъ подъ звѣздами, утѣшать себя за утраченную національность размышленіемъ о вопросѣ, потрясающемъ своимъ сарказмомъ и пафосомъ, что является для расы большимъ униженіемъ—быть ли должникомъ въ области управленія страной, или въ области религіи? Германія же съ каждымъ годомъ готовится предпринять этотъ великій религіозный экспериментъ. Развитіе нѣмецкой мысли отъ Канта до Фихте, отъ Гегеля и Шопенгауэра до Лотце, Гартмана и Ницше не знаетъ другой цѣли.

Тѣмъ не менѣе, хотя вы и потерпѣли въ области религіи вы могли бы имѣть такой успѣхъ, какой консульскій Римъ имѣлъ въ Элладѣ. Оказавшись неспособными повліять на Индію превосходствомъ ума или смѣлостью спекулятивной мысли, вы, однако, могли бы поразить воображеніе индуса вашей доблестью и организованною военной силою. Вы могли бы предстать предъ тремя стами милліонами индусовъ, вродѣ, великой націи Кшатрія—націи воиновъ. Вмѣсто этого вы пытаетесь содержать Индію въ подчиненіи еще меньшимъ количествомъ легіоновъ, чѣмъ то, въ которомъ нуждался Римъ для управленія первоначальной ничтожной британской расой. Вы приглашаете сотни молодыхъ индусовъ старинныхъ родовъ въ ваши университеты и школы. Съ какимъ чувствомъ должны они читать прославляющія міръ тирады, направленныя противъ вооруженной націи, которыя твердитъ тотъ, кто въ глубинѣ души рабъ и трусъ?

Вмѣсто того, чтобы предстать предъ ними, какъ нація Кшатріевъ, вы являетесь поистинѣ націей Вайсіевъ, націей лавочниковъ. Вы одни среди европейскихъ націй имѣете въ 20 вѣкѣ еще наемную армію. Только въ одинъ періодъ своей исторіи, утверждаетъ Трейчке, вы имѣли національную армію, и это было во времена Кромвеля. Когда англичане перестали быть солдатами, они навсегда утратили право на управленіе Индіей.

Итакъ, въ Индіи вы проявили явно безчестную и полную несостоятельность, ибо, какъ правительство и какъ нація,

вы потеряли, если допустить, что когда либо имѣли, три качества, уважаемыя Индійской расой: творческій геній въ религіозной области, военную доблесть и гордость раджи своимъ происхожденіемъ. Но особенно несостоятельными вы оказались потому, что перестали быть солдатами, потому что боитесь войны, потому что вы даете міру зрѣлище, невиданное со времени паденія Византійской Имперіи—робкой малодушной націи, полагающейся всецѣло на свой флотъ.

И какъ вы оказались несостоятельными въ Индіи, такъ окажетесь несостоятельными и въ Египтѣ, обладающемъ послѣ Индіи самой священной религіей на землѣ. До сихъ поръ вамъ удалось только сдѣлать его общедоступнымъ для туристовъ Мамелюки пощадили величіе пирамидъ. Наполеонъ, указывая на нихъ, могъ произнести свой великій призывъ: „Солдаты, сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!" Но вы прокрались въ Египетъ вслѣдствіе слабости Франціи подобно лисицѣ, прокрадывающейся въ курятникъ".

„Другая группа критиковъ, говоритъ профессоръ Крэмбъ,) направляетъ обвиненіе противъ разныхъ проявленій нашей гражданской и національной жизни, противъ нашей морали, нашего законодательства, нашихъ университетовъ и даже противъ англиканской церкви. Они утверждаютъ относительно національной религіи Англіи, что та религія, которую мы съ гордостью называемъ „Вселенской", является тѣмъ не менѣе самымъ мѣстнымъ изъ всѣхъ исповѣданій, порожденныхъ реформаціей. Лютеръ, Кальвинъ, даже Цвингли, нашли болѣе послѣдователей въ другихъ странахъ. Но англиканство... гдѣ прозелиты другихъ націй, сдѣлавшихъ эту религію своей, которая наполнила бы ихъ жизнь надеждой? Лѣтопись англиканства со времени его введенія столь же пуста, какъ его доктрина и ритуалъ. Завоевало ли оно хоть одну европейскую державу въ 18-мъ и 19-мъ вѣкѣ? А въ настоящее время оно не дало ни одного епископа, имя котораго было бы извѣстно за предѣлами его собственной епархіи, ни одного богослова, кто имѣлъ бы малѣйшее право на вниманіе человѣчества, если труды его не посвящены изслѣдованіямъ нѣмецкихъ ученыхъ въ его собственной наукѣ И, наконецъ, даже въ области богословской критики, гдѣ найти англійскаго Рейса или Ренана, гдѣ англійскій Фридрихъ Штраусъ"?**)*

„Критика нашихъ университетовъ ручейковъ съ нѣмецкаго Парнаса такъ основательно стара, что было бы скучно повто-

---

*) Крэмбъ. „Англія и Германія".

**) Англійскій богословъ Фарраръ: „Жизнь Іисуса Христа" и „Жизнь апостола Павла"? (примѣчаніе автора).

рять ее. Новая черточка прибавлена докторомъ Карломъ Беттихеромъ, который говоритъ: „Вы управляете милліонами людей, считающихъ свои священныя книги на санкритскомъ и арабскомъ языкахъ, но лучшіе образчики этого шрифта отлиты по нѣмецкимъ матрицамъ. Нѣмецъ научилъ васъ понимать значеніе религіи той мѣстности, которую вы считаете наибольшей драгоцѣнностью въ англійской коронѣ; нѣмецкой наукѣ вы обязаны первымъ толчкомъ для изученія каждой изъ четырехъ великихъ міровыхъ религій вашей имперіи—магометанства, зороастріонизма, буддизма и браманизма".

„Затѣмъ въ обвинительный актъ вводится еще обвиненіе противъ англійскаго законодательства, взятое изъ критическихъ отзывовъ англійской печати о нѣмецкихъ судебныхъ процессахъ, состоявшихся нѣсколько времени тому назадъ по поводу англійскихъ шпіоновъ. Нѣмцы утверждаютъ, что въ этой области Англія тоже движется по наклонной плоскости. Потомъ критики разсматриваютъ другія стороны нашей жизни, напримѣръ, нашу армію, вызывающую въ нихъ только презрѣніе. Вы хвастаете, что англійскій флотъ прикрѣпленъ къ костямъ убитыхъ англичанъ, но отъ Блингейма (война за испанское наслѣдство) до „la belle alliance" (Освободителеная война противъ Наполеона) германская доблесть растоцала германскую кровь, завоевывая ваши побѣды. Даже Гибралтаръ былъ взятъ для васъ иностранной силой подъ предводительствомъ нѣмецкаго князя, (этотъ вопросъ совершенно невыясненъ исторіей) и, наконецъ, еще разъ 8 го іюля 1815 года наступленіе Блюхера и его прусскихъ корпусовъ спасло вашу армію отъ гибели. И не сообщилъ ли намъ профессоръ Дальбрюкъ во время войны съ бурами, что ваши солдаты при наступленіи на непріятеля связали бурскихъ женщинъ, заставляя ихъ образовать щитъ для охраны англичанъ отъ снарядовъ оскорбленныхъ мужей и отцовъ? И не знаемъ ли мы изъ обсужденій въ нашей Kriegschule, что ваши солдаты бросали оружіе, если каждый десятый и порою даже пятнадцатый человѣкъ падалъ раненымъ, тогда какъ въ 1870 году наши нѣмцы оставались невозмутимыми даже въ то время, когда кругомъ падалъ каждый третій солдатъ?

И, наконецъ, обращаясь къ англійскому обществу, обвиненіе со всей своей силой останавливается на борьбѣ женщинъ за избирательное право, характеризовавшее англійскую жизнь въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Не является ли суффражистка съ громкимъ голосомъ, съ неотесаннымъ умомъ, прокрадывающаяся подобно вору съ топоромъ въ рукавѣ, представительницей англійскихъ женщинъ въ глазахъ цивилизованнаго міра? Этой карикатурѣ они противопоставляютъ изображеніе нѣмецкой женщины и ея добродѣтелей, ея достоинствъ и простоты. Они цитируютъ прекрасный

отвѣтъ прусской матери во время освободительной войны въ 1813 г.: „Какая самая благородная мать? Та, которая дала больше всего сыновей, чтобы умереть за отечество". Или еще они цитируютъ королеву Луизу: „Міръ дѣтей достаточенъ для меня". А, между тѣмъ, она была способна оцѣнить Гете. Нѣмецкія женщины, утверждаютъ они, тоже пошли на войну, но нѣмецкія женщины воюютъ не противъ цвѣточныхъ клумбъ или лужаекъ для игры въ гольфъ, не противъ неодушевленныхъ почтовыхъ ящиковъ или витринъ магазиновъ, но какъ солдаты противъ солдатъ. Они приводятъ трагическіе и патетическіе инциденты, имѣвшіе мѣсто во время великой освободительной войны 100 лѣтъ тому назадъ, и оттуда они возвращаются еще на четыре года назадъ къ инцидентамъ, происшедшимъ на поляхъ сраженія во время героическаго возстанія пруссака Шилля въ 1809 году, когда неоднократно, при снятіи каски съ убитаго потокъ золотистыхъ волосъ падалъ изъ подъ каски до таліи убитаго. Вотъ какъ нѣмецкія женщины идутъ на войну, говорятъ они!

Здѣсь не мѣсто разбирать, насколько этотъ обвинительный актъ вѣренъ или не вѣренъ. Важно то, что отдѣльные пункты его принимаются сейчасъ тысячами нѣмцевъ за вѣрный портретъ Англіи и англичанъ. Не слѣдуетъ считать это отголоскомъ бурской войны; самый долгій отголосокъ не длится двѣнадцать лѣтъ.

Значеніе этого обвинительнаго акта заключается въ его моральномъ презрѣніи. И выводъ изъ него можетъ быть сдѣланъ слѣдующій: какъ можетъ упрямство великой, не военной державы, раскинувшейся по земному шару, быть терпимо военной націей? Не должна ли нація, присвоившая себѣ такое мірового владычество быть вызвана на поединокъ? Тотъ, кто выступаетъ противъ Англіи, не грѣшитъ передъ свѣтомъ и не совершаетъ преступленія передъ человѣчествомъ. Англія падаетъ потому, что она должна пасть. Она уже сдѣлала величайшее напряженіе. Это обнаруживается въ ея уговариваніи Германію разоружиться. Почему Бельгію и Парагвая не предложить Германіи ограничить свои вооруженія? Какъ поступила Англія съ Даніей въ 1801 и потомъ снова 1807 году? Вотъ вамъ резюме всей исторіи Англіи. Но теперь, когда она чувствуетъ, что силы ее покидаютъ, теперь когда ея часъ пробилъ, она заговариваетъ съ другими о разоруженіи! Впервые въ исторіи дѣлается такое предложеніе и оно соотвѣтствуетъ лицемѣрію этой державы. Англія можетъ постепенно приходить въ упадокъ отъ внутренняго истощенія подобно тому, какъ Венеція постепенно падала послѣ 1500 года, умирая отъ старческой немощи, пока она не рухнула отъ одного прикосновенія Наполеоновской сабли; и если Англія еще сильна

духомъ, то она можетъ погибнуть отъ удара штыкомъ въ сердце, но погибнуть она должна во всякомъ случаѣ. И тутъ приводится сужденіе Генриха фонъ Трейчке, человѣка, занимающаго такое положеніе, какъ будто онъ является поэтомъ—лауреатомъ, воспѣвающимъ въ прозѣ бисмаркизмъ и династію Гогенцоллерновъ. Трейчке говоритъ: „вещь всецѣло представляющая собою мистификацію, не можетъ существовать вѣчно. Она можетъ жить нѣкоторое время, но гибель ея несомнѣнна; для нея нѣтъ мѣста въ мірѣ, управляемомъ доблестью и стремленіемъ къ силѣ". И слова его относились къ Англіи.

Предсказаніе, сдѣланное Нибуромъ 80 лѣтъ тому назадъ и предвѣщанное Штейномъ передъ смертью о паденіи Великобританіи, считается теперь критиками близящимся къ осуществленію. Неизвѣстны лишь способы этого осуществленія".

Какъ же реагировала Англія на такое развитіе ненависти и обвиненій? Англія не знала или молчала. По этому поводу проф. Крэмбъ говоритъ: *„Когда я обращаюсь къ Англіи, я вижу апатію или тупое равнодушіе націи, когда, напримѣръ, я вижу умышленное или враждебное молчаніе или громкія клеветы, сопровождающія въ послѣдніе семь лѣтъ кампанію, предпринятую лордомъ Робертсомъ (о необходимости введенія всеобщей воинской повинности), и, когда въ противуположность этой апатіи, я наблюдаю въ нынѣшнемъ февралѣ 1913 года клокочущую во всей Германіи энергію, направленную къ одной опредѣленной цѣли, ея усилія двигаться впередъ, ея внутреннюю жизнь, ея армію, ея флотъ, мнѣ кажется, что я снова слышу топотъ великой рати. Это войско Аларика!"*

Но если англійское общество оставалось въ невѣдѣніи, то вѣдь правительство знало, что происходитъ въ Германіи. Оно знало и, будучи безсильно добиться всеобщей воинской повинности, предложило въ 1907 году Германіи морскіе каникулы, т. е. низвести нѣмецкую программу съ трехъ дредноутовъ на два. Это предложеніе было понято, какъ результатъ англійской изворотливости и трусости. Оно было отвергнуто нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ: „вы, величайшее пиратское государство, теперь въ 20-мъ вѣкѣ думаете, что время войны минуло для міра потому, что вы пресыщены добычей; теперь вы проповѣдуете намъ нѣмцамъ всеобщій миръ, арбитражъ и уменьшеніе вооруженій, но мы стоимъ за то, что время войны еще не прошло". Германское же правительство отвѣтило ускореніемъ программы и увеличеніемъ смѣтъ. Былъ введенъ военный налогъ въ размѣрѣ милліарда марокъ на крѣпости, воздушный флотъ и казармы. Увеличена численность арміи въ мирное время съ 600 до

800 тысячъ. Бетманъ-Гольвегъ въ 1911 году сказалъ, что жизненная сила націи является единственнымъ мѣриломъ ея вооруженній. Этимъ онъ въ сущности повторилъ истину, сказанную въ 1890 году Трейче, что вооруженная сила націи—лишь только выраженіе желанія добиться власти, жить и что это желаніе должно усиливаться съ жизнью. Отсюда высокомѣріе Бернгарди, его гордость своимъ отечествомъ и своимъ великимъ прошлымъ, его вѣра въ еще болѣе великое будущее Германіи, какъ избранной націи, надѣленной правомъ преслѣдовать высокую цѣль—управлять человѣчествомъ въ будущемъ. Англія строила свои планы на мечтѣ о германскомъ согласіи на разоруженіе, и ей предстояло кровавое и ужасное пробужденіе.

По мнѣнію проф. Крэмба, все болѣе распространяющіяся идеи пасифизма, желаніе отдѣлаться отъ воинской повинности откупомъ, угрожаютъ Англіи ужасной опасностью. Возникшая война показала, что онъ былъ правъ. Еще болѣе интересны разсужденія Крэмба о будущемъ Англіи, какъ Имперіи.

„Позвольте мнѣ иллюстрировать свой отвѣтъ примѣромъ изъ греческой исторіи. Въ ночь передъ тѣмъ, какъ Александръ Македонскій отправился на востокъ для той же завоевательной дѣятельности, въ которой подобно Ахиллу, его великому образцу ему суждено было обрѣсти славу и раннюю смерть, онъ на прощаніе встрѣтился съ человѣкомъ, когда-то бывшимъ его учителемъ, а теперь главою зарождающейся школы мыслителей. Къ концу бесѣды Аристотель сказалъ македонцу:

„Ты приступаешь къ осуществленію предпріятія, которое приведетъ тебя во многія страны и ко многимъ народамъ; изъ нихъ иные уже прославились въ области искусства и военными доблестями, другіе же еще дики и малоизвѣстны. Но я дамъ тебѣ послѣдній совѣтъ: куда бы ни привели тебя побѣды, не забывай никогда, что ты грекъ; проводи всюду твердой рукой черту, отдѣляющую грека отъ варвара“.—„Нѣтъ, отвѣтилъ молодой завоеватель, (ему тогда исполнилось 22 года) я хочу преслѣдовать иную цѣль. Я хочу всѣхъ сдѣлать эллинами. Это будетъ цѣлью моихъ побѣдъ“.

Мудрость воина на этотъ разъ была болѣе глубокой, чѣмъ мудрость величайшаго мыслителя всѣхъ временъ.

Двумя столѣтіями позже одинъ греческій писатель далъ большую опредѣленность отвѣту македонца, изобразивъ вліяніе греческаго духа во время Римскаго владычества, какъ стараньe

внушить всѣмъ греческое міровоззрѣніе, сдѣлать всѣхъ способными разсматривать жизнь человѣка, его поступки, его прошлое и будущее съ точки зрѣнія грека.

Точно также, если бы меня спросили, какъ выразить въ одной фразѣ общую цѣль британскаго имперіализма въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиной вѣковъ, я отвѣтилъ бы съ духъ Діонисія: дать всѣмъ живущимъ въ предѣлахъ Британской Имперіи, англійское міровоззрѣніе, сдѣлать ихъ способными смотрѣть на жизнь человѣка въ прошломъ и въ будущемъ съ точки зрѣнія англичанина; распространить въ предѣлахъ Имперіи ту высокую религіозную терпимость, которой отличалась эта Имперія со временъ своего основанія; то почтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость передъ таинственностью жизни и смерти, которой отличались наши великіе поэты и мыслители, ту любовь къ свободнымъ учрежденіямъ, то стремленіе къ увеличенію справедливости и свободы, которыя основательно или неосновательно мы приписываемъ темпераменту и характеру нашей расы всюду, гдѣ она господствуетъ.

Таково пониманіе Англіей мірового господства—пониманіе остающееся неизмѣннымъ, несмотря на перемѣнчивую судьбу партіи и паденіе кабинетовъ. Оно переживаетъ поколѣнія людей. Подобно безсмертной энергіи оно связываетъ одну эпоху съ другой. Этотъ безсмертный духъ представляетъ собой подлинную Англію, подлинную Британію, за которую люди борются и страдаютъ всюду и во всѣ эпохи, которая молчаливо управляетъ ихъ дѣйствіями и опредѣляетъ ихъ характеръ на подобіе внутренняго закона. Это то, что вселяетъ надежду въ безнадежныя эпохи, внушая безсмертную силу государственному дѣятелю въ его кабинетъ и солдату на полѣ битвы.

Правительство или министръ, обладая властью, можетъ какъ будто произвольно вызвать войну, влекущую за собой страданіе и смерть тысячъ людей; но солдатъ умираетъ не за правительство, не за министра. Лежа въ агоніи, погружаясь во тьму, онъ чувствуетъ въ себѣ сознаніе той и болѣе великой, таинственной безсмертной, стремящейся впередъ, силы, которая, называйте ее Богомъ или судьбой, воплощается въ Англіи. Ибо Англія представляетъ собою эту силу. За нее сражается солдатъ на полѣ битвы, будь то побѣда или пораженіе. Это духовная цѣль, соединяющая одно столѣтіе съ другимъ.

Внушить всѣмъ людямъ, живущимъ въ предѣлахъ Британской Имперіи, англійское міровоззрѣніе—это было цѣлью нашей Имперіи въ прошломъ. Тотъ, кто говоритъ о величіи Англіи, говоритъ

объ этомъ. Репутація Англіи, ея слава основаны на этомъ безсмертномъ, нетлѣнномъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, качествѣ. Ибо, если бы вслѣдствіе какой нибудь катастрофы въ природѣ наши острова и все живущее на нихъ исчезли съ лица земли и были потоплены, если бы завтра солнце взошло надъ міромъ, на которомъ не было бы больше Англіи, все же англійскій духъ и англійская цѣль продолжали бы, не взирая на это крушеніе, существовать въ другихъ странахъ.

На германское обвиненіе, что въ Индіи Англія не сдѣлала опыта основать религію, можно отвѣтить, что болѣе чѣмъ кто либо другой она позволила генію расы продолжать развиваться по своему и что религіозная пропаганда никогда не входила въ ея политическую программу. Она даже, время отъ времени, останавливала неумѣстное или чрезмѣрное усердіе своихъ собственныхъ миссіонеровъ.

Внушить всѣмъ людямъ англійское міровоззрѣніе—этотъ идеалъ былъ нашей руководящей звѣздой во всѣ времена существованія нашей Имперіи.

Въ 20-мъ вѣкѣ Англія достигла того этапа въ своей имперской дѣятельности, когда ея политика, какой бы она ни была въ прошломъ, рѣшительно становится политикой мира, а не войны, внутренней организаціи, а не внѣшнихъ завоеваній. Задачей Англіи теперь является эволюція не внѣшняго единообразія, а внутренней гармоніи, организація уже принадлежащей намъ Имперіи, основаніе парламента, представляющаго всю Имперію. Новыя проблемы всякаго рода, возникающія въ ея собственныхъ предѣлахъ, настоятельно требуютъ разрѣшенія въ Индіи, въ Египтѣ, въ Канадѣ и въ Индійскомъ океанѣ. Какъ слѣдуетъ организовать центральное правительство этой обширной и сложной Имперіи? Кто долженъ составлять имперскій совѣтъ или имперскій парламентъ? На какихъ основаніяхъ должны быть избираемы его члены и среди кого и кѣмъ? Получается впечатлѣніе, будто политическій геній націи или Имперіи долженъ создать не только новую школу государственныхъ дѣятелей, но почти новую государственную дѣятельность. Вопросъ о возрожденіи въ связи съ преобразованіемъ въ военномъ искусствѣ не менѣе настоятельно требуетъ своего разрѣшенія. Если самоуправляющіяся колоніи, какъ Канада, Австралія, Новая Зеландія, Южная Африка собственныя арміи и собственный флотъ, то кому быть верховнымъ начальникомъ надъ этими арміями; въ какихъ докахъ эти флоты должны строиться; кто долженъ ихъ снаряжать; и каково должно быть участіе каждаго отдѣльнаго государства или правительственной единицы въ управленіи ими? Можно ли предположить, если принципы (возможно большая свобода, возможно большая справедливость), сдѣлавшіе Англію міровой Имперіей, будутъ продолжать существовать, можно ли предположить, что эти организованныя страны, эти государства, уже насчитывающія 15 или 16 милліоновъ жителей, будутъ довольствоваться доставленіемъ средствъ для войны и мира, не имѣя однако въ рѣшеніи

этихъ вопросовъ? Это совершенно немыслимо. И опять таки мы встрѣчаемся тутъ съ широкой и еще болѣе запутанной проблемой, касающейся Индіи. Какъ и при помощи какого усилія воображенія можно распространить эту свободу и справедливость на Индію? И къ этой проблемѣ можно еще прибавить проблему Египта. Это только главные пункты, запутаннаго узла вопросовъ, которые съ каждымъ годомъ и десятилѣтіемъ будутъ настойчивѣе требовать разрѣшенія.

Какой-то французскій мыслитель опредѣлилъ свободу, какъ способность упражнять свою волю въ безстрашномъ стремленіи къ достиженію возвышеннѣйшихъ цѣлей. Ибо только это даетъ уму то спокойствіе, ту безопасность, въ точномъ смыслѣ этого слова, которыя необходимы, чтобы свободно развернуть всѣ великія качества ума. И это спокойствіе, эта увѣренность больше всего необходима теперь Англіи. Но именно этого спокойствія, этой увѣренности она не можетъ найти. Ибо сколько бы Англія ни просила о мирѣ, чтобы имѣть возможность разрѣшить свои политическія задачи, тамъ, по ту сторону Сѣвернаго моря, остается суровый дозорный, бодрствующій, неутомимый, прикованный къ своей судьбѣ, преслѣдующій неуклонно, безтрепетно свою собственную отдаленную цѣль, взвѣшивающій всякій шагъ Англіи, отмѣчая всякій признакъ ея слабости

Такъ стремленіе Германіи къ власти трагически сталкивается съ стремленіемъ Англіи къ миру. Здѣсь заложена причина вражды. Каковъ будетъ исходъ?

Такъ стоитъ вопросъ, и это трудный вопросъ—болѣе трудный для нѣмца, чѣмъ для англичанина. Говорить о „миролюбивомъ соперничествѣ“, не значитъ отвѣтить Я никогда не могъ понять, что означаютъ эти слова миролюбивое соперничество, „великодушное соревнованіе“ и сравненіе со скаковыми лошадьми на полѣ скачекъ. Даже, если бы нѣчто подобное было возможно или мыслимо въ исторіи націи—а въ исторіи нѣтъ примѣра такого „миролюбиваго соперничества“—или какого бы то ни было „великодушнаго соревнованія“—но даже, если бы это было возможнымъ, каково должно быть настроеніе современнаго молодого и пылкаго нѣмца, чувствующаго въ своей націи почти безграничную силу и видящаго только одного великаго противника, одно великое препятствіе на пути къ осуществленію мірового идеала его расы? Такихъ нѣмцевъ десятки тысячъ. Что подумаете о нихъ вы или я, если они станутъ спокойно сидѣть сложа руки въ миролюбивомъ соперничествѣ или въ великодушномъ соревнованіи съ Англіей державой, изображаемой ихъ вождями и мыслителями уже плетущейся къ могилѣ? Можетъ ли проснуться въ нихъ какой либо иной духъ, нежели тотъ, на который я указалъ выше?

Я жилъ среди нѣмцевъ и много читалъ по исторіи и литературѣ Германіи. Меня взволновала, какъ волнуетъ движеніе прилива или большихъ рѣкъ, величественность движенія, которымъ Германія со временъ саксонцевъ и гогенштауфеновъ, послѣ вѣковъ феодальной анархіи и раздробленія на отдѣльныя княжества — раздробленія еще болѣе усиленнаго конвульсивными содроганіями религіозной борьбы, достигла своего теперешняго положенія; и при всемъ желаніи я не вижу иного, кромѣ трагическаго исхода изъ нынѣшняго столкновенія идеаловъ. Правда, Англія желаетъ мира; правда, Англія никогда не начнетъ войны съ Германіей. Но какъ примирится нѣмецкая молодежь, молодое поколѣніе націи, достигшее великихъ результатовъ въ искусствахъ и въ военномъ отношеніи, съ міровымъ господствомъ Англіи? Съ какими мыслями читаютъ они исторію и литературу своей страны? Если бы изъ любви къ миру или изъ боязни войны Германія смирилась, то ей казалось бы, что ея великіе солдаты напрасно сражались, что долгое эхо ея сраженій прокатилось, какъ пустой звукъ, что Великій Курфюрстъ и Фридрихъ, Штейнъ, и Шарнгорстъ и Бисмаркъ трудились напрасно, что ея мыслители думали и ея поэты грезили тоже не менѣе напрасно Но если съ другой стороны храбрость Германіи еще не стала приходить въ упадокъ, то исходъ несомнѣненъ и — скорый исходъ. Это война.

Мы въ Англіи постепенно усваиваемъ опасныя традиціи полагаться больше на союзы, чѣмъ на нашу собственную силу. Великая нація полагается главнымъ образомъ на себя и только затѣмъ на союзниковъ, хотя бы они были самыми тѣсными, потому что глубоко въ сердцѣ каждой націи лежитъ старая, крѣпкая злоба, которая въ моментъ кризиса можетъ вспыхнуть прежнимъ пламенемъ. Война часто обнаруживала вражду между двумя державами, казавшимися друзьями и симпатіи между державами, казавшимися враждебными. Такъ, напр., у насъ много говорятъ о Тройственномъ согласіи; но сколько лѣтъ продолжается наша дружба съ Франціей и на чемъ она основана? Со времени Ватерло еще не прошло ста лѣтъ; а Фашода совсѣмъ недавнее событіе; и около 50 лѣтъ тому назадъ между этими двумя событіями недостойный ужасъ передъ французскимъ вторженіемъ создалъ нелѣпую систему волонтеровъ, которую не менѣе недостойный ужасъ передъ Германіей недавно преобразовалъ въ еще болѣе нелѣпую территоріальную армію.

Быть можетъ, для Англіи еще сутествуетъ другой исходъ, кромѣ войны. Избѣгая войны и молчаливо соглашаясь играть подчиненную роль, Англія можетъ избрать политику

уступокъ по отношенію къ врагу, котораго она боится и, въ виду того, что одно дипломатическое пораженіе влечетъ за собою другое, постепенно падая, занять второстепенное мѣсто въ европейскихъ и міровыхъ соглашеніяхъ. Въ такомъ поведеніи нѣтъ ничего безусловно позорнаго. Уступки дѣлались бы съ довольно большими промежутками, и народъ, погрузившійся въ оцѣпѣненіе и равнодушіе, легко можно усыплять министерской осторожностью въ выборѣ словъ и трактованій событій. Повседневная жизнь шла бы по прежнему: забастовки учащались бы и расхищеніе капитала ускорилось бы; нерадѣніе все больше овладѣвало бы всѣми классами и подобно тому, что было въ Византіи 13-го вѣка, тщеславіе дряхлаго народа проявлялось бы въ учтивомъ чванствѣ. Тогда въ самомъ дѣлѣ судьба Англіи стала бы похожей на судьбу Венеціи въ 16-мъ вѣкѣ, покуда какой нибудь воинъ, одержимый болѣе откровенными или болѣе грубыми стремленіями, не положилъ бы конца ея кажущейся независимости, подобно тому, какъ при Кампо-Форміо Наполеонъ покончилъ съ обманчивой независимостью Венеціи.

Но неужели творческая сила, создавшая эту старую и знаменитую имперію дѣйствительно изсякла? Умираетъ она въ насъ или чахнетъ? Или эти теперешнія апатія и равнодушіе представляютъ собой временное явленіе, которое пройдетъ?

Даже теперь, даже въ 1913 году, когда я разсматриваю Англію—эту обширную и сложную имперію, которую она себѣ медленно создала, ея колоніи, ея владѣнія, космическую энергію, которая какъ будто оживляетъ массы въ ихъ коллективной жизни и въ отдѣльныхъ государствахъ и княжествахъ—всякія сравненія съ вымирающими имперіями кажутся непримѣнимыми и легкомысленными. Какова бы ни была судьба Англіи, она не будетъ судьбою Венеціи или Византіи. И въ подтвержденіе правильности этого впечатлѣнія или убѣжденія, я какъ будто вижу всюду проблески новой жизни, какъ будто слышу топотъ армій, одушевленныхъ болѣе новымъ рыцарскимъ чувствомъ, чѣмъ армія Креси, и какъ будто различаю на горизонтѣ очертанія флотовъ, экипажъ которыхъ обладаетъ такой же героической рѣшимостью, какъ спутники Нельсона или Роднея.

Англія до сихъ поръ ничего не знала о грозящей ей опасности. Демократическая Англія ничего не знала о войнѣ. Полная эмансипація англійскаго народа произошла лишь въ 1867 и 1885 годахъ, и послѣ 1867 года какую большую опасность или войну пришлось испытать освобожденной демокра-

тіи? Но не поймет ли со временемъ демократія, что ея собственная сила, ея собственныя привилегіи зависятъ отъ размѣра, въ какомъ она приметъ на себя не только права, но также обязанности и отвѣтственность передъ тѣми, кто предшествовалъ ей въ управленіи островами феодальныхъ барановъ, не только смѣло пошедшихъ противъ короля Іоанна Безземельнаго при Раннимезѣ, но также сражавшихся на поляхъ Франціи отъ Кресси до Кастиліона; торговаго класса, который въ 16, 17 и 18 вѣкахъ, соперничая въ предпріимчивости и смѣлости съ феодальными вождями прошлыхъ временъ, широко раздвинулъ границы нашей имперіи на востокъ и на западъ?....

Примѣчаніе: эта глава осталась неоконченной. Лекторъ собирался, новидимому, говорить о правительствѣ, которое вело и выдержало войну съ Наполеономъ.

Но въ конечномъ счетѣ можетъ быть высказана лишь слѣдующая надежда: англійская нація и раса постепенно поймутъ, что для того, чтобы выполнить задачу внутренней организаціи при томъ спокойствіи духа, которое необходимо для проведенія высокихъ политическихъ цѣлей, Англія должна разсчитывать только на себя...

... Если страшному событію войны съ Германіей—если это дѣйствительно страшное событіе—когда либо суждено свершится, то земля увидитъ столкновеніе, которое болѣе чѣмъ что либо напомнитъ описаніе великихъ греческихъ войнъ: „Герои сражающіеся съ героями, и надъ ними гнѣвные боги“.

Когда читаешь теперь эти строки, написанныя въ началѣ 1913 года, то невольно поражаешься этому научному пророчеству. Дѣйствительно, къ 20-му вѣку Англія окончила свою внѣшнюю политику расширенія и была занята внутренней организаціей. Она меньше всего думала о войнѣ и за это жестоко поплатилась. Однако, четырехлѣтняя война доказала, что Англія не вымирающая нація. Она проявляетъ то, что уже неоднократно проявляла въ прошедшіе вѣка: чрезвычайное упорство и вѣру въ свою непобѣдимость. Столѣтняя война съ Франціей, почти двадцатилѣтняя съ Наполеономъ, многочисленныя неудачи въ Египтѣ въ 19-мъ вѣкѣ, окончившіяся все же побѣдой, неудачи Бурской войны въ началѣ и успѣхъ въ концѣ—все это однородное явленіе чисто англійскаго характера.

И какъ ошибался Трейчке, когда утверждалъ, что англійскія колоніи готовы отпасть отъ Англіи и ждутъ только удобнаго случая! Ни одна колонія не отпала, не воспользовалась затруднительностью Англіи. Наоборотъ, всѣ колоніи принесли жертвы для метрополіи подобно взрослымъ дѣтямъ, помогающимъ своимъ старымъ родителямъ. Если мы вспомнимъ, что южной Африкѣ была предоставлена автономія еще раньше, чѣмъ слѣды Англо-бурской войны исчезли на поляхъ и фермахъ, то намъ ясно будетъ, почему колоніи предпочитаютъ быть подъ владычествомъ и защитой Англіи, нежели Германіи. „Англійскій спрутъ, душающій міръ“, видимо, вовсе не страшенъ и его желѣзныя объятія предпочительны германскому бронированному кулаку, мечтающему о распространеніи и утвержденій новой религіи доблести. Вся исторія Англіи показываетъ, что колоніи держатся вовсе не насиліемъ, а умной политикой, терпимостью и тѣми выгодами, которыя даетъ имъ протекторатъ Англіи. Даже бывшая колонія Англіи, нынѣ Великая Заатлантлическая республика, пришла ей на помощь. Конечно, матеріальные интересы, опасеніе за будущее господство Германіи здѣсь играли важную роль, но безусловно сказалась и духовная связь—духъ старой Англіи, ея предковъ, впервые обосновавшихся въ Новомъ Свѣтѣ и сохранившихъ всѣ взгляды и традиціи старой Англіи. Пусть высчитываютъ, сколько теперь въ въ Америкѣ евреевъ, славянъ, нѣмцевъ и другихъ народностей, но янки безусловно сохраняютъ англійское міровоззрѣніе и англійскій характеръ.

Слишкомъ великъ еще этотъ англійскій духъ, слишкомъ распространенъ въ мірѣ и далекъ отъ дряхлости. И какъ ни велики были государственные умы въ Германіи, но они слишкомъ рано выступили на міровую борьбу и слишкомъ поздно поняли ошибку. „Gott strafe England“—это было признаніе, что Англія главный врагъ Германіи въ этой міровой войнѣ. Будетъ ли онъ великодушенъ? Онъ бывалъ такимъ въ исторіи, но сейчасъ слишкомъ связанъ условіями и обязательствами со своими союзниками, слишкомъ много принесъ жертвъ и потому трудно ожидать великодушія.

Основныя черты расы исторія сохраняетъ. Тотъ „furior teutonicus“ (тевтонская ярость), которой отличались тевтоны въ войнахъ съ римлянами, сохранилась у нѣмцевъ до сихъ поръ. Она была примѣнена Фридрихомъ Великимъ въ семилѣтней и Гинденбургомъ въ этой войнѣ и выразилась въ молніеносномъ наступленіи на Францію. Подобно Фридриху

Гинденбургъ бросался поочередно, то на востокъ, то на западъ, нанося пораженія своимъ врагамъ. Но слишкомъ затянулась война, въ которой выступило на сцену англійское упорство въ противовѣсъ германской ярости. Въ семилѣтней войнѣ Фридриха спасъ капризъ исторіи въ лицѣ Петра III-го. Послужитъ ли теперь такимъ капризомъ русская революція?

Октябрь 1918 г.

V. Германія и Франція.

„Франція должна быть парализована, потому что она никогда не проститъ намъ нашихъ побѣдъ".

Бисмаркъ 1870 годъ.

Взаимоотношенія этихъ двухъ государствъ сложились изъ двухъ факторовъ. Это прежде всего родственные народы, ибо французы не совсѣмъ чистые галлы, а смѣсь галловъ и германцевъ. Они составляли когда-то при Карлѣ Великомъ одно государство. Затѣмъ, государства эти сосѣди и, какъ таковыя, они въ продолженіи вѣковъ враждовали между собою и спорили изъ-за границъ, взаимнаго господства и соперничества. Поэтому краткое изложеніе исторіи Франціи, въ видѣ конспекта того, что каждый изъ насъ когда то проходилъ на школьной скамьѣ, необходимо.

Нынѣшняя Франція входила во времена Римскаго владычества въ составъ Заальпійской Галліи-страны, ограниченной тогда Средиземнымъ моремъ, Пиринеями, Атлантическимъ океаномъ, Ламаншемъ, Рейномъ и Альпами. Война Цезаря въ Галліи, его побѣды надъ Вертингеториксомъ—извѣстны. Галлія отошла отъ Рима во время великаго переселенія народовъ, когда въ нее проникли германскія племена: франки, аллеманы, вестготы и др. Такимъ образомъ, французы, происходя отъ древнихъ галловъ, родственны нѣмцамъ со стороны франковъ и другихъ германскихъ племенъ.

При германскомъ императорѣ, Карлѣ Великомъ, Франція входила въ составъ обширной германской имперіи. По Верденскому договору 843 года создалась современная Франція, отдѣленная отъ прежней Галліи, Лотарингіи и Бургундіи, отошедшихъ надолго къ Германіи. Она досталась сыну Карла Великаго, Карлу второму—лысому (843—877), династія котораго управляла до 987 г. Въ это время постепенно царство-

вали: Карсъ Лысый, Людовикъ II и III, Карломанъ, Карлъ-Толстый, графъ Эвдъ, Карлъ III, Людовикъ IV, Лотарь и Людовикъ V- Лѣнивый.

При Каролингахъ Франція много терпѣла отъ нападеній со стороны норманновъ съ сѣвера и сарацинъ съ юга. Въ это время и начался процессъ феодализаціи. Королевскимъ намѣстникамъ за ихъ службу давались королемъ помѣстья, превращавшіяся въ частную собственность, причемъ каждый такой намѣстникъ — графъ пользовался государственной властью надъ жителями ввѣреннаго ему округа. Такимъ образомъ Франція распалась на множество мелкихъ владѣній графствъ, герцогствъ: Фландрія, Нормандія, Бургундія, Гіенъ, Гасконь, Тулуза и пр., которыя до сихъ поръ сохранили свои географическія названія. Это случилось въ десятомъ вѣкѣ. Страна легко дѣлалась добычей воинственныхъ сосѣдей, и потому стали возникать союзы государей—помѣщиковъ подъ гегемоніей наиболѣе сильныхъ изъ нихъ. Карлъ-Толстый еще разъ соединилъ Францію и Германію подъ своею властью, но послѣ его смерти центробѣжныя силы взяли верхъ. Каролинги не сумѣли удержать власти, роздавъ землю крупнымъ феодаламъ и тѣмъ ввергнувъ страну въ междуусобія и сдѣлавъ ее легкой добычей сосѣдей.

Въ 987 году князья передали корону одному изъ княжескихъ родовъ Гугону Капету, положившему начало династіи Капетинговъ (послѣдующія династіи—Валуа и Бурбоновъ лишь отпрыски этого рода). Первые Капетинги были заняты дома въ своемъ герцогствѣ и графствѣ Парижскомъ, почему власть ихъ была очень слаба на остальной территоріи. Они продолжали раздавать землю своимъ родственникамъ, развивая дальше феодальную систему. Ихъ вассалы были настолько самостоятельны, что при Филиппѣ первомъ (1060—1108) герцогъ Нормандскій, Вильгельмъ, завоевалъ Англію, а нѣкоторые другіе принимали участіе въ крестовыхъ походахъ независимо отъ короля, который сидѣлъ дома. Все же Капетинги имѣли значеніе, какъ глава феодальной лѣстницы и „помазанники Божіи". Монархія была наслѣдственной, а не выборная, какъ въ Германіи. Все зависило отъ личныхъ качествъ королей.

Постепенно короли въ союзѣ съ духовенствомъ и горожанами ограничивали власть вассаловъ.

Особенно важные успѣхи были сдѣланы королевской властью при Филиппѣ IV—Красивомъ (1285—1314), который

продолжалъ собирать подъ своею властью отдѣльные феоды и расширялъ ее при помощи войны съ Англіей. Въ общемъ, при послѣднихъ Капетингахъ Людовикѣ X (1314- 1316), Филиппѣ V (1316—1322) и Карлѣ IV (1322—1328) феодальная монархія превращается въ сословную. Начиная съ 12-го вѣка, Франція играла важную роль въ Европѣ. Ея рыцарство, порядки и нравы были образцомъ для подражанія въ другихъ странахъ. Развилась торговля и началось значительное умственное движеніе.

Въ теченіе XIV—XIV вѣковъ совершается переходъ отъ политическаго феодализма къ абсолютизму черезъ сословную монархію, въ которой короли, сдѣлавшись единственными государями страны, должны дѣлиться властью съ представителями сословій, собиравшимися, хотя и съ перерывами, въ теченіи трехъ вѣковъ (1302—1614).

Уже при послѣднихъ Капетингахъ феодальные сеньоры стали вступать между собою въ союзы для борьбы съ королевской властью. Эти союзы сначала поддерживались народомъ, недовольнымъ королевскими чиновниками, но горожане стали на сторону королей. При первыхъ, короляхъ дома Валуа—(домъ Валуа съ 1328—1589 г.), Филиппѣ VI, Іоаннѣ Добромъ усилилилась феодальная реакція, что послужило причиной страшныхъ возстаній крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ жакерій. Въ это же время началась столѣтняя война съ Англіей (1337 - 1453). Англійскій король Эдуардъ III, сынъ дочери Филиппа VI, предъявилъ права на французскій престолъ и объявилъ поэтому войну Филиппу VI—Валуа (1328—50) Въ битвѣ при Креси (1346) французы были разбиты, а въ 1356 году потерпѣли еще одно пораженіе при Пуатье, гдѣ взятъ въ плѣнъ самъ король Іоаннъ Добрый. Регентомъ сталъ его сынъ Карлъ V. Онъ собралъ въ Парижѣ Генеральные штаты, которые потребовали денежнаго контроля и права собираться два раза въ годъ. Однако у горожанъ не было единодушія. Въ Парижѣ произошло возмущеніе. Король бѣжалъ, собралъ новые штаты, которые утвердили прежній порядокъ. Возстаніе было подавлено одновременно съ жакеріей.

Война продолжалась. Въ началѣ XV вѣка вся сѣверная Франція была въ рукахъ англичанъ и они уже осадили Орлеанъ. Неудачи эти были слѣдствіемъ междуусобій высшихъ и низшихъ классовъ. Послѣдніе даже переходили кое-гдѣ на сторону англичанъ. Неожиданно во Франціи вспыхнулъ пат-

ріотическій подъемъ, когда въ Лотарингской деревушкѣ Домреми объявилась Жанна Д'Аркъ, которая воодушевила войско и народъ. Англичане были разбиты и Карлъ VII (1422—1461) коронованъ въ Реймсѣ. Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и окончилась побѣдой франціи. За Англіей остался только городъ Калэ (1453).

Генеральные штаты не могли быть государственнымъ постояннымъ учрежденіемъ, такъ какъ представляли феодальное общество съ сословнымъ антагонизмомъ. Карлъ VII завелъ постоянное войско, чѣмъ освободился отъ зависимости вассаловъ и даже Штатовъ. При немъ же было ограничено вмѣшательство папы въ дѣла галликанской церкви.

Сынъ его Людовикъ XI (1461—83) продолжалъ собираніе отдѣльныхъ княжествъ и окончательно сокрушилъ феодализмъ, одержавъ побѣду надъ Карломъ Смѣлымъ, герцогомъ Бургундскимъ, которому кромѣ Бургундіи, принадлежали и Нидерланды. Бургундія отошла къ Франціи Людовикъ XI вообще продолжалъ политику прежнихъ королей, стѣсняя дворянство и поддерживая горожанъ.

Преемникъ его Карлъ VIII (1483—98) и Людовикъ XII (1498—1515) предпринимали итальянскія войны, объединивъ въ одной цѣли французское дворянство завладѣть Италіей, изгнать турокъ изъ Европы и освободить Іерусалимъ. Карлъ VIII въ союзѣ съ герцогомъ Миланскимъ заняли всю Италію до Неаполя включительно, но принуждены были уйти, такъ какъ противъ нихъ выступили Максиміліанъ I и Фердинандъ-Католикъ испанскій. Людовикъ XII также овладѣлъ Миланомъ и Неаполемъ, но встрѣтилъ отпоръ со стороны, такъ называемой, Священной лиги и былъ изгнанъ изъ Италіи.

Франциск I (1515-47) третій разъ вступилъ въ Италію, но у него явился врагъ въ лицѣ императора Карла V. Это было началомъ соперничества между Франціей и династіей Габсбурговъ, царствовавшей въ Испаніи и Германіи. Кромѣ того причиной раздора была Бургундія и небольшое королевство Наварра (между Франціей и Испаніей). Началась отчаянная борьба, насчитывающая въ общемъ четыре войны. Въ этой борьбѣ принимали участіе: Папа, Англія, Венеція и Швейцарія. Они были сначала союзниками Карла, а потомъ Франциска. Послѣдній потерпѣлъ пораженіе при Павіи въ 1525 году, взятъ въ плѣнъ и въ Мадридѣ согласился на всѣ условія—отказъ отъ Милана и возвращеніе Бургундіи. Но послѣдняя была ему потомъ возвращена,

Сынъ его Генрихъ II (1547—59) воспользовался возгорѣвшейся борьбы между Императоромъ и протестантскими князьями, заключилъ съ ними союзъ и получилъ за это Мецъ, Туль и Верденъ. Въ это время во Франціи начало распространяться протестантство въ видѣ кальвинизма. Потомъ французскихъ протестантовъ начали называть гугенотами. Протестанство принимали главнымъ образомъ дворянство и горожане. Народная масса осталась вѣрна католицизму. Оба сословія для защиты протестантства соединились противъ королевской власти. Король же, уже раньше подчинившій себѣ духовенство, смотрѣлъ на протестантовъ, какъ на бунтовщиковъ.

Начался рядъ религіозныхъ войнъ съ 1502 по 1598 годъ, изъ коихъ самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ была Варфоломеевская ночь, или Парижская кровавая свадьба. Наиболѣе ревностные католики, не видя помощи отъ правительства, заключили религіозную лигу, во главѣ которой сталъ Генрихъ Гизъ и которому оказывалъ помощь Филиппъ II Испанскій, прославшій военные отряды. Генрихъ III вступилъ въ борьбу съ Генрихомъ Гизомъ. Тогда въ столицѣ вспыхнуло возстаніе и король бѣжалъ. Онъ убилъ Гиза, но самъ былъ убитъ католическимъ фанатикомъ (1599).

Генрихъ III прекратилъ династію Валуа и престолъ долженъ былъ перейти къ вождю протестантовъ Генриху Бурбону. Но лига не хотѣла признать „еретика“. Начался распадъ. Губернаторы отдѣльныхъ провинцій стремились къ самостоятельности, а дворянство къ возвращенію феодализма.

Новый король Генрихъ IV (1589—1610) началъ завоевывать свое королевство. Онъ разбилъ лигу и осадилъ Парижъ. Городъ долго не сдавался и тогда Генрихъ перешелъ въ католичество, сказавъ, что „Парижъ стоитъ обѣдни“. Гугеноты были очень встревожены. Тогда въ 1598 году былъ изданъ Нантскій Эдиктъ, установившій вѣротерпимость. Генрихъ IV собирался вмѣшаться въ германскія дѣла и стать на сторону протестантовъ во время Тридцатилѣтней войны, но былъ убитъ католическимъ фанатикомъ Равальякомъ.

Генеральные штаты хотѣли ограничить королевскую власть въ эпоху религіозныхъ войнъ, но этому помѣшали взаимныя распри сословій, а также отсутствіе народной поддержки. Народъ предпочиталъ королевскую власть своеволію феодаловъ. Генрихъ IV совершенно не созывалъ Генеральныхъ штатовъ и самостоятельно заботился объ улучшеніи

внутрянняго положенія страны Во время малолѣтства Людовика XIII-го въ 1614 году были созваны штаты, Здѣсь поднялось третье сословіе, требовавшее отмѣны привилегій дворянства и духовенства, равномѣрности налоговъ и пр Это встрѣтило протестъ высшихъ сословій. Штаты были распущены и не созывались 175 лѣтъ, т. е. до революціи 1789 года.

При Людовикѣ XIII (1610—1643), слабомъ и безвольномъ, выдвинулся кардиналъ Ришелье, который двадцать лѣтъ управлялъ неограниченно, утвердивъ окончательно систему абсолютизма. Его цѣлью была сила и могущество государства Ради интересовъ Франціи онъ принялъ участіе въ Тридцатилѣтней войнѣ на сторонѣ протестантовъ. Онъ ограничилъ своеволіе дворянъ, контролировалъ губернаторовъ и даже запретилъ дуэли подъ страхомъ смертной казни. Укрѣпленные замки дворянъ въ провинціяхъ были срыты. Дворяне его ненавидѣли, хотя онъ и не отнималъ у нихъ власти надъ народомъ. Онъ упразднилъ политическія организаціи гугенотовъ, побѣдивъ ихъ въ открытой войнѣ и сосредоточивъ все управленіе въ столицѣ.

Людовикъ XIV (1643—1715) вынесъ отвращеніе ко всякой общественной самодѣятельности и еще болѣе укрѣпилъ королевскую власть. Ему приписываютъ слова: „Государство — это я“. Дворяне вполнѣ были подчинены королю и превратились въ придворную знать, сохраняя за собой всѣ тягостныя для народа права и привилегіи. Король не любилъ Парижа и устроилъ для себя отдѣльный придворный городокъ — Версаль, гдѣ и сосредоточилась вся жизнь страны и откуда распространились по всей Европѣ французскія моды, обычаи и языкъ. Появился рядъ замѣчательныхъ писателей, государственныхъ дѣятелей. Государственный контролеръ—Кольберъ развилъ обрабатывающую промышленность во Франціи, увеличилъ финансы и первый началъ составлять годовые бюджеты. Военный министръ Лувуа увеличилъ французскую армію до полмилліона. Она была лучшая въ Европѣ по организаціи, и въ ней положено начало военному образованію. Появились полководцы—Кондэ, Тюреннъ, инженеръ Вобанъ, построившій на границахъ рядъ крѣпостей. Однако вторая половина царствованія Людовика была весьма бѣдственна для народа. Упразднены были остатки самоуправленія и все сосредоточено въ столицѣ. На гугенотовъ воздвигнуто гоненіе. Въ 1685 году отмѣненъ Нантскій эдиктъ и начались притѣсненія гугенотовъ до кровавыхъ включительно.

Внѣшняя политика Людовика XIV была весьма агрессивна. Онъ не церемонился съ малыми государствами и пользовался слабостью сосѣдей для расширенія границъ.

Первая война (1667—58) велась съ Англіей, Швеціей и Голландіей изъ за желанія Людовика завладѣть Бельгіей. Къ Франціи были присоединены только нѣкоторыя крѣпости.

Вторая война велась въ союзѣ съ англійскимъ королемъ Карломъ II противъ Голландіи (1672—79), куда вторглась французская армія. На помощь Голландіи подоспѣлъ Курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ, императоръ Леопольдъ I и Испанія. На сторонѣ Франціи выступили шведы, но были разбиты пруссаками при Фербеллинѣ. Война окончилась Нимвегенскимъ миромъ. Франція получила Франшкондте отъ Испаніи и нѣсколько городовъ въ Бельгіи. Пользуясь слабостью Германской имперіи, Людовикъ захватывалъ тѣ или другія пограничныя земли и, между прочимъ, городъ Страссбургъ. Регенсбургскимъ миромъ въ 1681 году за Франціей признаны всѣ пріобрѣтенія и заключено перемиріе на 20 лѣтъ, дабы не было новыхъ захватовъ.

Въ 1686 году противъ Людовика составилась громадная коалиція: Испанія, Швеція, Голландія, нѣмецкіе курфюрсты, а послѣ 1689 года его союзникомъ перестала быть и Англія. Овладѣніе Людовикомъ прирейнскими землями отъ Базеля до Голландіи было причиной третьей войны, наиболѣе кровопролитной изъ всѣхъ (1688—97). Франція удержала за собой Страсбургъ и др. пріобрѣтенія.

Четвертая война велась за Испанское наслѣдство. (1700—14), на которое претендентами явились внукъ Людовика и Эрцгерцогъ Карлъ Габсбургскаго дома. Коалиція состояла изъ Англіи, Голландіи, Австріи, Бранденбурга и многихъ германскихъ князей. Французы потерпѣли рядъ пораженій и положеніе Франціи стало критическимъ. Казна была пуста, народъ голодалъ. Людовикъ запросилъ мира, который и былъ заключенъ въ Утрехтѣ

Людовикъ XV (1715—74) и Людовикъ XVI (1774—92). Это было время развитія французской просвѣтительной литературы и въ тоже время потери Франціей прежняго значенія въ международной политикѣ, а также внутренняго разложенія и упадка.

Уже система Людовика XIV разорила Францію, страшно возвысивъ налоги и увеличивъ государственный долгъ. Страна

по прежнему управлялась придворной знатью, будучи въ то же время очагомъ новыхъ идей. Оба Людовика—XV и XVI были люди безпечные, которые ничего не умѣли предпринять противъ общаго разложенія. Первому приписываютъ выраженіе: „Послѣ насъ хоть потопъ".

Во время малолѣтства Людовика XV управлялъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій (1715—23). Эти годы извѣстны крайнимъ легкомысліемъ и развратомъ власти, а также экономическимъ потрясеніемъ. Самъ Людовикъ XV не занимался дѣлами, предоставивъ все министрамъ, среди которыхъ не было талантливыхъ. Вліяніе на дѣла пріобрѣли фаворитки короля и особенно маркиза Помпадуръ, прославившаяся своими безумными тратами.

Во внѣшней политикѣ Франція не воспротивилась раздѣлу Польши. Въ войнѣ же за Австрійское наслѣдство Франція была противъ Маріи Терезіи, а въ семилѣтней войнѣ противъ Фридриха Великаго. Были присоединены Корсика, Лотарингія. Въ спорѣ съ Англіей Франція потеряла нѣкоторыя колоніи. Противодѣйствіе королю судебныхъ парламентовъ уже было первымъ признакомъ надвигающейся бури.

Людовикъ былъ благожелательный, но лишенный силы воли и привычки къ труду человѣка. Министръ финансовъ, Тюрго, талантливый государственный дѣятель, задался грандіознымъ планомъ реформъ сверху: введеніе мѣстнаго самоуправленія, вѣротерпимости, поднятія образованія и отмѣны сословныхъ привиллегій. Противъ него возстали всѣ высшія сословія и даже королева. Тюрго пробылъ только три года, и всѣ его планы рухнули. Его преемникъ Неккеръ кое что сдѣлалъ въ искаженномъ видѣ плановъ Тюрго, но былъ удаленъ за опубликованіе бюджета, въ которомъ главные расходы приходились на дворъ: Финансы ухудшились вмѣшательствомъ въ войну С. А. Штатовъ съ Англіей. Противъ правительства постепенно поднимались всѣ классы. Даже собраніе нотаблей по выбору короля рѣзко критиковало дѣйствія министровъ.

Въ 1787 году всюду заговорили о необходимости созванія Генеральныхъ штатовъ. Призванный Неккеръ согласился стать у власти только при созывѣ сословнаго представительства Генеральные штаты были призваны въ 1789 году, и началась французская революція, продолжавшаяся 10 лѣтъ. Концомъ ея считается 18 брюмера, т. е переворотъ, совершенный генераломъ Бонапартомъ.

Причины революціи различны. Главная причина—полное разстройство старой системы, которой были недовольны всѣ, затѣмъ противорѣчіе между идеями и существующимъ порядкомъ. Франція была абсолютною монархіей, гдѣ король былъ неограниченъ и ему одинаково подчинялись всѣ классы. На самомъ дѣлѣ онъ являлся въ силу традиціи первымъ дворяниномъ и охранялъ прежде всего интересы этого класса въ ущербъ другимъ. Съ этимъ мирилась городская буржуазія, интересы которой тоже были зашищены. И дворянство и буржуазія вооружили противъ себя народную массу, интересы которой игнорировались государствомъ. Всякій разъ, когда королевская власть отстаивала старыя привиллегіи, она встрѣчала противодѣйствіе либеральной оппозиціи, органомъ которой была литература. Тюрго думалъ, что если бы ему дали 5 лѣтъ деспотизма, то онъ сдѣлалъ бы Францію счастливой, но его свалила консервативная партія, такъ же, какъ и Неккера. Монтескье считалъ, что королевская власть—узурпація правъ сословій и корпорацій, а Руссо - правъ народа. Когда выяснилось, что Генеральные штаты 1789 года стали на сторону либеральной партіи, королевская власть рѣзко приняла сторону консервативныхъ элементовъ.

Во Франціи были три сословія: духовенство, дворянство и остальные. Духовенство дѣлилось на высшее и низшее и пользовалось наибольшими привиллегіями. Дворяне были высшіе—придворные и низшіе сельскіе. Всѣ дворяне были свободны отъ налоговъ и единственно могли занимать государственныя должности. Третье сословіе, буржуазія и крестьяне. Это было пестрое сословіе, куда входили лица интеллигентныхъ профессій, купцы, ремесленники, крѣпостные. Интересы ихъ частью совпадали, частью расходились. Всего было 25 милліоновъ жителей, изъ коихъ 130 тысячъ духовныхъ и 140 тысячъ дворянъ. Въ Парижѣ на 720 тысячъ населенія приходилось 120 т. нищихъ бродягъ—такъ назыаемый опасный элементъ. Крестьяне составляли 75% населенія и были закрѣпощены въ духовныхъ земляхъ и въ разныхъ владѣніяхъ сеньоровъ. Крестьяне платили государственные налоги, отъ которыхъ освобождены привиллегированные, духовенству—десятину, сеньору—феодальные оброки, повинности, пошлины, собственникамъ земли, какого бы званія они ни были—ренту. Дохода не оставалось. Масса бѣдноты устремлялось въ города. Была страшная нищета. Голодные бунты бывали задолго до революціи.

Новыя идеи уже давно проникли въ среду буржуазіи и интеллигенціи. Сѣверо-Американская война, въ которой при-

няла участіе и Франція, какъ бы подсказывала обществу, что нужно дѣлать.

Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ выйти изъ затруднительнаго положенія, были созваны Генеральные штаты въ 1789 г., а министромъ назначенъ Неккеръ, явившійся безъ всякой программы, хотя самъ настоявшій на созывѣ Штатовъ. Мирабо проектировалъ союзъ короны съ народомъ противъ привиллегированныхъ, но при дворѣ этого не хотѣли, желая въ то же время сдѣлать уступку общественному мнѣнію. Избирательное право дано было всѣмъ французамъ, достигшимъ 25 лѣтъ, занесеннымъ въ списки налоговъ, т. е. бѣднѣйшіе были лишены избирательнаго права. Агитація велась при помощи брошюръ, излагающихъ главнымъ образомъ либеральныя идеи вѣка и отражавшихъ преимущественно взгляды третьяго сословія. Деревни и города давали свои наказы избираемымъ. Выборы были двухстепенные и трехстепенные. По мнѣнію Мирабо, торжественное обѣщаніе реформъ успокоило бы Францію, причемъ реформы должны быть радикальныя; насильственная же революція ослабитъ Францію.

Всѣхъ депутатовъ должно было быть 1200, но явилось меньше. Генеральные штаты открылись 5-го мая въ Версалѣ Пререканія между привилегированными и третьимъ сословіемъ о способахъ засѣданій привели къ тому, что 17 іюня Штаты объявили себя Національнымъ собраніемъ и притомъ сословнымъ, которое 9 іюля переименовано въ Учредительное. Король велѣлъ закрыть залу засѣданій. Тогда тѣ собрались въ манежѣ для игры въ мячъ. Манежъ былъ тоже закрытъ, и слѣдующее собраніе произошло въ церкви. Король приказалъ сословіямъ собираться отдѣльно и оставилъ залу засѣданій. За нимъ ушли привилегированные, но третье сословіе осталось продолжать засѣданіе. Король уступилъ, но къ Парижу стали стягиваться войска, что очень обезпокоило депутатовъ. Безпокойство это усилилось послѣ отставки Неккера, пользовавшагося тогда популярностью. Въ Парижѣ произошло возстаніе голодающихъ рабочихъ, и 14 іюля была взята Бастилія. Парижская буржуазія образовала національную гвардію подъ начальствомъ Лафайета. Взятіе Бастиліи произвело большое впечатлѣніе въ Европѣ и привѣтствовалась всѣми выдающимися лицами. Начались волненія въ провинціяхъ среди крестьянъ, которые отказывались платить феодальныя подати, десятину, нападали на замки, жгли ихъ и убивали владѣльцевъ

Тогда нѣкоторые дворяне сами начали отказываться отъ привиллегій. Въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 августа собраніе приняло декретъ, отмѣнявшій всѣ сословныя преимущества, феодальныя права и приняло равенство всѣхъ передъ закономъ. Началась эмиграція защитниковъ старины (гр. д'Артуа, Конде, Полиньякъ и др.), будировавшихъ при иностранныхъ дворахъ и грозившихъ оттуда мятежникамъ. Это способствовало сильному озлобленію.

Національное собраніе выпустило знаменитую декларацію правъ человѣка. Людовикъ, идя на уступки, вызывалъ въ то же время въ Версаль новые полки. Произошло второе Парижское возстаніе и походъ 100 тысячной толпы въ Версаль. Она ворвалась туда и потребовала переноса засѣданій въ Парижъ. Національное собраніе уступило, чѣмъ стѣснило себя и подпало подъ вліяніе толпы.

Рядомъ начали возникать политическіе клубы, изъ которыхъ особенно былъ извѣстенъ клубъ якобинцевъ. Возникло масса газетъ, главнымъ образомъ революціонныхъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ. Полная свобода слова разжигала страсти. Отъ словъ партіи переходили къ дѣлу, сжигая газеты и избивая редакторовъ. Національное собраніе раздѣлилось на нѣсколько партій отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ. Лучше всѣхъ понимавшій положеніе Мирабо, хотѣлъ сочетать политическую свободу съ сильной властью. Но ему не довѣряли ни въ собраніи, ни при дворѣ.

Первый годъ революціи прошелъ въ бодромъ, радостномъ настроеніи. Годовщину взятія Бастиліи—14 іюля 1790 года отпраздновали торжественно съ участіемъ короля и двора. Но стали опасаться происковъ эмигрантовъ. Возникли недоразумѣнія съ иностранными державами, такъ какъ пострадали нѣкоторые нѣмецкіе князья, владѣвшіе замками въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Начинаетъ возникать мысль, что революція должна распространиться на весь человѣческій родъ.

Въ іюнѣ 1791 года Людовикъ съ семьей тайно покинулъ Парижъ, направляясь къ восточнымъ границамъ государства, гдѣ стояла армія императора Леопольда II-го, брата Маріи Антуанетты. Но бѣгство не удалось. Король былъ задержанъ, возвращенъ въ Парижъ и содержался подъ стражей. Это способствовало успѣхамъ крайней республиканской партіи. Новое возстаніе 14 іюля 1791 года подавила національная гвардія.

Леопольдъ II и Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II согласились между собою насчетъ общихъ дѣйствій. Отъ Якобинскаго отдѣлился Конституціонный — монархическій клубъ. Положеніе Людовика ухудшилось. Ему предложена была новая конституція, которую пришлось принять или лишиться короны. Онъ утвердилъ её 14 сентября 1791 г. и его освободили изъ подъ стражи.

Въ общемъ, за два года члены Учредительнаго собранія, переименованнаго изъ Національнаго, совершили большую работу. Они не имѣли достаточно опытности и новая конституція исходила изъ принциповъ философіи естественнаго права, свободы и равенства. Король являлся лишь представителемъ націи, вся же власть принадлежала Народному собранію. Избирательнымъ правомъ пользовались граждане, платившіе налогъ въ размѣрѣ трехдневной рабочей платы (значитъ—неравенство). Король, какъ исполнительная власть, дѣйствуетъ черезъ министровъ, облеченныхъ довѣріемъ собранія. Учредительное собраніе раздѣлило страну на 83 департамента. Вся мѣстная администрація—выборная. Между тѣмъ, при старыхъ порядкахъ Франція совершенно не была пріучена къ самоуправленію. Духовенство лишено привиллегій, у него отобрано все имущество и вмѣсто него назначено жалованье. Однако выборное начало духовенства вызвало религіозный расколъ. Всѣ привиллегіи и титулы отмѣнены, всѣ вѣроисповѣданія уравнены въ правахъ.

Въ общемъ, революція въ теченіи двухъ лѣтъ имѣла демократическій характеръ. Главную роль въ ней играла и наибольше выгоды получила буржуазія, ставшая первымъ общественнымъ классомъ. Около одной трети бѣдныхъ гражданъ лишены избирательныхъ правъ. Конституція 1791 г. не удовлетворила массы, которыя были въ тяжеломъ экономическомъ положеніи, какъ вслѣдствіе прошлаго. Бѣднѣйшіе были устранены отъ политическихъ правъ. Волненія вызвали слухи о козняхъ двора и эмигрантовъ и вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ. Якобинцы имѣли уже прочную организацію и считали, что революція не кончена, что нужно осуществить теорію Руссо. Учредительное собраніе названо Законодательнымъ. Въ немъ правую сторону заняли конституціонные монархисты (фельяны), среднюю—лица неопредѣленныхъ взглядовъ и лѣвую—жирондисты и монтаньяры, имѣющіе поддержку въ клубахъ. Среди послѣднихъ главную роль игралъ Робеспьеръ, Маратъ и Дантонъ. Борьба между жирондистами и монтаньярами составляетъ главную тему событій 1792 года.

Законодательное собраніе постановило конфисковать имущества эмигрантовъ, а нѣкоторыхъ священниковъ лишить гражданскихъ правъ. Людовикъ XVI не хотѣлъ утвердить этихъ декретовъ и возбудилъ поэтому сильное неудовольствіе въ народѣ. Короля подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ иностранными дворами и обвиняли въ измѣнѣ. Людовикъ далъ отставку министерству и назначилъ таковое изъ партіи Жиронды, котораа настояла на объявленіи войны Австріи. Это было начало революціонныхъ войнъ (весною 1792 года), оказавшихъ большое вліяніе на всю Европу.

Разойдясь во взглядахъ на внѣшнюю политику съ министерствомъ Жиронды, король далъ ему отставку, что вызвало возстаніе 20 іюня. Толпа овладѣла королевскимъ дворцомъ и требовала утвержденія декретовъ объ эмигрантахъ и священникахъ и возвращенія къ власти жирондистовъ. Когда главнокомандующій союзной арміи издалъ манифестъ, грозя французамъ казнями, 10 августа вспыхнуло новое возстаніе, которое окончилось избіеніемъ королевской стражи. Король спасся въ Законодательномъ собраніи, которое отрѣшило его отъ власти и заключило подъ стражу. Собрался Національный конвентъ. Франція переживала чрезвычайно тяжелое время. Ожидалось иностранное нашествіе, между тѣмъ, войско оказалось никуда негоднымъ, безъ начальниковъ Старая армія распалась, а новой не было. Раздраженіе народа, подозрѣвавшаго всѣхъ въ заговорахъ и измѣнѣ перешло всякія границы. Городъ оказался во власти коммуны - новаго общиннаго совѣта, захватившаго ратушу. Стали хватать всѣхъ подозрительныхъ, а когда тюрьмы переполнились, то посредствомъ поддонковъ общества просто избивали всѣхъ, независимо отъ пола и возраста (Сентябрьскія убійства). Въ это время произошли выборы въ Конвентъ, и Австро-прусская армія вторглась во Францію. Иностранное нашествіе вызвало бурный взрывъ патріотизма, явилась масса волонтеровъ, но такая неорганизованная армія терпѣла лишь пораженія. Только при Вальми генералъ Дюмурье первый разъ отбилъ нападеніе.

Теперь въ концѣ 1792 года въ Національномъ конвентѣ правую занимали уже жирондисты, а лѣвую монтаньяры. Первые были поклонники Руссо и древнихъ республикъ, защитники свободы противъ государственной власти, вторые—республиканцы, но признающіе терроръ и неограниченныя полномочія власти противъ „враговъ народа“. Въ сущности они возстанавливали старую Францію, но подъ видомъ республи-

лики. Конвентъ объявилъ Францію республикой. Король объвиненъ въ измѣнѣ противъ свободы и націи и большинствомъ Конвента приговоренъ къ смертной казни, что приведено въ исполненіе 21 января 1793 года.

Тогда противъ Франціи образовалась огромная коалиція. Въ Парижѣ терроръ продолжался. Послѣ убійства Марата жирондисты были частью казнены, часть бѣжали: Въ Вандеѣ и Бретани вспыхнули контръ-революціонныя возстанія. Тогда терроръ былъ перенесенъ и въ провинцію. Комитетъ общественнаго спасенія разослалъ туда своихъ комиссаровъ изъ членовъ конвента, которые основывали революціонные суды и приговаривали къ смерти только на основаніи однихъ подозрѣній. Вспыхнули возстанія въ Бордо, Ліонѣ, Марселѣ, Тулонѣ, почему жирондистовъ обвинили въ федерализмѣ. Якобинцы же стояли за крѣпко централизованную единую республику.

Въ 1793 году была введена новая конституція, дѣйствіе которой пріостановлено, пока не будутъ устранены „враги народа“. Якобинцы опирались исключительно на рабочихъ и вообще парижскую чернь. Много выдающихся государственныхъ людей было казнено. Христіанскій календарь замѣненъ республиканскимъ, отмѣнено католичество и введено поклоненіе разуму. Терроръ достигъ апогея въ 1794 году. Революціонный судъ получилъ право судить членовъ самого Конвента, не спрашивая послѣдняго. Судъ низвергъ Робеспьера и его помощниковъ и казнилъ ихъ. Это событіе извѣстно подъ именемъ 9 термидора (27 іюля 1794 г.), и съ этого времени революція пошла на убыль.

Послѣ казни Робеспьера началась реакція. Якобинскій клубъ закрытъ. Возвращены уцѣлѣвшіе жирондисты, а послѣдніе монтаньяры, поднимавшіе возстаніе, казнены.

Составлена новая конституція III года (1794 г.). Законодательная власть поручена двумъ палатамъ—Совѣтъ пятисотъ и Совѣтъ Старѣйшинъ, и введенъ значительный избирательный цензъ. Исполнительная власть вручена Директоріи въ составѣ пяти лицъ. Реакція росла, и въ Парижѣ 5-го Октября 1795 года произошло возстаніе роялистовъ и буржуазіи, усмиренное генераломъ Бонапартомъ. Постепенно усиливались роялисты и конституціонные монархисты. Въ 1797 году на выборахъ прошло уже много роялистовъ, которые открыли свой клубъ, а въ Совѣтѣ было монархическое большинство. Конституціонные монархисты и республиканцы основали об-

щій клубъ. Директоръ Баррасъ далъ знать объ опасности генералу Гошу и Бонапарту. Послѣдній прислалъ генерала Ожеро, который арестовалъ главныхъ роялистовъ депутатовъ и принялъ рядъ чрезвычайныхъ мѣръ противъ монархистовъ, между прочимъ, устраненъ директоръ Лазарь Карно. Это событіе извѣстно подъ именемъ 18-го фруктидора. Теперь усилились, такъ называемые, крайніе патріоты. Выборы 1798 года были кассированы и произошелъ новый переворотъ подъ именемъ 28-го флореала (11 мая), послѣ котораго получили перевѣсъ умѣренные республиканцы. Два директора (Баррасъ и Сіесъ) устранили трехъ другихъ, совершивъ переворотъ 30 го періала (18 іюля 1799 года).

Эпоха Директоріи характеризуется непрочностью политическаго положенія и общимъ утомленіемъ. Никто не вѣрилъ больше въ конституцію. Въ эту эпоху внутреннихъ неурядицъ въ совершенно иномъ положеніи находилась армія.

Вопросъ о французской революціонной арміи необходимо освѣтить, такъ какъ наши революціонные дѣятели 1917 года ставили ее примѣромъ и думали, что и наша революціонная армія тоже будетъ побѣждать, стоитъ лишь провозгласить нѣсколько лозунговъ о свободѣ, братствѣ и пр.. Однако всѣ ссылающіеся на примѣръ Франціи, въ томъ числѣ и Керенскій, понятія не имѣли о французской арміи эпохи революціи.

Французская королевская армія въ первые три года революціи естественно распалась, частью распылившись, частью поподнивъ различные революціонные отряды. Когда внѣшняя опасность стала явною, пришлось наскоро формировать армію, примѣняясь къ духу времени подъ вліяніемъ декларацій правъ человѣка. Исключалась возможность принудительныхъ началъ, и дисциплина могла быть только добровольною, хотя и не было учрежденій, соотвѣтственныхъ нашимъ комитетамъ.

Подъ вліяніемъ эмигрантовъ и общей ненависти европейскихъ монарховъ къ революціи, Австрія и Пруссія заключили союзъ и готовились къ войнѣ. Однако иниціатива революціонныхъ войнъ исходила отъ Франціи. 20 апрѣля 1792 года министерство Жиронды настояло на объявленіи войны Австріи. Лѣтомъ 250 тыс. армія союзниковъ сосредоточилась на границахъ Франціи. Это была старая, дисциплинированная армія, имѣющая дурныхъ полководцевъ, неумѣло подражавшихъ Фридриху Великому и стѣсненныхъ присутствіемъ Прусскаго короля и Вѣнскимъ гофкригсратомъ.

Французская армія насчитывала 125 тысячъ и находилась въ полномъ разстройствѣ, безъ начальниковъ. Конвентъ принялъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ къ поднятію безспособности арміи. Однако, вслѣдствіе отсутствія дисциплины и крайне импровизированной организаціи, французы терпѣли однѣ лишь неудачи. Ихъ вторженіе въ Бельгію окончилось плачевно. Въ донесеніяхъ тогдашнихъ революціонныхъ генераловъ мы встрѣчаемъ такія слова: „Стыдъ и позоръ революціонной арміи; наши батальоны волонтеровъ позорно бѣжали, бросая оружіе и грабя мирныхъ жителей; эти трусы позорятъ революцію, ихъ надо разстрѣливать на мѣстѣ“ и т. п.

Тогда Конвентомъ были быстро приняты героическія и жестокія мѣры. Оборона страны была всецѣло поручена члену Конвента, не принимавшему однако участія въ политической борьбѣ, Лазарю Карно военному инженеру, извѣстному своими выдающимися познаніями еще до революціи. Въ организаціи арміи Карно ввелъ въ сущности старыя начала, но лишь въ новомъ духѣ безъ сословныхъ привилегій, пригласивъ на службу старыхъ офицеровъ и выдвигая по заслугамъ новыхъ начальниковъ. Политика была исключена изъ арміи, а декларація правъ забыта. Всѣ декреты и вся переписка по военнымъ операціямъ была исключительно дѣломъ его рукъ, почему онъ и получилъ впослѣдствіи названіе „Организатора побѣды“.

Въ августѣ войска союзниковъ сосредоточились между Кельномъ и Майнцемъ. Грозная прокламація ихъ къ французамъ съ угрозами вызвала взрывъ негодованія и патріотизма. Новая, еще импровизированная, но уже организуемая армія, быстро возросла до 400 тысячъ. 20 сентября генералъ Дюмурье задержалъ при Вальми дальнѣйшее вторженіе союзниковъ. Болѣзни и лишенія въ связи съ разореніемъ края принудили союзниковъ удалиться на зиму изъ Шампани. Тогда Дюмурье вторгся въ Бельгію и въ концѣ 1792 года овладѣлъ главными городами ея, занявъ даже Майнцъ.

1-го Февраля 1793 года Франція объявила войну даже Англіи и Голландіи. Однако французы потерпѣли рядъ неудачъ, окончившихся ихъ полнымъ пораженіемъ при Неервинденѣ. Послѣ бѣгства Дюмурье, Конвентъ усилилъ армію, но слѣдующіе генералы Дампьеръ, Кюстень и Журданъ не имѣли никакого успѣха. Дѣйствія на Рейнѣ были столь же неблагопріятны для республикандевъ, которые потеряли Майнцъ и другіе пункты. Отъ полнаго разгрома ихъ спасло

только несогласіе между союзниками. Болѣе удачны были дѣйствія на границахъ Италіи, но въ Вандеѣ республиканцы терпѣли жестокія пораженія отъ роялистовъ (до 1795 г.).

Такимъ образомъ успѣхъ конца 1792 года можетъ быть объясненъ случайностью или благопріятными обстоятельствами, ибо въ теченіи всего 1793 года реформы Карно еще не дали результатовъ. Самъ Карно былъ уже членомъ Комитета общественнаго спасенія и вѣдалъ исключительно обороною страны, организуя въ общемъ 14 армій.

Въ началѣ 1794 года французы еще терпятъ пораженія. Успѣхъ склоняется на ихъ сторону въ іюнѣ. Въ Голландіи занятъ рядъ городовъ и она заключаетъ миръ, ставъ Батавской республикой. Успѣхъ склоняется на сторону Франціи и на Рейнѣ. Въ Италіи занятъ Пьемонтъ, но оставленъ подъ угрозой англійскаго флота въ Генуэзскомъ заливѣ. Тоскана также проситъ мира и уплачиваетъ 1 милліонъ франковъ контрибуціи.

Въ апрѣлѣ 1795 года Прусскій король, убѣдившись, что война не доставляетъ ему никакихъ выгодъ, заключилъ миръ, уступивъ Франціи свои Зарейнскія владѣнія. Испанія также вышла изъ коалиціи. Дѣйствія ограничились южной Германіей и сѣверной Италіей, возобновившись въ сентябрѣ. Генералы Журданъ и Пишегрю перешли Рейнъ у Нейвида, но потерпѣли крупныя пораженія въ бояхъ съ австрійцами и отступили на лѣвый берегъ. Изъ Пьемонта французы также были вытѣснены, пока прибывшій изъ Испаніи генералъ Шереръ не возстановилъ положенія. Зима проходитъ въ подготовкѣ обѣихъ сторонъ. На сцену выступаютъ два талантливыхъ полководца: со стороны Франціи—Бонапартъ и Австріи—Эрцгерцогъ Карлъ.

Мы видимъ, что первая революціонная армія въ 1792 году была въ сущности—безпорядочная толпа, о которой тогдашніе генералы давали весьма нелестные отзывы, называя волонтеровъ трусами, ворами и грабителями. Карно, который былъ талантливымъ военнымъ инженеромъ и при старомъ режимѣ, придалъ ей стройность и организацію, не останавливаясь передъ самыми крутыми мѣрами. И все же въ теченіи 1793 г. армія терпѣла лишь пораженія, имѣла успѣхъ въ 1794 г. и перемѣнное счастье въ 1795 году.

Эта новая армія рѣзко отличалась отъ старыхъ европейскихъ своей безсословностью, воодушевленіемъ и патріотизмомъ. Въ армію устремлялись наиболѣе энергичные люди

изъ всѣхъ классовъ общества. Изъ нихъ вышли будущіе Наполеоновскіе маршалы, получившіе всевозможные титулы уже впослѣдствіи. Революціонный пылъ постепенно угасъ и замѣнился чисто военнымъ патріотизмомъ. Директорія поощряла воинственные инстинкты націи, дабы отвлечь ее отъ внутреннихъ неурядицъ. Кромѣ того войной добывались деньги, такъ какъ финансы были совершенно разстроены, и бумажныя деньги не имѣли никакого значенія. Побѣдамъ французовъ много способствовало то обстоятельство, что ихъ всюду встрѣчали, какъ освободителей отъ абсолютизма. Однако матеріальное состояніе революціонной арміи было ужасно. Казнокрадство интендантовъ и новыхъ демократическихъ начальниковъ не поддается описанію. Снабженіе было въ полномъ разстройствѣ, и армія существовала исключительно на мѣстныя средства, реквизиціи и контрибуціи. Появленіе Наполеона вдохнуло въ нее новый духъ, внесло стройность организаціи и улучшило ея матеріальное положеніе. Необходимо еще отмѣтить, что никакой политики въ арміи не было. До нея недоходили политическія бури Парижа. Только одна пропаганда велась въ арміи—сражаться необходимо во имя свободы и славы Франціи, а не за какую либо партію.

Въ концѣ 1795 года Итальянская армія поручена генералу Бонапарту, Реймская и Мозельская—ген. Моро, а Масская—Журдану. По плану Карно эти три арміи должны были встрѣтиться подъ стѣнами Вѣны.

Перемиріе прервано 1-го марта 1796 года. Сначала французы дѣйствовали отлично. Вюртенбергъ, Баденъ и Швабія были заняты и принуждены уплатить 6 милліоновъ ливровъ контрибуціи. Но эрцгерцогъ Карлъ, воспользовавшись разобщеніемъ французскихъ колоннъ Дунаемъ, разбилъ Журдана и Моро въ нѣсколькихъ бояхъ и заставилъ ихъ отступить за Рейнъ въ октябрѣ. Лишь молодой Бонапартъ имѣлъ неизмѣнный успѣхъ. Онъ нашелъ итальянскую армію въ плачевномъ состояніи, голодную и раздѣтую казнокрадствомъ и небрежностью прежнихъ начальниковъ. Онъ тотчасъ устранилъ ихъ и привелъ все въ порядокъ. Быстрыми движеніями и искусными маневрами, со значительно слабѣйшими силами чѣмъ австрійцы, онъ нанесъ имъ рядъ жестокихъ пораженій, очистивъ всю сѣверную Италію и получивъ огромную контрибуцію. Вся Италія вмѣстѣ съ Неаполемъ и Папскою областью была занята французами. Попытки австрійцевъ освободить кр. Мантую и рядъ нанесенныхъ имъ пораженій представляютъ верхъ военнаго искусства и личной доблести

со стороны Бонапарта. Въ началѣ 1797 года весь гарнизонъ Мантуи сдался на капитуляцію. Покончивъ съ Италіей, Бонапартъ двинулся противъ австрійцевъ и былъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Вѣны. Императоръ просилъ о перемиріи, которое было заключено 18-го апрѣля. Въ маѣ занята Венеція, а въ іюлѣ Генуя, наконецъ, въ октябрѣ заключенъ съ Австріей миръ. Франція вышла полной побѣдительницей.

Въ 1798 году возобновилась борьба въ южной Италіи и Неаполѣ, окончившаяся побѣдой Франціи, вокругъ которой и въ союзѣ съ ней образовался рядъ республикъ.

Въ концѣ 1798 года противъ Франціи образовалась новая коалиція, въ которую вошли: Англія, Австрія, Россія, Турція, Неаполь и нѣкоторыя князья Германіи и Италіи. Въ апрѣлѣ 1799 года Австрія объявила войну Франціи. Въ это время Бонапартъ находился въ Египтѣ. Суворовъ нанесъ французамъ рядъ пораженій въ Швейцаріи и очистилъ отъ нихъ Италію. Несогласіе между Австріей и Россіей и отозваніе Суворова спасли положеніе. Возвращеніе Бонапарта было встрѣчено во Франціи съ восторгомъ. Въ немъ видѣли уже спасителя Франціи. Боялись возвращенія Бурбоновъ и возобновленія анархіи. Директоръ Сіесъ объединилъ антидемократическіе элементы, не желавшіе возвращенія Бурбоновъ. Наполеонъ вошелъ съ ними въ соглашеніе. 18-го брюмера 1799 года былъ совершенъ переворотъ. Совѣты пятисотъ и старѣйшинъ разогнаны, назначено правительство изъ трехъ консуловъ: Бонапарта, Роже-Дюко и Сіеса.

Вліяніе французской революціи на западную Европу обусловливается тѣмъ, что порядки, противъ которыхъ она была направлена, были общими для всей Европы. Европейская исторія того времени характеризуется въ области политической и соціальной королевскимъ абсолютизмомъ и наличіемъ аристократическихъ привиллегій, сущность которыхъ есть старый порядокъ; въ культурной же области—раціоналистической философіей естественнаго права. Побѣда революціи во Франціи свидѣтельствуетъ о той силѣ, какую получили новыя идеи и о томъ разстройствѣ, въ какомъ находился старый порядокъ. Были пробуждены новыя начала, за которыя продолжалась борьба въ 19 вѣкѣ подъ именемъ принциповъ 1879 года. Подобно католической реакціи послѣ реформаціи началась реакція королей и привилигированныхъ классовъ послѣ пораженія Наполеона. Въ 19 вѣкѣ борьбу съ реакціей

за представительныя учрежденія вели либералы-радикалы. Въ этой борьбѣ родилось новое движеніе на экономической почвѣ подъ именемъ соціализма. Французская революція выдвинула національные принципы и способствовала національному самосознанію.

Въ общемъ, французская революція не осуществила принциповъ 1789 года, т. е. равенства, братства и свободы, ибо ихъ и нельзя осуществить на землѣ. Она осуществила лишь то, что было возможно по тогдашнимъ условіямъ и сотвѣтствовало жизненнымъ запросамъ. Упразднивъ феодально-цеховой строй, она раскрѣпостила личность, давъ ей возможность свободно развивать свои силы во всѣхъ областяхъ труда и знанія.

Однако, указывая ея положительныя стороны, нельзя умолчать объ отрицательныхъ. Между тѣмъ исторія французской революціи обыкновенно преподается нашему юношеству такъ, что эти отрицательныя стороны какъ то стушевываются и замалчиваются. Я до сихъ поръ помню какъ одинъ изъ моихъ товарищей—гимназистъ 8-го класса, прочтя исторію французской революціи, сказалъ восторженно: „Какое тогда было интересное время, какая великая эпоха!“

Зимой 1906—07 года въ Петербургѣ въ большомъ залѣ университета профессоръ Тарле читалъ лекціи по исторіи французской революціи. Громадный залъ и кулуары не могли вмѣстить нѣсколькихъ тысячъ слушателей, преимущественно молодежи, среди коей студентовъ было не болѣе половины, остальные—любители. Когда профессоръ читалъ такія мѣста, какъ движеніе стотысячной толпы на Версаль или отдѣльные перевороты, гдѣ побѣдительницей являлась толпа, въ его глазахъ и слушателей можно было прочесть неподдѣльный энтузіазмъ. Конечно, профессоръ не упоминалъ, а изъ слушателей никто не думалъ о тѣхъ звѣрствахъ и дикостяхъ, какія творила парижская чернь во время революціи. Эта чернь казалась «святою чернью», подобно тому, какъ нашъ мужикъ усиліемъ воображенія былъ сдѣланъ Богоносцемъ.

Между тѣмъ къ началу XX вѣка литература о французской революціи была уже столь велика, что врядъ ли оставались какіе либо моменты неосвѣщенными Если даже ограничиться двумя капитальными трудами Тьера и Тэна, то и тогда легко убѣдиться, сколько отрицательныхъ сторонъ имѣла французская революція.

За исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ придворныхъ паразитовъ, основной культурной силой Франціи являлся ея интеллигентный классъ, состоящій изъ служилыхъ дворянъ, духовенства, купцовъ и буржуазіи. Это было чрезвычайно трудоспособное, патріотическое сословіе, воспитанное на гуманныхъ теченіяхъ 18 го вѣка, мечтавшее объ упраздненіи всѣхъ недостатковъ и золъ своего отечества. Оно подготовило революцію въ умахъ. И оно же больше всего пострадало отъ продолжительныхъ гоненій поддонковъ населенія, стоявшихъ у власти съ 1792 по 1795 годъ. Ужасы невѣроятныхъ звѣрствъ и грабежей того времени, царство преступной черни совершенно напоминаютъ нынѣшнюю совдепію. Только тогда, кромѣ равенства, братства, свободы еще существовалъ лозунгъ патріотизма, а у насъ онъ замѣненъ интернаціоналомъ. Колоссальныя богатства, накопленныя Франціей вѣками, были истреблены; масса самаго лучшаго трудолюбиваго элемента погибла. Французскій экономистъ Ренэ въ книгѣ „Бюджетъ“ говоритъ, что за годъ до революціи Франція вывозила товаровъ на милліардъ франковъ. Этой цифры она достигла вновь лишь 40 лѣтъ спустя.

Такимъ образомъ, нельзя смотрѣть на французкую революцію исключительно сквозь розовые очки такихъ профессоровъ, какъ Тарле и подбныхъ ему либераловъ. Революція обошлась слишкомъ дорого Франціи. Она безусловно была одной изъ причинъ остановки въ 1 й половинѣ XIX вѣка дальнѣйшаго роста французскаго народа.

Послѣ переворота 18 го брюммера во главѣ Франціи стало Временное Правительство изъ трехъ консуловъ. Двѣ комиссіи изъ числа Совѣта пятисотъ должны были составить новую конституцію. Власть находилась въ сущности въ рукахъ Бонапарта, который въ согласіи съ другими консулами дѣйствовалъ рѣшительно. Парижъ и Франція отнеслись къ перевороту спокойно. Протестовали только отдѣльныя лица. Новое правительство заявило о вѣрности принципамъ революціи, оставивъ въ силѣ законъ объ эмигрантахъ и сдѣлавъ мирное предложеніе Англіи и Австріи.

Проектъ Сіеса былъ передѣланъ согласно желанія Бонапарта. Получилась монархическая конституція, сохранившая только признаки народной власти, которая вручена тремъ консуламъ, назначаемымъ на 10 лѣтъ. Конституція была подвергнута народному голосованію, но пренія при подачѣ голосовъ не допускались, и голасованіе было открытое. 3011000

голосовъ подано за и 1562 противъ. За—голосовала вся Парижская интеллигенція и даже бывшіе монтаньяры. Вся власть была въ сущности у Бонапарта.

Задача предстояла трудная возстановить разрушенныя учрежденія и нормальную жизнь и какъ-нибудь раздѣлаться съ враждебной коалиціей Но въ рукахъ Бонапарта была надежная армія, и самъ онъ проявилъ не только военныя, но и геніально административныя способности. Подавляя политическую свободу, Бонапартъ твердой рукой проводилъ умиротвореніе и возстановленіе порядка во Франціи. Управленіе было централизовано по примѣру дореволюціонной Франціи, но безъ сословныхъ привилегій. Установлена судебная организація (Кодексъ Наполеона). Цѣликомъ проведено созданное революціей равенство передъ закономъ и уничтожены всякіе остатки феодализма. Возстановлена государственная церковь, а впослѣдствіи (1806 г.) и христіанскій календарь.

Второго декабря 1804 года Наполеонъ тремя съ половиной милліоновъ голосовъ признанъ императоромъ и коронованъ папою Піемъ VII. Съ этого времени началась новая эпоха—имперіи, составляющая продолженіе предыдущей. Это была внѣшне блестящая эпоха, когда Франція распространила свою власть и вліяніе на всю Европу, измѣнивъ ея старые порядки. Въ самой Франціи были закрѣплены завоеванія революціонной эпохи и созданы благопріятныя условія для развитія земледѣлія и промышленности. Росъ вывозъ и падалъ ввозъ Войны не приносили экономическаго вреда, такъ какъ велись на чужой территоріи, на реквизиціи, контрибуціи и при помощи чужихъ солдатъ Армія была учрежденіемъ деспотически-демократическимъ. Каждый солдатъ „носилъ маршальскій жезлъ въ своемъ ранцѣ". Армія была крестьянской и мелко буржуазной и очень популярна въ странѣ.

Эпоха Наполеона ознаменована многочисленными войнами со всей Европой, гдѣ въ полномъ блескѣ проявился его геній, какъ полководца и императора. Въ сущности онъ не терпѣлъ неудачь до 1812 года. Въ 1805 году была война съ Австріей и Россіей, окончившаяся пораженіемъ обѣихъ. Въ 1806 году совершенно разгромлена Пруссія. Она вся занята французскими гарнизонами и лишена самостоятельности. Продолженіе этой войны составляютъ сраженія съ русскими въ Польшѣ и восточной Пруссіи (Пултускъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландъ). Въ 1809 году новая война съ Австріей, окончившаяся побѣдой Франціи.

Однако, приблизительно съ 1810 года, вслѣдствіе лишнихъ военныхъ увлеченій и крайностей, Имперія обратилась въ затяжную военную диктатуру. Геній Наполеона не мирился съ самостоятельностью другихъ, и потому при усложнившихся задачахъ въ правительствѣ и въ войскахъ оказались люди, лишенные воли и иниціативы. Континентальная система, усилившіяся репрессіи внутри страны и подавленіе всякой свободы и самостоятельности вызвали общее недовольство внутри страны и внѣ 1812 годъ былъ началомъ конца и поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Наполеона. Еще въ 1813—14 годахъ Наполеонъ отчаянно боролся со всей коалиціей, одерживая крупныя побѣды и терпя пораженія, но въ концѣ концовъ былъ задавленъ численностью и общей измѣной всѣхъ своихъ союзниковъ.

Въ 1814 году, послѣ вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, назначенный самимъ Наполеономъ Сенатъ низложилъ его, обвинивъ въ томъ, что раньше одобрялъ, и согласно желанію союзниковъ провозгласилъ возстановленіе монархіи Бурбоновъ при условіи принятія присяги на вѣрность конституціи болѣе свободной, чѣмъ Наполеоновская. Людовикъ 18-й согласился на эти условія по настоянію императора Александра I. Франція вернулась къ границамъ 1792 года съ прибавленіемъ Савои. Наполеоновскія учрежденія были сохранены, но конституція не соблюдалась. Конфискованныя земли возвращались эмигрантамъ Много наполеоновскихъ офицеровъ удалено со службы. Крестьянская масса была недовольна и боялась возврата феодальныхъ порядковъ.

1-го марта 1815 года Наполеонъ высадился на югѣ съ острова Эльбы и былъ восторженно встрѣченъ. Быстро собралъ армію и легко занялъ Парижъ. Но послѣ пораженія подъ Ватерлоо вновь подписалъ отреченіе и хотѣлъ удалиться въ Америку, но былъ захваченъ англичанами и сосланъ на островъ св. Елены. Союзники вновь вернулись и „въ ихъ багажѣ“ прибылъ Людовикъ 18-й.

Была измѣнена избирательная система. Вмѣсто 5 милліоновъ при Наполеонѣ число избирателей уменьшилось до 100 тысячъ. Во главѣ стала крупная буржуазія и дворянство. Новая палата была весьма реакціонна. Начался такъ называемый бѣлый терроръ. Масса сторонниковъ Наполеона и прежнихъ революціонеровъ были изгнаны или казнены. Особенно старалась партія ультра-роялистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ графъ д'Артуа, братъ и наслѣдникъ бездѣтнаго

короля (будущій Карлъ X). Но возвращеніе къ старинѣ было немыслимо. Поэтому росла оппозиція и въ средѣ буржуазіи. Послѣ перемѣнъ избирательнаго закона, смѣны министровъ и борьбы ультра-роялистовъ съ либералами, послѣдніе были окончательно побѣждены, когда въ 1824 году на престолъ вступилъ Карлъ X, престарѣлый братъ Людовика 16-го.

Тогда оппозиція усилилась, и Франція покрылась сѣтью тайныхъ обществъ, къ которымъ принадлежали такія лица, какъ Лафайетъ. Въ 1825 году было ассигновано 1 милліардъ франковъ на вознагражденіе эмигрантовъ. Въ 1828 году въ палатѣ оказалось большинство либераловъ и министромъ былъ назначенъ умѣренный роялистъ Мартиньякъ, который провелъ нѣсколько либеральныхъ законовъ. Но въ 1829 году у власти вновь сталъ ультра-роялистъ, министръ Полиньякъ.

Рядъ ограничительныхъ ордонансовъ Карла X вызвалъ іюльскую революцію 1830 года. Бурбоны пали. Это была консервативная революція, произведенная буржуазіей, стоявшей за конституціонную хартію 1814 года. Рабочіе же хотѣли демократической республики. Побѣдила буржуазія.

На престолъ возведенъ Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій. Главные результаты революціи—было обезпеченіе парламентаризма и правъ личности. Рабочіе же и мелкая буржуазія стремилась къ республикѣ и всеобщему избирательному праву Съ этого времени появляются соціалистическія ученія Сенъ-Симона, Блана, Прудона, Фурье и др.

Послѣ этой революціи въ странѣ произошелъ рядъ волненій, вызванныхъ сторонниками Карла X-го, судомъ надъ его министрами, наконецъ, торгово-промышленномъ кризисомъ 1830—31 года, холерой 1832 года, возстаніемъ рабочихъ въ Парижѣ 1832 года и Ліонѣ 1834 года. Было возстаніе еще въ 1839 году и совершено въ общемъ 7 покушеній на жизнь короля. Все это, а также кампанія въ печати противъ Людовика вызвали рядъ репрессивныхъ мѣръ.

Несмотря на развивавшуюся биржевую спекуляцію и грубое казенное хищеніе, въ царствованіе Людовика Филиппа замѣчается подъемъ благосостоянія. Съ этого же времени, какъ это ни странно, наблюдается уменьшеніе прироста населенія. Съ увеличеніемъ благосостоянія и развитіемъ обрабатывающей промышленности росло республиканское и соціалистическое движеніе. Въ то же время возродился культъ

Наполеона (Тьеръ, Ж Зандъ, Беранже. Вандомская колонна, перенесеніе праха въ 1840 году).

23 Февраля 1848 года произошло возстаніе партіи реформы противъ министерства Гизо. 24 Февраля произведена революція союзомъ радикально-буржуазныхъ элементовъ съ соціалистическими. На баррикадахъ побѣдили послѣдніе, а во временномъ правительствѣ овладѣли первые, ненавидящіе соціализмъ.

Однако установлено всеобщее голосованіе безъ ценза, которымъ служилъ лишь 25-лѣтній возрастъ. 4 мая открылось новое Учредительное Собраніе, которое оказалось вовсе не соціалистическимъ, а республиканско-монархическимъ, причемъ умѣренные были въ большинствѣ. Законодательная власть вручена Національному собранію при помощи всеобщей равной, прямой и тайной подачи голосовъ, а исполнительная—президенту, также избираемому всенародной прямой подачей голосовъ.

Изъ двухъ кандидатовъ: генерала Кавеньяка (представителя крупной буржуазіи) и Луи-Наполеона (представителя бѣдныхъ, крестьянъ и арміи) новое Національное собраніе, извѣстное подъ именемъ Законодательнаго, въ которомъ уже подавляющее большинство принадлежало монархистамъ, избрало Луи Наполеона (Май 1849 года).

Началась вновь реакціонная политика. Законодательное собраніе одобрило Римскую экспедицію, установившую вновь свѣтскую власть папы. Опять прошли новые законы о печати, клерикальный законъ о народномъ просвѣщеніи и новый законъ о выборахъ, оставившій массу рабочихъ безъ права голоса. Изъ за этого произошелъ конфликтъ между президентомъ и собраніемъ, причемъ первый былъ противъ закона. Послѣдовалъ переворотъ второго декабря 1851 года, послѣ котораго плебисцитомъ власть президента расширена, а 2-го Декабря 1852 года онъ провозглашенъ императоромъ французовъ, ставши почти абсолютнымъ монархомъ.

Наполеонъ III считалъ, что его Имперія есть продолженіе Имперіи Наполеона I-го, но послѣдній опирался на мелкую буржуазію и крестьянство, а второй на знать, высшую буржуазію и церковь.

Внутреннія мѣропріятія Наполена III привели къ расширенію промышленности и увеличенію благосостоянія. Внѣшняя политика въ первую половину царствованія была удачна

(Крымская война 1855 года, колоніальныя экспедиціи, итальянская война 1859 года). Однако престижъ императора сильно упалъ послѣ того, какъ онъ допустилъ разгромъ Австріи въ 1866 г. и усиленіе Пруссіи. Оппозиція усиливалась. Репрессіи не помогали, и къ 1870 году было чрезвычайно напряженное внутреннее положеніе. Отчасти, дабы отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ неурядицъ, была предпринята война 1870 года, которой можно было легко избѣжать. Въ шесть недѣль французскія арміи были разгромлены и самъ императоръ сдался въ плѣнъ съ цѣлой арміей въ Седанѣ.

Франція стала республикой, уплативъ 5 милліардовъ франковъ контрибуціи и отдавъ Германіи Эльзасъ-Лотарингію.

Изъ изложеннаго мы видѣли, что Германія и Франція безусловно историческіе, наслѣдственные враги. Въ сущности не было столѣтія, чтобы между ними не происходило большихъ продолжительныхъ войнъ. Паденіе Наполеона I-го, казалось, должно было удовлетворить Германію за пораженіе 1806 года, но созрѣвшая идея объединенія нѣмцевъ создавала войну. Франція, соблюдая свои интересы, не могла допустить такого усиленія Германіи. Но Наполеонъ III, эта, по выраженію Бисмарка, крупная, но не празнанная бездарность, не предвидѣлъ этого и позволилъ разгромить Австрію, а затѣмъ, не учтя собственныхъ силъ, палъ самъ, ввергнувъ Францію въ великое несчастіе.

Нѣмцы считаютъ и убѣждены, что война 1870 года была войной великаго отмщенія, справедливаго отмщенія и войной за одинъ изъ величайшихъ идеаловъ. Она создала объединенную Германію. Но въ то же время слишкомъ унизила Францію. Необходимо ли было это униженіе? Не есть ли самая блестящая страница исторіи Бисмарка въ то же время страницей роковой ошибки?

Еще въ сентябрѣ 1870 года, когда выяснился разгромъ французскихъ армій, Бисмаркъ сказалъ: „Франція должна быть парализована, ибо она никогда не проститъ намъ нашихъ побѣдъ". И цѣлью дальнѣйшей политики желѣзнаго канцлера было возможно большое и продолжительное изолированіе Франціи, а также поощреніе республиканскаго образа правленія, какъ средства разъединяющаго націю въ партійной борьбѣ.

Въ ночь съ 3-го на 4 сентября 1870 года въ Парижѣ превозглашено правительство народной обороны. Положеніе

было крайне тяжелое. Временное Правительство безъ арміи, безъ средствъ все же сумѣло успокоить страну, набрать 250 тысячную армію и продолжать войну до января мѣсяца. Однако борьба различныхъ партій, отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ, продолжалась съ ожесточеніемъ. Въ Парижѣ создана національная гвардія, которой пришлось подавить возстаніе 31 Октября.

28-го Января 1871 года Парижъ капитулировалъ, правительство народной обороны сложило полномочія, и 10 марта власть перешла къ Національному Собранію, а главой исполнительной власти сталъ Тьеръ. Въ это же время произошло возстаніе Парижской коммуны, жестоко подавленное правительственными версальскими войсками.

Въ теченіе 3-хъ лѣтъ Тьеръ поднялъ финансы страны и выплатилъ контрибуцію. Введена была всеобщая воинская повинность по прусскому образцу, и этимъ положено основаніе будущей французской арміи. Тьеръ ушелъ до срока полномочій, вслѣдствіе разногласій съ большинствомъ собранія, желавшимъ монархической реставраціи. Президентомъ выбранъ маршалъ Макъ Магонъ, представитель монархической партіи. Началась подготовка монархіи постепеннымъ очищеніемъ правительства отъ республиканцевъ. Однако, вопросъ не удалось разрѣшить вслѣдствіе разногласія относительно личности короля (Графъ Шамборъ и графъ Парижскій). Поэтому въ 1875 году рѣшено оставить республику, но сдѣлать ее возможно консервативнѣй.

Въ томъ же году французскіе дипломаты открыли, что Германія готовитъ новое нападеніе на Францію и обратились въ Петербургъ и Лондонъ. Слово императора Александра II-го остановило намѣреніе Бисмарка, сожалѣвшаго, что онъ ошибся въ финансовыхъ расчетахъ относительно Франціи и взялъ слишкомъ мало. Изолируя совершенно Францію, Бисмаркъ заключаетъ въ 1879—82 годахъ Тройственный союзъ, названный имъ „лигой мира". Въ союзъ вошла Италія, созданная въ сущности французской кровью.

Время президентства Греви (1879—87) было упроченіемъ республики, которая давала спокойствіе и порядокъ. Однако все же въ палатѣ было въ 1885 году 201 монархистъ на 373 республиканца. Время это ознаменовано началомъ колоніальной политики, борьбой съ клерикализмомъ и изгнаніемъ всѣхъ членовъ царствовавшихъ ранѣе династій. Франція

усиливалась. Въ началѣ 80-хъ годовъ Гамбетта произносилъ рѣчи о томъ, что Франція не должна забывать отторгнутыхъ провинцій. Бисмаркъ безпокоился и отвѣчалъ, что „рѣчи эти дѣйствуютъ на нервы Европы, какъ барабанный бой въ комнатѣ больного". Смѣнившее Гамбетту министерство Ферри старалось избѣгать всякихъ осложненій и дало поводъ Бисмарку искать сближенія съ Франціей. Однако французское общественное мнѣніе было попрежнему крайне враждебно настроено къ Германіи, что даетъ поводъ Бисмарку сказать въ 1887 г.: „Если бы французы хотѣли оставаться съ нами въ мирѣ, если бы мы только были въ этомъ увѣрены, миръ былъ бы обезпеченъ навсегда. Чего намъ добиваться отъ Франціи? Пріобрѣсти еще кусокъ территоріи? Уже въ 1871 году я вовсе не былъ расположенъ присоединять Мецъ, но долженъ былъ подчиниться военнымъ авторитетамъ. Нѣтъ, миръ не обезпеченъ, такъ какъ Франція не хочетъ примириться съ совершившимся фактомъ отторженія двухъ провинцій и не отказывается отъ идей реванша". И онъ доказываетъ, что передъ нѣмцами враждебная Франція, военное могущество которой недостаточно оцѣниваютъ, а на союзъ съ Россіей нечего больше расчитывать. Бисмаркъ отлично видѣлъ настроеніе французскаго народа, не видѣлъ возможности полнаго примиренія и стремился поэтому держать Францію возможно дольше изолированной, чего и достигъ, пока былъ на посту, т. е. до 1890 года.

Президентство Карно и Перье (87—95) извѣстно исторіей генерала Буланже, военнаго министра, объединившаго оппозиціонные элементы и угрожавшаго правительству, но бѣжавшаго въ Бельгію по обнаруженіи заговора, затѣмъ еще знаменитой Панамой. Обладая избыткомъ капиталовъ, Франція помѣстила 1½ милліарда франковъ въ предпріятіе по прорытію Панамскаго канала. Предпріятіе это лопнуло вслѣдствіе хищеній. Въ началѣ 90-хъ годовъ усилилось соціалистическое и анархическое движеніе (убитъ президентъ Карно въ 1894 году).

Президентство Лубэ (1895—902) ознаменовано дѣломъ Дрейфуса, французскаго офицера еврея, выдавшаго Германіи нѣкоторыя военныя тайны. Сосланный Дрейфусъ вновь былъ судимъ, признанъ виновнымъ, но помилованъ президентомъ. Въ связи съ этимъ усилилась націоналистическая партія, мечтавшая о реваншѣ, объ изгнаніи евреевъ. Противоположность ей составляла соціалистическая партія (Жоресъ, Клемансо, Золя и др.).

Чрезвычайно важнымъ событіемъ для Франціи въ 90-хъ годахъ былъ Франко-Русскій союзъ. Мысль о союзѣ возникла въ концѣ 80-хъ годовъ, хотя начало сближенія положилъ еще императоръ Александръ II своимъ заступничествомъ за Францію въ 1875 году. Въ русской печати защитникомъ союза былъ извѣстный Катковъ. Сближеніе выразилось сначала въ рядѣ демонстрацій по адресу Россіи, напримѣръ, по случаю представленія оперы „Жизнь за Царя“ въ Ниццѣ въ 1890 году, затѣмъ по случаю пребыванія въ Парижѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича въ 1891 году.

Въ 1891 году въ Кронштадтъ прибыла французская эскадра подъ начальствомъ адмирала Жерве, которую посѣтилъ императоръ Александръ III, пославшій президенту Карно телеграмму, гдѣ говорилось о симпатіи, связующей Россію и Францію.

Въ 1893 году была отправлена въ Тулонъ русская эскадра адмирала Авелана, гдѣ восторженно встрѣчена властями и населеніемъ.

Въ точности неизвѣстно, когда былъ заключенъ союзъ. Въ 1895 году французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, отправляя французскую эскадру на открытіе Кильскаго канала, упомянулъ въ палатѣ депутатовъ о соглашеніи (entente), связывающимъ Францію съ Россіей, а министръ президентъ Рибо о союзѣ между ними (alliance), заключенномъ въ интересахъ Европейскаго мира—союзѣ „составляющемъ нашу силу“. Текстъ же договора опубликованъ не былъ.

По внѣшнему виду союзъ не мѣшалъ дружескимъ отношеніямъ Германіи и Россіи. Въ 1895 году послѣ побѣды Японіи надъ Китаемъ Россія, Франція и Германія преслѣдовали политику, направленную противъ Японіи и Англіи. Россія заключала займы только во Франціи и даже прежній заемъ, заключенный въ Англіи и Голландіи, перешелъ во Францію.

Въ 1896 году посылка французскаго посольства на коронацію въ Москву встрѣтила протестъ только крайней лѣвой и ассигновка прошла 502 голосами противъ 28 соціалистическихъ. Въ 1896 году совершена поѣздка во Францію Государя и Государыни. Въ 1897 году президентъ Форъ отдалъ визитъ въ Россію. Кредитъ на эту поѣздку былъ от-

пущенъ палатой депутатовъ 449 противъ 29. Въ прощальномъ тостѣ Форъ упомянулъ, что союзныя эскадры облегчили братское движеніе двухъ соединенныхъ и союзныхъ націй (à deux nations unies et alliées), руководимыхъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, права и справедливости. Въ отвѣтномъ тостѣ Государя Императора указывалось на значеніе поѣздки президента Фора, пребываніе котораго въ Россіи создаетъ новую связь между двумя дружественными и союзными націями (un nouveau lien entre nos deux nations amies et alliées), одинаково готовыми способствовать всѣмъ своимъ могуществомъ поддержкѣ общаго мира въ духѣ права и справедливости. (au maintien de la paix du monde dans un esprit de droit et d'equité).

Въ рѣчи министра президента Дюпюи 4-го Ноября 1898 года вновь подтверждается фактъ союза съ Россіей. „Франція, говорилъ онъ, не будетъ пренебрегать ничѣмъ, чтобы укрѣпить за собою то положеніе, которое создали для нея ея сила, лойяльность и миролюбіе; драгоцѣнный союзъ освѣтилъ его въ глазахъ цѣлаго свѣта".

Въ 1901 году Государь и Государыня вторично посѣтили Францію. Съ конца 1901 года замѣтно нѣкоторое охлажденіе къ союзу той части французскаго общества, которая надѣялась на возможность реванша. Встрѣча Государя, однако, была весьма сердечна точно такъ же, какъ и отвѣтный визитъ Лубэ въ 1902 году. Вообще же, несмотря на отдѣльные недовольные голоса, союзъ просуществовалъ до войны почти 25 лѣтъ и доказалъ свою прочность, обусловливаемую не личными симпатіями правительствъ, а общностью интересовъ и сознаніемъ общей опасности.

Уже къ концу 19-го вѣка не осталась и слѣда отъ побѣжденной Франціи 70-тыхъ годовъ. Пораженіе, какъ извѣстно накладываетъ жестокую печать на всѣ отрасли дѣятельности. Неувѣренность въ своихъ силахъ, въ завтрашнемъ днѣ, постоянная боязнь внѣшнихъ осложненій, исканіе болѣе сильныхъ защитниковъ и друзей — все это парализуетъ творческую силу народа. Если прибавить къ этому политическую борьбу, прекращеніе увеличенія населенія, частыя смѣны министерствъ въ зависимости отъ господствующей въ палатѣ партіи, то становится понятнымъ то легкомысленное мнѣніе, которое составилось у многихъ въ концѣ 19-го вѣка о Франціи какъ о вырождающейся странѣ, да еще къ тому же съ еврейскимъ засиліемъ, (оно дѣйствительно существуетъ) и

нѣкоторые германскіе государственные дѣятели считали Францію второстепѣннымъ противникомъ, съ которымъ не трудно справиться. Такъ думали особенно тѣ, которымъ пришлось лично пережить эпоху 60—70 г.г. Къ числу ихъ относился и извѣстный фонъ-Трейчке.

Союзъ съ Россіей былъ естественнымъ и отвѣчающимъ взаимнымъ интересамъ обѣихъ націй. Оттого то онъ былъ вполнѣ возможнымъ между самодержавной Россіей и республиканской Франціей, несмотря на традиціонную дружбу и кровное родство Русскаго императорскаго дома съ германскимъ. По той же причинѣ императоръ Николай II остался вѣренъ союзу, несмотря на свои личныя симпатіи (если имъ вѣрить) къ нѣмцамъ. Союзъ этотъ былъ такой же равнодѣйствующій „лигой мира", какъ и Тройственный союзъ.

Мечта о реваншѣ не угасала въ сердцахъ французскихъ патріотовъ, но Франція не искала спеціально поводовъ къ войнѣ, въ то же время и не шла на уступки, затрагивающія ея честь Въ спорѣ изъ за Марокко Франція проявила такую твердость, которая доказала, что уже нѣтъ прежней униженной Франціи 70-тыхъ годовъ.

Только, имѣя вѣковой политическій опытъ, могла Франція при ея республиканской формѣ правленія, съ вѣчной смѣной министерствъ и борьбой партій, достигнуть единства воли и упорства, обнаружившихся въ 4-хъ лѣтней войнѣ. Причина подобнаго явленія заключается еще въ однородности населенія и строгомъ національномъ единствѣ, строгой централизаціи и сильной власти, несмотря на борьбу политическихъ партій. Густавъ Лебонъ въ своей „Психологіи соціализма" отмѣчаетъ, что Франція въ сущности осталась той же курицей, что и при короляхъ, но только подъ другимъ соусомъ.

Послѣдніе 25 лѣтъ замѣчается нѣмецкое засиліе во всѣхъ сферахъ промышленной жизни Франціи. Это отмѣтили многіе французскіе писатели. Франція была наводнена подобно тому, какъ и до 1870 года, массой нѣмецкихъ шпіоновъ. Она это знала и лучше была освѣдомлена о надвигающейся опасности, чѣмъ Англія и Россія.

Какъ указано выше, Бисмаркъ съ тревогой посматривалъ на возраставшее могущество Франціи. Послѣдующіе германскіе дѣятели придерживались различныхъ взглядовъ. Наиболѣе характерными являются взгляды Бернгарди, безусловно

выражающаго послѣдніе передъ войной годы германское общественное мнѣніе наиболѣе понимающихъ государственные интересы людей:

„Франція, послѣ тяжкаго пораженія, нанесеннаго ей въ 1870—71 годахъ, перестала играть ту руководящую роль, которая ей принадлежала до 1870 года. Ея населеніе, достигающее теперь 40 милліоновъ, не увеличивается, и Франція уже достигла кульминаціоннаго пункта своего развитія. Но съ другой стороны Франціи удалось, благодаря ея ловкой политикѣ и благопріятному для нея миролюбію Германіи, основать огромное колоніальное государство въ сѣверной Африкѣ и восточной Азіи....

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать разумнымъ требованіе, чтобы съ Германіей при ея 65 милліонномъ населеніи и міровой торговлѣ можно было бы также обращаться, какъ съ 40 милліонами французовъ.... Франція не желаетъ ни подъ какимъ видомъ отказаться отъ претензіи сохранить за собою равноправное политическое положеніе и считаетъ за собой на это право особенно потому, что она совершенно обогнала Германію на почвѣ колоніальнаго состязанія.... Франція является смертельнымъ врагомъ Германіи; вся ея политика направляется къ тому, чтобы унизить побѣдителей 1870—71 года... Ни Россія ни Франція не могутъ въ настоящее время (1913 г.) желать войны. Россія изъ за ея внутренняго состоянія, такъ какъ неудачная война легко можетъ вызвать революцію; Франція связана съ Морокко, а также вслѣдствіе ея неготовности къ войнѣ. Достаточно вспомнить исторію съ порохомъ, безотрадное состояніе флота и боевую неготовность въ Алжирѣ и Тунисѣ, чтобы убѣдиться, что Франція по крайней мѣрѣ еще нѣсколько лѣтъ нуждается въ мирѣ. . . . Франція хочетъ войны чтобы отмстить са свое пораженіе и вернуть себѣ обратно Эльзасъ—Лотарингію. . . . . Необходимо считать французскую армію вполнѣ достойнымъ и серьезнымъ противникомъ“.

Таковы разнорѣчивыя мнѣнія Бернгарди, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ его книги „Наше будущее“. Надъ всѣми ими доминируетъ, однако основное мнѣніе, что главный врагъ изъ враговъ—это Англія а Франція и Россія—второстепенные враги.

Необходимо согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Какъ показали событія, если бы не сопротивленіе Бельгіи, не быстрая помощь Англіи и ея природное упорство, Франція не устояла бы, несмотря на быструю мобилизацію и интенсивное наступленіе Россіи. Имѣя противникомъ только Россію и Францію, Германскій генеральный штабъ вѣрно расчитывалъ на побѣду. Но о томъ, что Англія выступитъ, хорошо было изизвѣстно Германіи.

Теперь, когда разгромъ Германіи совершившійся фактъ, намъ интересно задаться вопросомъ: могутъ ли оба сосѣднія государства, не говорю стать друзьями, но просто заключить продолжительный прочный миръ. На этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Какое бы ни было правительство — монархическое, республиканское, соціалистическое—старая злоба, воспитанная вѣками во многихъ поколѣніяхъ, не утихнетъ, а будетъ существовать, то замирая, то вспыхивая съ новой силой. Продолжительнаго мира можно добиться только путемъ компромиссовъ и мудрой политикой обоихъ правительствъ, или же страхомъ передъ силою союза, которому то или другое государство будетъ принадлежать. Широкіе слои демократіи, а тѣмъ болѣе соціалисты, которые будутъ играть роль въ правительствѣ, такой мудростью не обладаютъ, и потому старая злоба не потухнетъ и можетъ вспыхнуть неожиданно, стихійно.

Миръ не обезпеченъ, какія бы условія ни ставилъ Вильсонъ.

Послужитъ ли французамъ урокъ 1870 года? Не повторятъ ли они ошибки Бисмарка и не создадутъ ли въ Германіи такой же идеи реванша? По сообщенію „Matin“, Франція Въ декабрѣ 1918 года предъявила Германіи требованіе о возмѣщеніи военныхъ убытковъ въ размѣрѣ 340 милліардовъ франковъ. Впослѣдствіи сумма наложенной на Германію контрибуціи уменьшена до 125 милліардовъ. Сумма эта составилась слѣдующимъ образомъ: возвратъ военныхъ расходовъ за войну 1870 года съ процентами въ размѣрѣ 140 милліардовъ, возмѣщеніе инвалидамъ—50 милліардовъ, покрытіе нынѣшнихъ военныхъ расходовъ--50 милліардовъ, возстановленіе разрушенныхъ мѣстностей—100 милліардовъ. Признаніе Германіей этихъ условій будетъ предварительнымъ условіемъ для веденія мирныхъ переговоровъ. Аналогическое требованіе предъявляютъ и остальныя державы Согласія (вѣроятно, за исключеніемъ Россіи).

Это только газетное сообщеніе, которому можно не вѣрить. Но оно характерно, какъ выраженіе желаній извѣстной части общественнаго мнѣнія. Народы, какъ извѣстно, мало извлекаютъ пользы изъ опыта исторіи и повторяютъ старыя ошибки. Мы видимъ со стороны Франціи стремленіе выполнить въ обратномъ видѣ завѣтъ Бисмарка: „Германія должна быть парализована потому, что она никогда не проститъ намъ нашихъ побѣдъ". Впрочемъ, какое государство поступило бы иначе?..

Декабрь 1918 года.

VI. Германія и Россія.

„Умомъ Россію не обнять.
„Аршиномъ общимъ не измѣрить,
„У ней особенная стать,
„Въ Россію нужно только вѣрить.

Тютчевъ.

Уже изъ предыдущихъ главъ достаточно ясны причины войны. Онѣ заключались въ томъ міровоззрѣніи, которое сложилось въ умахъ милліоновъ нѣмцевъ въ послѣднюю половину 19-го вѣка и началѣ 20-го—міровоззрѣніи, совершенно противорѣчащемъ насущнымъ интересамъ Англіи, затѣмъ—во враждебныхъ отношеніяхъ между Франціей и Германіей, какъ слѣдствіе войны 1870 года. Когда послѣ вѣковыхъ распрь, Германія, наконецъ, объединилась, она увидѣла, что земной шаръ уже раздѣленъ и дѣлить больше нечего. Создалась государственная трагедія, которая роковымъ образомъ вела къ войнѣ. Значитъ, и помимо Россіи война была неизбѣжна. Между тѣмъ роль Россіи, какъ великой славянской державы, слишкомъ велика въ этой войнѣ, несмотря на революцію и неожиданное выбытіе изъ строя. Возможно, что безъ участія Россіи союзники никогда не рискнули бы на войну, предпочитая уступить, пойти на компромиссы.

Традиціонная русско-нѣмецкая дружба, насчитывающая со времени семилѣтней войны болѣе 150 лѣтъ, слишкомъ крупное историческое явленіе. И когда графъ Пурталесъ передавалъ ноту войны Сазонову дрожащими руками, то онъ имѣлъ серьезное основаніе чувствовать катастрофичность положенія всѣмъ существомъ своимъ истинно-государственнаго человѣка. Возражая нашимъ германофобамъ, нѣмцы также имѣли серіозное основаніе ссылаться на историческое

основаніе нашей, такъ называемой, нѣмецкой оріентаціи, начало которой положилъ еще Петръ Великій. Поэтому наши взаимоотношенія, тѣсно перепутавшіяся въ теченіе вѣковъ, для насъ должны быть интересны.

Еще первый императоръ Германіи, Карлъ Великій, велъ упорную борьбу со славянами, насѣдавшими съ востока и не пустилъ ихъ далѣе Эльбы. Слѣдовательно, съ того времени, какъ извѣстна исторія европейскихъ народовъ, славяне и нѣмцы оказались сосѣдями и тотчасъ же вступили между собою въ борьбу. Для русскихъ эта борьба носила лишь эпизодическій характеръ, такъ какъ русская земля, если не считать кратковременнаго существованія Галицкаго княжества, не граничила съ нѣмецкой, раздѣляясь Польшей.

Такъ, напримѣръ, въ 1242 г. Александръ Невскій разбилъ меченосцевъ на Чудскомъ озерѣ. Съ тѣмъ же орденомъ велись такъ называемыя Ливонскія войны при великомъ князѣ Іоаннѣ III и царѣ Іоаннѣ Грозномъ. На протяженіи вѣковъ борьбу съ нѣмцами и, довольно успѣшно, вели поляки. Въ этой борьбѣ самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ была битва при Грюнвальдѣ въ 1410 г., гдѣ соединенными силами поляковъ, литовцевъ и частью русскихъ былъ разгромленъ рыцарскій орденъ тевтоновъ. Этотъ же орденъ былъ разгромленъ еще разъ въ 1520 г. польскимъ королемъ Сигизмундомъ, когда поляки доходили до Кенигсберга, но не использовали побѣды и не упразднили окончательно ордена.

Бранденбургское курфюршество (будущая Пруссія), основанное въ началѣ 15-го вѣка, также стремилось расшириться насчетъ Польши, пользуясь ея внѣшней слабостью. Въ 1772 г. произошелъ первый раздѣлъ Польши между Россіей, Австріей и Пруссіей, довершенный въ 1793 и 95 годахъ. Съ этого времени Польша перестала существовать, и Россія стала дѣйствительной сосѣдкой Германіи на сушѣ.

Обыкновенно считается, что Петръ Великій пріобщилъ Россію къ западной культурѣ. На самомъ дѣлѣ, по изслѣдованію профессора Ключевскаго, вліяніе Запада сказалось гораздо раньше. Уже Іоаннъ Грозный и даже Іоаннъ III выписывали на службу европейскихъ мастеровъ. При первыхъ царяхъ дома Романовыхъ—Михаилѣ Федоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ—уже существовала въ Москвѣ Нѣмецкая слобода, и количество иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, было значительно.

Существовало цѣлое умственное движеніе, представителями котораго были: бояринъ Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ, Катошихинъ, Симеонъ Полоцкій и др.—все поклонники западно-европейскаго просвѣщенія. Кромѣ Никиты Зотова учителями молодого Петра были также и нѣмцы. Петръ засталъ почву уже подготовленной. Однако, между приверженцами Запада и сторонниками старины происходила ожесточенная борьба, причемъ первые были въ значительномъ меньшинствѣ. Къ нимъ примкнулъ Петръ и круто, рѣзко порвалъ со старымъ укладомъ жизни, копируя Западъ не только въ насущныхъ преобразованіяхъ, но и въ несущественныхъ мелочахъ. Оттого то существуетъ мнѣніе, поддерживаемое и Ключевскимъ, что то была революція, произведенная царемъ слишкомъ рѣзко, порвавшая со стариной и увеличившая элементъ вѣковой вражды между различными классами.

Изо-всѣхъ германскихъ государствъ Россія тогда была только сосѣдомъ Пруссіи черезъ Балтійское море и Курляндію, служившую предметомъ спора между Пруссіей, Швеціей и Россіей, пока Курляндія не перешла къ Россіи.

Петръ велъ истинно національную политику, не подпадая вовсе подъ вліяніе иностранцевъ, а лишь пользуясь ими, какъ наемниками, помогавшими царю въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Менѣе талантливые и частью бездарные преемники Петра настолько породнились и подпали подъ вліяніе нѣмцевъ, что тѣ надолго укрѣпились у трона, а также среди нашей военной и чиновной знати.

Родство началось съ того, что свою племянницу Анну Іоанновну Петръ выдалъ замужъ за герцога Курляндскаго Ея сестра, Екатерина Іоанновна, была жена герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Вторая же дочь Петра, Анна Петровна, стала женой герцога Голштинскаго, Фридриха Карла, прибывшаго въ Россію хлопотать о возвращеніи ему Шлезвига, но получившаго взамѣнъ этого жену.

Въ тѣ времена европейскаго абсолютизма родство монархическихъ домовъ играло главную роль во внѣшней политикѣ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого явилось господство въ Россіи нѣмцевъ въ царствованіи Анны Іоанновны (1730—40 года). Это была одна изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ, ознаменованная внѣшними неудачами, а также внутреннимъ деспотизмомъ и разореніемъ.

Послѣ Анны Іоанновны около года весьма бездарно правила Брауншвейгская династія въ лицѣ Анны Леопольдовны

(дочери Екатерины Іоанновны и герцога Мекленбургъ-Шверинскаго).

Въ царствованіи Елизаветы Петровны (1740—61 года) вліяніе нѣмцевъ устранено отчасти. Россія въ союзѣ съ Австріей находилась въ войнѣ противъ Пруссіи. Существенныхъ интересовъ Россіи эта война не задѣвала, но она была предпринята противъ честолюбивыхъ замысловъ Фридриха Великаго. Несмотря на геніальность этого величайшаго изъ королей Европы, положеніе его къ 1761 году стало критическимъ Русскіе занимали всю нынѣшнюю восточную Пруссію (тогда принадлежавшую Польшѣ и тевтонскому ордену) и нѣкоторое время даже Берлинъ. Но внезапная смерть Елизаветы измѣнила все дѣло. Вступивши на престолъ, Петръ III (сынъ герцога Голштинскаго и рано умершей Анны Петровны) изъ личной симпатіи къ Фридриху возвратилъ ему всѣ отнятыя земли и даже заключилъ съ нимъ союзъ. А вѣдь Фридрихъ Великій положилъ начало Прусскому могуществу!

Царствованіе Екатерины Великой (принцессы Ангальдъ-Цербской) съ внѣшней стороны было блестяще. Россія расширялась насчетъ Турціи. Однако плоды побѣдъ были совершенно умалены Фридрихомъ Великимъ, которому удалось склонить Екатерину вознаградить себя раздѣломъ Польши. Польша была раздѣлена силою русскаго оружія, и Фридрихъ Великій получилъ двѣ трети ея „однимъ росчеркомъ пера“, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ Вольтеру.

Преемникъ Екатерины, Павелъ I (1796—1801 г.) сынъ Екатерины Великой и Петра III былъ поклонникъ Фридриха Великаго и его системы. Онъ помогалъ Австріи въ войнѣ съ Франціей (1799 г.), хотя эта война не вызывалась рѣшительно никакими національными потребностями, Супругой Павла была Марія Федоровна—принцесса Вюртенбергская.

Въ царствованіе же Екатерины началась колонизація нѣмцевъ по Волгѣ, а также въ западныхъ южныхъ губерніяхъ Россіи. Цѣлью ея было культурное вліяніе нѣмцевъ на наше сельское хозяйство. Столѣтній опытъ показалъ, что пользы отъ подобной колонизаціи никакой не получилось. Колонисты совершенно обособились, относились съ презрѣніемъ къ русскимъ, эксплоатировали ихъ и захватывали все новыя земли, пользуясь широкой поддержкой изъ Германіи. Объ этомъ приведены весьма краснорѣчивые факты въ брошюрѣ гетманскаго украинскаго министра Шелухина подъ заглавіемъ (на сколько помню): „Нѣмецкая колони-

зація на югѣ Россіи". Брошюра издана въ 1915 г. Еще существеннѣе сказалась наша нѣмецкая политика въ 19-мъ вѣкѣ.

Начало 19-го вѣка ознаменовано борьбой съ Наполеономъ. И въ этой многолѣтней борьбѣ особенно ярко выразилась наша анти-національная политика, руководствующаяся не реальными интересами страны, а исключительно родственными связями и личными симпатіями царствующаго дома.

Александръ I, женатый на дочери Маркграфа Баденъ-Дурлагскаго Карла Людовика Елизаветѣ Алексѣевнѣ, былъ вѣрнымъ рыцаремъ и безкорыстнымъ союзникомъ Австріи и Пруссіи. Въ 1805 году русскіе въ союзѣ съ Австріей ведутъ неудачную войну съ Наполеономъ (бои подъ Аустерлицемъ, Шенграбеномъ и др.). Въ 1806 году послѣдовалъ полный разгромъ и упраздненіе самостоятельности Пруссій Россія вновь вступаетъ въ борьбу. Кровопролитные бои подъ Пултускомъ, Прейсишъ Эйлау, Фридландомъ (1807 годъ) окончились для насъ неудачно, но они значительно ослабили Наполеона. Послѣ пораженія его въ 1812 г. Россіи выгоднѣе всего было предоставить Европѣ самой спасать себя, тѣмъ болѣе, что война 1812 года внесла колоссальное разстройство въ нашу внутреннюю жизнь. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Кутузовъ. Но Александръ I остался вѣренъ себѣ. Въ союзѣ съ Пруссіей и Австріей во имя спасенія Европы онъ продолжаетъ разорительную для насъ войну. Происходитъ рядъ кровопролитнѣйшихъ съ перемѣннымъ счастьемъ сраженій (Лейпцигъ, Дрезденъ, Кульмъ, Кацбахъ, Бауценъ и др.). Если даже при участіи Россіи Наполеону удавалось иногда побѣждать союзниковъ (напр. подъ Дрезденомъ и Бауценомъ) или быстро оправляться послѣ пораженія, то каковъ былъ бы исходъ борьбы безъ участія Россіи? Въ слѣдующемъ 1814 году уже въ предѣлахъ Франціи австрійцы и пруссаки вновь потерпѣли рядъ пораженій. Подходъ русскихъ войскъ перемѣнилъ положеніе и союзники заняли Парижъ.

Наполеонъ какъ извѣстно, предлагалъ Александру I союзъ для совмѣстнаго владѣнія Европой, но тотъ отвергъ это предложеніе. Если бы Александръ I руководствовался не рыцарскими воззрѣніями и личными симпатіями во внѣшней политикѣ, а лишь реальными интересами страны подобно Фридриху Великому то онъ никогда не сталъ бы спасать своихъ сосѣдей—Австрію и Пруссію. Вѣдь нельзя же считать, что для Россіи было такъ важно пріобрѣтеніе герцог-

ства Варшавскаго, подареннаго ей въ видѣ компенсаціи на Вѣнскомъ Конгрессѣ 1815 г. Были принесены огромныя жертвы, страна разорена и все это въ сущности „pour le roi de Prusse“

Императоръ Николай I, супругой коего была Александра Федоровна, дочь Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, велъ ту же традиціонную внѣшнюю политику. Въ 1848 году онъ спасъ отъ разложенія Австро-Венгрію, усмиривъ возстаніе венгерцевъ, въ „благодарность“ за что эта имперія стала на сторону враговъ Россіи въ 1855 году. Между тѣмъ Россіи было какъ разъ выгодно отложеніе Венгріи. Даже, когда возникъ проектъ сооруженія канала, соединяющаго систему Вислы и Днѣпра, то дѣло это не получило разрѣшенія въ виду усиленныхъ о томъ просьбъ Пруссіи. Каналъ этотъ для нея былъ крайне не выгоденъ въ торговомъ отношеніи.

Великій преобразователь Россіи, одинъ изъ самыхъ благородныхъ монарховъ 18—19 вѣковъ, Александръ II, супругой коего была дочь великаго герцога Гессенскаго Людвика II—Марія Александровна, былъ германофиломъ и питалъ личныя симпатіи къ тогдашнему Прусскому королю Вильгельму I. Онъ позволилъ разгромить Австрію въ 1866 году и Францію въ 1870 году. Въ послѣдней войнѣ нейтралитетъ Австріи обезпечивала Россія, оказавшаяся такимъ образомъ существенныя услуги объединенію Германіи. Въ благодарность за это „честный маклеръ“ Бисмаркъ на Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 г. лишилъ Россію плодовъ побѣдоносной войны съ Турціей. Въ видѣ компенсаціи намъ была отдана Бессарабія, только для того, чтобы поссорить насъ съ Румыніей и привлечь ее на сторону Австріи. Германофильство Александра II было настолько извѣстно, что въ 70-хъ годахъ была передѣлана въ Петербургѣ слѣдующимъ образомъ пѣсенка про аркадскаго принца:

„Когда я былъ аркадскимъ принцемъ,
Я очень нѣмцевъ уважалъ
И ихъ вездѣ и отовсюду
Къ себѣ на службу приглашалъ,
Но собралося ихъ такъ много,
Что я въ концѣ концовъ не зналъ,
Какой страной, какимъ народомъ,
Какимъ я царствомъ управлялъ“.

Въ царствованіе Александра II окончилась наша германофильская политика, продолжавшаяся почти 2 столѣтія,

приносившая огромный вредъ Россіи и неисчислимыя выгоды Германіи и способствовавшая ея объединенію. Въ ней играли главную роль родственныя связи и личныя симпатіи русскихъ монарховъ и ихъ дипломатовъ, не признававшихъ принципа, что въ политикѣ все основано на реальныхъ интересахъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра III германофильская политика кончилась. Потому ли, что императоръ не находился въ прямой родственной связи съ германскимъ царствующимъ домомъ и самъ не любилъ нѣмцевъ? Конечно, нѣтъ. Времена измѣнились. Международныя отношенія во второй половинѣ 19-го вѣка усложнились, составилась новая карта Европы. Просвѣщеніе въ Россіи значительно шагнуло впередъ, вліяніе печати и общественнаго мнѣнія настолько усилилось, что даже самодержавнымъ русскимъ императорамъ стало дальше невозможно вести личную политику. Даже питавшій личную симпатію или уваженіе къ Вильгельму II-му императоръ Николай II не могъ да и не пытался вывести Россію изъ Тройственнаго согласія.

Причиной столь коренного измѣненія русской политики была сама Германія. До 1870 года она была слаба и нуждалась въ поддержкѣ Россіи. Послѣ объединенія политическія задачи Германіи стали столь широки, что дальнѣйшій традиціонный союзъ съ Россіей рухнулъ самъ собою.

О томъ, какія задачи поставила себѣ Германія послѣ 1870 г. я уже изложилъ въ III главѣ. Задачи эти совершенно противорѣчили интересамъ Англіи, Франціи и Россіи. Кто же врагъ Германіи? Главный врагъ Англія, а Россія и Франція играютъ лишь второстепенную роль. Все же намъ интересно мнѣніе выдающихся нѣмцевъ.

Въ теченіе 1806—1815 г.г. Россія не только безкорыстно спасла Пруссію, но даже давала у себя пріютъ прусскому двору и всѣмъ прусскимъ патріотамъ, преслѣдуемымъ Наполеономъ.

Выше мною перечислены тѣ нѣмецкіе историки, которые проповѣдывали міровое господство. Но были среди нихъ и спеціальные руссофобы. Одинъ изъ героевъ Освободительной войны, поэтъ и ученый Арндтъ, патріотическій гимнъ котораго приведенъ въ первой главѣ, хвалилъ Россію въ то время, а въ 40-хъ годахъ 19 вѣка писалъ, что русскихъ нужно прогнать отъ Вислы. Въ 60-хъ годахъ историкъ Кинкель проповѣдуетъ уже «крестовый походъ противъ Россіи». Объ этомъ упоминается въ брошюрѣ профессора Бузескула

«Современная Германія и нѣмецкая наука XIX в.» Петроградъ 1915 г.

Въ статьѣ Тарле въ журналѣ „Голосъ минувшаго“ (1915 г.) приведена справка, что въ 1854 г. одинъ изъ нѣмецкихъ политиковъ въ брошюрѣ „Что должны нѣмцы требовать отъ Россіи“ написалъ:

„Провидѣніе предназначило германцамъ въ удѣлъ стать господствующей силой въ славянскихъ земляхъ, особенно же въ Россіи, гдѣ, начиная съ Петра III, во всѣхъ отрасляхъ государственной службы на высшихъ постахъ утверждались нѣмцы. Два милліона нѣмцевъ (въ Россіи) поддерживаютъ свою славу и свою старинную власть надъ государствомъ съ 80 милліонами жителей. Развѣ гдѣ нибудь даже формальное завоеваніе давало такіе блестящіе и обезпеченные въ отдаленномъ будущемъ результаты?“

Дѣйствительно нѣмцы всегда играли въ нашемъ правительствѣ крупную роль. Среди нихъ были, правда, и честные служаки въ родѣ извѣстнаго Барклая де Толли, но исключеній такая масса, а придворныя закулисныя вліянія ихъ были столь многочислены, что честными нѣмцами на русской службѣ слѣдуетъ считать только тѣхъ, которые уже болѣе 100 лѣтъ живутъ въ Россіи, не имѣютъ никакихъ связей съ Германіей и часто даже не говорятъ по нѣмецки. Всѣ начальники изъ такихъ нѣмцевъ добросовѣстно служили Россіи въ послѣднюю войну.

Не мало было случаевъ, когда, занимая въ Россію крупные посты, выслуживъ большіе чины и пенсію, нѣмцы переселялись въ Германію и оттуда поносили всячески Россію. Въ 80-хъ годахъ полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка графъ ф. Пфейль, авторъ книги «Von schipka zum Zarenhofe», выйдя въ отставку, переселился въ Германію и, тамъ вскорѣ сталъ предсѣдателемъ всенѣмецкаго союза. Такихъ примѣровъ было много. Точно также поступали нѣкоторые видные русскіе генералы эпохи Отечественной войны (напр. Беннигсенъ).

Даже въ самое послѣднее передъ войной время часто близкіе родственники служили въ русской и германской арміи. Это явленіе наблюдалось особенно въ Прибалтійскомъ краѣ, когда одни изъ барономъ служили въ русской гвардіи, а другіе въ германской арміи.

Кромѣ того вся такъ называемая украинская самостійность есть настоящее австро-германское изобрѣтеніе. Доказано неоспоримыми фактами, что всѣ самостійники (Петлюра Винниченко, Грушевскій) сознательно или безсознательно являлись только наемниками австро-германской дипломатіи. Въ планъ расчлененія Россіи входило, между прочимъ, присоединеніе нашей Малороссіи къ Австро-Венгріи.

Преслѣдуя только реальную политику, Бисмаркъ былъ чрезвычайно предупредителенъ и остороженъ по отношенію къ Россіи послѣ 1870 года онъ задался цѣлью возстановить Священный союзъ. Въ 1872 году въ Берлинѣ состоялось свиданіе трехъ императоровъ: Александра II, Вильгельма I и Франца Іосифа. Основаніемъ положено status quo 1871 года и въ Восточномъ вопросѣ достигнуто соглашеніе. Бисмаркъ былъ доволенъ, что перекинувъ мостъ въ Вѣну, сохранилъ его въ Петербургѣ. Однако эта комбинація не могла быть прочной, ибо Восточный вопросъ игралъ въ ней роль первороднаго грѣха. Въ 1875 году Императоръ Александръ II воспротивился дальнѣйшимъ агрессивнымъ намѣреніямъ Бисмарка по отношеніи къ Франціи, и послѣдовало охлажденіе, усиленное двусмысленнымъ поведеніемъ канцлера на Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 году, лишившемъ Россію плодовъ побѣдъ Турецкой войны. Когда послѣ этого надежда на возобновленіе новаго Священнаго союза отпала, Бисмаркъ заключилъ Тройственный союзъ, направленный въ сущности противъ Россіи, но въ то же время не только стремился сохранить съ ней самыя дружескія отношенія, но просто питалъ страхъ передъ возможными осложненіями и нарушеніемъ „традиціонной" дружбы.

Преемники его были болѣе смѣлы, болѣе самоувѣрены. Проповѣдуя міровое господство, Трейчке говорилъ, что славянство—это въ сущности навозная нація, годная лишь для удобренія нѣмецкой культуры. Россія похожа на собаку, которая сидитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Мнѣніе о Россіи у Бернгарди разбросано во всѣхъ его книгахъ Оно характерно; какъ образецъ пристрастія и извращенія историческихъ фактовъ:

„По моему мнѣнію одна изъ первыхъ задачъ состоитъ въ томъ чтобы уберечь нашу народность отъ вліянія чужихъ, низшихъ по своимъ качествамъ, элементовъ; это главнымъ образомъ относится къ нашимъ окрайнамъ, въ отношеніи которыхъ наша политика должна быть совершенно измѣнена. Въ этомъ отношеніи

главнымъ и исключительнымъ образомъ должно быть обращено все наше вниманіе на борьбу со славянствомъ — этимъ нашимъ историческимъ врагомъ. Но эта борьба необходима не только для обороны самой Германіи, но и для спасенія всей западно европейской культуры отъ усиливающагося наплыва славянства, а также и для того, чтобы сѣмена германской культуры пускали все новые корни въ самомъ славянскомъ мірѣ. Русскіе и поляки вовсе не являются носителями собственной національной культуры, которая могла бы обогатить западный міръ новыми мыслями и явиться толчкомъ къ дальнѣйшему развитію его. Всѣми культурными благами эти народы обязаны почти исключительно нѣмцамъ, но ни въ одной отрасли они не могли усвоить ихъ внутренне или развить ихъ дальше самостоятельно. Даже христіанство упало у нихъ до своего рода идолопоклонства, оказывая весьма незначительное нравственное вліяніе. Поэтому то усиленіе славянскаго вліянія на западѣ нанесло бы тяжелый ударъ прогрессивному развитію человѣчества. Это прекрасно доказывается внутреннимъ состояніемъ славянскихъ государствъ; это же подтверждаетъ и новѣйшая русская революція (подразумѣвается 1905 г.) своими погромами, нигилистическими злодѣяніями и дикимъ варварствомъ .... Въ Россіи германство преслѣдуется и насилуется безпощаднымъ образомъ".

Здѣсь правдиво только мнѣніе о русской революціи. Въ остальномъ же грубое и бездоказательное пристрастіе. Славяне обязаны всѣмъ Германіи, а Германія ничѣмъ не обязана Россіи, въ продолженіи двухъ вѣковъ способствовавшей объединенію Германіи и спасавшей ее отъ Наполеона, не такъ ли? Славянство – низшая раса, отъ родства съ которой нужно остерегаться, а между тѣмъ, пруссаки, эти наиболѣе крѣпкіе духомъ нѣмцы, представляютъ смѣсь коренныхъ нѣмцевъ съ прибалтійскими славянами. И даже (какое странное совпаденіе!) учителя Бернгарди-Трейчке и Ницше, были по происхожденію славяне. Всѣмъ у насъ извѣстно было, что въ Россіи германство не только не преслѣдовалось и не насиловалось, но, наоборотъ, пользовалось привилигированнымъ положеніемъ.

Говоря вскользь о нашей военной мощи, Бернгарди утверждаетъ, что въ 1877—8 годахъ мы потерпѣли отъ турокъ пораженіе. Между тѣмъ у насъ всякій школьникъ знаетъ, что миръ былъ заключенъ у воротъ Константинополя. Есть даже характерное противоположное мнѣніе въ одной и той же книгѣ: *„Въ вѣковой борьбѣ со славянствомъ мы отняли у него громадныя области и превратили ихъ въ цвѣтущія страны"*

(*стр. 17*)... „*Германія въ тяжелой борьбѣ отвоевала себѣ у славянъ скудныя области на востокѣ* (*стр. 63*). Гдѣ же истина? Германія получила на востокѣ отъ Польши громадныя земли, но не въ тяжелой борьбѣ, а совершенно безкровно по тремъ раздѣламъ Польши въ 1772,93 и 95 годахъ, благодаря любезности или попустительству Екатерины Великой. Серьезный ученый и выдающійся генералъ допускаетъ такую подтасовку историческихъ фактовъ! И въ то же время говоритъ въ 1913 году: „Россія по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, повидимому, не имѣетъ никакихъ намѣреній нападать на насъ".

Мы покупали миръ дорогой цѣной. Въ 90-хъ годахъ былъ заключенъ съ Германіей весьма убыточный для насъ торговый договоръ. Онъ возобновленъ въ 1904 году на 12 лѣтъ, такъ какъ, отвлеченная Японской войной, Россія не могла протестовать. Десятки лѣтъ мы платили такимъ образомъ огромную мирную контрибуцію.

Возможно, что существовали личныя симпатіи между монархами обѣихъ странъ, даже въ 1905 году происходило свиданіе въ Біоркэ между Императоромъ Николаемъ II и Вильгельмомъ II. Но отношенія между народами приняли такую форму, что обладающіе почти самодержавной властью оба монарха ничего не могли сдѣлать. Они были связаны союзами и интересами своихъ народовъ. Личныя ихъ симпатіи могли лишь отсрочить, но не предотвратить предстоящаго столкновенія, назрѣвавшаго съ 1870 года.

Бисмаркъ сказалъ, что никогда не нужно разсчитывать на благодарность народа. Не слѣдовало и Россіи ожидать благодарности за свою 200-лѣтнюю германофильскую политику. Но когда противъ нея десятки лѣтъ точился мечъ, когда десятки лѣтъ она принуждена была платить огромную торговую контрибуцію по договорамъ, то что же ей въ концѣ концовъ оставалось дѣлать? Вотъ каковы причины измѣненія нашей 200-лѣтней оріентаціи. А теперь, въ 1918 г. развѣ въ интересахъ Германіи единая Россія? Наоборотъ, въ расчлененіи и разъединеніи ея интересъ Германіи. Въ XX вѣкѣ Россія подобно Англіи уже покончила съ эпохой внѣшняго расширенія. Японская война властно выдвинула на первый планъ внутреннее созиданіе. Намъ нуженъ былъ продолжительный миръ. Но на этотъ миръ мы не могли разсчитывать, ибо тамъ на границѣ оставался „*суровый, дозорный, бодрствующій, неутомимый, прикованный къ своей судьбѣ, преслѣдующій неуклонно, безтрепетно свою собственную, отдаленную цѣль*".

Нельзя, конечно, обвинять Германію въ Брестскомъ мирѣ: всякое другое государство также поступило бы при данныхъ условіяхъ. Но чѣмъ оправдать дальнѣйшее поддержаніе и культивированіе большевизма и, слѣдовательно, косвенное участіе во всѣхъ его кошмарныхъ преступленіяхъ? Величайшее международное преступленіе-убійство графа Мирбаха не вызвало вооруженнаго столкновенія съ Совдепіей. Не доказательство-ли это великой дружбы обоихъ государствъ? Или оффиціальное сочувствіе барона Мумма Раковскому по случаю покушенія на жизнь Ленина?

Война считается законнымъ средствомъ борьбы. Пройдутъ десятилѣтія и, вражда, вызванная ею, сгладится. Но большевизмъ русскіе никогда не забудутъ. Память о немъ сохранится на вѣки. И не забудется, что его поддерживала культурная Германія.

Въ наше время ни одно государство не можетъ вести не популярной войны. Необходимость ея должна проникнуть не только въ интеллигенцію, но даже въ народныя массы. Война должна вестись изъ-за самыхъ насущныхъ интересовъ, такъ какъ нынѣ она ставитъ на карту дальнѣйшую будущность народа, какъ націи.

Въ продолженіе двухъ вѣковъ мы вели войны съ Турціей. Многія изъ нихъ, напримѣръ, 1828 и 1877 г. не затрагивали насущныхъ интересовъ Россіи. Однако, старая идея борьбы съ „басурманами“ за порабощенное славянство была столь крѣпка, что эти войны были всегда популярны. Только теперь эта идея потеряла свое значеніе.

Война съ Японіей была совершенно непопулярна, хотя велась за существенные интересы Россіи. Однако, не только народная масса, но и наша интеллигенція этихъ интересовъ не понимала. Наше стремленіе упереться на Тихій океанъ на материкѣ Азіи было совершенно естественно и правильно. Оно предотвращало желтую опасность, которая вовсе не мифъ, а реальный фактъ, потребующій въ будущемъ потоковъ крови отъ насъ же; результатъ же его скрытъ въ туманѣ будущаго. Но подобныя громадныя задачи не соотвѣтствовали внутреннему состоянію Государства, совершенно отставшаго во всѣхъ сферахъ жизни. Этимъ и объясняется столь нелѣпый фактъ, какъ сочувствіе нашего общества Японіи, къ „которой проявлена великая несправедливость—желаніе воспрепятствовать ей распространяться на материкѣ“. Въ международныхъ отношеніяхъ наше общество наивно требовало какой то общечеловѣческой справедливости!

Что же касается войны 1914 г. то здѣсь не только интеллигенція, но и массы городского населенія инстинктивно поняли, что война ведется за насущнѣйшіе интересы Россіи, что она вовсе не наступательная, а оборонительная, такъ какъ мы совершенно не нуждаемся и не задаемся цѣлью что либо отнять у Германіи, а лишь защищаемъ свое, чѣмъ владѣемъ уже сотни лѣтъ. Оттого то война вызвала взрывъ патріотизма во всѣхъ городахъ. Понимала необходимость войны и масса нашихъ солдатъ, воспитанныхъ въ мирное время въ войскахъ и проявила поэтому древне русскую доблесть.

Внѣ пониманія войны и государственныхъ задачъ осталась многомилліонная масса крестьянства, которая по своей дикости и тупости жила интересами только своей деревни. И потому, когда эта масса всего лишь послѣ 2—4 мѣсячнаго обученія влилась въ армію, то война показалась ей тяжелой повинностью безъ всякой цѣли, безъ видимаго скораго конца. И милліонная армія развалилась отъ одного прикосновенія соціалистовъ и паденія старыхъ традицій въ лицѣ верховной царской власти.

Возможно ли наше примиреніе съ нѣмцами? Вопросъ этотъ слѣдуетъ рѣшать не на основаніи личныхъ симпатій или оріентацій отдѣльныхъ лицъ или классовъ общества, но исключительно на основаніи опыта исторіи и реальныхъ взаимоотношеній между народами.

Опытъ исторіи доказываетъ, что даже во времена абсолютизма и личной политики королей, послѣдніе въ союзахъ не всегда руководствовались родственными связями или симпатіями. Это особенно замѣтно въ XIX вѣкѣ, когда личная политика королей уступила мѣсто могучему вліянію парламентаризма и общественнаго мнѣнія.

Если даже предположить, что Польша получитъ выходъ къ морю, то все же мы остаемся сосѣдями Германіи на Балтійскомъ морѣ. Потерявъ свои колоніи, Германія больше, чѣмъ когда либо, будетъ нуждаться въ сбытѣ своихъ фабрикатовъ и полученіи сырья. Мы также будемъ нуждаться не меньше въ произведеніяхъ промышленности. Ни Англія, ни Франція не въ состояніи конкурировать въ этомъ отношеніи съ Германіей, ибо не могутъ дать столь дешевыхъ издѣлій и не умѣютъ приспособиться къ требованіямъ русскаго рынка. наконецъ, не знаютъ столь хорошо русскихъ особенностей, какъ Германія. Поэтому то, подъ вліяніемъ суровой необходимости, даже наиболѣе твердые германофобы не станутъ

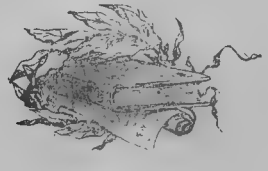
отказываться отъ произведеній нѣмецкой промышленности. А постоянный торговый обмѣнъ, если онъ удовлетворяетъ обѣ стороны, больше всего способствуетъ примиренію. Такимъ образомъ нормальныя отношенія могутъ наладиться со временемъ. Германіи, конечно, необходимо отказаться отъ мечты о міровомъ господствѣ и обращеніи славянъ въ навозъ для удобренія германской культуры. Вообще, какъ показала эта война, мечты о міровомъ господствѣ какой либо націи точно такъ же, какъ и о всемірной революціи и интернаціоналѣ приведутъ лишь къ міровому пожару и самоистребленію, а цѣли все равно не достигнутъ.

Все будетъ зависить отъ политики нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ. Если они приложатъ всѣ усилія къ возстановленію нашей государственности, докажутъ, что Тройственное согласіе преслѣдуетъ взаимныя выгоды, а не только одно извлеченіе пользы съ того, кто слабѣе въ данный моментъ, тогда Соглашеніе можетъ обратиться вновь въ продолжительный Тройственный союзъ. Но побѣдители часто переходятъ разумную грань, стараясь выжать всю возможную пользу съ побѣды въ данное время и упуская изъ виду будущее. Соблазнъ великъ. Разгромлена Германія. Отчего-бы, пользуясь случаемъ, не разгромить Россію и избавиться теперь же отъ всякихъ осложненій въ будущемъ?

Этотъ путь самой настоящей реальной политики можетъ привести къ тому, что изъ войны выйдутъ униженными и оскорбленными только Россія и Германія. Не явится ли въ этомъ случаѣ союзъ между ними настоятельной необходимостью? Въ интересахъ союзниковъ не допустить подобнаго союза и помочь Россіи.

Вотъ вопросы, къ которымъ мы можемъ прійти независимо отъ германофильства, германофобства и вообще личныхъ взглядовъ и симпатій.

Январь 1919.



VII. Прошлое и настоящее.

„Минувшее проходитъ предо-
мною"...
Пушкинъ.

„Мы не помнимъ, что было вчера.
По утрамъ забываемъ свои вечера".

Французская революція, произвела, какъ извѣстно, громадное впечатѣніе на современниковъ. Среди обще-европейскаго абсолютизма это былъ ударъ грома средь яснаго дня. Когда Европа познакомится лучше съ русской соціалистической революціей, она должна столь же поразиться, какъ и въ концѣ 18-го вѣка. Но насколько французская революція вызвала подраженія и положила начало демократизаціи европейскаго государственнаго строя, настолько наша должна, наоборотъ, вызвать отрицательное отношеніе къ подобному соціалистическому эксперименту, ужасъ и негодованіе по отношенію къ взбунтовавшимся рабамъ. Въ противномъ случаѣ—конецъ старой европейской культурѣ.

Каковы же причины столь нелѣпой революціи? Еще до революціи говорили, что Россія страна неограниченныхъ возможностей. Казалось, революція подтвердила этотъ афоризмъ. Многими раздѣлялось также мнѣніе, что Россія особенная страна, и общая европейская мѣрка къ ней не подходитъ. Это мнѣніе славянофиловъ: „Умомъ Россію не обнять, аршиномъ общимъ не измѣрить". Въ наиболѣе утрированномъ идеальномъ видѣ это мнѣніе доходило до того, что русскій народъ—народъ Богоносецъ, непрестанно ищущій на землѣ правды Божіей. Не только Бернгарди, но и многіе русскіе считали, что Россія скорѣе азіатская, чѣмъ европейская держава. Между тѣмъ уже два вѣка она принимаетъ самое дѣ-

ятельное участіе въ дѣлахъ Европы, а въ Азіи проявила себя только лишь въ концѣ 19-го вѣка.

Принявъ за основу историческій методъ изслѣдованія, необходимо вспомнить особенности русской исторіи. Такъ какъ всякій интеллигентъ обязанъ знать исторію своего отечества, то я отмѣчу лишь отдѣльныя эпохи.

Удѣльная система и татарское иго. По географическому своему положенію Россія всегда соприкасалась съ Азіей и азіатскими народами и расширялась также въ сторону Азіи Начало же свое получила въ Европѣ. Поэтому она подвергалась вліянію двухъ культуръ, европейской и азіатской. Оба эти начала на лицо до сихъ поръ и часто совмѣщаются не только въ цѣлыхъ областяхъ, но и въ отдѣльныхъ лицахъ.

Наша исторія не похожа на Европейскую. Въ ней не было такихъ явленій, которыя составляютъ эпоху: феодализмъ, реформація, религіозныя войны, возрожденіе древняго научнаго классицизма, не было также вѣковой борьбы за свѣтскую власть противъ духовной, за конституцію, словомъ не было яркихъ трагическихъ страницъ.

Отъ образованія государства, т. е. отъ мифическаго призванія варяговъ въ 862 году въ продолженіи около 400 лѣтъ государственная жизнь текла въ сущности по западно-европейскому образцу, Страна раздѣлилась на множество мелкихъ владѣній – княжествъ (вмѣсто европейскихъ леновъ), формально объединенныхъ подъ властью великаго князя, на самомъ же дѣлѣ, часто неподчиняющихся ему. Внѣшнія дѣла проявлялись въ междуусобицахъ князей между собою и въ борьбѣ съ кочевниками, внутреннія– въ патріархальномъ бытѣ, гдѣ князь не являлся самодержцемъ, а правилъ совмѣстно съ вѣче. Въ противоположность западу не было засилія духовной власти отъ свѣтской. Въ общемъ, были гораздо лучшія условія для созданія большого сильнаго государства чѣмъ на западѣ. Условія эти заключались въ географическомъ положеніи (обширная равнина безъ естественныхъ препятствій) и въ одноплеменности населенія, исповѣдывавшаго одну православную вѣру. И такое государство навѣрно создалось бы. Какой нибудь наиболѣе талантливый князь, вродѣ Ивана Калиты или Іоанна III, съумѣлъ бы прибрать къ рукамъ и объединить подъ своею властью остальныхъ, такъ же какъ на Западѣ короли и императоры подчиняли себѣ своихъ вассаловъ и устанавливали сильную и единоличную власть.

Неожиданное нашествіе татаръ въ 1237 году и полное подчиненіе ими всей русской земли совершенно прекратило свободное развитіе государства. Центръ жизни перенесся съ юга на сѣверъ. Тяжелая дань и разореніе края парализовали даже самые слабые зачатки государственности Хотя покоренное населеніе не смѣшалось съ побѣдителями, которые обособились на Волгѣ, но татарское иго оказало все же громадное вліяніе на цѣлый рядъ поколѣній въ самомъ худшемъ смыслѣ. Принявъ на себя всецѣло напоръ азіатскихъ кочевниковъ, Россія этимъ самымъ защитила западную Европу, но вѣдь это нисколько не принимается во вниманіе и не оправдываетъ насъ, ибо народы въ своихъ взаимоотношеніяхъ цѣнятъ лишь наличныя достоинства и качества, не задаваясь объясненіемъ историческихъ причинъ тѣхъ или другихъ явленій. Куликовская битва (1380 г.) вовсе не освободила Русь отъ татарскаго ига; она имѣла лишь моральное значеніе, какъ доказательство объединенія и усиленія покоренныхъ противъ угнетателей. Татарское иго свергнуто лишь Іоанномъ III въ концѣ 15-го вѣка, просуществовавъ въ общемъ 250 лѣтъ.

Обыкновенно считаютъ, что татарское иго оказало на насъ главнымъ образомъ моральное вліяніе, сдѣлавъ насъ полуазіатами по крови и по духу. Даже въ 19 вѣкѣ Наполеонъ говорилъ: „Поскоблите русскаго, и передъ вами явится татаринъ“. Характеризуя наше общество 18-го вѣка, профессоръ Ключевскій отмѣчаетъ характерныя азіатскія черты его даже въ высшихъ классахъ. Безусловно вліяніе татарщины сказалось на нашихъ нравахъ въ теченіе многолѣтняго владычества. По крови, однако, родство должно считать незначительнымъ, такъ какъ татары не жили разбросанно по всей Россіи и не смѣшивались систематически съ кореннымъ населеніемъ.

Главное значеніе татарщины сказалось въ томъ, что, во первыхъ, развитіе государственности искусственно остановилось на 200 слишкомъ лѣтъ и, во вторыхъ, центръ развитія государственной жизни былъ перенесенъ изъ Кіева въ Москву. Между тѣмъ главнымъ центромъ долженъ былъ бы остаться Кіевъ. Здѣсь славяне приняли христіанство, сдѣлавъ Кіевъ центромъ просвѣщенія. Это была резиденція великихъ князей, въ полномъ смыслѣ слова, мать городовъ русскихъ. Всегда государственная жизнь лучше всего развивалась тамъ, гдѣ были лучшія природныя условія и болѣе богатые пути сообщенія.

Нынѣшняя Украина наиболѣе удовлетворяла этимъ условіямъ. По Днѣпру и Черному морю были непрерывныя сношенія съ Византіей. Одна изъ дочерей Ярослава Мудраго была выдана замужъ за французскаго короля. Значить существовало общеніе и съ западомъ. Постененно расширяясь и объединяясь, Русь естественно уперлась бы въ Черное море на югѣ и граничила бы на западѣ съ Германской имперіей. Вѣдь Галицкое княжество существовало до 1340 года, когда было присоединено къ Польшѣ. Затѣмъ, объединивъ южныя земли Русь легко расширялась бы въ сѣверномъ направленіи въ сторону наименьшаго сопротивленія. Иначе не могло быть. Новгородъ, находившійся въ гораздо худшихъ природныхъ условіяхъ, чѣмъ Кіевъ, но не покоренный татарами достигъ богатства и государственнаго развитія уже въ 13—14 вѣкахъ, когда остальная Русь стонала подъ татарскимъ игомъ.

Вмѣсто всего этого собираніе Руси по чисто случайнымъ причинамъ началось на сѣверѣ, въ Москвѣ, странѣ гораздо болѣе бѣдной природными богатствами и находящейся внѣ путей для сношенія съ западомъ. Оттого то оно шло чрезвычайно медленно и туго. Это было нищенское скопидомное собираніе по частямъ Русской земли, хитростью и ловкостью отдѣльныхъ князей, начиная съ Іоанна Калиты (1305—1340). Оно завершилось естественнымъ выходомъ къ Балтійскому морю при Петрѣ Великомъ въ началѣ 18-го вѣка, а къ Черному въ концѣ того же вѣка. А вѣдь уже при удѣльныхъ князьяхъ Русь владѣла берегами Чернаго моря. Значить покореніе татарами отбросило ее отъ благодатнаго юга почти на 600 лѣтъ. Это составляетъ эпоху даже для самыхъ крупныхъ долговѣчныхъ государствъ.

Изъ Москвы Русь распространялась на югъ, востокъ и западъ, главнымъ образомъ при помощи колонизаціи и войнѣ. Колонизація шла преимущественно на югъ—на лучшія земли и по рѣкамъ. Войны велись на югѣ съ татарами и турками, а на западѣ съ Польшею, Швеціей и Ливонскимъ орденомъ. Присоединеніе Сибири въ 1584 году не оказывало никакого вліянія въ этомъ отношеніи. И такъ какъ Сибирь пріобрѣла значеніе для заселенія лишь въ 19-мъ вѣкѣ, а до тѣхъ поръ это была забытая страна, служащая мѣстомъ ссылки. Въ ея обширныхъ земляхъ Россія не нуждалась для колонизаціи вплоть до второй половины 19 вѣка.

Самодержавіе и православіе. Эти два явленія нашей государственности, столь ненавистныя соціалистамъ и даже „пе-

редовой" интеллигенціи, сыграли огромную роль въ созданіи Россіи. Можно даже утверждать, что безъ нихъ не было бы и Россіи Православіе для насъ важно не только какъ религія, объединяющая народъ въ одномъ религіозномъ міровоззрѣніи, дающая всѣмъ общій идеалъ добра и правды, стремленія къ божеству, но и какъ главное основаніе духовной культуры славянства. Католичество меньше оказало вліянія на западѣ, чѣмъ православіе у насъ. Тамъ кромѣ католичества большую роль въ умственномъ движеніи сыграла римская наука. У насъ же, вплоть до Петра Великаго, основой всѣхъ знаній было православіе. Свѣтскихъ наукъ почти не существовало. Это, конечно, отсталость, но въ продолженіи вѣковъ церковныя знанія были единственными, дѣлающими изъ дикихъ первобытныхъ людей болѣе менѣе культурныхъ. Когда Русь перестала существовать въ 1237 году, православіе явилось тѣмъ цементомъ, который уже соединилъ разбросанныя на громадномъ пространствѣ славянскія племена и внушилъ имъ сознаніе единства своей національности. Въ возстаніи противъ татаръ и вѣковой борьбѣ съ ними кромѣ чисто національнаго воодушевленія играло большую роль еще религіозное. Оно же толкало и на борьбу съ мусульманствомъ при позднѣйшемъ распространеніи русскихъ на югѣ путемъ колонизаціи. Словомъ, это такое явленіе нашей исторіи, которое должно быть признано нашимъ духовнымъ фундаментомъ, внѣшній видъ котораго можетъ быть отдѣланъ, улучшенъ, но сущность должна остаться незыблемой, ибо въ противномъ случаѣ мы перестанемъ существовать, какъ самостоятельное славянское государство.

Раціоналисты утверждаютъ, что вообще христіанство принесло вредъ человѣчеству, такъ какъ затормозило такъ называемый прогрессъ. О роли христіанства въ этомъ отношеніи можно спорить сколько угодно, съ различнымъ успѣхомъ за и противъ. Вообще же безполезно спорить съ людьми, которые считаютъ, что вся суть жизни состоитъ въ томъ, чтобы быть сытымъ или по крайней мѣрѣ равномѣрно наполнить свой желудокъ съ другими, а остальное неважно или второстепенно. Безконечное число доказательствъ можно привести, что „не хлѣбомъ бо однимъ будетъ живъ человѣкъ". Матеріализмъ—это ученье основанное столько же на вѣрѣ, сколько и спиритуализмъ!

Когда произошелъ переворотъ 1917 г., тогда же наше образованное общество подверглось вліянію грубой соціалистической пропаганды, извергающей всевозможную клевету

на бывшій царствующій домъ. Досужіе борзописцы занялись вычисленіемъ, сколько стоилъ Россіи домъ Романовыхъ, сколько вреда онъ принесъ и т. п. У нашихъ историковъ, которыхъ такъ много во всѣхъ университетахъ, не нашлось смѣлости вступиться хотя бы за честь своей науки и выяснить въ брошюрахъ или газетахъ, какую же роль играло самодержавіе на Руси. Неужели со времени Іоанна Грознаго, въ продолженіи болѣе 300 лѣтъ, наша исторія была сплошной ошибкой и преступленіемъ? Всякій интеллигентъ долженъ составить себѣ опредѣленный взглядъ на этотъ предметъ путемъ изслѣдованія историческихъ фактовъ, а не крикливыхъ красныхъ брошюръ. Теперь, конечно, никто не станетъ повторять того, что писали про русскій царствующій домъ въ медовый мѣсяцъ революціи. Всѣ хорошо испытали прелести соціалистическаго режима. Но тогда никто не осмѣлился выступить въ защиту поруганныхъ боговъ, боясь больше всего прослыть „ретроградомъ“ и „черносотенцемъ“.

Исторія государства Россійскаго Карамзина, которая по своей идеѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкой исторіи Трейчке, считается у насъ устарѣвшей и никто ее не читаетъ. Многотомная исторія Соловьева уже потому никому не извѣстна, что она многотомна и служитъ исключительно матеріаломъ для исторіи. Костомаровъ далъ лишь отдѣльныя монографіи и изслѣдованія. Наибольшей популярностью въ концѣ 19-го и 20 вѣкѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ пользовалась исторія Ключевскаго или вѣрнѣе лекціи по исторіи, а также двухтомное сочиненіе Бильбасова по исторіи Екатерины II.

Очень мѣткія и злыя характеристики нашихъ монарховъ, сдѣланныя Ключевскимъ, особенно нравились публикѣ. Напримѣръ, объ Елизаветѣ Петровнѣ: „Это была набожная и добрая императрица, ѣздившая отъ заутрени на балъ и съ бала къ заутренѣ. Вѣчно вздыхавшая по монастырской жизни, она оставила гардеробъ въ нѣсколько тысячъ платьевъ. Дочь великаго Петра, она унаслѣдовала его энергію: въ 24 часа ѣздила изъ Петрограда въ Москву, загоняя нѣсколько троекъ. Даже невѣжественыхъ современниковъ она удивляла своимъ особеннымъ невѣжествомъ. До конца дней была увѣрена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ и въ то же время основала первый университетъ въ Россіи“. Это одна изъ самыхъ мягкихъ характеристикъ. Но есть и другія: „въ Россіи на престолѣ были вдовы, замужнія женщины, дѣвицы, но небыло еще идіотовъ; судьбѣ угодно было пополнить этотъ пробѣлъ въ лицѣ Петра III-го„.

Это легко слушалось тысячами московскихъ студентовъ, легко усваивалось. Мы не найдемъ у Трейчке подобныхъ характеристикъ, хотя Фридрихъ Вильгельмъ III-й былъ дѣйствительно бездарный король, правившій 43 года, а Фридрихъ Вильгельмъ IV-й душевно-больной. Если приведенныя характеристики были во многомъ правдивы, то слѣдовало все же выяснить и положительную роль монархіи. Я не помню, выяснена-ли она въ исторіи Ключевского, а между тѣмъ, приведенная цитата изъ характеристики Елизаветы Петровны удержалась дословно въ мозгу до сихъ поръ, несмотря, на истекшія 18 лѣтъ. Такъ легко дискредитировать всякую идею мелкимъ соромъ, вродѣ туалета Елизаветы Петровны. А между тѣмъ стоитъ лишь вдумчиво отнестись къ фактамъ нашей исторіи, чтобы выяснить ту истину, что своимъ созданіемъ въ видѣ огромнаго государства Россія обязана если не отдѣльнымъ монархамъ, то вообще монархическому образу правленія.

При князьяхъ абсолютной власти не было. Былъ князь и было вѣче, составлявшее своего рода парламентъ. Въ удѣльный періодъ, при патріархальномъ образѣ жизни, роли вѣче и князя не были разграничены писанными законами. Вѣча существовали до прихода князей при семейномъ патріархальномъ бытѣ. Ихъ уже застали князья, у которыхъ не было другихъ органовъ управленія, почему они опирались на вѣче. Роль послѣднихъ была различна, въ различныхъ частяхъ Руси. Въ 1147 г. Кіевское вѣче отказывается вести войну противъ Юрія Долгорукова: «не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей пойдемъ съ дѣтьми». Въ 1097 г. въ Кіевѣ былъ судъ надъ Галицкими князьями: судили бояре и вѣче. Въ 1154 г. Кіевскіе мужи на вѣчѣ предостерегали великаго князя Ростислава отъ похода: „ты еси людьми въ Кіевѣ не утвержденъ: а поѣди леплѣ въ Кіевъ же, съ людьми утвердися“. Значитъ, вѣче рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ и утверждало князей. нѣкоторые историки считаютъ, что все же въ Кіевѣ была болѣе монархія, а въ Новгородѣ настоящее демократическое правленіе. Новгородъ и Псковъ не подверглись нашествію татаръ. и тамъ древняя форма управленія получила широкое развитіе. Въ Новгородѣ въ концѣ 13-го вѣка утвердилась настоящая писанная конституція. Князь сбязывался: не замышлять войны безъ Новгородскаго слова; въ правители волостей назначать только изъ Новгородскихъ гражданъ и по предварительному соглашенію съ посадникомъ; не смѣщать должностныхъ лицъ безъ суда; не производить суда безъ посадниковъ. Въ случаѣ не-

выполненія условій князь изгонялся и приглашался другой. Такихъ случаевъ въ Новгородѣ было много. Рѣшеніе вѣча принимались по большинству при помощи кровопролитныхъ схватокъ. Побѣжденная сторона признавала рѣшеніе побѣдившей. Другихъ способовъ не было. Пригороды обыкновенно въ рѣшеніяхъ не участвовали, а подчинялись рѣшенію города. Кромѣ того вѣче выбирало тысяцкаго, посадника и архіепископа. Это было настоящее демократическое управленіе гражданъ одного города при помощи голосованія и общей потасовки, причемъ побѣждало не всегда большинство. Въ Кіевѣ было болѣе монархическое правленіе. Тамъ князья вели войны и безъ утвержденія вѣча съ помощью своихъ дружинъ и охотниковъ. Въ Суздальской землѣ, еще до татарскаго ига, власть князя была гораздо сильнѣе. Вѣче существовало главнымъ образомъ въ качествѣ совѣтника.

На взаимоотношенія князя и вѣча у нашихъ историковъ существуютъ различные взгляды. Профессоръ Сергіевичъ считаетъ, что князь и вѣче суть два одинаково существующихъ элемента: съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя—единаго представителя власти, съ другой главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. Участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ и выявляется въ формѣ вѣча.

Возможно, что парламентская жизнь наладилась бы въ видѣ писанной конституціи по всей Руси. Можетъ быть, у насъ получился бы въ концѣ концовъ парламентъ вродѣ англійскаго. Но такъ какъ вѣче было въ каждомъ городѣ, то могло случиться и хуже. Русь управлялась бы при помощи множества учрежденій, тождественныхъ польскимъ сеймикамъ, которые создали полное безвластіе и погубили Польшу. Во всякомъ случаѣ удѣльная система и отсутствіе сильной власти погубили Русь, сдѣлавъ ее легкой добычей татаръ. Разумѣется, такая система, очень удобная для развитія парламентаризма, не могла собрать Руси и тѣмъ болѣе освободить ее отъ татарскаго ига. Единеніе, видимо, назрѣло въ умахъ массъ, такъ какъ въ Куликовской битвѣ участвовалъ не одинъ Дмитрій Донской, но и многіе князья.

Начиная съ Іоанна Калиты—типичнаго скопидома и собирателя земли русской—съ помощью тѣхъ же татаръ, ловкости, хитрости и денегъ, послѣдующіе князья предовали ту же цѣль. Іоаннъ III (1440—1505) уже не имѣлъ почти соперниковъ и былъ самодержавнымъ повелителемъ Московскаго государства. Іоаннъ Грозный (1530—84) довершилъ торжество-

идей самодержавія, разгромивъ совершенно оппозиціонное боярство. Онъ въ сущности одинъ окончилъ ту борьбу съ непокорными вассалами, которую сотни лѣтъ вели западные короли, пока не стали абсолютными монархами.

Великая смута, происшедшая въ началѣ 17-го вѣка вслѣдствіе прекращенія династіи и многихъ другихъ причинъ показала, что народъ въ то время не мыслилъ иначе государства, какъ въ лицѣ одного хозяина—самодержавнаго царя. Однако, еще отъ удѣльныхъ князей сохранилась при царяхъ боярская дума, которая являлась совѣщательнымъ и представительнымъ органомъ, рѣшающимъ всѣ важнѣйшія дѣла, поступающія на утвержденіе царю. Кромѣ нея созывались еще и земскіе соборы изъ бояръ, духовенства, горожанъ и купечества. Первый такой соборъ былъ въ 1550 году при Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1613 году соборъ прекратилъ смуту, выбравъ на престолъ царя Михаила Федоровича.

Мы видимъ, что ничто не ново подъ луною. Представительныя учрежденія въ Россіи были, хотя, за исключеніемъ Новгородскаго и Псковскаго вѣча, они не играли роли парламентовъ, ограничивающихъ царскую власть писанными законами.

Начиная съ Петра I исчезаютъ навсегда и боярская дума и земскіе соборы. Россія становится абсолютной монархіей, принявъ систему бюрократическихъ учрежденій по западно европейскому образцу. Геніальная натура Петра I-го не могла мириться съ существованіемъ такихъ устарѣвшихъ учрежденій, какъ боярская дума или земскій соборъ, состоящіе изъ людей, весьма посредственныхъ, даже по тогдашнему времени умственно ограниченныхъ. Петру нужны были новые люди, сочувствующіе ему въ пріобщеніи Россіи къ сонму европейскихъ державъ, отъ которыхъ страна совершенно отстала вслѣдствіе татарскаго ига и искусственнаго зарожденія новой государственной жизни въ центрѣ обширной равнины внѣ общенія съ западомъ и морскихъ путей сообщенія. Для того, чтобъ безъ колебаній это сдѣлать, нуженъ былъ Петръ и та царская власть, которую онъ наслѣдовалъ. Къ сожалѣнію, круто мѣняя формы жизни, производя революціи сверху, Петръ одинаково боролся и съ мелочами, вродѣ покроя костюмовъ и ношенія бородъ. Реформы Петра, какъ утверждаетъ Ключевскій, были непонятны народу, а поставленныя имъ огромныя государственныя задачи непосильны, отчего внесена была смута и вражда въ умы

массъ, а также усиленъ антогонизмъ между сословіями. Но, жалуясь на наказаніе Господне за грѣхи, видя въ этомъ знаменіе скораго пришествіе Антихриста, всѣ повиновались, ибо твердо засѣло въ умахъ сознаніе, что царская воля—Божья воля и что „сердце царево въ рукѣ Божіей". Только при такомъ сознаніи можно было подвинуть народъ на тѣ колоссальные жертвы, которыя были необходимы для рѣшенія огромныхъ государственныхъ задачъ, выполненныхъ въ теченіе 18-го и 19-го вѣковъ. Исповѣдующимъ идею отечества поэтому вдвойнѣ обидно и больно, что двухвѣковая работа предковъ, потребовавшая огромныхъ жертвъ, разрушена недостойными ихъ потомками въ теченіе одного года.

Въ династическомъ отношеніи 18 вѣкъ представляетъ собою эпоху дворцовыхъ переворотовъ, безъ которыхъ, послѣ смерти Петра I вплоть до Александра I, не обходилось ни одно царствованіе. Про эту эпоху Ключевскій говоритъ съ иронією и презрѣніемъ: „Были вдовы, были замужнія женщины, дѣвицы, но не было идіотовъ" и т. д. Однако перевороты совершались въ Петроградѣ и на остальномъ пространствѣ Россіи значенія не имѣли. Идея царской власти была крѣпка и настолько, что даже народные бунты (Пугачевщина) производились именемъ Петра III. Благодаря этой идеѣ, Россія въ 18 вѣкѣ значительно расширилась, утвердившись на берегахъ Балтійскаго и Чернаго морей и продвинувъ границы и на западѣ. Во всѣхъ войнахъ русскіе одерживали неизмѣнныя побѣды, несмотря на то, что послѣ Петра Великаго на русскомъ престолѣ были сплошь безталантные люди. Даже Екатерину Великую Ключевскій не считаетъ талантливой, утверждая, что царствованіе ея окончилось банкротствомъ (я нарочно привожу мнѣніе наиболѣе строгаго и популярнаго историка).

Къ началу 19-го вѣка Россія становится наиболѣе могущественнымъ государствомъ въ Европѣ. Она смѣло и упорно ведетъ борьбу съ Наполеономъ, терпитъ неудачи, наконецъ побѣждаетъ его и становится еще могущественнѣе, внушая опасенія всѣмъ другимъ державамъ и особенно Англіи. Затѣмъ продолжаетъ успѣшно бороться съ Турціей, расширяя свои границы и, наконецъ, терпитъ пораженіе въ 1885 году. Послѣ этого, несмотря на побѣду 1878 года, съ нами уже менѣе считаются въ Европѣ, а въ 1905 году мы терпимъ пораженіе отъ маленькой Японіи. Словомъ, кульминаціоннымъ пунктомъ нашего могущества была первая половина 19-го вѣка, затѣмъ мы начали опускаться по кривой внизъ.

Какая же причина этому явленію? Причина-кризисъ абсолютной монархіи въ Европѣ, совершившійся послѣ французской революціи. До Петра I го, хотя и была абсолютная монархія, но все же мыслящія сословія бояре, духовенство, купечество и горожане принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ въ боярской думѣ и земскихъ соборахъ. Со времени Петра I-го они были лишены этого права. Призывая на престолъ Анну Іоановну, высшее дворянство рѣшило добиться для себя конституціи и на этихъ условіяхъ пригласило будущую царицу изъ Курляндіи. Однако среди дворянства не было согласія и конституціонные пункты, изложенные на бумагѣ, были разорваны. Екатерина Великая подъ вліяніемъ прочитанной теоріи Монтескье „Духъ законовъ“, созвала къ 1766 году комиссію депутатовъ всѣхъ сословій для выработки новаго уложенія, но это не дало никакихъ результатовъ и больше не повторялось.

Въ 1825 году группа гвардейскихъ офицеровъ, одушевленныхъ лучшими жаланіями, пыталась воспользоваться смертью Александра I-го и захватить власть, дабы добиться конституціи, но попытка окончилась печально. Декабристы, частью погибли, частью сосланы. Это было явное выраженіе недовольства абсолютизмомъ лучшей части нашего образованнаго общества, проникшагося западно-европейскими идеями. Раздались уже протестующіе голоса. Монархія перестала быть безаппелляціонно популярной.

Кризисъ абсолютизма наступилъ во время Французской революціи. Всѣ государства принуждены были перейти къ новымъ формамъ жизни. Всюду послѣдовала отмѣна крѣпостного права, многихъ сословныхъ ограниченій и введеніе болѣе свободныхъ учрежденій. Хотя послѣ 1815 года и наступила общая реакція въ Европѣ, но многія реформы, происшедшія подъ вліяніемъ Французской революціи, остались. Въ 1848 г. въ Пруссіи и Австріи введенъ конституціонный образъ правленія. Идеи французской революціи не коснулись только Россіи. Никакихъ измѣненій въ образѣ правленія и общественной жизни не произошло. Европа уже стала конституціонной, тамъ давно забыли о крѣпостномъ правѣ, а у насъ оно существовало до 1861 г. Абсолютная монархія уже переросла себя. 19-й вѣкъ требовалъ не столько внѣшнаго расширенія, сколько внутренняго созиданія, съ которымъ не въ состояніи была справиться абсолютная монархія со своимъ бюрократическимъ строемъ. Между тѣмъ ни на престолѣ, ни въ средѣ высшей бюрократіи не было людей,

которые понимали бы требованія момента и дали бы реформы сверху безъ давленія снизу. Эпоха Императора Александра II-го была дѣйствительно эпохой великихъ реформъ, но все же онѣ были недостаточны. Намъ необходимо было во что-бы то ни стало догнать западную Европу, отъ которой мы слишкомъ отстали въ первой половинѣ 19-го вѣка. Между тѣмъ послѣ 1881 г. наступила вновь реакція, которая продолжалась до 1905 г., когда неудачи японской войны обнаружили слишкомъ рѣзко нашу внутреннюю слабость.

Государственная Дума состояла преимущественно изъ цензовыхъ элементовъ, какъ и слѣдовало быть начинающему парламенту. Однако въ ней были и крестьяне, были и соціалисты. Широкіе слои русскаго образованнаго общества не были ею довольны. Имъ хотѣлось видѣть Думу болѣе либеральной. Таково было настроеніе и такова мода мысли. Дума напоминала давно ожидаемаго первенца въ бездѣтной семьѣ. Родители очень хотѣли имѣть сына, а родилась дочка. Были довольны и дочкой, но полнаго удовольствія не было. За 9 лѣтъ существованія Думы до войны мы привыкли все же ее уважать и считать, что всѣ ея начинанія и проекты, если и не безусловно мудры, то во всякомъ случаѣ талантливѣе правительственныхъ. Между тѣмъ въ 1913 г. англійскій профессоръ Крэмбъ, столь талантливо и научно предсказавшій неизбѣжность войны между Англіей и Германіей, сказалъ о Россіи: «Никто изъ тѣхъ, кто изучалъ политическую исторію Россіи, кто слѣдилъ за патэтическими, неумѣлыми дѣйствіями Думы, не можетъ видѣть въ Россіи мірового культурнаго вождя». Мы русскіе достаточно скромны и никогда не претендовали на подобную роль, за исключеніемъ славянофиловъ, полагавшихъ, что русскій народъ—народъ Богоносецъ, которому предстоитъ явить свѣтъ міру. Но приговоръ англійскаго профессора долженъ казаться намъ обиднымъ. Воспитанному въ парламентаризмѣ англичанину, подобаетъ предъявлять къ парламенту самыя строгія требованія. Мы же естественно должны быть снисходительны къ своему долгожданному первенцу. Римъ строился не сразу. Почему же наша парламентская жизнь должна была наладиться сразу? Мы до войны винили во всемъ старое правительство, которое являлось врагомъ конституціи и вслѣдствіе непониманія или изъ личныхъ цѣлей не желало дѣлиться властью съ народнымъ представительствомъ. Послѣдствія же показали, что мнѣніе ученаго англичанина вовсе не было строгимъ. Наше парламентское дитя во время обще-европейскаго по-

жара устроило пожаръ въ собственномъ домѣ, само сгорѣло и сожгло свой домъ.

Такимъ образомъ мы не можемъ винить во взрывѣ революціи только Императора и его правительство. Наше народное представительство виновато едва ли меньше царской власти. Оно не знало своего народа, не понимало психологіи власти, которая есть прежде всего сила, а не соглашеніе и не уговоръ. Въ ужасахъ же революціи, кромѣ народнаго представительства виноваты и всѣ классы общества, не понимавшіе идей государственной власти и послѣдствія развала арміи. Революція назрѣвала исторически. Въ мирное время она была бы гораздо позже или ея совсѣмъ не было бы, если бы старое правительство, постепенно дѣлая уступки, довело страну до полной конституціи. Война ускорила ее, создавъ благопріятную обстановку.

Причина революціи, вытекающая изъ политики стараго правительства—общая для всѣхъ революцій. Абсолютная монархія сыграла свою роль; она объединила государство, упрочила его границы, создала ему соотвѣтственное положеніе среди другихъ народовъ. Уже въ началѣ 19-го вѣка центръ дѣятельности перешолъ отъ внѣшнихъ расширеній къ внутреннему созиданію. Изъ внѣшнихъ дѣлъ остались еще не разрѣшенными лишь покореніе Кавказа и Туркестана. Задачи эти уже были второстепенны и могли быть разрѣшены попутно съ внутреннимъ созиданіемъ и совершенствованіемъ подобно тому, какъ это отмѣчается въ исторіи Англіи. Единоличная власть уже не могла справиться съ чрезвычайно усложнившимися внутренними задачами. Она не хотѣла, однако, признать этого и продолжала прежній способъ управленія, какъ писалъ Побѣдоносцевъ въ составленномъ имъ манифестѣ при вступленіи на престолъ Императора Александра III-го: «вѣря въ истину и силу самодержавной власти» и пр. Въ результатѣ государство слабѣло внутри, оставаясь сильнымъ внѣ. Сила эта была велика, но не устойчива, какъ англійская. Въ связи съ затяжнымъ самодержавіемъ находилась чрезвычайная централизація на подобіе французской 18-го вѣка. Она была необходима, когда Россія объединялась и расширялась. Въ 19 вѣкѣ, когда въ составъ Россіи вошли многія одноплеменныя или родственныя народности, когда выяснились ихъ нѣкоторыя отличныя отъ центральной Россіи особенности, необходимо было тотчасъ же удовлетворять ихъ. Это было примѣнено только по отношенію Финляндіи. Между тѣмъ слѣдовало дать такую же мѣстную автономію Польшѣ,

дабы она чувствовала себя подъ покровительствомъ, а не подъ надзоромъ Россіи. Нѣкоторыя особенности имѣетъ и казачество въ лицѣ опредѣленной, исключительно казачьей области, выборныхъ атамановъ и пр. Своевременное удовлетвореніе этихъ чисто мѣстныхъ потребностей сгладило бы ту вражду, которая существовала между различными народностями Россіи.

Все это могло быть достигнуто только настоящимъ конституціоннымъ образомъ правленія. Самодержавіе держалось естественно старой политики централизаціи, которая вела къ слабости. Россія уподоблялась громадному зданію, которое снаружи великолѣпно, а между тѣмъ скрѣплено плохимъ фальсифицированнымъ цементомъ. Онъ скрѣплялъ всѣ части, пока былъ свѣжъ, а потомъ быстро испортился и не могъ поддержать отдѣльныхъ частей подъ натискомъ налетѣвшаго шквала революціи. Японская война была хорошимъ предостереженіемъ. Къ лѣченію приступлено, но не радикально. Неудачи 15-го года были вторымъ предостереженіемъ, но въ сущности уже поздно было мѣнять форму правленія въ дни великой войны.

Вообще со стороны правительства были повторены ошибки, аналогичныя дореволюціонному правительству Франціи. Но дальше уже пошла такая нелѣпость, которая обратила революцію въ „русскій бунтъ—безсмысленный и безобразный". На то также имѣются серіозныя причины. Для того, чтобы понять ихъ, необходимо разсмотрѣть вкратцѣ исторію нашего умственнаго движенія и взаимоотношеній различныхъ сословій.

Сословія. Сословій не было только въ періодъ патріархальнаго родового быта, т. е., когда не было еще государства. Но и тогда старшіе въ родѣ или племени, а также жрецы уже выдѣлялись изъ общаго уровня и составляли своего рода привилигированный классъ.

Съ образованіемъ государствъ въ Европѣ и принятіемъ христіанства сразу же образовалось три сословія: духовенство, дворяне и такъ называемое третье сословіе, состоящее главнымъ образомъ изъ крестьянской массы земледѣльцевъ.

Наше духовенство рѣзко отличалось всегда отъ католическаго тѣмъ, что оно не имѣло свѣтской власти, не было особо привилегированнымъ сословіемъ и отличалось всегдашней демократичностью. Въ эпоху рѣзкаго раздѣленія сосло-

вій всякій могъ стать монахомъ и, научившись грамотѣ, проявивъ надлежащую начитанность и способность, дойти до высокихъ степеней церковной іерархіи. Такіе патріархи, какъ Никонъ, происходили изъ простого званія. На протяженіи вѣковъ нашей исторіи православное духовенство несло тяжелую службу просвѣщенія Руси, не играя той политической роли, какая принадлежала западному духовенству, не только не имѣя его привилегій, но обыкновенно терпя матеріальную нужду.

Дворянство возникло, какъ высшее правящее сословіе, на почвѣ государственной службы. Сначала это были княжескіе слуги подневольные или вольные, которые вѣдали, какъ личными дѣлами князя, такъ и государственными. Самый терминъ «дворяне» встрѣчается въ памятникахъ второй половины 13-го вѣка. Они образовались постепенно отъ княжескихъ слугъ и дѣтей боярскихъ, отдаваемыхъ на службу при княжескомъ дворѣ.

По мѣрѣ усиленія и увеличенія Московскаго Государства число дворянъ и бояръ увеличилось отъ прежнихъ присоединяемыхъ удѣловъ. При дворѣ стало тѣсно, и потому они получали участки на государевыхъ земляхъ подъ условіемъ службы. Отсюда появленіе дворянъ-помѣщиковъ. Когда было много князей, то служба была вольная, но съ объединеніемъ государства. Отъѣзжать и наниматься стало некуда, а уходъ въ Литву или чужія государства считался измѣной. Въ 16-мъ вѣкѣ между дворянами и боярами исчезаетъ различіе. Они получили вотчины на земляхъ царскихъ. Служба стала обязательной—военной или гражданской. При дворѣ же осталась лишь небольшая часть дворянъ. Наиболѣе привилегированное положеніе занимали московскіе дворяне, изъ коихъ комплектовались высшіе чины при дворѣ.

Въ общемъ, въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ дворянскій классъ представлялъ довольно пеструю картину. Тутъ были потомки княжескихъ родовъ, боярскихъ дѣтей и простые дворяне, предки которыхъ были холопами. Существовало дворянское мѣстничество, основанное на родовитости. Оно было уничтожено царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 году, но неоффиціально продолжало существовать. Петръ Великій преобразовалъ дворянство, обязавъ его службою и установивъ разницу между дворянами не по знатности, а по рангамъ. Рангъ зависѣлъ отъ службы, причемъ всѣ дворяне обязаны были учиться. Благодаря табели о рангахъ и создалась наша бю-

рократія, которая впослѣдствіи въ 19 мъ вѣкѣ вытѣснила прежнее родовитое дворянство. Получившій первый оберъ-офицерскій чинъ, или по гражданской службѣ коллежскаго ассесора становился дворяниномъ, хотя бы и не былъ имъ по происхожденію. Петръ вообще смотрѣлъ на дворянство, какъ на служивый классъ, вовсе не замкнутый, а доступный всѣмъ выдвигающимся по службѣ.

Строгіе законы Петра объ обязательной службѣ дворянъ постепенно обходились, и въ 1862 г. Екатерина II указомъ предоставила дворянству вольность — служить или не служить. Однако за ними оставлено право на землю и на крѣпостной трудъ, на что Петръ смотрѣлъ, какъ на вознагражденіе за продолжительную службу.

Грамота 1785 года даровала дворянству рядъ сословныхъ привилегій за „благородное“ происхожденіе. Важнѣйшими были: Свобода и вольность отъ службы и особыя привилегіи при поступленіи на службу; свобода отъ личныхъ податей и тѣлесныхъ наказаній. Въ 17-мъ вѣкѣ тѣлесныя наказанія примѣнялись ко всѣмъ лицамъ. При Петрѣ это было еще чувствительнѣе, ибо всѣ дворяне обязаны начинать службу рядовыми. 2) Неприкосновенность дворянскаго достоинства. 3) Право владѣть вотчинами. Такимъ образомъ всѣ ограниченія Петра Великаго были сняты. Затѣмъ были дарованы еще корпоративныя права и самоуправленіе, какъ личное, такъ и мѣстное по губерніямъ. Павелъ I-й отмѣнилъ жалованную грамоту, что и было одно изъ причинъ его убійства кружкомъ заговорщиковъ, но Александръ I возстановилъ ее.

До 1860 года дворяне составляли въ сущности всю интеллигенцію Россіи. Въ 1861 году они лишились всѣхъ главныхъ привилегій, такъ какъ на первое мѣсто было поставлено образованіе. Въ 80 годахъ были попытки поднять дворянство, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Какъ сословіе, оно клонилось неизмѣнно къ упадку. Оно смѣшалось съ другими сословіями, обгоняющими его по образованію и служебной лѣстницѣ и само слово „дворянинъ“ осталось не болѣе, какъ ярлыкомъ для тѣхъ дворянъ, кои не состояли на службѣ, или не имѣли опредѣленнаго званія по профессіи.

Въ видѣ сословія, не обладающаго вовсе особенными привилегіями, дворянство уцѣлѣло во всѣхъ государствахъ Европы. Тамъ оно образовалось феодальной системой, аналогичной нашему пожалованію вотчинами, но въ другихъ отношеніяхъ рѣзко отличающейся. Въ общемъ, дворянство чисто

историческое обще-европейское явленіе, а не капризъ отдѣльныхъ монарховъ.

Въ частности въ Россіи дворянство сыграло огромную роль по собиранію и объединенію Руси, какъ сознательный патріотическій элементъ. Роль эта окончилась въ 19-мъ вѣкѣ, когда широко распространилось просвѣщеніе и на смѣну вырождающемуся дворянству явились другія сословія, болѣе свѣжія и сильныя умственно.

Самымъ многочисленнымъ и основнымъ сословіемъ Россіи было крестьянство. Крестьянскій вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ.

Въ западной Европѣ оно возникло изъ феодальной системы, о которой уже упоминалось выше и существовало въ теченіе многихъ вѣковъ, не одинаково долго во всѣхъ государствахъ Напримѣръ, въ Швеціи и Норвегіи уже 12-мъ вѣкѣ крестьяне были свободны и владѣли землей на разныхъ основаніяхъ—и какъ собственники и какъ арендаторы. Въ Англіи крестьянскій вопросъ былъ разрѣшенъ въ промежуткѣ 14—16 вѣка, и они стали свободны. Во Франціи освобожденіе состоялось въ 1789 году. Въ Пруссіи закрѣпощеніе крестьянъ началось въ 16-мъ вѣкѣ, и всѣ попытки прусскихъ королей по раскрѣпощенію не приводили ни къ чему. Только въ 1807 году крестьяне были освобождены, но со многими ограниченіями, которыя отмѣнены въ 1850 году. Въ Австро-Венгріи въ 1781—85 годахъ отмѣнена крѣпостная зависимость въ Чехіи, Моравіи и Галиціи. Однако эта частичная отмѣна крѣпостного права не соблюдалась. Окончательно оно отмѣнено въ 1848 г. Въ Россіи освобожденіе крестьянъ безъ земли было произведено въ 1809 году въ Прибалтійскомъ краѣ, а окончательно, съ надѣленіемъ землею, крѣпостное право отмѣнено въ 1861 году.

Въ столь обширномъ государствѣ какъ Россія крѣпостное право слагалось различно въ разныхъ частяхъ. Уже въ 15-мъ вѣкѣ въ средней Россіи большая часть земель была разобрана князьями, служилыми людьми и монастырями. Поэтому крестьяне княжеской Россіи тогда находились уже на чужихъ земляхъ. Положеніе на землѣ опредѣлялось отношеніемъ къ государству, къ владѣльцамъ и другъ другу. Съ правительствомъ крестьяне были связаны круговой порукой въ платежѣ податей, съ владѣльцами—опредѣленными условіями, въ случаѣ невыполненія коихъ ушедшій считался бѣглымъ. Уходъ отъ владѣльца къ владѣльцу разрѣшался два

раза въ годъ—недѣлю до и послѣ Юрьева дня 26 ноября. Въ условіи найма обыкновенно входили различныя работы въ пользу владѣльца.

Въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ происходятъ значительныя перемѣны въ положеніи крестьянъ. Различные наши изслѣдователи не дали опредѣленныхъ объясненій причинъ этихъ перемѣнъ. Большинство остается при убѣжденіи, что прикрѣпленіе крестьянъ совершено законодательнымъ актомъ, вѣроятно, 1592 и 1597 года при Федорѣ Іоановичѣ въ видѣ отмѣны Юрьева дня, откуда будто бы произошла пословица: „Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! или въ 1607 году при Борисѣ Годуновѣ. Но еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка профессоръ Погодинъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права. Ключевскій тоже полагаетъ, что крѣпостное право—внѣ законнаго происхожденія. Оно вытекло изъ задолженности крестьянъ владѣльцу, который получалъ такимъ образомъ холоповъ, т. е. лично зависимыхъ. Крестьяне давали обязательство включительно до: „вольно ему, государю моему, меня продать и заложить“.

На основаніи этихъ взглядовъ никто не былъ основателемъ крѣпостного права, а только обстоятельства. Оно явилось не слѣдствіемъ законодательныхъ актовъ, а правительственнаго попустительства. Профессоръ Костомаровъ и Сергіевичъ являются защитниками взгляда, что указъ о прикрѣпленіи дѣйствительно былъ изданъ правительствомъ. Такъ какъ крестьяне переходили отъ владѣльца, часто сманиваемые болѣе выгодными условіями, а правительство лишалось плательщиковъ, то естественно оно старалось регулировать этотъ вопросъ, запрещая перебѣжки и, наконецъ, запретивъ и переходъ съ мѣста на мѣсто.

Въ общемъ же, уже въ началѣ 17-го вѣка крестьяне были въ полномъ подчиненіи у помѣщиковъ. Законъ запрещалъ разорять ихъ и увѣчить, но ничѣмъ не обезпечивалъ личности крѣпостного.

По общепринятому мнѣнію Петръ I ухудшилъ положеніе крестьянъ преслѣдованіемъ бѣглыхъ, выводомъ ихъ на фабрики и въ города, а также въ солдаты, куда многіе шли дабы освободиться отъ крѣпостной зависимости. Но онъ же и ограничилъ власть помѣщиковъ, требуя отъ нихъ государственной службы. Это было общее напряженіе силъ государства, которое Петръ выводилъ на арену обще-европейской

политики. Главное же ухудшеніе заключалось во введеніи подушной подати, благодаря которой всѣ, доселѣ свободные должны были куда-либо приписываться: въ военную службу, въ крестьянство къ помѣщику или на государственныя земли, составляя въ послѣднемъ случаѣ сословіе государственныхъ крестьянъ. Такимъ обвазомъ Петръ закрѣпостилъ другъ другу и государству оба сословія—дворянство и крестьянство, наложивъ на нихъ, большія государственныя тягости.

Въ то время, какъ въ средней Россіи крѣпостное право сложилось исторически въ раннюю эпоху, его совершенно не было на Югѣ на Дону, Кубани, Терекѣ, въ Малороссіи, въ Сѣверныхъ губерніяхъ и въ Сибири. Какъ бы ни смотрѣть на казачество—искать ли его происхожденіе во времена существованія древней Эллады, производя донской гербъ (олень, пронзенный стрѣлой) отъ греческой мифологіи, какъ это дѣлаетъ Донской историкъ Савельевъ, или же придерживаться болѣе простыхъ взглядовъ С. Соловьева и Костомарова—достовѣрно извѣстно, что въ 16-мъ вѣкѣ на Дону и Днѣпрѣ существовали казацкія общины вольныхъ людей, имѣющихъ свое самоуправленіе, ведущихъ постоянную борьбу съ сосѣдями басурманами и не признающихъ центральной Московской власти. Когда донскіе и запорожскіе казаки подчинились этой власти, они постепенно лишались прежнихъ вольностей оставаясь все же свободными людьми. Только въ концѣ 18 вѣка. когда изъ Донскихъ старшинъ создалось донское дворянство, послѣднее закрѣпостило на своихъ земляхъ пришлыхъ крестьянъ, но не казаковъ. Нѣчто подобное случилось и въ Малороссіи послѣ упраздненія Запорожской сѣчи. Часть оставшихся осѣдлыхъ казаковъ и пришлихъ крестьянъ была закрѣпощена, а главное ядро перешло въ Черноморье и на Кубань, гдѣ крѣпостного права никогда не было.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ были такъ называемые половники т. е. снимающіе землю за половину урожая. Въ Сибири въ виду обилья земель крѣпостное право естественно не могло возникнуть.

Такимъ образомъ родина крѣпостного права—это центръ Россіи и Поволжье. Цѣлыя области испытали его только отчасти, или же совсѣмъ не испытывали.

При Екатеринѣ Великой окончательно сложилось крѣпостное право. Дворянство было освобождено отъ обязательной службы, установленной Петромъ I, но занимъ оставлено право владѣнія землею и крѣпостными, которые стали та-

кимъ образомъ частной собственностью. Кромѣ того раздачею государственныхъ земель многимъ придворнымъ Екатерина увеличила число помѣщичьихъ крестьянъ. Павелъ I старался ограничить власть помѣщиковъ и установилъ только три дня барщины въ недѣлю. Существуетъ мнѣніе, что попытки дальнѣйшаго ограниченія помѣщичьей власти въ связи съ отмѣной жалованной грамоты дворянству были одной изъ причинъ убійства Павла I кучкой заговорщиковъ.

Въ общемъ же юридически права помѣщиковъ ничѣмъ не были ограничены. Ограниченія существовали лишь на бумагѣ. Помѣщики имѣли въ сущности неограниченныя права до ссылки въ Сибирь и въ каторжныя работы. Право ссылки на поселеніе отмѣнено въ 1811 году, а въ каторгу 1807 году. Въ 1842 году опредѣленъ только размѣръ наказаній.

Объ освобожденіи крестьянъ Русскіе монархи всегда думали, но они были безсильны что либо сдѣлать. Всякія попытки ограничить власть помѣщиковъ всегда натыкались на общія противодѣйствія. Павелъ I-й, вступивъ въ споръ со своими убійцами въ ночь на 11 марта, упрекалъ ихъ въ томъ, что они возстали на него за ограниченіе ихъ произвола надъ крѣпостными. Весьма вѣроятно, что онъ былъ правъ. Рѣшительныя мѣры въ этомъ отношеніи императора Австрійскаго Іосифа II въ концѣ 18-го вѣка мало принесли пользы. Послѣ его смерти изданные законы мало соблюдались и крѣпостное право продолжало существовать въ Австріи до 1848 года, хотя въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ Россіи. Весьма были озабочены крѣпостнымъ правомъ императоры Александръ I и Николай I. Въ 1803 г. былъ изданъ законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, разрѣшающій помѣщикамъ добровольно освобождать своихъ крѣпостныхъ съ надѣленіемъ землею на условіяхъ взаимнаго соглашенія. По этому закону произошло всего 160 случаевъ освобожденія въ количествѣ 47153 душъ мужского пола. Въ 1809 году были освобождены крестьяне прибалтійскаго края, но безъ надѣленія землей. Вообще всѣ мѣропріятія въ этомъ отношеніи наталкивались на общее противодѣйствіе дворянъ и не приводили ни кчему, почему всѣ правительственныя начинанія въ этомъ отношеніи въ 1-й половинѣ 19-го вѣка отличались осторожностью и таинственностью. Изъ исторіи освобожденія нашихъ крестьянъ извѣстно, что если бы императоръ Александръ II не предпринялъ рѣшительныхъ шаговъ съ своей стороны, не считаясь съ общимъ противодѣйствіемъ дворянъ, то крестьяне не были бы освобождены и въ 1861 году.

Слѣдуетъ ли считать, что крѣпостное право обязано своимъ существованіемъ только кровожадности или праздности помѣщиковъ? Вѣдь оно было во всей западной Европѣ и упразднялось постепенно въ зависимости отъ успѣховъ культуры. Даже въ свободной Америкѣ существовало рабовладѣльчество до 1863 года. Вообще, нельзя разсматривать историческія событія съ современной точки зрѣнія. То было свое время съ другими взглядами и требованіями. Черезъ 100 лѣтъ, вѣроятно, наши потомки будутъ не менѣе удивляться современному варварству, даже если бы и не было большевизма, который есть ни что иное, какъ возвратъ къ давно прошедшимъ варварскимъ временамъ.

Изъ этого краткаго очерка мы видѣли, какъ создались сословія на Руси. Съ объединеніемъ ея и освобожденіемъ отъ татарскаго ига, все населеніе дѣлилось на угнетаемыхъ и угнетателей, какъ и вездѣ. Однако угнетатели, управляя страной, въ тоже время спасали народъ отъ ещё большаго угнетенія, т. е. всеобщаго и равнаго кулачнаго права, которое бываетъ при безвластіи. Прочее населеніе—горожане и свободные люди составляли сравнительно не многочисленный классъ. Духовенство играло крупную просвѣтительную роль, не будучи такимъ правящимъ и привилегированнымъ классомъ, какъ на западѣ. Надъ всѣми стоялъ самодержавный царь, который не принадлежалъ ни къ одному классу, имѣлъ одинаковую власть надъ всѣми. Имѣя противоположные интересы, различные классы были связаны между собою одной религіей, языкомъ, одноплеменностью, экономической зависимостью и, наконецъ, чувствомъ родины, которую защищали Однако, противорѣчивые интересы иногда приводили къ крупнымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Такихъ потрясеній Россія переживала нѣсколько. Отмѣтимъ важнѣйшія: смутное время, возстаніе Стеньки Разина, Пугачевщина и церковный расколъ.

Смуты. Я уже упоминалъ о томъ, что самодержавная власть сыграла колоссальную историческую роль, создавъ великую Россію Существуетъ мнѣніе, что самодержавіе было бы идеальной формой правленія, если бы престолъ доставался геніальнымъ людямъ. Но это невозможно осуществить Поэтому то всякая самодержавная власть часто пріобрѣтаетъ уродливыя формы. И такъ было вездѣ въ Западной Европѣ и, конечно, у насъ. Она впервые уродливо проявила себя въ лицѣ Іоанна Грознаго. Она вызвала чрезвычайное раздраженіе тогдашней правящей боярщины, частью незаслуженно

оскорбляемой и гонимой. Но тотъ же правящій классъ вызвалъ глубокое недовольство угнетаемыхъ имъ народныхъ массъ. Поэтому, когда авторитетъ царской власти палъ вслѣдствіе прекращенія династіи и восшествія на престолъ посторонняго и неавторитетнаго человѣка въ лицѣ Бориса Годунова, сдерживаемое недовольство высшаго класса прорвалось наружу. За нимъ послѣдовало такое же движеніе угнетенныхъ народныхъ массъ. Такъ въ началѣ 17-го вѣка началась великая смута, едва не окончившаяся уничтоженіемъ государства (1607—1613).

Въ сущности началомъ смуты слѣдуетъ считать 1584 г., т. е. годъ смерти Іоанна Грознаго. Продолжительность и интенсивность ея доказываютъ, что она явилась не случайно, а подготовлена предшествующимъ ходомъ исторіи. Это была не политическая революція, такъ какъ не дала и не явилась слѣдствіемъ новаго политическаго идеала и не соціальный переворотъ, хотя соціальное движеніе имѣло мѣсто и сплелось съ нею. Это просто броженіе государственнаго организма, стремящагося выйти изъ многихъ противорѣчій.

Первое противорѣчіе было политическое, о которомъ Ключевскій говоритъ: „Московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластью, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ аристократической администраціи". Второе противорѣчіе соціальное: Московское государство напрягало всѣ силы для своего упроченія и обороны и потому налагало непосильное бремя на населеніе.

Первое противорѣчіе явилось результатомъ собиранія удѣловъ, которое вовсе не носило насильственно истребительнаго характера. Ключевскій говоритъ, что власть Московскаго государя становилась не на мѣсто удѣльныхъ князей, а надъ ними, возлагая на нихъ новыя права и обязанности. Вокругъ Московскаго государя образовался замкнутый кругъ бояръ и князей, которые правили совмѣстно съ царемъ Московскій же князь былъ вотчинникомъ своего удѣла, гдѣ всѣ считались его холопами, а новые князья и бояре этого не признавали Іоаннъ грозный разгромилъ ихъ, отнявъ родовыя земли, казнивъ многихъ и выдвинувъ при дворѣ неродовитое дворянство. Старое дворянство озлоблялось и готовилось къ отпору.

Новыя земли и расширеніе границъ требовали переселенія служилыхъ людей, а съ ними и простыхъ тяглыхъ, слѣдствіемъ чего былъ экономическій кризисъ и усиливалось за-

крѣпощеніе. Усиливалась также и вражда между отдѣльными классами изъ коихъ крестьяне были особенно отягчены повинностями.

Въ смутѣ различаютъ три періода: 1) Династическій—борьба за Московскій престолъ (до 19-го мая 1606 года), 2) соціальный—время классовой борьбы, осложненной вмѣшательствомъ иностранцевъ (до іюля 1610 г.) и 3) Національный—борьба съ иноземными элементами и выборъ національнаго государя.

Со смертью Іоанна Грознаго сильная власть пала, а новой не было. Федоръ Іоанновичъ былъ слабовольнымъ, а Дмитрій—малолѣтній. Фактически власть перешла въ руки бояръ двухъ видовъ: неродовитые Годуновы, Юрьевы и др. и старые родовитые—князья Шуйскіе, Мстиславскіе и пр. Взаимные споры и слабость Федора привели къ власти Бориса Годунова. Онъ фактически стремился къ ней, но убійство имъ царевича Дмитрія не доказано. Способный и дѣятельный, Годуновъ все же не могъ предотвратить бѣдствій. Въ 1598 году скончался Федоръ Іоанновичъ. Собрался соборъ, состоявшій преимущественно изъ Московскаго боярства и царемъ былъ выбранъ Годуновъ. Первые три года его царствованія прошли спокойно, но страшный голодъ съ 1601 по 1604 годъ разстроилъ государство. Начались повсемѣстные грабежи и убійства.

Пущенъ былъ слухъ, что Дмитрій живъ. Всѣ историки согласны въ томъ, что самозванецъ былъ созданіемъ бояръ. Съ появленіемъ слуховъ о немъ, усилились казни, а съ ними озлобленіе боярства. На границахъ скопилась масса бѣглецовъ, которые составили готовый матеріалъ для возстанія. Въ Москвѣ же противъ Годунова поднялись бояре и погубили его. Самозванецъ торжественно направился къ Москвѣ. Въ Тулѣ его встрѣтили самые видные бояре (Шуйскіе и Мстиславскіе). Онъ принялъ ихъ грубо („наказываше и лаяше“) и отдавалъ предпочтеніе казакамъ и мелкой братіи. Самозванецъ не понялъ роли боярства и погибъ отъ заговора бояръ совмѣстно съ духовенствомъ и торговымъ классомъ 17 мая 1606 года. На престолъ возведенъ самый родовитый изъ князей—Шуйскій.

Шуйскій согласился на ограниченіе власти въ пользу боярства. Но не всѣ бояре были довольны, и между ними не было согласія. Кромѣ того смута уже распространилась по всему государству. Въ Сѣверской землѣ движеніе приняло

соціальный характеръ и направлено было противъ бояръ. Воззваніе Болотникова изъ Путивля, по словамъ патріарха Гермогена, „внушаютъ черни всякія злыя дѣла на убіеніе и грабежъ; велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и женъ ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ". Въ сѣверной полосѣ городовъ украинскихъ и рязанскихъ поднялась служивое дворянство, нежелавшее признавать Шуйскаго и присоединилось къ Болотникову. Но когда они узнали намѣренія Болотникова, то отшатнулись отъ него, и Шуйскій былъ спасенъ. Онъ подавилъ мятежъ лѣтомъ 1607 года и вернулся въ Москву. Но въ Тулѣ явился второй Лже-Дмитрій, названный просто въ народѣ воромъ. Около него собралась шайка воровъ и разбойниковъ, шедшихъ на добычу.

„Воръ" подошелъ къ Москвѣ и остановился въ селѣ Тушинѣ. Его усилили польскіе отряды Сапѣги и Лисовскаго. Въ 1608 году Шуйскій заключилъ договоръ со Швеціей и получилъ вспомогательный отрядъ въ 6 тысячъ. Но уже раньше воръ бѣжалъ вслѣдствіе раскола среди поляковъ. Характерно, что у вора находились на службѣ многіе московскіе бояре, которые послѣ бѣгства его завели съ королемъ Сигизмундомъ переговоры о предоставленіи престола королевичу Владиславу. Переговоры окончились договоромъ 4 февраля 1616 года, заключеннымъ на строго національныхъ и консервативныхъ началахъ конституціоннаго типа, больше всего защищавшихъ интересы служилаго сословія.

12 марта 1610 года Скопинъ-Шуйскій, племянникъ царя, освободилъ Москву, но по неизвѣстнымъ причинамъ, внезапно умеръ. Воеводой сталъ Дмитрій Шуйскій, братъ царя. Онъ былъ разбитъ польскимъ воеводой Жолкевскимъ, который быстро двинулся къ Москвѣ. Тогда служилый классъ и дворцовая знать свергли Шуйскаго.

Власть перешла въ руки боярской Думы изъ семи человѣкъ, т. е. своего рода директоріи. Боясь новыхъ смутъ, бояре созвали соборъ изъ всѣхъ сословій, признали царемъ Владислава, но Сигизмундъ самъ хотѣлъ занять престолъ и подчинить Русь.

Тогда и началось патріотическое движеніе. Всѣ обратились къ Патріарху Гермогену, который понялъ свою задачу и сталъ разсылать призывныя грамоты на защиту Руси и православной вѣры. Поднялись дворяне въ лицѣ Ляпунова съ Рязанской земли, Донское казачество и земскія дружины.

Они подошли къ Москвѣ, но тутъ начался разладъ между казаками и служилымъ классомъ. Рать объявила себя Совѣтомъ всей земли и стала править, а Москва осталась въ рукахъ поляковъ, весьма немногочисленныхъ и запершихся въ Кремлѣ. Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ, Новгородъ—шведами. Тогда поднялось народное движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ подъ руководствомъ Минина и Пожарскаго, дружины котораго подошли къ Москвѣ и овладѣли ею въ августѣ 1612 года. Въ январѣ 1613 года съѣхались выборные отъ всѣхъ сословій и даже черныхъ волостей. На престолъ былъ выбранъ Михаилъ Федоровичъ.

Главныя послѣдствія смуты—это страшное разореніе и общее разстройство государственной жизни. Имѣются иностранныя свидѣтельства, что на сотни верстъ деревни были пусты и огромныя пространства невспаханы и не засѣяны. Въ Москвѣ осталось лишь треть жителей, а двѣ трети погибло. Между тѣмъ новой власти пришлось не только не уменьшать податного бремени, но, наоборотъ, увеличивать его, чтобы сохранить государство. Поэтому государственныя тягости стали еще болѣе чувствительны послѣ смуты, чѣмъ до нея. Слѣдствіемъ этого являлись новыя потрясенія. Однимъ изъ нихъ былъ бунтъ Стеньки Разина.

Костомаровъ говоритъ: „Весь порядокъ тогдашней Руси управленіе, отношеніе сословій, права ихъ, финансовый бытъ—все давало казачеству пищу въ движеніи народнаго недовольства и вся первая половина 17-го вѣка была приготовленіемъ къ эпохѣ Стеньки Разина“.

Положеніе крестьянъ ухудшилось. Свобода переходовъ окончательно уничтожена и крестьянинъ сталъ холопомъ владѣльца. Жители посадскихъ и черныхъ волостей были обременены многочисленными повинностями. Злоупотребленія воеводъ и служилыхъ людей еще болѣе отягчали положеніе народа. Судопроизводство было основано на подкупахъ (народное сказаніе о Шемякиномъ судѣ). Бѣгство въ степи къ казакамъ поэтому было весьма распространеннымъ явленіемъ.

Разинъ выступилъ въ Черкасскѣ во главѣ голытьбы. Въ 1667 году собралъ удальцовъ плыть въ Азовское море, но Донской атаманъ Яковлевъ удержалъ его. Тогда онъ поплылъ вверхъ по Дону, грабя богатыхъ казаковъ и дошелъ до Камышина, гдѣ и устроилъ свой станъ.

Расположившійся тамъ отрядъ разграбилъ шедшія въ Астрахань торговыя суда, убивъ всѣхъ начальниковъ и отпустивъ ссыльныхъ и чернорабочихъ. Послѣднимъ Разинъ сказалъ: „Я пришелъ бить только бояръ, да богатыхъ, а съ бѣдными и простыми готовъ, какъ братъ, дѣлиться. Потомъ отрядъ въ 1500 человѣкъ на 35 стругахъ поплылъ къ Царицыну, но не взявъ его, двинулся дальше въ Каспійское море, гдѣ въ устьѣ Волги занялся грабежами Въ ноябрѣ къ нему пріѣзжали послы съ Дона, увѣщевали повиниться, но уѣхали ни съ чѣмъ. Въ то же время съ Дону поднялись новые отряды: Сережка Кривой съ 700 человѣкъ, Алешка Протокинъ, Алешка Каторжный и др., которые ушли на присоединеніе къ Разину. Послѣдній весной 1668 года ушелъ въ Каспійское море грабить Дагестанскіе и Каспійскіе берега, разбилъ персидскій флотъ и награбилъ много товара. Въ августѣ 1669 года Разинъ вернулся въ Астрахань и принесъ повинную, но потомъ опять ушелъ въ Царицынъ, а оттуда на Донъ, гдѣ и устроился въ Кагальникѣ, какъ въ крѣпости. Въ 1670 году онъ завладѣлъ Черкасскомъ, бросивъ въ Донъ царскаго посла. Съ Дона онъ опять отправился вверхъ по рѣкѣ и по дорогѣ къ нему присоединился новый атаманъ, Васька Усъ. Царицынъ былъ взятъ. Шедшіе на выручку стрѣльцы были разбиты и частью взяты въ плѣнъ. Разинъ имъ сказалъ: „Вы бьетесь за измѣнниковъ, а мы бьемся за государя“. Разбитъ былъ также 3-хъ тысячный отрядъ князя Прозоровскаго, передавшійся Разину. Потомъ взята Астрахань, гдѣ 3 недѣли продолжалась кровавая вакханалія и грабежи.

Изъ Астрахани 10-ти тысячный отрядъ Разина направился вверхъ по Волгѣ, избивая всюду дворянъ и служилыхъ людей. Движенію его предшествовали особые агенты, возбуждавшіе народъ противъ властей. Разинъ подошелъ къ Симбирску, но не могъ взять его и здѣсь вскорѣ былъ разбитъ воеводой, княземъ Барятинскимъ, бросивъ на произволъ судьбы всѣхъ своихъ и спасшись бѣгствомъ. Между тѣмъ разосланные агенты всюду возбуждали народъ, обѣщая всѣмъ полное равенство, уничтоженіе властей, свободу и пр. блага, однако они ничего не говорили противъ царя, но воспользовались именемъ умершаго царевича Алексѣя Алексѣевича, который будто бы явился на Дону въ лицѣ Разина. Бунтъ запылалъ всюду между Волгой и Окой. Вездѣ истребляли властей и уходили къ казакамъ, образовывая отряды, которые грабили и убивали. Однако посылаемые воеводы понемногу справлялись съ бандами и возстанавливали порядокъ.

Въ 1671 году Разинъ лѣчился нѣсколько мѣсяцевъ въ Царицынѣ, а затѣмъ вернулся въ Кагальницкій городокъ, не взявъ Черкасска. Его неуспѣхи охладили пылъ самыхъ храбрыхъ удальцовъ, а боязнь наказанія побудила казаковъ арестовать его и отправить въ Москву, гдѣ онъ и былъ казненъ.

За время этого бунта погибли свыше 100 тысячъ народа. Личность Разина перешла въ народныя легенды, какъ борца за народную волю. Даже въ литературѣ онъ воспѣтъ въ извѣстномъ стихотвореніи „Утесъ".

Пугачевщина охватила съ 1773 по 1775 годъ огромное пространство Россіи съ востока на западъ отъ Владимірской и Рязанской губерніи до границъ Сибири и съ сѣвера на югъ отъ Урала до Астрахани.

Движеніе это весьма напоминаетъ возстаніе Стеньки Разина Контингентъ возставшихъ составляли крѣпостные крестьяне, раскольники, кочевники и яицкіе (нынѣ уральскіе) казаки. Причины движенія—соціальныя и юридическія. Крестьянство было окончатетьно закрѣпощено и глухо волновалось. Раскольники со времени Петра Великаго были особенно недовольны новшествами и преслѣдованіями. Среди нихъ почему то личность Петра III, свергнутаго съ престола супруга Екатерины Великой, стала легендарной. Кочевые народы и яицкіе казаки были недовольны многими стѣсненіями правительства.

Ядро возстанія составили яицкіе казаки—выходцы съ Дона. До Петра Великаго они жили обособленно, имѣя свое самоуправленіе. Петромъ I оно упразднено, и атаманъ сталъ назначаемымъ. Недоразумѣнія съ правительствомъ изъ за рыбной ловли въ 1772 году кончились убійствомъ генерала Траубенберга. Жестокій приговоръ вызвалъ волненія въ то время, когда какъ разъ явился Пугачевъ.

Пугачевъ—донской казакъ станицы Зимовейской (нынѣ Потемкинская). Въ 1773 году, собравъ небольшой отрядъ, онъ двинулся съ нимъ къ Яику (нынѣ Уральскъ). Увеличивая по дорогѣ свои силы тѣмъ безпокойнымъ элементомъ, который всегда водился на Волгѣ, онъ взялъ рядъ форпостовъ и крѣпостей, истребляя всюду помѣщиковъ и сжигая ихъ усадьбы. Изъ Уральска двинулся къ Оренбургу и осадилъ его. Отдѣльные атаманы, набирая шайки, дѣйствовали самостоятельно, и мятежъ распространялся все шире и ши-

ре. Атаманы всюду говорили, что они посланы отъ арміи государя Петра Федоровича разорять помѣщичьи дома и давать крестьянамъ волю. Самъ Пугачевъ уже окончательно объявилъ, что онъ есть царь Петръ Федоровичъ, завелъ свой дворъ и даже этикетъ. Не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла, онъ занялся мобилизаціей арміи, которая имѣла весьма безпорядочное устройство, быстро увеличиваясь въ числѣ. Въ концѣ 1773 года она насчитывала уже около 15000 человѣкъ.

Возстаніе перекинулось на Симбирскую и Казанскую губерніи, имѣя такой же успѣхъ, какъ и во времена Стеньки Разина. Въ 1774 году Пугачевъ взялъ Казань, Пензу, разбивъ небольшіе отряды правительственныхъ войскъ, посылаемыхъ противъ него. Однако въ томъ же году онъ былъ разбитъ княземъ Голицынымъ, а затѣмъ подъ Казанью Михельсономъ. Однако, мятежъ продолжалъ распространяться къ Уфѣ, Челябинску и Екатеринбургу. Впечатлѣніе было таково, что для подавленія его былъ вызванъ уже прославившійся къ тому времени Суворовъ. Однако до прибытія его, потерпѣвъ нѣсколько неудачъ, Пугачевъ бѣжалъ на Донъ, гдѣ не встрѣтилъ сочувствія, ибо никто тамъ не вѣрилъ въ его царское происхожденіе. Тамъ же былъ выданъ своими же казаками и казненъ въ Петроградѣ въ январѣ 1775 года. За время мятежа погибло свыше 1500 дворянъ, главнымъ образомъ приволжскихъ губерній.

Въ этихъ 3-хъ крупныхъ государственныхъ потрясеніяхъ мы видимъ однородныя явленія.

Идея царской власти была чрезвычайно сильна во всѣхъ классахъ общества. Однако бояре тяготились самодержавіемъ, стараясь ограничить его и не ограничивая въ то же время своихъ правъ надъ крестьянами. Послѣдніе принимали участіе въ смутахъ въ видѣ протеста противъ непосильнаго государственнаго бремени и притѣсненій со стороны бояръ и воеводъ. Всѣ смуты совершались царскимъ именемъ, которое тогда было священно. Взбунтовавшіеся не были способны ни къ какому управленію и давали полную волю своимъ инстинктамъ. Сельское духовенство обыкновенно присоединялось къ возставшимъ и вовсе не играло роли сдерживающаго элемента.

Въ общемъ, это были не революціи, а обыкновенные бунты черни, которой тяжело жилось при тогдашнихъ государственныхъ порядкахъ.

Послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта столь крупныхъ волненій болѣе не было. Однако постоянныя вспышки народныя, какъ протестъ противъ закрѣпощенія, повторялись неоднократно. Крестьяне считали помѣщика царскимъ слугой и свое подчиненіе ему, какъ особый видъ жалованья за царскую службу. Поэтому съ указомъ о вольности дворянства въ 1762 году они стали ждать и себѣ вольностей. Всякое новое царствованіе давало поводъ къ слухамъ, что будетъ воля, а вмѣсто барщины — „государщина", и на этой почвѣ возникали волненія. Поэтому то императоръ Александръ II и убѣждалъ дворянъ, что лучше дать сверху волю, чѣмъ ждать, чтобы ее брали снизу.

Умственное движеніе. Въ описанныхъ потрясеніяхъ главную роль играли соціальныя противорѣчія. Здѣсь на лицо борьба за насущные интересы, но еще нѣтъ идей. Всѣ классы находились на одинаково низкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Но уже въ Пугачевщинѣ выступаютъ расколѣники — идейные противники новшествъ и новой государственности. Мы сталкиваемся уже съ опредѣленнымъ умственнымъ движеніемъ.

Со времени принятія христіанства отъ Греціи вся умственная дѣятельность Руси замкнулась въ опредѣленныя религіозныя рамки. Умственной пищей служили: Библія, Евангеліе, житія святыхъ, творенія отцовъ Церкви и вообще византійская духовная литература. Свѣтской литературы не было. „Слово о полку Игоревѣ" или „Посланіе Даніила Заточника" представляютъ исключеніе, не вносящее разнообразія въ исключительно духовную литературу. Единственнымъ свѣтскимъ матеріаломъ для ума были народныя сказанія и былины. Мы были лишены тѣхъ источниковъ знаній, какія унаслѣдовалъ Западъ отъ древняго Рима. Главнымъ разсадникомъ просвѣщенія и грамотности служили монастыри. Книгопечатанія еще не существовало. Книги переписывались, почему были дороги и рѣдки. Книгопечатаніе изобрѣтено въ 1440 году въ Западной Европѣ, а въ Россію перенесено лишь въ 1553 году, когда въ Москвѣ открыта первая книгопечатня.

Книгопечатаніе, какъ извѣстно, дало сильный толчекъ къ просвѣщенію, которое въ Россіи въ то время продолжало носить исключительно церковный характеръ и въ XVII вѣкѣ выразилось въ происшедшемъ въ русской церкви расколомъ.

Первой причиной и поводомъ къ расколу было исправленіе богослужебныхъ книгъ. Такъ какъ книги были преимущественно переписныя, то естественно, что переписчики внесли за нѣсколько вѣковъ не мало ошибокъ, искажающихъ смыслъ, а иногда и догматы. Еще въ началѣ XVI вѣка исправленіе было поручено Максиму Греку, который вскорѣ былъ обвиненъ въ порчѣ книгъ и сосланъ. На Стоглавомъ Соборѣ въ Москвѣ въ 1550 году рѣшено исправить книги. Но цѣлый рядъ исправителей дѣлалъ лишь новыя ошибки, и дѣло затянулось на 100 лѣтъ, когда Новгородскій митрополитъ Никонъ, впослѣдствіи патріархъ, дѣятельно принялся за исправленіе, не стѣсняясь крутыми мѣрами. Въ 1654 году въ Москвѣ въ присутствіи царя и патріарха Никона былъ созванъ Церковный соборъ, на которомъ рѣшено исправить книги по оригиналамъ, вывезеннымъ съ Востока. Противъ этого возстали прежніе справщики во главѣ съ протопопомъ Аввакумомъ, которые не желали признавать новыхъ книгъ. Крутыя мѣры Никона вызывали озлобленіе и сочувствіе къ „протестантамъ“, якобы страдающимъ за старую вѣру. Движеніе приняло широкій характеръ, вербуя послѣдователей не только въ невѣжественныхъ массахъ населенія, но и среди придворной знати. Послѣдовавшіе Соборы въ 1666 и 1667 г.г. окончательно утвердили правильность и необходимость распространенія новыхъ исправленныхъ книгъ.

Противники нововведенія во главѣ съ Аввакумомъ сосредоточились въ Пустозерскомъ монастырѣ, откуда и началось распространеніе раскола. Въ своемъ усердіи и спорахъ новые учителя истолковывали все, по своему усмотрѣнію. Согласія между ними не было, почему было положено начало многочисленнымъ раскольничьимъ толкамъ.

Фанатизмъ былъ настолько силенъ, что, напримѣръ, Соловецкій монастырь, примкнувшій къ раскольникамъ, 7 лѣтъ сопротивлялся правительственнымъ войскамъ и былъ взятъ штурмомъ лишь въ 1676 году. Въ 1681 году протопопъ Аввакумъ былъ сожженъ, но это способствовало лишь увеличенію числа раскольниковъ, которые раздѣлились на многія секты: поповцевъ, безпоповцевъ и проч.

На расколъ въ исторической наукѣ существуютъ различные взгляды. Напримѣръ, профессоръ Щаповъ считалъ, что расколъ съ самаго основанія его имѣлъ не просто религіозно-обрядовой характеръ, но главнымъ образомъ составлялъ религіозно-демократическую оппозицію, большей частью

нисшаго духовенства противъ патріарха Никона и его строгой власти. При Петрѣ расколъ сдѣлался оппозиціей противъ преобразованія Россіи въ европейское государство и окончательно принялъ характеръ религіозно-національно-демократическій, противоположный новой, преобразованной Петромъ, Россіи.

Профессоръ Нильскій высказался противъ этого взгляда, утверждая, что расколъ имѣлъ только религіозный характеръ.

Костомаровъ говоритъ: „Въ расколѣ привыкли видѣть одну тупую любовь къ старинѣ, безсмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбой окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою... На самомъ дѣлѣ расколъ не есть старая Русь; это явленіе новое, чуждое старой Руси. Въ старой Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ. Расколъ же любилъ мыслить, спорить, пытался самъ все изслѣдовать и повѣрить. Въ этомъ смыслѣ расколъ является крупнымъ явленіемъ умственнаго прогресса“.

Словомъ, все это различные спорные взгляды нашихъ консерваторовъ и либераловъ. Во всякомъ случаѣ нельзя считать, что расколъ подобенъ реформаціи, которая явилась слѣдствіемъ умственнаго движенія, не могущаго мириться съ средневѣковой церковной схоластикой. Даже принявъ точку зрѣнія Костомарова, слѣдуетъ заключить, что умственное движеніе церкви явилось слѣдствіемъ раскола, основаніемъ коего служила приверженность къ старинѣ, къ буквѣ.

Преобладающая въ настоящее время въ исторической наукѣ точка зрѣнія на расколъ заключается въ слѣдующемъ: первой главной причиной раскола церкви былъ протестъ противъ новшествъ, которыя вводилъ Никонъ и которыя заключались въ исправленіи церковныхъ книгъ и измѣненій церковныхъ обычаевъ и обрядовъ. Начавшись на чисто религіозной почвѣ, расколъ сдѣлалъ вопросы религіи главнымъ содержаніемъ своей умственной жизни; но преслѣдованіе его со стороны церкви и государства выдвинуло въ его средѣ вопросы политическіе – объ отношеніи къ государству, а необходимость устраивать свою жизнь при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ наложило своеобразную печать на различныя стороны общественно-экономическаго быта раскольниковъ.

Характерно то обстоятельство, что раскольники сохранили особое благочестіе, чистоту нравовъ (за исключеніемъ отдѣльныхъ изувѣрскихъ сектъ), преданность престолу и отечеству. Это уцѣлѣвшіе русскіе люди допетровской эпохи. Между тѣмъ многомилліонная масса православнаго крестьянства растеряла старыя качества, давшія русскому человѣку возможность совершить столь громадную работу и принести колоссальныя жертвы для созданія огромнаго государства.

Первое вліяніе европейской свѣтской науки отразилось во 2-й половинѣ XVII вѣка въ придворномъ кружкѣ, къ которому принадлежали: князь Голицынъ, бояринъ Матвѣевъ, Ордынъ-Нащекинъ и др. Это уже были новые люди, не придерживающіеся старыхъ домостроевскихъ взглядовъ. Настоящее же свѣтское умственное движеніе началось при Петрѣ Великомъ.

Какъ извѣстно, свѣтскія науки стали тогда обязательнымъ предметомъ для дворянъ и въ Петроградѣ открытъ былъ рядъ школъ: навигаціонная, артиллерійская, потомъ Шляхетскій корпусъ и проч. Съ начала XVIII вѣка число свѣтскихъ учебныхъ заведеній быстро увеличивается и въ 1775 году основывается первый русскій университетъ въ Москвѣ.

Въ первой половинѣ 18-го вѣка русско-дворянскій правящій классъ подпадаетъ всецѣло вліянію французской литературы и науки, тогда главенствующихъ въ Европѣ. Наша ложно-классическая литература, начиная отъ Ломоносова, даетъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей и поэтовъ. Для общей массы дворянъ вліяніе французской мысли выражается исключительно во внѣшнихъ формахъ—одеждѣ, манерахъ, модахъ и проч. Но лучшіе представители русской мысли усваиваютъ гуманныя идеи французскихъ энциклопедистовъ. (Руссо, Вольтера и др.). Сама Екатерина Великая писала поучительныя комедіи, вела переписку съ Вольтеромъ и хотѣла руководствоваться въ управленіи сочиненіемъ Монтескье („Духъ законовъ"). Тогда и началось то несоотвѣтствіе между идеями и дѣйствительностью, которое потомъ проходитъ красной нитью во всемъ умственномъ движеніи Россіи вплоть до 20 вѣка. Кучка избранныхъ мечтаетъ о высокихъ матеріяхъ, почерпнутыхъ изъ Франціи, а остальная масса не только крестьянъ, но и дворянъ коснѣетъ въ невѣжествѣ. Когда Радищевъ и Новиковъ пробовали содѣйствовать просвѣщенію и протестовать въ печати противъ всеобщаго произвола и

крѣпостного права, то были заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость. Сама императрица, проповѣдуя гуманныя идеи, мечтая о созданіи „новой благородной породы“ людей путемъ воспитанія, одновременно узаконяла и расширяла крѣпостное право, а подъ конецъ жизни, подъ вліяніемъ французской революціи, была противъ гуманитарныхъ идей.

Насколько уже тогда противорѣчія мысли и дѣйствительности были велики, свидѣтельствуетъ фактъ, приводимый Ключевскимъ. Въ Ярославской губерніи жилъ помѣщикъ Опочининъ—страстный поклонникъ французской мысли и обладающій исключительной въ то время библіотекой. Весь поглощенный литературой и наукой, онъ страдалъ отъ соприкосновенія съ суровой дѣйствительностью и покончилъ жизнь самоубійствомъ, заботясь главнымъ образомъ передъ смертью о своихъ книгахъ: „книги мои, книги, кому оставляю васъ?“

Борьба старыхъ и новыхъ идей особенно усилилась въ началѣ 19 вѣка, чему способствовали Наполеоновскія войны и постоянное общеніе съ Западной Европой. Весьма мажнымъ явленіемъ въ умственной жизни Россіи первой четверти 19 вѣка является заговоръ декабристовъ.

До 1812 года императоръ Александръ I стремился къ внутреннимъ преобразованіямъ въ духѣ гуманитарныхъ идей. Но послѣ наполеоновскихъ войнъ онъ разстается со своими убѣжденіями, переходитъ къ мистическо-созерцательной религіозности и къ установленію Священнаго Союза для поддержанія порядка въ Европѣ. Управленіе переходитъ въ руки графа Аракчеева, ограниченный умъ котораго не могъ понять новыхъ потребностей Россіи. Императоръ сознавалъ неудовлетворительность управленія. Въ 1824 году онъ говоритъ Лубяновскому: „славы для Россіи довольно; больше ненужно; ошибется, кто пожелаетъ больше; но, когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря; отъ этого устаю“.

Война 1812 года вызвала необыкновенный подъемъ духа у общественной мысли. Знакомство съ Западной Европой способствовало распространенію новыхъ политическихъ взглядовъ. По возвращеніи на родину всѣ увидѣли лишь расцвѣтъ крѣпостного права, гоненіе Магницкаго и Рунича на просвѣщеніе и насильственное введеніе военныхъ поселеній, всѣ проекты широкихъ реформъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I были оставлены. Эти бѣдствія произвели глубокое и тяжелое впечатлѣніе на лучшихъ русскихъ людей. Одинъ

изъ декабристовъ такъ выразилъ тогдашнее настроеніе: „Мы были сыны 1812 года: порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью, во имя любви къ отечеству; въ нашихъ чувствахъ не было эгоизма; призываю въ свидѣтели самого Бога".

Въ 1816 году образовалось тайное общество подъ названіемъ Союза спасенія. Основателями его были—А. Н. и Н. М. Муравьевы, кн. С. П. Трубецкой, князь И. А. Долгоруковъ, С. М. Муравьевъ-Апостолъ, Маіоръ Лунинъ, полковникъ Глинка, капитанъ Якушкинъ—все большей частью гвардейскіе офицеры. Уставъ составленъ полковникомъ Пестелемъ. Цѣль —общая польза, борьба съ злоупотребленіями и поддержка благихъ начинаній правительства. Скрытая цѣль— введеніе представительнаго образа правленія. Въ 1818 году общество получило названіе Союза благоденствія. Уставъ—„Зеленая книга"—переработанъ и сдѣлался извѣстенъ императору Александру I, который не увидѣлъ въ этомъ никакой опасности. Однако взглядъ его измѣнился послѣ бунта въ Семеновскомъ полку въ 1820 году. Послѣ доклада объ этомъ командира гвардейскаго корпуса, князя Васильчикова, императоръ сказалъ ему: „Вы служите мнѣ съ самаго начала моего царствованія; вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и эти заблужденія.... не мнѣ подобаетъ быть строгимъ".

Императору было отлично извѣстно все о тайныхъ обществахъ, но онъ никакихъ мѣръ не принималъ, кромѣ нѣкоторыхъ предосторожностей. Въ 1822 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ и всѣхъ тайныхъ обществъ. Но это не помогло дѣлу.

Когда исчезли всякія надежды на реформы сверху, у членовъ общества явилась мысль о необходимости насильственнаго переворота. Въ 1821 году на съѣздѣ въ Москвѣ рѣшено было закрыть Союзъ. Но послѣ этого тотчасъ же образовалось два общества - Сѣверное и Южное, гдѣ вопросы политическіе выдвинуты на первый планъ. Пестелемъ и Муравьевымъ разрабатывались проекты конституціи и республиканскаго образа правленія. Проекты эти были также извѣстны императору Александру I. Задуманное переустройство Россіи Пестель полагалъ осуществить при помощи возмущенія войскъ. Считалось необходимымъ въ крайнемъ случаѣ умертвить всѣхъ членовъ императорской фамиліи. Вообще подробности плана неизвѣстны, ибо до сихъ поръ еще не всѣ матеріалы опубликованы.

Когда члены Южнаго Общества собирались дѣйствовать, замыслы ихъ стали извѣстны правительству по поступившимъ доносамъ.

19-го ноября 1825 года умеръ въ Таганрогѣ императоръ Александръ I и Россія присягнула Константину Павловичу, но тотъ еще въ 1823 году отрекся отъ престола, что оставалось для всѣхъ тайной. Члены Сѣвернаго Общества рѣшили воспользоваться этимъ для военнаго мятежа.

Князь Трубецкой былъ назначенъ диктаторомъ. Рѣшено возбудить въ гвардейскихъ полкахъ сомнѣніе въ законности отреченія Константина, уговорить полки отказаться отъ присяги, обѣщать имъ убавленія сроковъ службы, ссылаясь на завѣщаніе Константина и заставить императора Николая отказаться отъ самодержавія. Однако мятежъ былъ подавленъ 14 декабря 1825 года.

На югѣ мятежъ былъ поднятъ Сергѣмъ Муравьевымъ. Шесть ротъ Черниговскаго полка выступили подъ его начальствомъ въ Бѣлую Церковь, но были настигнуты отрядомъ гусаръ и конной артиллеріей и положили оружіе.

Былъ учрежденъ Верховный уголовный судъ, по рѣшенію котораго 5 человѣкъ—Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій повѣшены. Остальные сосланы на каторгу и въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Всего же осуждено: 61 человѣкъ Сѣвернаго общества, 37—Южнаго и 23—Соединенныхъ славянъ все исключительно гвардейскіе и армейскіе офицеры, представители нашей знати и дворянства.

Заговоръ декабристовъ рѣзко подчеркнулъ ту пропасть, какая уже тогда существовала между верхнимъ умственнымъ слоемъ тогдашней Россіи и остальной многомилліонной массой. Воодушевленные и проникнутые самыми лучшими намѣреніями, имѣя въ виду только благо родины, задаваясь введеніемъ конституціи и даже республиканскаго образца правленія, декабристы забыли, что многомилліонная масса крестьянства темна и неграмотна, что дворянство въ массѣ тоже косно и невѣжественно и никогда добровольно не согласится на умаленіе своихъ правъ. Чтобы поднять солдатъ на мятежъ пришлось обманывать ихъ, что отреченіе Константина незаконно. Имѣются даже свѣдѣнія, что когда разговоры о конституціи дошли до возставшихъ полковъ, солдаты кричали: „Да здраствуетъ Константинъ и жена его, Конституція!“ Мы

видимъ, что какъ и во времена предшествующихъ бунтовъ, пришлось пользоваться царскимъ именемъ.

Словомъ, на первомъ планѣ стояли требованія времени— упраздненіе крѣпостного права и внутреннія реформы, а не сверженіе царской власти, подъ ореоломъ которой эти реформы только и были возможны. Удайся переворотъ, вѣроятно, неминуема была бы новая пугачевщина, которая окончилась бы воцареніемъ законнаго царя и усмиреніемъ возставшихъ.

Крайняя историческая отсталость Россіи, несоотвѣтствіе идеи дѣйствительности сознавались тогда, кромѣ декабристовъ многими образованными людьми, изъ коихъ нѣкоторые, подобно помѣщику Опочинину, впадали въ отчаяніе. Къ числу такихъ передовыхъ людей тогдашняго времени принадлежитъ писатель Чаадаевъ, служившій также въ арміи въ Отечественную войну и являвшійся крайнимъ поклонникомъ Западной культуры. Въ 1836 году въ журналѣ „Телескопъ“ было напечатано его „философическое письмо“, являющееся выразителемъ крайнихъ пессимистическихъ взглядовъ на русскую дѣйствительность. Не безынтересно привести отрывки его, весьма оригинальные по крайности и глубинѣ мысли:

„Одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія – говоритъ Чаадаевъ, заключается въ томъ, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ и даже у народовъ во многихъ отношеніяхъ менѣе насъ образованныхъ, у насъ только что открываются и это оттого, что мы, русскіе никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества ни къ Западу ни къ Востоку и не имѣемъ преданій ни того, ни другого. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулась насъ. У насъ нѣтъ дома хорошаго распредѣленія жизни, тѣхъ обыкновеній и навыковъ, которые даютъ уму приволіе, душѣ правильное движеніе.

У всѣхъ народовъ бываютъ періоды сильной, страстной дѣятельности, періоды юношескаго развитія, когда создаются ихъ лучшія произведенія поэзіи и плодотворнѣйшія идеи. Здѣсь источникъ и основаніе дальнѣйшей ихъ дѣятельности (эпоха Чаадаева какъ разъ и была однимъ изъ такихъ періодовъ для Россіи).

Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ долгое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое

унизительное владычество завоевателей, владычество слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ (видимо, имѣется въ виду татарское иго). Вотъ горестная исторія нашей юности! Мы совсѣмъ не имѣли возраста —этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Нѣтъ въ нашей памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдите ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который высказалъ бы вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ кругозорѣ, безъ прошедшаго и будущаго.

Мы явились въ мірѣ, какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкой, инстинктомъ...

Теперь сравните сами: много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя какимъ бы то ни было образомъ могли бы руководствовать насъ въ жизни (здѣсь говорится о самыхъ обыденныхъ идеяхъ жизни, которыя овладѣваютъ ребенкомъ съ колыбели и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и общество). Такія идеи даетъ человѣку историческая жизнь западнаго общества. Это идеи долга, закона, правды, порядка; онѣ—необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада. Это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія—это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?..

Общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества. Мы жили и живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомковъ, которые воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящее время мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія.

Чаадаевъ не рѣшается сдѣлать прямой выводъ. Но выводъ напрашивается весьма пессимистическій. Конечно, это крайнее мнѣніе, хотя и имѣющее нѣкоторое основаніе, но опровергающееся уже тѣмъ, что эпоха Чаадаева была эпохой сильнѣйшаго подъема общественной мысли въ Россіи.

Это письмо вызвало бурю негодованія въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ въ Москвѣ и Петербургѣ. Всѣ обидѣлись за Россію, бывшую тогда на вершинѣ славы. По этому случаю Герценъ говоритъ: «Послѣ „Горя отъ ума“ не было ни одного произведенія, которое произвело бы такое сильное впечатлѣніе“.

Авторъ былъ объявленъ сумасшедшимъ, журналъ «Телескопъ» закрытъ, а редакторъ Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ. Дѣйствительно, письмо совершенно противорѣчило основнымъ, установившимся взглядомъ, которые выражены были графомъ Бенкендорфомъ слѣдующимъ образомъ: „прошлое Россіи удивительно, ея настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно; что же касается будущаго, то оно внѣ того, что можетъ себѣ представить самое гордое воображеніе; вотъ точка зрѣнія, подъ которой исторія Россіи должна быть передаваема и писана“. Естественно, что Чаадаевъ былъ признанъ тогда сумасшедшимъ.

Между тѣмъ Чаадаевъ несомнѣнно былъ одинъ изъ выдающихся умовъ своего времени. Будучи другомъ Пушкина, онъ, по мнѣнію современниковъ, способствовалъ развитію поэта больше, чѣмъ всевозможные профессора своими лекціями. Пушкинъ выразился про него: „Въ Римѣ онъ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ“. Другой отзывъ Жихарева: „Чаадаевъ былъ самый крѣпкій, самый глубокій и самый разнообразный мыслитель, когда либо произведенный русской землей“.

Въ отношеніи Россіи Чаадаевъ считалъ, что „ей нужно серьезное классическое образованіе, затѣмъ освобожденіе нашихъ рабовъ, являющееся необходимымъ условіемъ всякаго дальнѣйшаго прогресса и пробужденіе религіознаго чувства, дабы религія вышла изъ нѣкотораго рода летаргіи, въ которой нынѣ находится“.

Нынѣшнія событія показываютъ, что пессимистическіе взгляды Чаадаева на Россію были болѣе вѣрны, чѣмъ оптимистическіе графа Бенкендорфа. Народъ нашъ проявилъ въ большевизмѣ только звѣрскіе инстинкты дикаря, какъ бы подтвердивъ все сказанное Чаадаевымъ о насъ, какъ о людяхъ, не имѣющихъ ни исторіи, ни традиціи, ни вообще европейскаго культурнаго облика. Вся Европа переживала ужасы народныхъ возстаній, но это было въ средніе вѣка. Даже наиболѣе близкая къ намъ по времени французская революція не похожа на нашу своей сравнительной культурностью.

Вопросъ о томъ, какъ устроить нашу жизнь, становится животрепещущимъ въ 1-й четверти XIX вѣка и обращается въ продолжительный, идейный споръ, раздѣлившій русское образованное общество на славанофиловъ и западниковъ.

Зачатки этого спора слѣдуетъ отнести къ первымъ годамъ царствованія Императора Александра I. Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ просвѣтительныхъ идей, воспринятыхъ Императоромъ еще въ бытность его Наслѣдникомъ, при немъ образовался особый Комитетъ (Новосильцевъ, гр. Кочубей, гр. Строгоновъ и кн. Чарторійскій), цѣлью котораго было помочь Государю въ систематической работѣ надъ реформой „безобразнаго зданія управленія Имперіей". Комитетъ задавался планомъ коренныхъ реформъ, которыя должны были увѣнчаться правленіемъ „истинной монархіи" по образцу Англіи. Результаты его работы сказались лишь въ учрежденіи министерствъ, давшихъ государственной системѣ извѣстную стройность вмѣсто прежняго хаоса, имѣвшаго мѣсто вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ центральныхъ управленій.

Продолжателемъ работы Комитета явился извѣстный Сперанскій. По его плану было осуществлено преобразованіе Государственнаго Совѣта и министерствъ въ томъ видѣ, какъ они сохранились до 1905 г., а также преобразованіе Сената. Однако замыслы Сперанскаго шли гораздо шире. Въ основу преобразованія министерствъ должна была лечь конституціонная идея ихъ отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ, коимъ должна была стать Государственная Дума. Всѣ законы обсуждаются въ Государственной Думѣ и утверждаются Императоромъ. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ одобренія Государственной Думы. Государь, Государственный Совѣтъ, Государственная Дума, Сенатъ и министры—вотъ органы высшей власти, въ правильномъ взаимоотношеніи которыхъ Сперанскій видѣлъ необходимое условіе для существованія законнаго правленія „истинной монархіи".

Мы знаемъ, что это было осуществлено—и то не въ полмной мѣрѣ—лишь въ 1905 году. Странно только то, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости Сперанскій ставилъ на второй планъ, тогда какъ въ то время оно должно было стать самой первой и главной реформой.

Идейнымъ противнисомъ Сперанскаго явился извѣстный историкъ Карамзинъ. Въ запискѣ „о Старой и новой Россіи",

поданой императоту Александру I въ 1812 году, Карамзинъ доказываетъ, что все общепризнанное величіе Россіи, вся ея судьба заключается въ развитіи и могуществѣ установившагося государственнаго быта и, наоборотъ, всякое ослабленіе и ограниченіе его были бы гибелью для отечества. Поэтому Карамзинъ убѣждалъ государя отказаться отъ дальнѣйшихъ преобразованій и строго осуждалъ тѣ реформы, которыя уже были проведены. Все новое для него было дурно, все старое прекрасно. „Съ Сенатомъ, Коллегіями и Генералъ-Прокурорами у насъ шли дѣла и прошло блестящее царствованіе Екатерины II". Поэтому онъ доказывалъ ненужность министерствъ, опасность предположеній освобожденія крестьянъ и проч. По его мнѣнію, важны не учрежденія, а честные и преданные престолу люди. Поэтому главный совѣтъ Карамзина—искать людей не только для министерствъ но особенно на губернаторскія мѣста. Все пойдетъ хорошо, если найти пятьдесятъ хорошихъ губернаторовъ. Они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоютъ зеледѣльцевъ и проч.

Здѣсь упущено, что система создаетъ и воспитываетъ людей. При дурной системѣ самые благонамѣренные министры и губернаторы безсильны. Въ этомъ спорѣ мы уже видимъ борьбу двухъ началъ: стараго—самобытнаго и новаго—европейскаго. Этотъ споръ получилъ особенное развитіе въ 40-хъ г.г. и продолжался почти все 19 столѣтіе.

Основной взглядъ славянофиловъ заключается въ томъ, что Россія—страна особенная. Ея прошлое, настоящее и будущее развивалось и развивается на особыхъ самобытныхъ началахъ, совершенно отличныхъ отъ Западной Европы. Поэтому то стадіи эволюціи государственной и общественной жизни, какія переживала Западная Европа, намъ не указъ. Для насъ существуютъ другіе законы, другой масштабъ.

Западники утверждали, наоборотъ, что никакихъ особенныхъ законовъ развитія для насъ не существуетъ. Россія обыкновенная европейская страна, но только сильно отставшая въ культурномъ отношеніи. Она должна пройти тѣ же стадіи развитія, какія переживала Западная Европа и у нея учиться.

Оба теченія составляютъ крупное явленіе общественной мысли 1-й половины XIX вѣка и потому необходимо остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Въ славянофильствѣ различаютъ три элемента: 1) національстическій протестъ противъ заимствованій Запада, протестъ, не прекращающійся съ тѣхъ поръ, когда начались эти заимствованія; 2) философская и историческая теорія національной самобытности и 3) панславитскія симпатіи, вытекающія изъ этой теоріи и подогрѣваемыя фактами возрожденія западныхъ и южныхъ славянъ, въ борьбѣ за національную и политическую независимость. Этотъ послѣдній элементъ игралъ наименьшую роль, а главную — первые два элемента.

Основателями славянофильства считаются: Кирѣевскій, Веневитиновъ, Кошелевъ, Хомяковъ, получившіе хорошую научную подготовку и патріотическую закваску въ своихъ семьяхъ. Въ 1825 году друзья основали „Общество любомудрія", закрытое послѣ 14 декабря въ 1825 году. Это старшіе славянофилы. Созданная ими теорія восточно-христіанскаго мистицизма и особенностей національнаго характера исторіи Востока и Запада сложна и туманна, почему разбирать ее не будемъ.

Младшіе славянофилы: К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, И. Аксаковъ и ихъ послѣдователи выдвинули вопросы о нашей національной самобытности и нашихъ заимствованіяхъ съ Запада до и послѣ Петра Великаго.

Въ 1844 году два лагеря — славянофилы и западники окончательно размежевались и стали непримиримы.

Въ отношеніи нашей національной самобытности славянофилы полагали, что европейское образованіе не удовлетворяетъ высшимъ требованіямъ просвѣщенія. Новое начало во всемірно-историческомъ развитіи внесетъ Россія, которая въ противоположность Западу, перенявшему римскую культуру разсудка, завоеваній и насилій, не подверглась этому вліянію и воспитывалась подъ руководствомъ святыхъ отцовъ церкви. Мы должны базироваться на восточной образованности, которая пустила въ насъ глубокіе корни.

Славянофилы признавали три основныхъ начала для Россіи — самодержавіе, православіе и народность, но только понимали ихъ иначе, чѣмъ оффиціально было принято. При самодержавіи они требовали древняго соборнаго начала, въ православіи — свободную общину духовныхъ христіанъ, а въ народности — саморазвивающуюся активную силу. Поэтому ихъ взгляды не одобрялись правительствомъ, которое считало ихъ туманными, неясными, допускавшими различныя толкованія.

Въ отношеніи заимствованій съ Запада славянофилы порицали дѣятельность Петра Великаго и всѣ его реформы, считая ихъ нарушеніемъ самобытнаго развитія историческихъ формъ русской государственности.

Такая точка зрѣнія также не совпадала съ оффиціальными взглядами. Такимъ образомъ идеи славянофиловъ противорѣчили оффиціально-консервативнымъ взглядамъ и прогрессивнымъ, исповѣдываемымъ западниками. Оттого, то славянофилы иногда были солидарны съ западниками, то, наоборотъ, съ правительствомъ Императора Николая I.

По поводу революціи 1848 года въ Европѣ славянофилы стали на консервативную точку зрѣнія. По мнѣнію Тютчева, „Европѣ не удалось смирить революцію конституціонными заклинаніями, обуздать ея страшную энергію формулами законности... Россія не совмѣстима съ революціей, ибо революція есть прежде всего движеніе антихристіанское". Кирѣевскій былъ противъ упраздненія крѣпостного права, пока не улягутся дѣла на западѣ. По поводу разрыва съ Франціей и Англіей въ 1854 году Хомяковъ написалъ слѣдующее стихотвореніе, запрещенное цензурой:

„Вставай, страна моя родная,
„За братьевъ. Богъ тебя зоветъ.
„Но помни: быть орудіемъ Бога
„Земнымъ созданьямъ тяжело;
„Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,
„А на тебя, увы, какъ много
„Грѣховъ ужасныхъ налегло!
„Въ судахъ полна неправды черной
„И игомъ рабства клеймена;
„Безбожной лести лжи тлетворной
„И лѣни мертвой и позорной
„Ты всякой мерзости полна".

Погодинъ выступилъ даже съ историческимъ письмомъ къ Императору Николаю I, гдѣ упрекалъ правительство за подавленіе всякаго общественнаго мнѣнія и отсутствіе поэтому нужныхъ людей въ данный моментъ Севастопольской войны.

Въ 1856 году славянофилы основали свой органъ „Русскую Бесѣду", которая не имѣла успѣха въ тогдашнемъ обществѣ, требовавшемъ реформъ въ западно-европейскомъ духѣ. По поводу этого самъ И. Аксаковъ писалъ, «что «Рус-

ская бесѣда» пріобрѣтаетъ лишь сочувствіе среди архіереевъ, монаховъ и Св. Синода... Имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько нибудь мыслящему юношѣ, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Если вамъ нужно честнаго доктора, честнаго слѣдователя—ищите таковыхъ въ провинціи среди послѣдователей Бѣлинскаго. Требованіе эмансипаціи, желѣзныхъ путей и проч., сливающіеся теперь въ общій гулъ въ Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ. Такимъ образомъ теорія славянофиловъ не могла примирить старыя начала древней Руси съ новыми требованіями жизни.

Въ дальнѣйшемъ славянофильство выродилось въ утрированно націоналистическую форму—въ утвержденіи Н. Леонтьева, что Европа находится въ періодѣ умиранія, что нужно сохранить русскую народность въ томъ видѣ, какъ она есть, что нечего заимствовать отъ гнилого Запада, наконецъ, въ возвеличеніи Достоевскимъ русскаго народа на степень народа—Богоносца и проч.

Западничество признаетъ духовную солидарность Россіи и Западной Европы, какъ нераздѣльныхъ частей одного культурно историческаго цѣлаго, имѣющаго включить въ себѣ все человѣчество. Первыми представителями его были въ концѣ XVIII вѣка Радищевъ и Новиковъ, проповѣдывавшіе любовь къ просвѣщенію и общественному благу.

Въ западничествѣ различаютъ три фазиса, явившіеся послѣдовательно послѣ революціонной бури—1789—1815 г. г: I) теократическій, представляемый римскимъ католичествомъ; 2) гуманитарный—теоретически раціонализмъ, а практически либерализмъ и 3) натуралистическій, въ которомъ преобладаютъ соціально—экономическіе интересы.

Представителямъ перваго является Чаадаевъ, второго—Бѣлинскій, Грановскій и люди 40-хъ годовъ, третьяго—Чернышевскій и люди 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Эти переходы совершались быстро и нѣкоторые западники сами пережили переходъ отъ одного фазиса къ другому (Герценъ —отъ второго къ третьему).

В. Соловьевъ говоритъ: „Каждая изъ стадій этого процесса заключаетъ въ себѣ нѣчто положительное и непреходящее. Всѣ эти начала имѣютъ одинаковое право на существованіе и задачи истинной культуры заключается въ установленіи между ними правильнаго соотношенія и взаимодѣй-

ствія. Эти вопросы не чисто западные и имѣютъ одинаковое значеніе и для Востока. Удовлетворительнаго рѣшенія ихъ еще нигдѣ не дано."

Такая точка зрѣнія не исключаетъ національной самобытности, но напротивъ требуетъ, чтобы эта самобытность проявлялись какъ можно полнѣе на дѣлѣ. Отъ обязанностей совмѣстнаго культурнаго труда съ прочими народами противники Западничества отдѣлывались произвольнымъ утвержденіемъ о гніеніи Запада и безсодержательными прорицаніями объ исключительно великихъ судьбахъ Россіи.

Послѣ того, какъ идеальныя представленія и пророчества стараго славянофильства сами собой безслѣдно испарились, уступивъ мѣсто безъидейному и низменному націонализму, взаимное отношеніе двухъ главныхъ направленій нашей мысли значительно упростилось, вернувшихъ къ идеѣ эпохи Петра Великаго, т. е. борьбѣ между дикостью и образованіемъ, между обскурантизмомъ и просвѣщеніемъ."

Въ то время какъ у насъ въ I-й половинѣ XIX вѣка шелъ ожесточенный споръ славянофиловъ и западниковъ, въ Западной Европѣ появляются соціалистическія ученія — сначала въ видѣ фантастическихъ проектовъ Фурье, С. Симона и др., а потомъ въ видѣ научнаго соціализма, основаніе коему положилъ Карлъ Марксъ въ трудѣ „Капиталъ".

Это движеніе не могло не оказать вліянія на русскую мысль. Наиболѣе крайніе изъ западниковъ быстро воспринимаютъ новыя „откровенія" соціалистовъ, ведущіе, по ихъ мнѣнію, человѣчество къ свѣтлому будущему.

Наиболѣе образованные и выдающіеся представители западничества (Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ) и ихъ послѣдователи 40-хъ г.г., считая, что Россія должна пойти по пути развитія Западной Европы, стремились къ обновленію нашей государственности путемъ реформъ, къ раскрѣпощенію личности и, наконецъ, къ представительному образу правленія. Послѣдовавшая съ конца 50 хъ г.г. эпоха великихъ реформъ въ Россіи (упраздненіе крѣпостного права, введеніе гласныхъ судовъ, всеобщей воинской повинности и проч.), казалось, подтвердила ихъ взгляды и давала надежды, что Россія вступила на путь западно-европейской государственности. Если бы въ то же время было введено всеобщее обязательное обученіе и вслѣдъ за нимъ представительныя учрежденія хотя бы въ видѣ той Думы, которую мы получили въ 1905 году, то

какъ западники, такъ и все образованное русское общество должны были бы удовлетвориться. Въ сущности первые конституціонные шаги въ началѣ 80-хъ годовъ правительство предпринимало, и для этого была созвана комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николавича. Но нетерпѣніе было такъ велико, соціалистическія ученія Запада столь быстро воспринимались частью русской интеллигенціи, что идеи людей 40-хъ г.г. уже оказались отсталыми въ началѣ 60-хъ годовъ.

Революціонное движеніе. въ 60-хъ годахъ начинается соціалистическое и революціонное движеніе въ Россіи, цѣлью котораго являются не государственныя раформы а политическій переворотъ, упраздненіе государственности и полное переустройство общественнаго строя по соціалистическому рецепту.

Болѣе или менѣе безпристрастной исторіи революціоннаго движенія въ Россіи до сихъ поръ не имѣется, почему единственными источниками могутъ служить разсказы и описанія самихъ революціонныхъ дѣятелей. Наиболѣе крупными произведеніями этого рода являются: „Очерки революціоннаго движенія въ Россіи“, Тана и „Подпольная Россія“ Кравчинскаго-Степняка. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе дѣятельности нашихъ революціонеровъ. Достаточно будетъ лишь перечислить отдѣльные фазисы этого своеобразнаго міра, приведшаго нынѣ Россію къ неслыханнымъ бѣдствіямъ.

Однимъ изъ первыхъ по времени появленія русскихъ революціонеровъ-соціалистовъ былъ М. А. Бакунинъ, въ сущности самый настоящій... большевикъ. Это кажется страннымъ, но безусловно вѣрно.

М. А. Бакунинъ родился въ 1814 году, былъ артиллерійскимъ офицеромъ. Въ 1838 году вышелъ въ отставку, уѣхалъ за границу и слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, принимая участіе въ тогдашнемъ либеральномъ кругѣ «молодой Германіи» . Тогда же онъ высказалъ свое основное изрѣченіе: „страсть къ разрушенію есть созидательная страсть“. Въ 1843 году онъ знакомится въ Парижѣ съ извѣстнымъ проповѣдникомъ анархизма Прудономъ и самъ становится анархистомъ и проповѣдникомъ польской и обще славянской революціи. Затѣмъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ революціонныхъ выступленіяхъ 1848 года въ Прагѣ и 1849 года въ Дрезднѣ, гдѣ ему какъ артиллерійско-

му офицеру, поручена оборона города. Всюду онъ проповѣдывалъ всемірную революцію и даже самого Маркса считалъ отсталымъ и буржуазнымъ, почему и былъ исключенъ изъ интернаціонала, какъ непримиримый сторонникъ міровой анархіи. Умеръ въ 1876 году въ Бернѣ.

Идеи Бакунина—всеобщее разрушеніе современнаго государственнаго строя и анархія. Этотъ первый русскій анархистъ поражалъ всѣхъ европейскихъ соціалистовъ своими крайностями чисто разбойничьей проповѣди, непонятной культурному европейцу. Въ 1872 году уже на склонѣ лѣтъ онъ поучаетъ итальянскихъ революціонеровъ:

„Подъ именемъ идеала я подразумѣваю всю сумму справедливости и свободы, наиболѣе полное экономическое и соціальное равенство, всемирную солидарность и человѣческое братство... Однако дальше слѣдуетъ поправка, что всѣ эти блага не для всѣхъ... „Если бы вы захотѣли удовлетворить всѣ классы, въ результатѣ неизбѣжно получился бы нуль", говоритъ Бакунинъ. Интересы правящихъ и высшихъ классовъ слишкомъ противоположны интересамъ нисшихъ слоевъ общества, чтобы примиренія между ними было возможно. Я думаю, что всѣ классы, которые прямо или косвенно заинтересованы въ сохраненіи современнаго государства должны быть принесены въ жертву безъ пощады". Дальше слѣдуетъ перечень: „Все дворянство и вся крупная финансовая коммерческая и промышленная буржуазія, всѣ крупные земельные собственники и капиталисты и въ большинствѣ случаевъ также средняя буржуазія, та, дѣти которой наполняютъ въ настоящее время армію въ качествѣ офицеровъ и бюрократію въ качествѣ чиновниковъ. Эта средняя буржуазія повсюду составляетъ подлый и глупый классъ, опору всякаго разврата, всѣхъ несправедливостей, всякаго деспотизма".

Съ 1868 года по 1870 годъ Бакунинъ редактировалъ заграницей журналъ „Народное дѣло", программа коего была: „Мы сторонники атеизма и матеріализма. Мы хотимъ: 1) Упраздненія права собственности; 2) уравненія правъ женщины, уничтоженіе семейнаго права и брака, какъ церковнаго такъ и гражданскаго; 3) воспитаніе дѣтей должно лежать на попеченіи свободнаго общества. Капиталъ и орудія производства должны должны принадлежать рабочимъ. Въ будущемъ политическая организація должна быть свободной федераціей вольныхъ рабочихъ".

Таковъ былъ Бакунинъ. русскій дворянинъ, помѣщикъ и интеллигентъ. Герценъ называетъ его „исполиномъ съ

львиной головою, натурой героической“ ... въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности. Онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ.“

Бакунинъ былъ не одинъ. Нѣкій бѣдный мѣщанинъ Нечаевъ, родившійся въ 1848 году, только въ 16 лѣтъ выучившійся грамотѣ и сдавши потомъ экзаменъ на народнаго учителя велъ въ 60-хъ годахъ революціонную пропаганду среди студенчества и имѣлъ успѣхъ. Потомъ, вступивъ въ интернаціональное общество, основалъ въ 1869 году въ Петербургѣ „Общество народной расправы.“ По его мнѣнію, дѣло мирной пропаганды уже кончено (оно только начиналось), приближается страшная революція. По принятому уставу революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанности, ни собственности, ни семьи. Онъ отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущему поколѣнію. Онъ знаетъ только науку разрушенія, для чего изучаетъ механику, химію, пожалуй, медицину. Онъ презираетъ общественное мнѣніе и ненавидитъ общественную нравственность. Когда студентъ Ивановъ отказался повиноваться Нечаеву, послѣдній убилъ его и бѣжалъ заграницу, а товарищи его, въ числѣ 87 человѣкъ (процесъ Нечаевцевъ) были осуждены. Въ Женевѣ онъ основалъ журналъ „народной расправы,“ выходившій въ 1869-71 году. Въ первомъ номерѣ его говорилось: „Всенародное возстаніе близко. Мы хотимъ народной, мужицкой революціи... мы беремся сломить гнилое общественое зданіе.“

Даже Бакунинъ писалъ о Нечаевѣ какъ о человѣкѣ безчестномъ, способнымъ шпіонить, лгать, вскрывать чужія письма и пр. Въ 1882 году Нечаевъ былъ выданъ Русскому правительству, какъ уголовный преступникъ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ продолжалъ примать участіе въ организаціи покушенія 1-го марта 1881 года.

Журналъ „Народной расправы“ былъ замѣненъ „Набатомъ“ и продолжалъ выходить въ Женевѣ съ 1875 по 1881 годъ. Нечаева замѣнилъ Ткачевъ. Для него даже Бакунинъ былъ псевдо—революціонеромъ. Задачи новаго революціоннаго правительства въ Россіи рѣшались слѣдующимъ образомъ: „1) преобразованіе крестьянской общины въ общину коммуны; 2) экспропріація орудій производства и передача ихъ въ общее пользованіе; 3) постепенное упраздненіе физическаго, умственнаго и нравственнаго неравенства между людьми; 4) упраздненіе существующей семьи, основанной на рабствѣ женщины и дѣтей.“(?!)

Таковы были идеи русскихъ соціалистовъ въ то время, когда соціализмъ только началъ развиваться на западѣ. Самъ Карлъ Марксъ становился въ тупикъ передъ идеями Бакунина и потребовалъ изгнанія его изъ международнаго общества рабочихъ, а Нечаевъ и Ткачевъ считали самого Бакунина уже отсталымъ. Легко вспомнить, что нѣчто подобное повторилось въ 1917 году, когда русскіе соціалисты кричали, что „теперь мы научимъ весь міръ какъ нужно дѣлать революцію и устраивать свѣтлую жизнь. И научили...

Въ 60 хъ годахъ уже послѣ освобожденія крестьянъ въ русской интеллигенціи началось, такъ называемое народничество, имѣющее цѣлью содѣйствовать народному просвѣщенію и пропагандировать новыя идеи. Въ началѣ это было въ сущности благородное движеніе дворянъ и вообще интеллигенціи, кающихся въ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ народомъ, столь долго притѣсняемымъ и пребывавшемъ въ рабствѣ. Но мало по малу оно обратилось въ политическое движеніе.

Образовалась партія „Земля и Воля," ставящая себѣ цѣлью передачу въ собственность земли народу на началахъ уравнительнаго владѣнія, политическій переворотъ съ цѣлью введенія республики на основахъ всеобщаго голосованія. Это была сначала мирная партія, ведущая только пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ. Но въ 1879 году на Липецкомъ съѣздѣ она раскололась на двѣ партіи: „Народная воля", ставящая задачей—государственный переворотъ путемъ террора и „Черный передѣлъ," отрицающій терроръ и продолжающій старую задачу мирной пропаганды среди крестьянъ.

Партія „Народной воли" вождемъ коей былъ Желябовъ, считала, что русскій народъ находится въ состояніи полнаго рабства экономическаго и политическаго. Онъ же по своимъ симпатіямъ и идеаламъ является вполнѣ соціалистическимъ. Поэтому партія считала необходимостью политическій переворотъ, созывъ Учредительнаго Собранія, избираемаго всеобщей подачей голосовъ, передачу въ руки рабочихъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ, замѣну постояной арміи ополченіемъ и пр.

Ничтожная по числу партія „Народной воли„ проявила необыкновенную энергію и организовала рядъ покушеній на Императора Александра II-го, изъ коихъ послѣднее окончилось убійствомъ его 1-го Марта 1881 года. Главными дѣяте-

лями были: Желябовъ, Кибальчичъ, Гриневецкій и Перовская (всѣ казнены). Уцѣлѣвшими членами партіи подготовлялось также убійство Александра III го 1 марта 1887 г. но послѣ этаго партія сошла съ сцены. Одинъ изъ членовъ ея Кравчинскій—Степнякъ видитъ причину распаденія въ несбыточной мечтѣ о захватѣ власти путемъ террора и устраненія правительства.

Убійство Императора Александра II-го принесло громадный вредъ Россіи, ибо продолженіе начатыхъ въ 60-хъ годахъ реформъ прервано и началась сильнѣйшая реакція, которой сочувствовало тогдашнее русское общество, возмущенное убійствомъ царя освободителя.

Все описанное движеніе творилось въ сущности незначительной группой наиболѣе экспансивной интиллигенціи, вѣрнѣе группой интиллигентныхъ неудачниковъ или соціалистическихъ недоучекъ, которые не въ состояніи были согласовать бумажные проекты и собственныя измышленія съ дѣйствительностью.

Но въ числѣ тогдашнихъ соціалистовъ были и талантливые люди, крупныя величины тогдашней умственной жизни Россіи. Къ нимъ принадлежатъ: Чернышевскій, Лавровъ и Плехановъ.

Первый—знаменитый русскій публицистъ и критикъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ и одаренныхъ людей своего времени принадлежитъ въ то же время къ числу соціалистовъ утопистовъ. Въ "Очеркахъ изъ политической экономіи" онъ является русскимъ Карломъ Максомъ, давшимъ тѣ основанія научному соціализму, которыя развилъ Карлъ Марксъ болѣе подробно въ „Капиталѣ." Онъ былъ ярымъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, принесшаго, какъ извѣстно, огромный вредъ, устранить который собирался Столыпинъ, и считалъ, что отсталый народъ, пользуясь опытомъ и наукою передовыхъ, можетъ подняться съ нисшей степени развитія прямо на высшую, не проходя промежуточныхъ. Это своего рода сверхзападничество, логически и научно обоснованное, но совершенно не осуществимое въ практической жизни.

П. Л. Лавровъ (1823—1900, полковникъ, профессоръ математики и механики въ артеллерійской Академіи, ведя знакомство въ 60-хъ годахъ съ соціалистическими кружками былъ сосланъ по подозрѣнію въ Вологодскую губернію,

откуда бѣжалъ въ 1870 году въ Парижъ. Затѣмъ въ Лондонѣ онъ подружился съ Марксомъ и Энгельсомъ и былъ членомъ международнаго общества рабочихъ. Съ 1873 года редактировалъ журналъ „Впередъ," въ которомъ популяризировалъ идеи Карла Маркса, и въ программу котораго входила борьба: науки противъ религіи, труда противъ капитала, рабочихъ противъ буржуазіи. Велъ борьбу не только съ русскимъ правительствомъ, но и съ анархизмомъ Бакунина и не раздѣлялъ надеждъ послѣдняго на скорую революцію. Отсюда названіе послѣдователей Лаврова постепеновцами. Лавровъ былъ поклонникомъ мирнаго народничества. Однако арестъ дѣятелей послѣдняго (процессъ 50 въ Москвѣ и 193 въ Петербургѣ въ 70-хъ годахъ) привелъ его къ народовольчеству. Въ 1882 году основалъ въ Парижѣ Красный крестъ народной воли, цѣлью котораго было оказаніе матеріальной помощи всѣмъ пострадавшимъ за политическія убѣжденія.

Г. В. Плехановъ является наиболѣе ученымъ соціалистомъ Россіи, оставившимъ многочисленныя сочиненія по соціальнымъ вопросамъ, имѣющія европейскую извѣстность. Эмигрантъ съ 1876 г., членъ партіи „Земля и Воля," а потомъ „Чернаго Передѣла," противникъ всякаго террора, онъ былъ сторонникомъ крестьянскаго соціализма и вѣрилъ, что крестьяне готовы къ нему, а также къ революціи. Но потомъ подъ вліяніемъ Карла Маркса пришелъ къ заключенію, что революція возможна лишь тогда, когда созрѣетъ пролетаріатъ. Въ 1883 году вмѣстѣ съ В. Засуличъ, Дейчемъ и Аксельродомъ основалъ группу „Освобожденія труда." Въ книгахъ „Соціазмъ и политическая борьба", а также „Наши разногласія" разошелся съ народниками и народовольцами, полагавшими возможнымъ и необходимымъ сразу шагнуть отъ самодержавія къ соціализму. Плехановъ проповѣдывалъ необходимость сначала политической борьбы, а затѣмъ уже соціалистической, какъ конечной цѣли. Съ 1889 года онъ участвуетъ на всѣхъ международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ и конгрессахъ.

Съ 1903 года, когда произошелъ раздоръ между русскими большевиками и меньшевиками, Плехановъ занялъ уединенную позицію. Онъ приходитъ къ заключенію, что русская соціалъ демократія не рабочая, какъ заграницей, а исключительно интеллигентская Плехановъ настаиваетъ, что революція не можетъ быть произведена одними рабочими, а должна носить буржуазный характеръ. Рабочіе вмѣстѣ съ буржуазіей должны бороться съ самодержавіемъ и потомъ

занять выгодную позицію не ведя сразу борьбы съ буржуазіей. По этому онъ настаивалъ на участіи рабочаго класса въ выборахъ въ государственную Думу.

Словомъ, мы видимъ, что это былъ наиболѣе умный и логически разсуждающій соціалистъ и, вѣроятно, потому онъ потерялъ въ 1917 году всякое значеніе. Отвергнутый всѣми партіями названный въ насмѣшку соціалъ-патріотомъ онъ умеръ въ 1918 году, кажется, отъ голода, имѣя несчастіе, передъ смертью убѣдиться въ «высокихъ» результатахъ своей безусловно идейной дѣятельности.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка наши соціалистическія партіи сошли на нѣтъ и только единичные дѣятели продолжали работу за границей. Въ началѣ 20 вѣка работа партій возобновляется вновь. Въ 1901—2 годахъ образуется партія соціалистовъ-революціонеровъ, являющаяся какъ бы продолженіемъ „Народной воли," а въ 1903 году русская соціалъ-демократическая партія раздѣляется на большевиковъ и меньшевиковъ. Я не буду приводить ихъ программъ, такъ какъ дѣятельность ихъ съ 1917 года практически хорошо всѣмъ знакома. Въ 1905 году эсъ-эры и эсъ-дэки даже входятъ въ государственную Думу и тамъ работаютъ надъ разрушеніемъ Россіи, вызвавъ впослѣдствіи историческую фразу Столыпина: „Вамъ нужны великія потрясенія, а намъ нужна Великая Россія."

Великій распадъ. Какъ бы то ни было наше соціалистическое движеніе, какъ вѣрно подмѣтилъ Плехановъ, не было народнымъ. Оно было интеллигентскимъ, причемъ только части интеллигенціи въ то время какъ большая, даже подавляющая масса ея лишь сочувствовала или просто либеральничала, слѣдуя модѣ, согласно которой либерализмъ считался непримѣннымъ признакомъ образованія и умственнаго развитія. Народъ же въ массѣ безмолвствовалъ и являлся своего рода сфинксомъ, котораго интеллигенція никакъ не потрудилась узнать поближе. Къ нему вполнѣ примѣнимы были стихи Некрасова:

„Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи
„Кипитъ словесная война,
„А тамъ во глубинѣ Россіи
„Тамъ вѣковая тишина".

Народъ нашъ вплоть до 20 вѣка остался такимъ же, какимъ былъ при удѣльныхъ князьяхъ. Если вы проѣзжали по Кіево-Воронежской желѣзной дорогѣ, то вѣроятно, обратили вниманіе на большія деревни Курской губерніи, состоящіе исключительно изъ соломенныхъ кучъ. Это избы, сараи и всякія постройки. Невозможно отличить избы отъ сарая. Въ деревнѣ невидно опредѣленнаго плана, ни улицъ, незамѣтно ни деревьевъ, ни кустовъ, ни огородовъ. Кое гдѣ какъ рѣзкій контрастъ, мелькнетъ лишь бѣленькій домикъ съ красной или зеленой крышей. Я не думаю, чтобы при курскихъ князьхъ было хуже. Тогда была въ наличіи та же солома, да еще кругомъ лѣса, которыхъ теперь давно нѣтъ и слѣда.

Угнетенный въ продолженіи многихъ вѣковъ русскій мужикъ всегда былъ жаднымъ собственникомъ и возставалъ много разъ противъ притѣсненій. Реформа 1861 года сдѣлала его свободнымъ, но не полнымъ собственникомъ. Осталось общинное землевладѣніе при крайне недостаточномъ и неравномѣрномъ распредѣленіи земель, остались старые счеты и недоразумѣнія съ бариномъ, а, главное, осталось старое вѣковое невѣжество, звѣрскіе инстинкты, раньше сдерживаемые сильной рукой, а нынѣ предоставленные свободному проявленію. Необходимо было самое широкое всеобщее обязательное обученіе и непрерывныя реформы въ земельныхъ отношеніяхъ для созданія милліоновъ крестьянъ—собственниковъ.

Слишкомъ мало было сдѣлано въ этомъ отношеніи во 2-й половинѣ 19 вѣка, и пропасть, вырытая вѣками между мужикомъ и бариномъ, осталась вплоть до послѣднихъ дней. Ничего подобнаго не было уже въ Западной Европѣ Тамъ давно сглажены сословныя перегородки, о крѣпостномъ правѣ уже забыли, а громадная сѣть школъ и путей сообщенія нивеллировала барина и мужика. Вѣковыя распри и взаимныя обиды забыты. Культура, просвѣщеніе, свободное развитіе и выборъ занятій внесли примиреніе въ сословіи Не осталось даже понятія „баринъ“ въ томъ смыслѣ, какъ у насъ И потому не могло быть почвы для того озлобленія и раздраженія, какіе подготовлены вѣками и сохранились у насъ Та пропасть между народомъ и интеллигенціей, которая создалась въ Россіи, вовсе не наблюдалась въ Западной Европѣ. Мы, русскіе, такъ много путешествующіе, выносили общее впечатлѣніе, что въ Германіи и Франціи въ сущности всѣ интеллигентны. И рабочіе, и крестьяне, и прислуга въ отелѣ сплошь грамотны, читаютъ газеты и настолько развиты, что

съ ними можно говорить на общественныя темы. Насъ это удивляло, иногда огорчало, но причинъ мы не доискивались. Причины же лежатъ въ глубинѣ исторіи, но главнымъ образомъ въ исторіи 19 вѣка, когда Европа быстро пошла впередъ, а мы остались на мѣстѣ вплоть до 1861 года.

Наша литература давала намъ вполнѣ правдивую картину умственнаго состоянія [illegible] года послѣ великой реформы. Начиная съ 1861 года рядъ писателей (народники—Успенскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ), самъ Толстой во „Власти Тьмы" характеризовали русскій народъ, какъ первобытнаго дикаря бѣднаго, забитаго нуждой и невѣжествомъ, способнаго на самыя звѣрскія безнравственныя поступки. Правда, Григоровичъ далъ кроткій типъ Антона Горемыки, Толстой—Ивана Каратаева, а Достоевскій возвелъ русскій народъ на степень Богоносца. Эта крайность—исключеніе изъ общаго правила, но несомнѣнно срединаро да попадались Каратаевы и природные Богоносцы, искатели правды Божіей ва землѣ, основатели различныхъ религіозныхъ сектъ.

Шли годы, а нравственный, культурный уровень народныхъ массъ нисколько не поднимался, скорѣе—наоборотъ. Чеховъ въ разсказѣ „Мужики" рѣзко характеризуетъ жизнь деревни: „эти люди живутъ хуже скота, жить съ ними страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, бояться и подозрѣваютъ другъ друга". Тамъ же Чеховъ отмѣчаетъ и вѣру мужика въ правду. Столь же отрицательно пишетъ Бунинъ въ повѣсти „Деревня", изображая крестьянина, какъ дикаря Главные герои Горькаго это уже прямо преступный міръ, своеобразно идеализированный писателемъ ввидѣ философовъ—самородковъ, мечтателей и въ то же время завѣдомыхъ лѣнтяевъ, лежебоковъ и бродягъ. Наконецъ, самая позднѣйшая характеристика, не задолго до войны (1910 г.), дана русскому крестьянину Родіоновымъ въ повѣсти „Наше преступленіе". Хуже тѣхъ героевъ, которые тамъ выведены, въ Росіи не могло быть не только во времена удѣловъ, но даже до принятія христіанства. Поэтому слѣдуетъ считать вѣрнымъ выводъ, что народъ нашъ застылъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ находился сотни лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ какъ интеллигенція ушла впередъ, оторвавшись отъ родной почвы.

Произошелъ великій распадъ общества на мужика и барина—интеллигента. Послѣдній не понималъ перваго и жилъ

въ фантастическомъ мірѣ теорій, заимствованныхъ отъ Запада и не переваренныхъ русскими мозгами.

Однако, не меньшій распадъ произошелъ и въ самой интеллигентской средѣ. До 18 вѣка эта среда мало отличалась въ умственномъ отношеніи отъ массы крестьянства. Были классовыя различія на почвѣ привилегій, но мысль находилась почти на одномъ уровнѣ. Въ 18 вѣкѣ подъ вліяніемъ умственныхъ теченій запада эта разница уже рѣзко сказывается не только въ отношеніи интеллигенціи къ народу, но и среди ея самой. Либеральный наиболѣе просвѣщенный тогда лагерь русской интеллигенціи, къ которому нѣкоторое время принадлежала сама Императрица Екатерина II, рѣзко различается отъ массы дворянъ и служилыхъ людей стараго типа.

Въ 19 вѣкѣ русская интеллигенція распадается уже на много враждебныхъ другъ другу партій, рѣзко отличающихся своей идеологіей и умственнымъ развитіемъ. У руля государства стоитъ консервативный служилый классъ, который живетъ по старымъ традиціямъ и неохотно воспринимаетъ все новое. Либеральныя теченія все же пріобрѣтаютъ въ немъ сторонниковъ, но получаютъ особенное развитіе среди молодежи и людей свободныхъ профессій. Эти умственныя теченія уже охарактеризованы выше (кружокъ императора Александра I. декабристы, западники и славянофилы, наконецъ, всевозможныя соціалистическія партіи). Настроеніе широкихъ слоевъ интеллигинціи трудно охарактеризовать вкратцѣ. Оно отмѣчено всей нашей литературой 19 вѣка, которая составляетъ истинное зеркало души народа, отражая многочисленныя проявленія его идеаловъ.

Наша поэзія и литература 18 вѣка носила не столько національно-общественный, сколько подражательный и ложно-классическій характеръ. Только, начиная съ Пушкина, она становится истиннымъ зеркаломъ души народа, ставя своею цѣлью проповѣдь какъ этики, такъ и эстетики. Въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и ихъ современниковъ мы находимъ не только гармонію. красоту, развивающія наши эстетическія чувства, но и служеніе идеалу добра и правды. Изображеніе темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ русской жизни столь ярко, выпукло, что достаточно прочесть лишь нѣсколько основныхъ произведеній, чтобы понимать ту эпоху. И Пушкинъ и Лермонтовъ дали намъ типы тогдашняго героя русскаго образованнаго общества въ лицѣ Печорина и Онѣ-

гина, этихъ оторванныхъ отъ родной почвы, скучающихъ и живущихъ отвлеченными заимствованными идеалами, молодыхъ людей. Вслѣдъ затѣмъ цѣлая группа первоклассныхъ нашихъ писателей—Гоголь, Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій, а также второстепенныхъ—Григоровичъ, Писемскій, Лѣсковъ, Успенскій и мн. др. освѣщаютъ намъ всесторонне русскую жизнь XIX вѣка.

Русскій интеллигентъ показанъ въ его ужасной древнерусской грубости и умственномъ художествѣ у Гоголя, въ идеальныхъ стремленіяхъ у Тургенева, Толстого и Гончарова, въ революціонномъ угарѣ у Писемскаго („Взбаломученное море") Тургенева („Новь"), Достоевскаго („Бѣсы").

Печоринъ и Онѣгинъ въ 40-хъ годахъ превращается въ Тургеневскаго Рудина, пламеннаго проповѣдника и говоруна, не находящаго примѣненія своимъ знаніямъ и идеямъ въ Россіи. Въ 60-хъ годахъ онъ же превращается въ неутомимаго дѣятеля—революціонера, вся несостоятельность котораго такъ тонко подмѣчена въ „Взбаломученномъ морѣ", „Нови" и „Бѣсахъ". Устами Шатова Достоевскій говоритъ: „Люди изъ бумажки, отъ лакейства мысли все это... Ненависть одна тутъ есть. Они первые были бы страшно несчастны, если бы Россія какъ-нибудь вдругъ перестроилась хотя бы даже на ихъ ладъ и какъ-нибудь вдругъ стала безмѣрно богата и счастлива. Некого было бы имъ тогда ненавидѣть, не какого плевать, не надъ чѣмъ издѣваться. Тутъ одна только животная, безконечная ненависть къ Россіи. И никакихъ невидимыхъ міру слезъ изъ подъ видимаго смѣха тутъ нѣту... Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести... Русскому человѣку честь одно только лишнее бремя; открытымъ правомъ на безчестье его скорѣе всего увлечь можно"...

Достоевскій отмѣчаетъ въ русскомъ народѣ черты народа Богоносца, въ то же время указываетъ на его звѣриныя черты. Эти звѣриныя черты отмѣчены въ „Братьяхъ Карамазовыхъ", въ „Преступленіи и Наказаніи" и, наконецъ, наиболѣе выпукло въ разсказѣ „Бобокъ", идея котораго—обнажимся и оголимся—и въ которомъ многіе видятъ предсказаніе нашего большевизма.

Когда прошелъ революціонный угаръ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, начались чеховскіе „Сумерки". Удручающую картину производитъ провинціальное общество съ его

мѣщанскими интересами и растительной жизнью. Но многіе мечтаютъ о красивой жизни и стремятся поэтому „въ Москву, Москву". Тамъ же, въ Москвѣ, и большихъ центрахъ героемъ дня и кумиромъ толпы становится интеллигентъ-либералъ. Это обыкновенно студентъ, начинающій писатель или человѣкъ свободной профессіи. Внѣшними признаками его служатъ: длинные волосы, пренебреженіе къ внѣшности, косоворотка и игнорированіе общественныхъ приличій, внутренними— непрерывныя разсужденія о счастьи всего міра, варварствѣ Россіи, ея милитаризмѣ, скоромъ соціальномъ переворотѣ и пр. Либералъ обыкновенно рѣдко слушаетъ лекціи. Ему некогда учиться. Зато онъ посѣщаетъ исправно вечеринки, театры, нелегальныя собранія, читаетъ соціалистическія брошюры, иногда осторожно занимается пропагандой. Кое-какъ кончая университетъ, онъ остается либераломъ (это признакъ образованія), но при этомъ исправно получаетъ чины и ордена на государственной службѣ и достигаетъ часто высокихъ степеней. Отдѣльныя лица изъ либераловъ становятся активными революціонерами и возобновляютъ прежнюю дѣятельность, устраивая забастовки и заговоры на агентовъ власти. Либералъ всюду желанный гость; ему сочувствуетъ вся интеллигентная Россія.

Въ русской литературѣ въ это время происходитъ странное явленіе. Въ 80-хъ годахъ Надсонъ и Гаршинъ являются послѣдними представителями проповѣди общественныхъ и гуманныхъ идеаловъ. Ихъ смѣняютъ въ 90-хъ годахъ Горькій и Чеховъ—эти талантливые фотографы современной имъ дѣйствительности. Съ конца же XIX-го и начала XX вѣка появляется рядъ писателей, проповѣдывающихъ декаденство, туманный демонизмъ или порнографію: Бальмонтъ, Сологубъ, Арцибашевъ, Каменскій, Игорь Сѣверянинъ, Вербицкая и др. являются модными и популярными съ конца XIX-го и начала XX вѣка. Особенную разновидность этого же рода составляютъ произведенія Горькаго, Андреева, восхваляющія разнузданность нравственныхъ общепринятыхъ чувствъ, какъ протестъ противъ современной культуры.

Такимъ образомъ, отъ общественныхъ идеаловъ 60-хъ и 70 хъ годовъ наша интеллигенція въ массѣ своей перешла въ XX-мъ вѣкѣ къ моднымъ умственнымъ теченіямъ, выразившимся въ декаденствѣ, футуризмѣ и половомъ вопросѣ. Была отброшена этика и провозглашена эстетика въ самыхъ уродливыхъ формахъ. Соотвѣтственно такимъ потребностямъ публики литература снизошла изъ храма въ балаганъ и спальню.

Такое явленіе должно показаться страннымъ, если принять во вниманіе, что послѣ Японской войны общественные и политическіе вопросы выступили на первый планъ, заслонивъ собою всѣ остальные.

Долгожданная жажда общественной и политической дѣятельности, наконецъ, осуществилась. Многіе объясняютъ такое противорѣчіе тѣмъ, что общество устало и разочаровалось въ революціи 1905 года. Оно не удовлетворилось тогдашней конституціей, считая ее кучей, и требовало всѣхъ свободъ. Не получивъ желаемаго и встрѣтивъ отпоръ со стороны правительства, русская интеллигенція ударилась въ футуризмъ и порнографію. Если такое объясненіе правдоподобно, то слѣдуетъ удивляться массовому невѣжеству русской интеллигенціи, которая не хотѣла признавать историческихъ законовъ постепеннаго развитія политическихъ формъ жизни и сгорало нетерпѣніемъ получить все сразу. Это нетерпѣніе въ связи съ невѣжествомъ и проявилось въ 1817 году. Результаты на лицо.

Чрезвычайно характерна черта распада русской интеллигенціи выразилась еще въ особыхъ свойствахъ нашего служилаго правительственнаго класса. „Всякій народъ имѣетъ такое правительство, какого онъ достоинъ", говоритъ Бокль. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что всякое правительство комплектуется изъ интеллигенціи своего народа. Оно не представляетъ нынѣ замкнутой корпораціи вродѣ прежняго сословія бояръ и дворянъ. Отсюда—самые демократическіе и даже революціонные элементы, получая университетскій дипломъ, попадаютъ въ число правительственныхъ агентовъ и достигаютъ часто степеней важныхъ.

Прежняя сословная бюрократія отличалась, какъ извѣстно, крайней недобросовѣстностью, продажностью, лихоимствомъ. Новая же, разбавляемая съ 60-хъ годовъ получившими образованіе демократическими элементами, стала честнѣе, добросовѣстнѣе не только отъ своего обновленія, но и отъ крупныхъ реформъ, давшихъ болѣе совершенную систему. Однако, старые методы централизаціи и общій низкій уровень гражданственности въ Россіи сохранили и продолжали культивировать самую характерную черту служилаго класса непомѣрный карьеризмъ. Сдѣлать карьеру во что бы то ни стало, не брезгая средствами, таковъ былъ девизъ всѣхъ отъ малыхъ до самыхъ большихъ чиновъ.

Талантливые люди дѣлали карьеру природными способностями, средніе и бездарные—угожденіемъ сильнымъ и, вообще, служеніемъ не дѣлу, а лицамъ. Карьеризмъ былъ тотъ

подземный червь, который подточилъ великое государство. Крупныя и отвѣтственныя мѣста занимали люди не по способностямъ, а по связямъ, знакомствамъ или родству. На почвѣ карьеризма выросла „Распутица“ и та вакханалія частыхъ министерскихъ смѣнъ, при которой вопросы первостепенной государственной важности смѣшивались съ личными и семейными и зависили отъ каприза.

Карьеризмъ создалъ Сухомлиновщину — также одно изъ наиболѣе отрицательныхъ явленій того времени. Рѣшительно ничѣмъ невыдающійся генералъ, легкомысленный и недалекій, вдругъ быстро дошелъ до министерскаго поста. Онъ сумѣлъ понравиться царю и его семейству и даже противодѣйствіе великаго князя Николая Николаевича было безсильно. Онъ окружилъ себя темными дѣльцами, роли которыхъ не выяснилъ даже судъ. Дѣловой кабинетъ въ министерствѣ, столовая въ квартирѣ, гостинная или дамскій будуаръ—все перемѣшалось настолько, что даже служебныя тайны не могли быть защищены и отдѣлены отъ общихъ разговоровъ и домашнихъ интересовъ. Повторилось то же, что было во Франціи въ эпоху 3-й имперіи, когда императоромъ былъ Наполеонъ III, а военнымъ министромъ маршалъ Лебефъ.

Японская война все же принесла большую пользу въ смыслѣ излеченія Россіи. Существуетъ мнѣніе, что она только тогда уподобилась бы по своему значенію Севастопольской, если бы мы потерпѣли полный разгромъ. Этого не случилось, и потому распадъ русскаго общества продолжался какъ бы по инерціи. Такіе государственные умы, какъ Столыпинъ, не могли исправить дѣла, ибо были одиночки. Не случись война 1914 года, можетъ быть, путемъ внутреннихъ потрясеній и бѣдствій или просто постепеннымъ развитіемъ уже зародившейся общественной жизни мы въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ исправились бы, стали бы не „взбунтовавшимися рабами“, а гражданами своего отечества. Но рокъ судитъ иначе...

Профессоръ Крэмбъ, упоминая лишь вскользь о Россіи въ началѣ 1913 года, говоритъ: «*Россія уже оправилась отъ своей манчжурской компаніи. Мукденъ забытъ и Россія снова пошла по своему пути, медленно, какъ движеніе глетчера, но также неминуемо*».

Такимъ образомъ война застала весь русскій народъ въ періодъ великаго умственнаго и моральнаго распада. Патріотическій порывъ, казалось, вдохнулъ въ него единую душу.

Такъ и было въ началѣ. Но современныя войны отличаются затяжнымъ состояніемъ и упорствомъ. По выраженію Гинденбурга, выигрываетъ тотъ, у кого крѣпче нервы, а потому одного порыва недостаточно. Нужна та внутренняя моральная спайка, которая образовывалась вѣками и создала единую душу народа Ее обнаружили западные народы. Мы же потеряли свой порывъ при первыхъ неудачахъ и вмѣсто единства разсорись и занялись выполненіемъ тѣхъ программъ и плановъ, которые заимствовали отъ Запада въ теоріи, внѣ времени и пространства.

Но ничто такъ ярко не характеризуетъ нашего всеобщаго моральнаго упадка, какъ „Великая безкровная“ революція. Нисколько не уменьшая грѣховъ стараго строя, указавъ на тѣ его недостатки, которые способствовали развалу и паденію государства, мы должны безпристрастно сказать, что все же среди служилаго правительственнаго класса, широкихъ массъ интеллигенціи и простого люда были честные, любящіе свою родину люди, которые инстинктивно, впитавъ съ молокомъ матери старыя традиціи, жертвовали личными интересами на благо отечества. Были у насъ честные министры и генералы, которые возвышали свой голосъ, предостерегали, жертвуя своей карьерой, была проявлена доблесть, патріотизмъ со стороны интеллигенціи, умѣвшей умирать на войнѣ впереди, а также нашихъ солдатъ, оказавшихъ великія подвиги въ первые два года войны. Дурные, низкіе инстинкты какъ бы временно стушевались передъ чувствомъ единенія, которое возбуждаетъ всякая война. Здѣсь, видимо, дѣйствовали незамѣтно остатки старыхъ государственныхъ устоевъ, привычка забывать личные интересы передъ общей опасностью.

Всѣ эти остатки старой государственной доблести какъ-то быстро совершенно исчезли послѣ революціи. Самыя крупныя ошибки и преступленія стараго правительства блѣднѣютъ и стушеваются передъ тѣми преступленіями, которыя сознательно или безсознательно совершили дѣятели нашей революціи. Дѣятельность Сухомлинова, Штрюмера и др. принесла огромный вредъ государству, но эти министры невинныя дѣти въ сравненіи съ дѣятелями Временнаго Правительства Керенскаго, всевозможныхъ совдеповъ и пр. революціонной накипи. Первые лишь ранили мощный государственный организмъ, а вторые изувѣчили его, сдѣлавъ на долгое время калѣкой и уродомъ среди другихъ народовъ.

Предположивъ, что внутреннія побужденія нашихъ творцовъ революціи, тѣхъ членовъ Думы, которые возглавили "великую безкровную„ были чисты, мы отбрасываемъ обвиненіе ихъ въ злом умыслѣ или корыстныхъ намѣреніяхъ. Ихъ можно обвинять только въ невѣжествѣ, непониманіи момента, въ незнаніи своего народа, въ отсутствіи воли, общей русской дряблости, пассивности и пр., но не въ измѣнѣ своему отечеству и стремленіи развалить его. Они сразу явились и быстро сошли со сцены, какъ маріонетки въ рукахъ опытнаго дирижора. Но дальше пошла уже форменная вакханалія, девизомъ всѣхъ стало „обнажимся и оголимся." И интеллигенція и народъ проявили въ сущности одинаковыя черты: карьеризмъ, шкурничество и великое воровство— всѣ качества первобытныхъ людей.

Въ англійской и фрацузской революціяхъ было много звѣрства, эгоизма жестокости и низкихъ страстей, но были великіе подвиги самопожертвованія во имя любви къ отечеству и осуществленія новыхъ идеаловъ. Въ нашей революціи мы не въ состояніи найти ни одной благородной черты, кромѣ готовыхъ фразъ, лозунговъ, заимствованныхъ изъ революціоннаго лексикона Запада, фразъ, которыя остались пустымъ звукомъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мы не можемъ указать ни одного благороднаго дѣятеля революціи, способнаго возвыситься надъ личными интересами и готоваго на самопожертвованіе ради государственнаго блага. Между тѣмъ, втакъ называемой „контръ-революціи" ген. Корнилова мы найдемъ сколько угодно примѣровъ самопожертвованія и доблести. Рядъ самоубійствъ высшихъ чиновъ на фронтѣ въ 1917 году свидѣтельствуетъ, какую драму переживали тѣ, которые не дорожили личнымъ благополучіемъ и карьерой.

Послѣ переворота 1917 года прежде веего всѣ заговорили о своихъ правахъ, составляли длинные перечни этихъ новыхъ правъ и привилегій, но совершенно умалчивали объ обязанностяхъ въ то время, когда наши союзники приносили колоссальныя жертвы на алтарь побѣды. Всѣ реформы имѣли одинъ общій характеръ—дарованіе новыхъ правъ и матеріальныхъ преимуществъ безъ упоминанія объ обязанностяхъ. Интеллигенція бросилась дѣлать карьеру. На фронтѣ появились новые красные генералы, которые быстро перемѣнили кожу или, по тогдашнему выраженію, перекрасились. Раньше ихъ девизомъ по отношенію къ царской власти было—„чего изволите" и „все обстоитъ благополучно." Нынѣ

то же самое примѣнено по отношенію къ Временному правительству и, въ частности, Керенскому и дало еще большій результатъ. Поразительный контрастъ въ этомъ отношеніи состовляетъ мужественное заявленіе Гинденбурга: „Я исполняю свои обязанности поневолѣ, не желая подавать примѣръ непослушанія новому правительству. Но въ глубинѣ души я остался вѣренъ прежней монархіи и прежнему прусскому режиму. Я проклинаю совѣтъ солдатскихъ депутатовъ и вліяніе ихъ на германскую армію.“ Ничтожный адвокатъ вообразилъ себя геніемъ. Съ одинаковою легкостью становился онъ то военнымъ министромъ, то премьеромъ, то главковерхомъ то воображалъ себя послѣднимъ самодержцемъ Александромъ III. Такой примѣръ дѣйствовалъ крайне заразительно. Адвокатты, учителя бухгатеры, земгусары и. т. п. всѣ вдругъ захотѣли быть если не министрами, то, во всякомъ случаѣ, камисарами на мѣстахъ прежнихъ губернаторовъ и другихъ сановныхъ лицъ. Израилево племя дѣлало въ этомъ отношеніи особые успѣхи. Въ Петроградскомъ совдепѣ и разныхъ провинціальныхъ революціонныхъ учрежденіяхъ главную роль играли евреи подъ всевозможными псевдонинами. Больше половины мѣстъ Петроградскаго совдепа принадлежала евреямъ, тогда какъ, даже соблюдая полное равноправіе, ихъ должно было быть тамъ въ пропорціи: $^{6}/_{180}=^{1}/_{30}$, т. е. отношеніе числа евреевъ Россіи ко всему народонаселенію.

Главнымъ патентомъ на занятія высшихъ должностей служила принадлежность къ какой либо соціалистической партіи или испытанные прежде гоненія за революціонность, хотя бы данный кандидатъ являлся полнымъ невѣждой. Отсюда—необыкновенное увеличеніе такъ называемыхъ мартовскихъ соціалистовъ, т. е. людей, которые раньше были просто обывателями, часто скромными и честными тружениками, произносящими слово „соціалистъ“ шепотомъ, съ оглядкой, не стоитъ ли гдѣ-либо городовой, а съ марта 1917 года вдругъ сразу расписавшимися по партіямъ. Жалко и смѣшно было смотрѣть на этихъ обывателей, обуреваемыхъ нынѣ жаждой карьеры и заявлявшихъ, что они всегда были революціонерами и даже терпѣли гоненія „за правду.“ Словомъ, какой—то демонъ зла вселился въ людей и убѣждалъ ихъ, что теперь настало время, когда всякій можетъ стать министромъ, камисаромъ, предсѣдателемъ исполкома и т. п. Всѣ потребовали сразу необыкновенно увеличенныхъ окладовъ содержанія. Если при старомъ режимѣ брали взятки, то это дѣлалось тайно и сознавалась

преступность. При временномъ правительствѣ взяточничество возросло необыкновенно; оно стало явно.

Поведеніе нашей родовитой аристократіи было особенно позорно. Въ мирное время, дорожа больше своими незаслуженными привилегіями, она была главной помѣхой къ введенію въ Россіи конституціи. Во время войны она явно сочувствовала Германіи. Во время революціи никто изъ аристократовъ не пытался рискнуть своей дрогоцѣнной жизнью для спасенія царя, который дарилъ ихъ столькими милостями. И даже теперь, много ли родовитыхъ именъ сражается въ Добровольческой арміи? Гдѣ они? За то послѣ возстановленія государственности они, конечно, явятся и предъявятъ свои права.

Что же касается рабочихъ, крестьянъ и вообще простонародія, то этотъ самый многочисленный классъ понялъ свободу, какъ право ничего не дѣлать, грабить и жить въ свое удовольствіе. Вся прежняя, воспитываемая вѣками, доблесть русскаго солдата сразу исчезла. Онъ сталъ невѣроятнымъ трусомъ, шкурникомъ и, не стѣсняясь, говорилъ: „зачѣмъ мнѣ свобода, если мнѣ грозитъ опасность быть убитымъ.“ Передъ такимъ заявленіемъ становился втупикъ самъ. „главковерхъ„ Керенскій. Мало-по-малу изъ труса русскій солдатъ обращался въ вооруженнаго грабителя, разбойника, который отъ словъ перешелъ къ дѣлу уже лѣтомъ 1917 г. при галиціискомъ отступленіи. Освобожденіе каторжниковъ и вообще уголовныхъ преступниковъ изъ тюремъ внушило имъ мысль, что они страдали невинно, благодаря старому режиму, и потому многіе хвастались слѣдами кандаловъ.

Только одинъ классъ представлялъ исключеніе въ отношеніи полученія новыхъ правъ безъ обязанностей. Этотъ классъ были офицеры, на 80% (представлявшіе самую настоящую демократію. У него отняли всѣ права и возложили рядъ не выполнимыхъ обязанностей—вести къ побѣдѣ разнузданныя банды трусовъ. Такое странное явленіе слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что офицеры почти не принимали участія въ революціонномъ движеніи и потому считались контръ-революціонерами и врагами свободы. Всякій почтовый чиновникъ или народный учитель, находящійся въ тылу могъ гордо заявлять, что и онъ работалъ на революцію. Какъ провѣрить? Но офицеръ на фронтѣ не могъ столь явно лгать, ибо это было до очевидности нелѣпо. Попадались, конечно, и среди офицеровъ дѣлающіе карьеру, такъ называе-

мые комитетчики, но процентъ такихъ былъ весьма невеликъ. Однако проявить волю, энергію, рѣшимость офицерство все же не съумѣло и опустило руки, поплывъ по теченію, а затѣмъ постепенно разлагаясь. Исключеніе составила лишь небольшая группа, которая до сихъ поръ сражается.

Большевизмъ явился лишь заключительнымъ аккордомъ общаго развала, начавшагося въ мартѣ 1917 года. Безъ большевизма развалъ и общая анархія все равно произошли бы, только нѣсколько позже. Интеллигентское шкурничество, дряблость и трусость не позволили нашей интеллигенціи во время организоваться и дать отпоръ большевикамъ. Финны и нѣмцы сумѣли сразу организоваться быстро справились со своимъ большевизмомъ, т. е. попыткой уголовныхъ элементовъ устроить всеобщій грабежъ подъ флагомъ интернаціонала. А наша интеллигенція покорно гнула шею и унижалась такъ, какъ никогда раньше въ дни самого суроваго самодержавія. Рискнуть же своей драгоцѣнной жизнью не хотѣла. Въ результатѣ надъ ней издѣвались, ее разстрѣливали, какъ безсловесное животное.

Революція или смута. Носила ли наша революція общеевропейскій или особый русскій характеръ?

Правильно называть, значитъ, правильно понимать. По этому необходимо выяснить, что такое революція. Слово это обозначаетъ вообще переворотъ, потрясеніе, коренное измѣненіе установившихся понятій въ различныхъ областяхъ жизни. Напримѣръ, открытіе Галилея, что земля движется вокругъ солнца произвело революцію въ астрономіи, изобрѣтеніе ткацкой машины Дженни—революцію въ промышленности. Въ политикѣ и вообще общественной жизни далеко не всякій переворотъ считается революціей. У насъ было много дворцовыхъ переворотовъ, но это не были революціи. Потрясенія 1613 года, а также возстаніе Стеньки Разина и Пугачева правильно называтся смутами, но не революціями.

Революціей въ политикѣ называется такое движеніе народныхъ массъ, въ основѣ коего лежитъ новая, жизненная и прогрессивная идея. Такова была французская революція. Феодально-цеховой строй, сковывавшій личность и тормозившій развитіе, отжилъ свой вѣкъ. Революція выдвинула отмѣну всѣхъ феодальныхъ и цеховыхъ привилегій, провозгласила свободу личности, добилась этого и укрѣпила пріобрѣтенныя завоеванія. Идеи ея были только новы, но жизненны и прогрессивны. Оттого то онѣ распространились по

всей Европѣ въ XIX-мъ вѣкѣ. У насъ настоящая революція была произведена Петромъ I-мъ, такъ какъ государственныя идеи Петра были въ то время для Россіи прогрессивны, новы и жизненны.

Наша революція совершенно не похожа на французскую Идея соціалистической перестройки общества на основахъ отмѣны частной собственности и равномѣрнаго распредѣленія всѣхъ жизненныхъ благъ не ново, не жизненно и не прогрессивно. Кромѣ того во французской революціи у всѣхъ партій былъ общій принципъ—любовь къ отечеству, чего совершенно не было у насъ. Въ то время, какъ французская революціонная армія устремлялась къ границамъ, чтобы защищать отечество, наша, наоборотъ, бросила фронтъ, устремившись въ тылъ для грабежей. Соціализмъ вообще и большевизмъ въ частности только потому имѣлъ успѣхъ въ народныхъ массахъ, что потворствовалъ и какъ бы одобрялъ низкіе грабительскіе инстинкты. Поэтому наша революція должна считаться только смутой, пугачевшиной, лишь въ болѣе обширномъ масштабѣ. Она напоминаетъ вполнѣ смуту 1613 года. Тогда иниціаторомъ смуты была боярская дума, выдумавшая Лжедмитрія, дабы ограничить самодержавіе въ свою пользу. Но затѣмъ движеніе выпало изъ ея рукъ и перешло въ чисто народную смуту, выразившуюся исключительно въ грабежахъ и гражданской войнѣ. Также и теперь иниціаторомъ нашей смуты была Государственная Дума. Затѣмъ началась въ огромномъ масштабѣ подъ видомъ соціализма Пугачевщина, подготовленная предшествующими ошибками правительства и особенностями нашей исторіи.

Народъ нашъ, какъ я уже упоминалъ, остался на той же ступени развитія, на какой былъ много вѣковъ тому назадъ. Естественно, что онъ поступаетъ также, какъ и въ 1613-мъ году—грабитъ все, что попадается подъ руку, до монастырей церквей включительно. Разница только та, что тогда всякаго рода самозванцевъ, разбойниковъ называли просто ворами, а нынѣ ихъ называютъ соціалистами, коммунистами, большевиками, интернаціоналистами и т. п.

И тогда и теперь объ смуты сотавляютъ не прогрессъ, а регрессъ. Гораздо больше правъ на названіе „революція“ имѣетъ потрясеніе 1905 года, ибо тогда была осуществлена дѣйствительно прогрессивная и жизненная констуціонная идея.

Итакъ, 1917 годъ далъ не революцію, а пугачевщину—„русскій бунтъ, безсмысленный и безобразный“. Западные

соціалисты, прошедшіе серьезную политическую школу, отличающіе теоретическія утопіи отъ практическихъ осуществленій, поняли сущность русской революціи. Въ концѣ 1918 года французскій соціалистъ Эрве писалъ по поводу нашихъ дѣлъ, что русскій народъ доказалъ свою политическую незрѣлость и что эта кровавая буффонада должна закончиться или прежнимъ царизмомъ или жестокой диктатурой. Такъ разсуждаютъ западные соціалисты, а наши продолжаютъ попрежнему настаивать на своихъ бумажныхъ мертвыхъ программахъ, виня во всемъ только большевизмъ, да еще старый режимъ.

На кровавомъ и безобразномъ фонѣ нашей смуты было только одно свѣтлое пятно—Корниловское выступленіе въ августѣ 1917 года. Оно было недостаточно продумано, и организовано и потому правалилось. Но оно представляетъ великій жертвенный порывъ и въ сущности единственный выходъ изъ создавшагося положенія. Какъ великое исключеніе безвременія Корниловъ не думалъ о карьерѣ и собственной жизни, а только о Россіи. Эта ставка на благородныхъ сыграла великую роль, ибо объединила всѣхъ тѣхъ, кто нашелъ въ себѣ мужество выступить съ оружіемъ въ рукахъ на защиту государственности противъ всероссійскаго хама и его руководителя — жида.

Корниловъ, какъ извѣстно, не встрѣтилъ сочувствія ни въ интеллигенціи ни въ народѣ. Интеллигенція въ массѣ оставалась трусливой и больше всего боялась упрековъ въ контръ-революціонности. Она уже испытывала разочарованіе въ своемъ кумирѣ Керенскомъ, но все еще находилась подъ гипнозомъ „великой безкровной революціи.“ Безграмотный темный народъ легко было убѣдить, что у него хотятъ отнять всѣ свободы.

Но удивительнѣе всего то, что по прошествіи года когда, Корниловская армія уже доказала свою жизненную силу кровавыми подвигами, русская интеллигенція въ массѣ все же осталось пассивна и, потерявъ стыдъ и совѣсть, спасалась перебѣжками изъ Совдепіи: сначала въ Кіевъ подъ защиту нѣмцевъ, потомъ въ Одессу къ французамъ, наконецъ, на Донъ и Кубань, но не для поступленія въ ряды Арміи, а съ цѣлью лишь укрыться отъ большевизма. Столь великъ былъ моральный упадокъ нашей интеллигенціи! И потому мы не имѣемъ права возлагать исключительную вину на русскій народъ въ лицѣ его многомилліонаго крестьянства. Кому

много дано, съ того много спросится, и наоборотъ Попробуемъ теперь разобраться, что намъ дала „великая, безкровная революція“ въ смыслѣ матеріальныхъ результатовъ?

Послѣдствія революціи. Представимъ себѣ теперь, что произошло бы, если бы „великой, безкровной“ революціи совершенно не было. По всѣмъ даннымъ война окончилась бы въ 1917 году одновременно мощнымъ ударомъ на восточномъ и западномъ фронтахъ. Сколько сохранилось бы человѣческихъ жизней и общаго достоянія? Но если бы даже война затянулась и до 1918 года, она стоила бы Россіи неизмѣримо меньшее количество жизней, чѣмъ революція. Мы были бы сейчасъ въ сонмѣ державъ побѣдительницъ. Россія бы получила по договорамъ Галицію и Дарданеллы. Пусть г.г. экономисты вычислятъ, какія это обстоятельство имѣло бы экономическія послѣдствія?

Соціалисты отвѣтятъ, что не важны имперіалистическія приращенія, а важенъ 8-ми часовой рабочій день и соціализація. Даже не ссылаясь на блестящій опытъ нашей соціализаціи, достаточно вспомнить, что говорятъ по этому поводу сами ученые соціалисты—Марксъ и Энгельсъ. Сами они въ основу кладутъ мысль, что благо народа заключается въ развитіи производительныхъ силъ и увеличеніе благосостоянія. Буржуазный же строй за послѣдніе 100 лѣтъ достигъ въ этомъ отношеніи такихъ успѣховъ, какихъ не достигло человѣчество во всѣ предыдущія эпохи отъ сотворенія міра. Примѣръ Америки и Англіи показываетъ, что при большемъ развитіи производительныхъ силъ увеличивается благосостояніе и лучше живется рабочему классу.

Россія въ послѣдніе годы передъ войной дѣлала колоссальные экономическіе успѣхи. Война при нашей слабой промышленности, разстраивала насъ гораздо меньше, чѣмъ Англію и Францію. А тутъ мы получали еще Галицію, Дарданеллы и, конечно, легко расчитывались съ нашими денежными обязательствами. Продолжая обычную парламентскую борьбу, мы, навѣрно, въ нѣсколько лѣтъ добились бы и полной конституціи безъ кровавыхъ потрясеній. Трудно и представить, какія блестящіе перспективы открывались передъ Россіей.

Что мы имѣемъ взамѣнъ этого—объяснять не нужно, ибо всякому ясно.

Но самое худшее еще впереди. Сейчасъ мы живемъ на остатки богатствъ, накопленныхъ предыдущими поколѣніями

и потому кое какъ сносно питаемся и одѣваемся. Предположимъ, что эта вакханалія всеобщаго грабежа—прямого, равнаго, открытаго и тайнаго—скоро кончится, и у власти станетъ какое либо правительсвво. Учредилка, Рада, Дума, диктаторъ, монархъ или президентъ. Важно, чтобы это новое правительство не грабило бы и разстрѣливало во имя Маркса и Розы Люксембургъ, а какъ нибудь сносно управляло бы.

Это новое правительство послѣ ликвидаціи большевизма получитъ въ управленіе все еще огромную страну, гдѣ желѣзныя дороги почти совершенно разрушены, промышленность уничтожена, сельское хозяйство разстроено, и гдѣ будутъ бродить многочисленныя, хорошо вооружонныя шайки грабителей, уже давно отвыкшихъ отъ мирнаго труда и неспособныхъ къ нему. Въ глухой провинціи и особенно въ хуторахъ, малыхъ деревняхъ жить будетъ опасно. То тамъ, то здѣсь будутъ вспыхивать возстанія черни. Вспышки гражданской войны не прекратятся можетъ быть въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Преступность возрастетъ до крайнихъ размѣровъ. Придется для спасенія Россіи безпощадно истребить весь уголовный элементъ, численность котораго возросла, вѣроятно, до нѣсколькихъ милліоновъ. Мирное же населеніе будетъ требоватъ хлѣба, работы и одежды.

Раньше Россія вывозила огромный избытокъ хлѣба. Теперь же никакого избытка не будетъ, ибо крупныя хозяйства разорены совершенно и не скоро подымутся, а мелкія также не воспользуются ихъ землями за недостаткомъ инвентаря: Сырья для фабрикъ не будетъ, да и возстановить ихъ-дѣло не легкое. На наши бумажки намъ заграницей ничего не дадутъ. Придется итти въ настоящую экономическую кабалу, отдавая въ концессіи наши природныя богатства. Вопросъ еще, вернутся ли намъ всѣ наши бывшія земли?

Кто же больше всего пострадаетъ отъ такого положенія? Пресловутые буржуи? Настоящіе буржуи, т. е. крупные собственники, пострадаютъ меньше всего. Они потерпѣли, конечно, крупные убытки. Но того, что осталось, на ихъ долю хватитъ. Голодать и терпѣть какія либо лишенія они вовсякомъ случаѣ не будутъ. Интеллигентный трудъ тоже найдетъ себѣ примѣненіе, ибо нужда въ немъ будетъ большая.

Больше всѣхъ пострадаютъ рабочіе и вообще бѣдный людъ. Теперь еще рабочіе руки дороги, и оплата труда хорошая, хотя все же она не въ состояніи догнать быстро возрастающихъ цѣнъ. Когда же Европа оправится, и къ намъ

хлынутъ товары, то конкуренція съ ними будетъ невозможна. Даже такъ называемые идейные вожди соціалистическихъ партій предпочтутъ покупать дешевле и лучше заграничные товары, чѣмъ дороже и хуже своего производства.

Русскіе рабочіе сами подрубили тотъ сукъ на которомъ сидѣли: разрушивъ промышленность, остались безъ работы. Не даромъ возникла новая пословица: „пока буржуй сохнетъ — пролетарій сдохнетъ". Не считая даже жизней (благо у насъ было 180 милл.) потерянныхъ, благодаря революціи, и, принимая во вниманіе только уничтоженныя матеріальныя цѣнности, врядъ-ли возможно сосчитать ихъ. Нашимъ дѣтямъ предстоитъ тяжелая участь быть гражданами нищей страны, наиболѣе лакомые куски которой попадутъ въ руки иностранцевъ. Поистинѣ исполнится стихъ Лермонтова:

„И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина.
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Надеждой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ."

Можемъ ли мы послѣ этого считать день 27 февраля праздникомъ? Это могутъ только соціалисты, для которыхъ не существуетъ ни чести, ни совѣсти, спеціальность которыхъ есть ложь сознательное одурачиваніе темнаго люда несбыточными и посуламии увѣреніями, что одинъ „буржуй", можетъ везти на себѣ тысячу „пролетаріевъ," которые будутъ жить припѣваючи и развлекаться митингами, да резолюціями.

Однако нравственныя послѣдствія революціи еще хуже Тотъ моральный упадокъ, который былъ на лицо еще до революціи, получилъ дальнѣйшее развитіе послѣ февральскаго переворота До него все же существовали опредѣленные нравственные устои и традиціи. Когда люди преслѣдовали личные интересы въ ущербъ государственнымъ, брали взятки и т. п. все же они сознавали, что дѣлаютъ дурное дѣло и потому скрывали это. Революція же какъ бы узаконила право на проявленіе всѣхъ низменныхъ инстинктовъ и дурныхъ страстей. Всѣ почувствовали свободу отъ установившихся нравственныхъ обязанностей, внушаемыхъ намъ съ дѣтства. Отсюда— дикій разгулъ преступленій и всеобщей ненависти. Никто никому не вѣритъ. Всѣ подозрѣваютъ другъ друга, всякій заботится только о самомъ себѣ. Въ умахъ широкихъ массъ полный хаосъ. Исчезла разница, что худо и что хорошо. И потому то эпоха, слѣдующая за революціей послѣ водворенія порядка будетъ эпохой необыкновннаго рас-

цвѣта преступности во всевозможныхъ видахъ. Кромѣ судовъ и разстрѣловъ, неизбѣжныхъ для огражденія здоровыхъ элементовъ общества, необходимо самое широкое просвѣщеніе нашей дикой деревни. Это чрезвычайно трудная задача при громадной территоріи Россіи и отсутствіи нужнаго числа интеллигентныхъ силъ.

Можемъ ли мы воскреснуть изъ современнаго Прокрустова ложа? Можно разсматривать революцію и большевизмъ, какъ тифъ, поразившій внезапно здоровый организмъ вслѣдствіе зараженія, или какъ туберкулезъ, постепенно развившійся вслѣдствіе предшествующихъ благопріятныхъ условій. Въ данномъ случаѣ на лицо оба вида заболѣваній: и черезъ зараженіе и вслѣдствіе продолжительной подготовки болѣзни. Потому то болѣзнь упорная, трудно поддающаяся леченію. Одинъ тифъ легче переносится здоровымъ организмомъ. Послѣдній иногда даже обновляется. Но лѣченіе туберкулеза требуетъ соотвѣтственныхъ климатическихъ условій и продолжительнаго ухода при благопріятной обстановкѣ. Такую обстановку нужно создать, примѣняя въ разумной пропорціи и сильныя и медленно дѣйствующія средства.

Проф. Ключевскій говоритъ: „Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжко его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людей, которые выведутъ его на покинутую временно прямую историческую дорогу. „Россія освободилась отъ татарскаго ига, несмотря на 200-лѣтнее рабство, возстановилась послѣ смутнаго времени начала XVII вѣка, выдерживала невѣроятное напряженіе Петровской эпохи, почти 15 лѣтъ вела войну съ Наполеономъ. Почему бы ей теперь не воскреснуть? Въ тѣ трудныя эпохи являлись великіе люди, которые выводили ее „на прямую историческую дорогу.“ Они явились и теперь въ лицѣ Корнилова и его послѣдователей. Они, можетъ быть, не обладаютъ Наполеоновскими талантами, но ихъ моральныя качества несомнѣнно велики и доказаны жертвенными подвигами.

Кромѣ этихъ признаковъ на лицо имѣются и естественныя признаки нашего возрожденія. Въ соціологіи главную роль играетъ законъ большихъ чиселъ. До войны у насъ было 180 милліоновъ народонаселенія. Предположимъ, что

война и революція истребили 30 мил.—это въ худшемъ случаѣ. Всякое другое государство уже погибло бы, а у насъ остается еще 150 мил. Для европейскаго государства это огромная цифра. Замѣтимъ къ тому же, что въ мирное время приростъ населенія во Франціи равнялся нулю, въ Германіи $1^1/_2$%, а въ Россіи 3%. Съ ростомъ культуры приростъ падаетъ, но все же онъ будетъ для насъ наибольшимъ. Естественныя природныя богатства при хорошо организованномъ трудѣ дадутъ полную возможность возстановить попранную соціализмомъ культуру. Словомъ, по закону большихъ чиселъ мы не можемъ не только уничтожиться, но даже снизойти на степень второстепенной державы вродѣ Турціи, Болгаріи или Греціи.

Какъ же достигнуть этого возстановленія? Какъ выводъ изъ даннаго изслѣдованія слѣдуетъ помнить, что народы живутъ и развиваются по опредѣленнымъ историческимъ законамъ, а вовсе не случайно, не скачками, ибо по римской пословицѣ, „natura non fecit saltum“. Въ сущности и въ природѣ бываетъ катастрофъ. Такія явленія, какъ землетресенія, поражающія своей неожиданностью, называются катастрофами только потому, что мы не замѣчали, не могли прослѣдить вѣковой работы подземныхъ силъ, подготовившихъ землетрясеніе. Тѣмъ болѣе законъ эволюціи обязателенъ для живыхъ организмовъ. Мы—европейское государство и потому должны пройти тѣ же этапы государственности, какія переживала Западная Европа. Мы уже вошли въ полосу конституціонной монархіи. Конституціонная жизнь должна была развиваться. Она и развивалась, когда была прервана неожиданно подземной работой темныхъ силъ. Необходимо, значитъ, вернуться къ возстановленію государства въ видѣ конституціонной монархіи. Почему монархіи, а не республики?

Какой то ученый сказалъ, что сущность монархіи заключается въ недостаткѣ воображенія у массъ, которыя не могутъ понимать иначе государства, какъ съ однимъ лицомъ во главѣ. Республика съ президентомъ основывается на той же психологіи. Даже наша Совдепія олицетворяется Троцкимъ. Въ Англіи существуетъ мнѣніе, что монархъ нуженъ, какъ лицо олицетворяющее государство, стоящее выше партій, и для того, дабы на это мѣсто не было незаконныхъ претендентовъ. Намъ понятно это выраженіе теперь, когда мы убѣдились воочію, сколько претендентовъ въ наши дни является на мѣста министровъ и разныхъ „спасателей“ отечества при помощи резолюцій. Сколько же ихъ явится и

какую свалку они затѣютъ, если будетъ учрежденъ заманчивый постъ президента? Начнется опять Керенщина, а затѣмъ гражданская война. Произвести выборы въ учредительное Собраніе безъ фальсификаціи, безъ насилій, можно лишь при одномъ условіи: если наводнить Россію 2 мил. иностранныхъ штыковъ, которые защищали бы свободу выборовъ, не допускали бы взаимной рѣзни всевозможныхъ партій. Это невозможно. Значитъ, нужно искать другихъ путей, если мы не желаемъ начать вновь повторенія 1917 года.

Если такія культурныя старыя государства, какъ Англія, Германія, Италія, Швеція, Бельгія, Голландія и др. находятъ наиболѣе пріемлемой монархическую форму правленія, то почему мы, самый отсталый народъ, вдругъ заведемъ у себя республику? Примѣръ Франціи намъ не указъ, ибо Франція стала республикой лишь спустя 80 лѣтъ послѣ революціи. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ? Но вѣдь Соединенныя Штаты образовались путемъ накопленія европейскихъ переселенцевъ уже въ новѣйшее время. Ихъ историческая жизнь началась только въ XVIII вѣкѣ и до 1782 года это была часть Великобританіи. Всѣ ихъ свободы выковывались съ оружіемъ въ рукахъ при помощи законовъ Линча, самосудовъ и пр. Если мы примемъ еще во вниманіе психологію нашего народа, который привыкъ въ теченіи столѣтій почитать царскую власть и теперь на кровавомъ опытѣ убѣдился, что безъ царя невозможно, то этихъ доказательствъ будетъ вполнѣ достаточно.

Мы имѣемъ въ виду, конечно, не прежнюю монархію, которая хотя и создала величіе Россіи, но въ концѣ 19 вѣка уже вела ее къ упадку, ибо упорно отказывалась принять новыя прогрессивныя формы. Возврата къ старому быть не можетъ. Нельзя повернуть назадъ колесо исторіи; да и безсмысленно было бы создавать условія, которыя подготовили нашу революцію. На обломкахъ прежней имперіи должны быть созданы новыя формы жизни, новыя для насъ, но старыя какъ міръ. Для насъ, монархистовъ, идеаломъ является Англійская монархія. Но пересадить ее сразу на русскую почву нельзя; для этого нужно сдѣлаться англичанами. Такого идеала мы можемъ достигнуть постепенно не ранѣе ста лѣтъ политическаго опыта и воспитанія новыхъ поколѣній. Все же нужно приступить къ осуществленію ея.

Конечно, монархія встрѣтитъ много противниковъ. Кто же они? Наши противники—не многомилліонное крестьян-

ство, составляющее основу Россіи, для котораго самое важное мирная жизнь, порядокъ и возстановленіе разореннаго хозяйства. Рабочіе также убѣдились на опытѣ, какія прелести имъ далъ соціализмъ. Если же еще не убѣдились, то вѣдь ихъ въ Россіи меньше 4 мил., и потому желаніе такого ничтожнаго меньшинства является несущественной данной. Масса интеллигенціи безусловно поняла сущность соціализма на собственной шкурѣ и убѣдилась, что вышло изъ безконечныхъ резолюцій при отсутствіи власти.

Безусловнымъ противникомъ монархіи является весь уголовный преступный элементъ, выпущенный Керенскимъ изъ тюремъ для исправленія на фронтѣ и пополненный во время революціи. Такого элемента, грабящаго, безчинствующаго и неспособнаго къ труду наберется, вѣроятно нѣсколько милліоновъ. Онъ весь долженъ быть безпощадно истребленъ для того чтобы возродилась Россія. Затѣмъ противниками монархіи являются, естественно, евреи, которыхъ въ Россіи насчитывалось до войны 6 мил. Они приложили всѣ усилія, чтобы разрушить Россію. Въ ихъ интересахъ и дальнѣйшее разрушеніе ея, т. е. осуществленіе республики. Существуетъ мнѣніе, что конечная цѣль Всемірнаго еврейскаго Союза или жидо—масоновъ—покореніе міра и утвержденіе іудейской власти надъ всѣми народами. Съ этой цѣлью будто бы дѣлаются всѣ революціи и распространяются соціалистическія ученія, разжигающія звѣрскіе инстинкты массъ. Вопросъ этотъ требуетъ особаго изслѣдованія. Интересующихся имъ отсылаю къ книгамъ Нилуса: „Великое въ маломъ“, а также „Близко есть, при дверяхъ“, или къ выдержкѣ изъ нея. „Сіонскіе протоколы“. Несомнѣнно одно—евреи—враги христіанства вообще и Россіи въ частности; все то, что выгодно имъ, гибельно для насъ. Республика имъ безусловно выгодна ибо при помощи подкуповъ, лжи и всевозможныхъ злодѣяній они будутъ играть въ ней такую же роль, какъ нынѣ въ Совдепіи.

Третій элементъ, заинтересованный въ республикѣ самый малочисленный—это тѣ соціалистическіе интеллигенты, которые дѣлаютъ на политикѣ карьеру, для которыхъ святая святыхъ—программа, а Россія второстепенная вещь. Это всевозможные самостійники, проповѣдники федерализма и всякаго рода политическіе шарлатаны въ духѣ Керенскаго. Ихъ безчестность, мелкій политическій карьеризмъ, трусость, жадность къ казенному пирогу и безграничное самомнѣніе бездарностей мы видимъ въ Московскомъ совѣщаніи 1917 года,

„бредпарламентѣ," Учредилкѣ, Украинской радѣ. Уфимской директоріи, Кубанской радѣ. Это тупые враги Россіи, предшественники большевизма, не созидатели, а разрушители всякой государственности. Безвольные и безграничные трусы, они смолкнутъ, какъ только почувствуютъ государственную силу и разойдутся по мѣстамъ, имъ предназначеннымъ судьбой: провинціальными адвокатами, народными учителями, бухгалтерами, мелкими чиновниками и т. п., въ крайнемъ случаѣ партійными работниками въ подпольѣ. Это наиболѣе мелкіе трусливые враги.

Итакъ, монархія имѣетъ въ лицѣ 6 мил. евреевъ (съ выдѣленіемъ Польши ихъ будетъ значитетьно меньше), 2-3 мил. рабочихъ и нѣсколькихъ тысячъ политическихъ шарлатановъ интеллигентовъ. Самый опасный врагъ-еврей, вліяющіе при помощи золота, Америки, Франціи и вообще государствъ съ еврейскимъ засильемъ. Въ монархіи же заинтересовано все многомилліонное крестьянство, часть образумившихся рабочихъ, подавляющая масса интеллигенціи и все казачество. Съ послѣднимъ происходитъ странное явленіе. Его парійные руководители твердятъ ему о казачьихъ привилегіяхъ, историческихъ вольностяхъ и то же время о республикѣ и федераціи. Между тѣмъ совершенно ясно, что никакая республика не оставить за казачествомъ его привилегій, не оставитъ за нимъ и его земель. Вѣдь казачество сравнительно съ остальной Россіей немногочисленно, а цѣль республики общая нивелировка. Какая же республика согласится на существованіе особаго привилегированнаго класса? Только монархія можетъ сохранить крѣпкіе государственные элементы и дать отпоръ развращающему соціализму, только она можетъ сохранить казачество. Но соціалистичекій ядъ 1917 г. еще настолько силенъ, что казачьи интеллигенты всевозможные и политическіе шарлатаны до сихъ поръ стараются внушить казачеству на Дону и Кубани что намъ нужна республика и федерація.

Такимъ образомъ монархія выгодна подавляющему большинству населенія Россіи. Мелкія инородческія народности получатъ мѣстную автономію и также будутъ довольны, ибо будутъ находиться подъ защитой сильнаго государства. Монархія необходима. Только она можетъ объединить разрозненныя части Россіи, заставить замолчать федералистическихъ интеллигентовъ—этихъ развратителей народа. Наконецъ, монархія просто неизбѣжна по закону эволюціи. Всегда большія революціи кончались возвращеніемъ къ монархіи. Нѣтъ

основаній предполагать, что мы составимъ исключеніе изъ этого правила.

Такъ какъ монархія имѣетъ еще психологическое значеніе и, монархъ является спасительнымъ противовѣсомъ противъ одурачиванія темнаго люда различными демократическими безчестными проходимцами, то естественно, что монархія должна быть наслѣдственная и преемственная. По этому и у насъ на престолѣ долженъ быть одинъ изъ наиболѣе законныхъ наслѣдниковъ.

Однако возстановить обновленную монархію—это значитъ, вернуться къ нормальной государственной жизни. Легче было перейти къ конституціонному строю отъ нашей старой монархіи. Тогда была власть, были государственныя традиціи исправно работалъ весь государственный аппаратъ. Теперь все разстроенно; всѣ понятія перепутались; въ умахъ полный хаосъ; развилось необыкновенное количество государственныхъ и соціалистическихъ партій. Взаимныя распри и борьба за власть главнымъ образомъ и тормозятъ дѣло возстановленія Россіи. Всякая партія считаетъ свою программу наиболѣе пріемлемую, а остальныхъ врагами. Примѣры подолнаго дробленія партій мы видѣли въ 1918г. въ Крыму, на Украинѣ, на Дону, на Кубани и вообще всюду. Въ результатѣ повторялась Керенщина, а за ней водворялся болшевизмъ. Изъ этого заколдованнаго круга, въ которомъ безконечно кипятъ политическія страсти, возможенъ только одинъ выходъ—диктатура. До возстановленія законной монархіи только диктатора можетъ заставить замолчать политическихъ шарлатановъ и болтуновъ и желѣзной рукой подавить анархію.

Диктатура родилась естественнымъ ходомъ событій въ Сибири. Она должна быть распространена на всю Россію. Безъ нея не можетъ быть возстановлено государство. Затѣмъ, когда будетъ водворенъ порядокъ, подавлена анархія, когда темныя массы убѣдятся, что грабить больше нельзя, а нужно перейти къ честному труду. Россія должна стать конституціонной монархіей, о которой всѣ давно мечтали и которой не достигли вслѣдствіе ошибокъ стараго правительства, общерусскаго невѣжества и измѣннически подлой работы соціалистовъ и евреевъ.

Возможно, конечно, что мы повторимъ обычную исторію западно-европейскихъ революцій, т. е. послѣ необыкновеннаго революціонпаго разгула наступитъ самая жестокая

реакція, которая подобно затяжной абсолютной монархіи перетянетъ струны власти и вызоветъ новую волну революціоннаго движенія.

Реакція, вѣроятно, стольже неизбѣжна, какъ морской отливъ послѣ прилива. На сѣверѣ, перенесшемъ жестокія страданія слова „коммунистъ, товарищъ и соціалистъ“ на долго станутъ бранными. Продовольственный вопросъ вытѣснитъ всякій интересъ къ политикѣ широкихъ массъ народа. Будемъ надѣятся, что люди которые волею судьбы, случая или собственныхъ способностей станутъ во главѣ новой Россіи, многому научились и не повторятъ какъ старыхъ ошибокъ Императорскаго правительства, какъ и траги-комической Керенщины.

Въ предстоящемъ строительсвѣ Россіи главная роль выпадаетъ на долю нашей интеллигенціи. Она, а не народныя массы, является главной виновницей великой разрухи, она невѣроятно пострадала и ей же предстоитъ наибольшее участіе въ будущей колоссальной работѣ.

Мы должны принять за аксіому, что наша интеллигенція за исключеніемъ небольшой группы не исправимыхъ и безнадежныхъ соціалистовъ исправились умственно и практически усвоила элементарныя государственныя истины: что такое власть, какова она должна быть, для чего нужна армія и т. п. Если бы мы предположили, что это еще не усвоено массой интеллигенціи, то въ такомъ случаѣ не стоитъ напрасно вести кровопролитную гражданскую войну, а лучше сразу же предоставить себя въ распоряженіе иностранцевъ.

Интеллигенція должна понять, что она является носителемъ культуры и тѣмъ фундаметомъ, на которомъ построено государственное зданіе. Какъ блестяще доказала наша революція, нашему народу совершенно недоступны государственныя понятія Когда въ началѣ революціи лозунгомъ дня стало, что только демократія спаетъ отечество, что она все можетъ, то подъ этимъ словомъ понимали весь народъ. Никто не задумывался надъ тѣмъ, что этотъ полуграмотный народъ способенъ лишь на то, что подскаѣываютъ ему его первобытные инстинкты. Чрезвычайно трудное искусство управленія, которому нужно учится преемственно вѣками и противъ котораго грѣшать даже геніальные люди было низведено на степень сапожнаго ремесла и объявлено достояніемъ любого прохожаго.

Въ правленіи должны принимать участіе лишь избранные имѣщіе по своему образованію и знаніямъ всѣ данныя, что они могутъ управлять другими. Какъ показалъ опытъ, такъ называемая воля народа, выражающаяся въ стадномъ голосованіи, можетъ быть какъ угодно фальсифицирована и обойдена ловкими проходимцами и мошенниками. Вѣдь выбираютъ не того, кто можетъ и способенъ лучше другихъ дѣлать свое дѣло, а того, кто лучше говоритъ и больше обѣщаетъ. Поэтому наши представительныя учрежденія должны создаваться не по четырехвосткѣ, отвергнутой жизнью у насъ и не принятой даже въ культурной Европѣ, а строго по образовательному, общественному или хозяйственному цензу. Мы—не англичане Наши рабочіе и крестьяне не похожи на англійскихъ рабочихъ и крестьянъ и потому не могутъ быть министрами и вождями общественнаго движенія Оттого то роль интеллигенціи въ Россіи несравненно шире, чѣмъ заграницей.

Г. г. интеллигенты и народные представители должны помнить, что девизомъ въ ихъ дѣятельности должна быть старая политическая истина: „все для народа, но только не посредствомъ народа.“ Если они не усвоятъ твердо этого правила, то народъ, предоставленный самъ себѣ, найдетъ руководителей въ лицѣ Бронштейновъ и Нахамкесовъ, или же, неудовлетворенный въ своихъ нуждахъ, будетъ продолжать новые опыты Пугачевщины.

Безъ арміи ни одно государство существовать не можетъ. Въ наше же революціонное время армія является основой нашего существованія. Поэтому нельзя обойти молчаніемъ вопроса, какова должна быть у насъ армія.

Говоря о нашей арміи, какова она должна быть, нужно разсмотрѣть какова она была раньше. До 19 вѣка это была одна изъ лучшихъ Европейскихъ армій, едвали не самая лучшая. Въ это время въ Европѣ были арміи частью вербовочныя (наемныя), частью по воинской повинности разноплеменнаго состава, спаянныя только механической дисциплиной Наша же армія была одноплеменнаго состава, чисто національная, воодушевленная глубокой вѣрой, преданная престолу и предводимая лучшими полководцами. Она такимъ образомъ имѣла кромѣ механической дисциплины національную или религіозную спайку. Таковой же она осталась и во время Наполеоновскихъ войнъ. Изъ всѣхъ своихъ противниковъ Наполеонъ считалъ самымъ серьезнымъ русскихъ.

Какъ слѣдствіе французской революціи, въ началѣ 19 го вѣка въ Пруссіи и Австро-Венгріи были проведены многія реформы въ арміи: значительно уменьшены сроки службы, введена всеобщая воинская повинность безъ различія сословій, положено начало систематическому военному образованію, отмѣнены частью унизительныя наказанія; званіе солдата возвышено въ глазахъ населенія; облегченъ доступъ къ офицерскимъ чинамъ кромѣ дворянъ и прочимъ сословіямъ. Русская же армія осталась прежнею, сословно-крѣпостного типа, вплоть до 60-хъ годовъ 19-го вѣка, пока въ связи съ общимъ ходомъ реформъ эпохи Александра II-го не проведены реформы въ арміи. Онѣ стали особенно интенсивны со времени министерства Милютина. Въ 60-хъ годахъ открыто рядъ юнкерскихъ училищъ, уменьшены сроки службы, отмѣнены многія унизительныя наказанія и, наконецъ, въ 1874 году введена всеобщая воинская повинность.

Къ началу 29-го вѣка при нашей общей отсталости во всѣхъ отрасляхъ жизни, сравнительно съ западной Европой, наша армія вовсе не являлась особенно отсталою. Въ ней все было по западно-европейскому образцу: вооруженіе, обученіе, воспитаніе солдатъ и офицеровъ. Ея единственнымъ больнымъ мѣстомъ былъ высшій командный составъ, какъ наслѣдіе старой протекціонной системы. Японская война вовсе не доказательство плохого качества нашей арміи. Первыя неудачи при особенной восточной доблести японцевъ были естественны. Не будь у насъ тогда революціи и продолжись война еще одинъ годъ, мы несомнѣнно бы побѣдили японцевъ. Характерно то, что при самодержавіи армія была наиболѣе демократическимъ учрежденіемъ. Прежде всего въ ней цѣнились образованіе и способности, съ которыми всякій могъ достигнуть высокихъ чиновъ, несмотря на происхожденіе. Какъ остатокъ или пережитокъ прошлаго, существовали отдѣльныя части (вся гвардія), куда принимались офицерами только дворяне. Было также нѣсколько военно-учебныхъ заведеній не всесословныхъ. Такіе же обычаи сохранились еще до войны въ нѣкоторыхъ германскихъ частяхъ.

Все отличіе нашей арміи отъ западно-европейскихъ заключалось только въ особенностяхъ военнаго быта и взаимоотношеній офицеровъ и солдатъ. Первые считались барами, вторые мужиками, между тѣмъ на дѣлѣ часто мужикъ, получившій соотвѣтственное образованіе, бывалъ офицеромъ, а баринъ безъ образованія—солдатомъ. Изъ этого стараго

взгляда, который проводился во всѣхъ сферахъ жизни не столько правительствомъ, сколько самимъ обществомъ, вытекалъ рядъ ненужныхъ ограниченій, ставящихъ солдатъ въ подневольное положеніе, глубоко оскорбляющее ихъ. Не разрѣшалось курить на улицѣ, посѣщать многіе общественные мѣста, сидѣть внутри трамвая, обращеніе было на „ты“ и т. п. Объ измѣненіи этихъ устарѣвшихъ обычаевъ не разъ поднимался вопросъ, но почему то старое правительство его не разрѣшало и тѣмъ, канечно, принесло большой вредъ, ибо послѣ переворота, получивши рядъ свободъ, солдатъ считалъ, что его напрасно мучили и терзали. Къ нимъ же онъ отнесъ и самую дисциплину, рѣшивъ, что она столь же ненужна, какъ запрещеніе курить на улицѣ. Въ западно-европейскихъ государствахъ солдаты давно уже были соотвѣтственно воспитаны и умѣли отличать настоящую дисциплину отъ куренія на улицѣ или посѣщенія ресторановъ.

Главными недостатками нашей арміи въ мирное время были: устарѣвшій высшій командный составъ и недостаточная численность самой арміи. Первое зло было отчасти устранено въ первый же годъ войны, а второе—болѣе серіозное принесло, конечно, колоссальный вредъ. Обыкновенно принято было, что въ мирное время на военной службѣ должно находиться 1% населенія. Такъ было въ Германіи и Австріи; во Франціи же почти полтора процента. У насъ, соблюдая одинъ процентъ, должно было быть подъ ружьемъ 1800 тыс., а было 1300 тыс. Это не достаточно для защиты такого огромнаго государства, какъ Россія, что и обнаружилось въ самомъ началѣ войны. Къ 1917 году армія должна была быть увеличена на пять корпусовъ, но Германія нашла невыгоднымъ для себя ждать подобнаго увеличенія. Въ общемъ, ко времени войны мы имѣли прекрасную, хотя и недостаточно вооруженную армію. Она уступала германской количествомъ артиллеріи и броневыхъ автомобилей, но это вызвано исключительно невозможностью поспѣвать въ военной техникѣ при нашемъ развитіи промышленности. Мы видѣли, что въ первый годъ войны армія эта прекрасно дралась. Ея частичныя пораженія объясняются въ то время лишь ошибками командованія, что всегда неизбѣжно, а главное обнаружившимся въ концѣ 1914 года недостаткомъ патроновъ и снарядовъ. Но когда армія мирнаго времени выбыла изъ строя, то вновь набранная, прошедшая лишь двухчетырехъ мѣсячное обученіе армія, оказалась уже неизмѣримо хуже качествами, безъ сознанія государственной идеи и потому быстро развалилась отъ пропаганды. Однако старое

воспитаніе было столь крѣпко, что армія разваливалась медленно и постепенно, несмотря на допущенную свободу пропаганды. Еще въ іюлѣ 1917 года была вполнѣ дисциплинирована и боеспособна конница и артиллерія. Послѣ іюльскаго пораженія въ Галиціи произошелъ крутой переломъ и въ настроеніи пѣхоты. Это былъ моментъ, когда, принявъ къ исполненію мѣры Корнилова, можно было спасти армію и Россію. Для этого отъ правительства Керенскаго не требовалось никакого государственнаго предвидѣнія и талантовъ, а просто здравый смыслъ Но этого здраваго смысла не оказалось у демократическаго правительства и армія погибла. Нѣмцы поняли то, чего не понялъ Керенскій. Побѣдивъ группу своихъ большевиковъ, они убили ея главарей и жестоко расправились съ остальными, дабы вырвать съ корнемъ грозившую анархію.

Какова же должна быть наша будущая армія. Будетъ ли она какой либо особенной? Конечно нѣтъ. Мы – европейская держава и должны имѣть европейскую армію. Необходимая степень демократизаціи уже проведена въ Добровольческой Арміи.—Тѣ реформы Временнаго Правительства, которыя только сравнили нашу армію съ западноевропейскими, не затрагивая самыхъ основъ (дисциплины, безпартійности и пр.) оставлены въ силѣ. Въ остальномъ, до отданія чести включительно и выполненія общепринятаго воинскаго этикета и чинопочитанія, все прежнее должно остаться въ силѣ. Никакія соціалистическія выдумки или „керенки“ не должны имѣть мѣста въ будущей арміи. Держать вооруженную толпу не только вредно, но и опасно. Это достаточно доказано нашей революціей. Нужно полагать, что революція дала такой наглядный урокъ всѣмъ, для чего нужна армія, на какихъ принципахъ она должна строиться, что только одни соціалисты останутся, можетъ быть, при старыхъ убѣжденіяхъ. Но они должны быть обезврежены и не допущены къ какой бы то ни было власти; иначе анархіи не будетъ конца.

Всѣ старые полки должны быть возстановлены, ибо армія должна хранить свои традиціи и уважать прошлое, которое имѣло блестящіе страницы въ противоположность революціонному позору. Должна быть также сохранена и гвардія, какъ отборная часть арміи, но отборная не происхожденіемъ, а воинской доблестью. Никакихъ, конечно, матеріальныхъ преимуществъ и особыхъ чиновъ въ отличіе отъ арміи, гвардія не должна имѣть. Этого не было даже въ ми-

литаристической Германіи, а сохранилось только въ Россіи, какъ пережитокъ сословно-крѣпостной эпохи.

Армія должна быть всесословною и компектоваться по всеобщей воинской повинности, какъ это и было до революціи. Однако прежнюю регулярную армію мы будемъ имѣть не скоро. Причина тому—необыкновенное нравственное разложеніе не только народныхъ массъ, но и интеллигенціи.

Какъ я уже упоминалъ, послѣ изгнанія большевиковъ и возставовленія порядка, Россія быдетъ представлять вулканъ политическихъ страстей и арену дѣятельности разбойничьихъ шаекъ. Гражданская война будетъ продолжаться въ видѣ подавленія отдѣльныхъ возстаній. Необходимо, значитъ, имѣть армію, стойкую въ политическомъ отношеніи, неподдающуюся никакой пропагандѣ. Она должна состоять изъ такихъ элементовъ, которые составили основу Добровольческой арміи т. е. изъ сознательныхъ людей, которые убѣждены, что соціалисты—наши непримиримые враги. Значитъ, эта армія должна состоятъ изъ интеллигенціи и вообще мелкихъ собственниковъ, являющихся естественными врагами соціализма.

Только по окончательномъ умиротвореніи государства мы можемъ вернуться къ прежней всесословной арміи, которая будетъ та же что и до революціи, но станетъ болѣе сознательной, болѣе просвѣщенной болѣе патріотичной вообще настоящей западно-европейской арміей.

Апрѣль 1919 г.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

«Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихо
тливый.
«Капризна, какъ дитя и призрачна, какъ
дымъ,
«Вокругъ трепещетъ жизнь тревогой сует-
ливой,
«Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣш-
нымъ».

Книга эта была начата въ іюлѣ 1918 года и, вслѣдствіе ограниченнаго свободнаго времени, закончена лишь въ апрѣлѣ 1919 года. Съ тѣхъ поръ произошелъ рѣзкій поворотъ событій. Война, которой казалось не предвидѣлось конца, окончилась какъ-то сразу. Въ мартѣ 918 г., какъ извѣстно, нѣмцы предприняли рѣшительное наступленіе, которое дало крупные результаты. Они дошли до линіи Аміенъ-Шато-Тіери, врѣзавшись новымъ глубокимъ клиномъ въ территорію Франціи и, очутившись въ 60 километрахъ отъ Парижа. Казалось этотъ послѣдній нажимъ рѣшитъ судьбу Франціи подобно тому, какъ опасались того же въ августѣ 1914 года. Предпринятое маршаломъ Фошемъ контръ-наступленіе и своевременное прибытіе новыхъ американскихъ резервовъ, остановило натискъ нѣмцевъ а затѣмъ пошла обратная волна отступленія. Оно совершалось очень медленно въ среднемъ по одному километру въ день, и еще въ августѣ невозможно было предвидѣть, что оно обратиться въ пораженіе. Нѣмцы сражались упорно и доблестно, отходя шагъ за шагомъ. Не было никакихъ признаковъ того, что прежній духъ и упорство ослабѣли или измѣнили. Наоборотъ, были всѣ данныя за то, что отступленіе остановится на какой нибудь тыловой позиціи и къ зимѣ вновь начнется позиціонная война.

Поворотнымъ пунктомъ событій послужили сентябрьскіе неудачи на Балканскомъ полуостровѣ. Болгарія была разгромлена и выбыла изъ строя; за ней послѣдовала Турція и, на-

конецъ, совершился, давно предсказываемый и ожидаемый развалъ Австро-Венгріи. Это и сыграло роковую роль. Какимъ образомъ Германія прозѣвала событія на Балканскомъ полуостровѣ? Не повторена ли здѣсь августовская ошибка 1914 года? Тогда 6 корпусовъ Гинденбурга были оставлены для защиты Пруссіи. А вѣдь они могли бы, можетъ быть, довершить разгромъ французской арміи. Задавшись цѣлью разгромить сначала Францію, Германія послѣ неудачи на Марнѣ отступила, отказалась на время отъ этой задачи и обратилась на Россію. Между тѣмъ, послѣдняя, по мнѣнію нѣмецкихъ же военныхъ писателей, представляетъ естественную крѣпость своимъ обширнымъ пространствомъ, которое поглощаетъ огромныя арміи. Такъ и случилось въ 1915 году, который несмотря на блестящіе успѣхи германскаго оружія, не далъ результатовъ.

Въ 1918 году Россія опять поглотила не менѣе 300 тысячъ германскихъ войскъ для своей оккупаціи. А вѣдь эта армія, находясь на Балканскомъ полуостровѣ, удержала бы отъ измѣны Болгарію, Турцію и Австро-Венгрію. Войну еще можно было бы затянуть. А въ это время, можетъ быть, выбыла бы изъ строя Италія, доказавшая неоднократно въ эту войну свою неустойчивость, колебанія и слабость. Какъ бы то ни было, война проиграна и остается повторить то о великомъ крахѣ, что уже сказано въ концѣ 3-й главы.

Можно найти много ошибокъ, допущенныхъ Германіей въ этой войнѣ, какъ со стороны командованія, такъ и политическихъ дѣятелей, не уберегшихъ государственный корабль отъ бурь и подводныхъ камней международныхъ отношеній, но безусловно должна существовать основная серьезная причина германскаго краха.

Если задаться вопросомъ, какой народъ проявилъ въ этой войнѣ наиболѣе личной доблести и кто принесъ больше всего жертвъ на алтарь отечества, та придется отвѣтить—нѣмцы. Вѣдь по количеству матеріальныхъ рессурсовъ и живыхъ силъ коалиція державъ Согласія значительно превосходила коалицію центральныхъ державъ, изъ которыхъ только Германія составляла, какъ показала война, дѣйствительно могущественную державу. Союзники же ея—Австро-Венгрія, Турція и Болгарія могли выдерживать войну только при помощи постоянной германской поддержки. Поэтому слѣдутъ признать, что Германія задавлена количествомъ матеріальныхъ силъ, оказавшихся у такой коалиціи, какъ Россія, Англія, Франція и, наконецъ, Америка. Послѣд-

няя, какъ намъ извѣстно, сыграла рѣшающая роль въ побѣдѣ, когда Германія уже была доведена до истощенія первыми тремя державами. Хотя приведенныя выше ошибки высшаго командованія и имѣли значеніе, но нельзя доказать, что они сыграли главную роль въ пораженіи Германіи. Германія проявила въ общемъ выдающуюся доблесть, упорство и искусство командованія. Поэтому главной причиной пораженія слѣдуетъ считать неумѣлую политическую подготовку войны, не предусмотрѣвшую возможности выступленія Америки и допустившую составленіе противъ Германіи столь могущественной коалиціи. Словомъ, главной причиной неудачи слѣдуетъ считать дурную политику.

Мы знаемъ, что такое, такъ называемая реальная политика. Это политика, прослѣдующая только выгоды даннаго государства, не стѣсняющаяся средствами или какими либо соображеніями гуманности, общепринятой нравственности и чесности. Принципы этой въ сущности безнравственной, политики обоснованы итальянскимъ ученымъ Макіавелли въ началѣ 16-го вѣка въ книгѣ „Il Prinsipe" (Государь). Однако съ тѣхъ поръ общественная и политическая жизнь сильно измѣнилась. Нѣтъ такой дворцовой и политической тайны, которая вскорѣ не сдѣлалась бы явною. При современникахъ Макіавелли всякому правителю можно было убить своего соперника изъ за угла или отравить по пріятельски на пиру совершенно безнаказанно. Но теперь этого уже нельзя продѣлать, чтобы не вызвать общаго возмущенія не только въ своемъ государствѣ, но и во всей Европѣ. Существуетъ не только германское, фрацузское, но обще - европейское мнѣніе, съ которымъ иногда приходится считаться, чтобы не увеличить себѣ числа враговъ. Такимъ образомъ, въ реальной политикѣ нужно соблюдать извѣстный предѣлъ, который нельзя переходить, чтобы не вызвать общаго негодованія и не нажить себѣ массу враговъ. Какъ только такой предѣлъ перейденъ политика становится уже не реальной, а просто циничною и въ то же время неумною.

Въ этомъ отношеніи Германская политика 19-го вѣка рѣзко раздѣляется на два періода: до 1870 года или точнѣе до того времени, пока во главѣ ея былъ Бисмаркъ — это реальная политика, послѣ же она переходитъ въ циничную, сохраняя свой стиль вплоть до послѣдняго времени.

Часто говорятъ: не Бисмаркъ создалъ современную Германію, а Германія Бисмарка. Это значитъ, что, если бы

идея объединенія Германіи не созрѣла, то не было бы и Бисмарка, или во всякомъ случаѣ онъ ничего не могъ бы сдѣлать. Идея объединенія дѣйсвительно проникла въ умы нѣмцевъ еще въ эпоху освободительной войны 1813—15 года и стала неотложной задачей къ срединѣ 19-го вѣка, но осуществить ее при тогдашнемъ политическомъ положеніи было чрезвычайно трудно. Для этого необходимъ былъ Бисмаркъ. Врагами этого объединенія являлись: Австрія, Россія, Франція и Англія. Это внѣшніе враги, а внутренніе – германское общественное мнѣніе въ лицѣ парламентскихъ коллегіальныхъ учрежденій, непонимающихъ способовъ преодолѣнія тѣхъ трудностей, какія существовали при выполненіи этой давнишней мечты.

Съ 1851 года, т. е. со времени своего назначенія представителемъ Пруссіи на Франкфурдскомъ сеймѣ, Бисмаркъ начинаетъ упорную, планомѣрную борьбу со всѣми врагами. Онъ ведетъ ее систематически, вплоть до 1870 года. Процессъ этой борьбы чрезвычайно интересенъ, какъ наглядное доказательство осторожной реальной политики. Его символъ вѣры – „великія національныя задачи разрѣшаются не голосованіемъ, не парламентскими рѣчами, а желѣзомъ и кровью“. Онъ убѣждается прежде всего въ томъ, что Австрія является врагомъ Пруссіи и потому для преобразованія Германскаго союза война съ ней необходима. Значитъ, врага нужно изолировать и заручиться нейтралитетомъ другихъ державъ. Самъ—убѣжденый монархистъ, Бисмаркъ тайно поддерживаетъ революціонное движеніе въ Венгріи. Въ 1854г. Австрія рѣшила “удивить міръ своей неблагодарностью“ по отношенію къ Россіи, спасшей ее отъ развала въ 1848 году. Пруссія же благоразумно воздержалась отъ выступленія по восточному вопросу и обезпечена поэтому дружбой Россіи. Поступокъ Австріи Бисмаркъ усиленно муссируетъ и осуждаетъ. Двумя поѣздками въ Парижъ въ 1855 и 57 годахъ онъ очаровываетъ—Наполеона III, хотя потомъ откровенно признается, что „этотъ человѣкъ крупная, но непризнанная бездарность.“

Бисмаркъ совѣтуетъ Вильгельму 1-му искать противъ Австріи опоры въ печати, общественномъ мнѣніи, палатахъ, хотя самъ едва терпѣлъ ихъ, какъ неизбѣжное зло. Предвидя войну Франціи съ Австріей (1859 г.) онъ совѣтуетъ воспользоваться удобнымъ моментомъ и напасть на Австрію, но Вильгельмъ I не рѣшается и, во избѣжаніе конфликта съ ней изъ-за Бисмарка, назначаетъ его посланникомъ въ Пе-

тербургъ. Это время Бисмаркъ употребилъ для упроченія дружбы съ Россіей и вполнѣ заручился симпатіями русскаго двора.

Въ 1861 году король вызываетъ его на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но Бисмаркъ проситъ назначенія посланникомъ въ Парижъ, гдѣ изучаетъ обстановку и окончательно убѣждается въ бездарности Наполеона III-го, котораго увѣряетъ въ томъ, что объединеніе Германіи соотвѣтствуетъ провозглашенному имъ принципу національностей что сильная Пруссія выгодна Франціи, какъ союзница, что Франціи, также представится возможность округлить свои границы. Онъ хорошо учитываетъ, что эти обѣщанія ровно ни къ чему не обязываютъ. Онъ возвращается въ Берлинъ полномочнымъ министромъ и начинаетъ свою упорную борьбу съ палатой депутатовъ, которая не понимала задачъ канцлера и упрямо отказывала въ кредитахъ на усиленіе арміи. Онъ даже распускаетъ палату при крайнемъ возбужденіи общественнаго мнѣнія.

Въ 1864 году происходитъ крайне непопулярная война съ Даніей при участіи Австріи. какъ союзницы Пруссіи, изъза Шлезвигъ Голштиніи,которая перешла къ обѣимъ державамъ. Создается поводъ для войны съ Австріей. Война эта была необходима для исключенія Австріи изъ Германскаго союза и преобразованія его подъ главенствомъ Пруссіи.

При свиданіи съ Наполеономъ III въ Біаррицѣ Бисмаркъ заручается согласіемъ его на свободу дѣйствій Пруссіи въ Германскомъ союзѣ и на соглашеніи съ Италіей, съ которой и подписанъ союзъ на три мѣсяца. Бисмаркъ спѣшитъ создать поводъ къ войнѣ, для чего требуетъ созыва Франкфуртскаго сейма всеобщей подачей голосовъ (самъ же врагъ парламентаризма вообще), зная, что это будетъ отвергнуто Австріей.

Наполеонъ, желая отвратить войну, предлагаетъ европейскій конгрессъ. Бисмаркъ съ горечью соглашается, но ослѣпленная Австрія ставитъ невозможныя условія, и при всеобщемъ возбужденіи умовъ въ Пруссіи противъ Бисмарка начинается война 1866 года. Австрія побѣждена, и всѣ прежніе враги встрѣчаютъ Бисмарка съ тріумфомъ. Но онъ уже предвидитъ будущую войну съ Франціей, опасается ея вмѣшательства и потому заключетъ міръ съ Австріей на весьма умѣренныхъ условіяхъ „безъ аннексій и контрибуцій“. Австрія лишь исключается изъ Германскаго союза и обра-

зуется такъ называемый Южный союзъ германскихъ государствъ подъ главенствомъ Пруссіи, съ секретной статьей договора, по которой, въ случаѣ войны всѣ вооруженныя силы союза переходятъ въ распоряженіе Прусскаго короля.

Наполеонъ удивленъ столь быстрымъ окончаніемъ войны. Онъ разсчитывалъ, что дѣло затянется, и онъ явится вершителемъ судебъ Германіи. Онъ напоминаетъ Бисмарку его обѣщаніе компенсаціи, требуетъ присоединенія къ Франціи, хотя бы маленькаго Люксенбурга, но Бисмаркъ отказываетъ, грубо заявляя, что „Франція преслѣдуетъ политику на водку.“ Создается взаимное раздраженіе. Бисмаркъ знаетъ, что война неизбѣжна и необходима для окончательнаго созданія Германской имперіи и дѣятельно готовится къ ней. Ему необходимо обезпечить нейтралитетъ Австріи, Россіи и Англіи.

Теперь та самая палата депутатовъ, которая была противъ войны съ Австріей и отказывала въ военныхъ кредитахъ, уже упрекала Бисмарка въ томъ, что онъ былъ слишкомъ умѣренъ при заключеніи міра. Но канцлеръ отвѣтилъ: „Имѣйте терпѣніе. Римъ строился не сразу.“ Война съ Франціей назрѣвала. Она была необходима для объединенія Германіи.

Въ 1868 году, будучи на Парижской выставкѣ, куда были приглашены императоръ Александръ II и король Вильгелмъ I, Бисмаркъ убѣждается въ крайней враждебности французскаго Правительства. Здѣсь же узнаетъ о готовящемся покушеніи на жизнь русскаго Императора. Бисмаркъ даетъ своимъ агентамъ приказъ слѣдить строго за преступникомъ и арестовать его въ моментъ самаго покушенія. Порученіе выполнено прекрасно, и нѣмецкая полиція явилась спасителемъ русскаго монарха. Въ Берлинѣ Бисмаркъ предлагаетъ французскому послу Бенедетти составить проектъ о возможномъ присоединеніи Бельгіи къ Франціи вмѣсто просимаго Люксенбурга. Тотъ попадается на удочку. Проектъ отправленъ въ Англію и крайне раздражилъ противъ Франціи Англійское правительство. Россія же обѣщала Пруссіи въ случаѣ войны, не только держать нейтралитетъ, но и удержать Австрію отъ выступленія. Значитъ, все подготовлено. Нуженъ лишь предлогъ для войны, который скоро нашелся въ видѣ кандидатуры Прусскаго принца на Испанскій престолъ.

Бисмаркъ зналъ, что Франція никогда не согласится на это, но ему нуженъ былъ лишь предлогъ. Протестъ Франціи встрѣтилъ общее сочувствіе въ Европѣ. Вильгельмъ I посо-

вѣтовалъ принцу отказаться отъ кандидатуры, и предлогъ устраненъ. Но Наполеонъ III требуетъ гарантіи, чтобы и впредь подобная кандидатура не повторялась. Тогда сразу общественное мнѣніе Европы поворачивается противъ Франціи. Къ тому же Бисмаркъ поддѣлываетъ знаменитую Эмскую депешу, возбуждаетъ общественное мнѣніе Пруссіи въ палатахъ и въ печати и начинаетъ войну при чрезвычайномъ воодушевленіи нѣмцевъ.

Война кончается разгромомъ Франціи, уплатой ею 5 милліардовъ контрибуціи и отнятіемъ у нея Эльзасъ Лотарингіи. Въ дальнѣйшемъ, видя быстрое возрожденіе Франціи, усиленіе ея военной мощи, уже тогда предугадывая еще отдаленный, но возможный союзъ ея съ Россіей, Бисмаркъ очень искусно склоняетъ Австрію къ тѣсному союзу съ Германіей, который подписанъ въ 1879 г. Первая статья его гласитъ, что оба государства дѣйствуютъ совмѣстно въ случаѣ нападенія на одно изъ нихъ Россіи. Между тѣмъ, въ 1871 г., тотчасъ по провозглашеніи короля Вильгельма I-го императоромъ, Русскому Монарху была послана благодарственная телеграмма за его помощь объединенію Германіи. Въ 1882 г. къ заключенному союзу присоединилась Италія, забывшая, что ея единство создано французской кровью. Въ 1888 г. Бисмаркъ заявилъ въ палатѣ, что о союзѣ этомъ было своевременно сообщено русскому Правительству; онъ вовсе не направленъ противъ Россіи, но является предосторожностью, такъ сказать „лигой мира". Какъ изложено въ V главѣ, Бисмаркъ умѣлъ, пока былъ на посту, изолировать Францію и не допустить ея до союза съ другими государствами.

Въ дѣйствіяхъ Бисмарка мы видимъ классическіе примѣры реальной политики. Въ ней отсутствуетъ общепринятая мораль, дружба или благодарность и преслѣдуется только выгода своего отечества. На языкѣ гражданскаго кодекса такія дѣйствія называются во влеченіемъ въ невыгодную сдѣлку. Но въ международныхъ отношеніяхъ они вполнѣ допустимы. Развѣ можно винить Бисмарка въ томъ, что французское правительство было бездарно и позволяло дурачить себя или, что Императоръ Александръ II оказывалъ безкорыстныя услуги Пруссіи? Въ этой многолѣтней политикѣ ни разу не перейденъ предѣлъ, который превращалъ бы ее изъ реальной въ циничную, вызывалъ бы общее негодованіе и возбуждалъ бы общественное мнѣніе Европы. Лишь условія мира 1871 г. многими тогда же признавались чрезмѣрными, создающими идею реванша.

Не то мы видимъ въ Германіи послѣ Бисмарка. Колоссальные успѣхи и возросшее могущество вскружили голову даже выдающимся государственнымъ умамъ. Послѣ 1870 г. зародилась и воспитывалась въ народѣ идея о великой будущности Германіи, о ея міровомъ господствѣ, что изложено въ III й главѣ. Но уже не было болѣе Бисмарковъ, которые выполняли бы ее столь искусно и осторожно, какъ была осуществлена идея объединенія. Въ концѣ 19 и началѣ 20 вѣка мы наблюдаемъ не только въ литературѣ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ крайне грубое и рѣзкое отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ, французамъ, англичанамъ. Война съ ними проповѣдуется, какъ необходимость, какъ долгъ, и, наконецъ, когда подготовленная война вспыхнула, то весь культурный міръ поразился той жестокости, съ какой она велась, тому пренебреженію къ международнымъ договорамъ и Женевской Конвенціи, котораго раньше никогда не было.

Бисмаркъ никогда не объявилъ бы нейтралитетъ Бельгіи „клочкомъ бумаги"; онъ навѣрно подготовилъ бы законный предлогъ для вторженія. Онъ не допустилъ бы ненужнаго уничтоженія Лувена, Реймскаго собора, примѣненія удушливыхъ газовъ и пр.. Вѣдь это сильно раздражало общественное мнѣніе Европы. Державы Согласія на этомъ ясно могли играть, чтобы затянуть войну. А безпощадная морская война, безсмысленное уничтоженіе беззащитныхъ пассажирскихъ параходовъ. Безъ этого нельзя было бы возбудить общественнаго мнѣнія Америки, создать законныхъ поводовъ къ войнѣ, несмотря на личныя, можетъ быть, желанія Вильсона вмѣшаться въ войну и раздавить Германію. Подобныя дѣйствія нельзя называть иначе, какъ неумной, циничиой политикой. Главнымъ образомъ благодаря ей, произошло вмѣшательство Америки, котораго не предвидѣлъ ни одинъ государственный дѣятель Германіи. Въ какомъ то необыкновенномъ ослѣпленіи, вѣря только въ право силы, Германія шла неуклонно своимъ путемъ, не признавая никакихъ писанныхъ договоровъ и конвенцій.

Брестскій договоръ слѣдуетъ отнести къ общепринятой реальной политикѣ, ибо являлось настоятельной необходимостью вывести изъ остроя Россію и, конечно, вести объ этомъ переговоры съ данной существующей властью. Но уже дальнѣйшія дѣйствія составляютъ продолженіе все той же циничной политики. Съ одной стороны мы видимъ поддержку большевиковъ на сѣверѣ, благосклонное отношеніе къ нимъ гр. Мирбаха и даже оставленіе безъ послѣдствій

его убійства, съ другой—поддержку антибольшевитскихъ организацій на югѣ и даже покровительство ультра-монархической организаціи въ Кіевѣ. Словомъ, такая тонкая, запутанная игра, которую врядъ ли сумѣлъ бы вести и Бисмаркъ. Все это въ совокупности и составило ту циничную политику, которая привела въ концѣ концовъ къ краху, вооруживъ противъ Германіи весь міръ.

Въ результатѣ, задуманная мечта о міровомъ господствѣ рухнула. Выполненіе ея подготовлялось болѣе 40 лѣтъ послѣдовательно и умно. Но руководители, выполнявшіе задачу, оказались не столь талантливы, какъ въ 1870 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ рухнула и идея возстановленія старой религіи бога Одина—религіи доблести. Отжившее не возвращается. Съ побѣдой демократическихъ идей видимо укрѣпляется новая матеріалистическая религія желудка или сатанизмъ, тѣсно связанный съ соціалистическими идеями.

Теперь, когда война кончена и разгромленная Германія отдана на милость побѣдителей, попытаемся разсмотрѣть, какія послѣдствія для Европы будетъ имѣть побѣда державъ Согласія.

Я не касался участія Америки въ войнѣ вслѣдствіе ея особаго положенія. Исторически Америка связана съ Европой развѣ только воспоминаніями о томъ, что она была англійской колоніей, начало которой положили предпріимчивые англо-саксы и которая возстала противъ своей метрополіи въ концѣ 18-го вѣка, сдѣлавшись самостоятельной республикой въ 1782 г. Въ борьбѣ противъ Англіи вмѣстѣ съ Америкой принимали участіе французскіе и польскіе волонтеры подъ начальствомъ Лафайета и Костюшко. Воспоминанія эти въ настоящее время существенной цѣны не имѣютъ.

Могла ли Америка допустить побѣду Германіи? Въ первые 3 года войны, выполняя грандіозные заказы по вооруженію, выгодно сбывая свои произведенія на міровомъ рынкѣ, вслѣдствіе прекращенія европейской конкуренціи, Америка пресытилась золотомъ, выкачаннымъ изъ Европы*).

Въ 1916 году въ субботнемъ приложеніи къ № 14546 «Новаго Времени» была напечатана слѣдующая статья:

«Современный Нью-Іоркъ.

Небывалое, почти комическое положеніе создалось въ настоящее время въ Америкѣ. Американцы жалуются, что страна ихъ затоплена зо-

Осуществился въ сущности идеалъ Янки—неограниченное производство въ грандіозномъ масштабѣ внѣ конкуренціи. Упорство и доблесть, проявленная Германіей указывали, что побѣда возможна на ея сторонѣ. Выступившая противъ Германіи Америка въ началѣ 1917 г. до нашей революціи не торопилась помогать союзникамъ живой силой, а помогла лишь техническими средствами. Когда же наша революція повлекла за собою развалъ арміи и тѣмъ увеличила шансы

лотомъ. Нью-Іоркъ, являющійся теперь міровымъ финансовымъ центромъ, богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ, люди буквально захлебываются отъ золота, не знаютъ куда его дѣвать, какъ тратить. Дѣло дошло до того, что правительство изощряется въ выдумкахъ, чтобы такое закупить въ Англіи и Франціи, чтобы избавить страну хоть немного отъ наводненія золотомъ. Передъ каждымъ новымъ платежемъ союзниковъ за военные заказы, который сулитъ новыя золотыя горы, въ Америкѣ поднимается стонъ. Дѣло въ тотъ, что этотъ притокъ золота повышаетъ стоимость жизни до громадныхъ размѣровъ; людямъ средняго достатка жизнь въ Америкѣ становится не по карману, тамъ за послѣдніе два года потеряли счетъ деньгамъ, богатства страны выросли чудовищно. Въ Нью-Іоркъ стекаются богачи всего міра, за послѣднее время имигрируетъ особенно много такихъ богачей изъ Германіи, очевидно предусмотрительно вывозя щихъ свои капиталы изъ предѣловъ обреченной родины.

Любопытную картину современнаго Нью-Іорка даютъ американскіе журналы: въ Нью-Іоркѣ такъ много денегъ, говорятъ они, что это богатство начинаетъ угнетать страну. Прошло время, когда у насъ наперечетъ знали всѣхъ милліардеровъ,—въ настоящее время ихъ такъ много, что имена ихъ никому неизвѣстны. Знаменитая 5-я Авеню, улица милліардеровъ, за послѣдніе два года застроилась множествомъ новыхъ великолѣпныхъ дворцовъ, передъ которыми померкли дома Астороѣ и Вандербильдовъ. Здѣсь поселились многочисленные «новые богачи». Большинство ихъ —элементъ пришлый, никому невѣдомый. Вся жизнь идетъ по новому, какимъ-то ускореннымъ и веселымъ темпомъ. Явно ощущается «запахъ денегъ». Никогда рестораны не были такъ переполнены публикой, никогда не слышалось столько музыки, даже народу на улицахъ никогда не было такъ много, и ужъ во всякомъ случаѣ, не было такихъ умопомрачительныхъ туалетовъ и бриліантовъ. Съ утра въ городѣ начинается праздникъ: веселая шумная толпа переполняетъ улицы, парки, магазины; нельзя не поддаться общему тону опьяненія и веселья. Какъ бы по молчаливому уговору всѣ бѣднооодѣтые и грустные люди избѣгаютъ появляться на центральныхъ улицахъ, чтобы не нарушать общаго настроенія Въ Нью-Іоркѣ теперь просто-напросто «неудобно», по выраженію американскаго журнала, быть бѣднымъ. Вечеромъ всѣ гостинницы и рестораны наполняются обѣдающей публикой; послѣдняя мода не признаетъ системы домашняго стола, и часовъ въ семь вечера вереницы автомобилей везутъ мужчинъ въ цилиндрахъ и фракахъ и дамъ въ вечернихъ туалетахъ по разнымъ ресторанамъ. Количество такихъ мужчинъ и дамъ до того велико, что создается впечатлѣніе, будто буквально весь городъ принимаетъ въ этомъ участіе. Во всякомъ случаѣ, такой картины не наблюдалось никогда ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ».

Германія на побѣду, Америка стала лихорадочно готовиться къ войнѣ и начала въ срединѣ 1918 года переброску подкрѣпленій на Европейскій материкъ. Эти войска, да еще огромныя, техническія средства сыграли рѣшающую роль въ побѣдѣ 1918 г. Безъ нихъ Франція и Англія были бы разбиты.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Германія стала бы гегемономъ въ Европѣ и могущественномъ государствомъ, какого еще не создавала исторія. Англія спаслась бы на свои острова, продолжая морскую войну, но сопротивленіе ея не могло бы длятся особенно долго. Германія быстро увеличила бы свой флотъ и покончила съ Англіей. И тогда Америка стала бы лицомъ къ лицу съ Европой, представляющей не нѣсколько враждущихъ державъ, а одну огромную въ лицѣ Германіи и нѣсколько второстепенныхъ, подчиненныхъ ей. Предвидя бѣдущее, государственные люди Америки не могли допустить такого усиленія Германіи. Выгодно и не трудно было перетянуть вѣсы побѣды, колеблющіеся отъ обезкровленья воюющихъ. Наконецъ, выгоднѣе имѣть дѣло съ нѣсколькими враждующими европейскими державами, при томъ страшно ослабленными продолжительной войной. Получивъ на войнѣ огромные барыши, участвуя въ ней веего лишь одинъ годъ, при томъ въ одномъ лишь наступленіи 1918 года, потерявъ всего лишь какихъ-нибудь 100 тыс. человѣкъ. Америка въ то же время рѣшила побѣду и стала главнымъ судьею на мирной конференціи. Это такой выгодный и ловкій business, которому должна удивляться и старая Англія, всегда удачно и выгодно выходившая изъ міровыхъ потрясеній.

Припомнимъ теперь основные пункты программы Вильсона.

1) Всѣ мирные договоры должны быть явлены; дипломатическая тайна отвергается.

2) Свобода мореплаванія на всѣхъ моряхъ, за исключеніемъ территоріальныхъ водъ и кромѣ случая, если море будетъ закрыто вслѣдствіе исполненія международныхъ соглашеній.

3) Возможное устраненіе всѣхъ экономическихъ ограниченій и равенство торговли.

4) Сокращеніе до минимума вооруженныхъ силъ.

5) Свободное разрѣшеніе въ духѣ безпристрастія всѣхъ колоніальныхъ притязаній при соблюденіи интересовъ туземнаго населенія.

6) Освобожденіе всѣхъ русскихъ территорій отъ непріятельскихъ войскъ и урегулированіе всѣхъ вопросовъ, касающихся Россіи въ такомъ видѣ, чтобы ей было обезпечено самое лучшее и широкое содѣйствіе другихъ народовъ въ цѣляхъ предоставленія Россіи возможности самоопредѣленія въ политическомъ и національномъ отношеніи.

7) Очищеніе Бельгіи и полное ея возстановленіе безъ какихъ либо ограниченій ея политическихъ правъ.

8) Вся французская территорія должна быть освобождена отъ непріятельскихъ войскъ, а нынѣ занятыя части должны быть совершенно возстановлены. Ущербъ, причиненный Франціи со стороны Пруссіи въ 1871 году въ вопросѣ Эльзасъ-Лотарингіи, нарушающій миръ вселенной въ теченіи 50-ти лѣтъ долженъ быть возмѣщенъ, дабы миръ былъ снова обезпеченъ въ общемъ интересѣ.

9) Измѣненіе Италіанской границы въ соотвѣтствіи съ національными требованіями.

10) Предоставленіе народамъ Австро-Венгріи политической и національной автономіи.

11) Очищеніе Румыніи, Сербіи, Черногоріи и возмѣщеніе имъ военныхъ убытковъ. Предоставленіе Сербіи свободнаго выхода къ морю. Международныя гарантіи въ области урегулированія взаимоотношеній между балканскими народами.

12) Самостоятельность турецкой части имперіи османовъ и свобода автономнаго развитія другихъ народовъ Турціи. Свобода Дарданельскаго пролива.

13) Независимая Польша, которая объединитъ всѣ населенныя поляками земли и получитъ свободный выходъ къ морю. Самостоятельность Польши должна быть гарантирована международными договорами

14) Созданіе всемірнаго союза народовъ въ цѣляхъ установленія военной гарантіи.

Дополнительные пункты отъ 27 сентября 1918 года:

1) Страны, входящія въ союзъ народовъ, должны отказаться отъ какихъ бы то ни было привилегій, соглашаясь на равноправіе всѣхъ народовъ, входящихъ въ союзъ.

2) Общее соглашеніе не можетъ охранять интересы одного народа или группы народовъ, если они идутъ въ разрѣзъ съ общими интересами.

3) Въ общемъ союзѣ не должно быть отдѣльныхъ союзовъ и соглашеній между тѣмъ или другимъ народомъ.

4) Въ союзѣ не должно быть преслѣдованія экономическихъ выгодъ отдѣльнымъ народамъ; запрещается какой бы то ни было экономическій бойкотъ. Однако союзу предоставляется право налагать кары, исключая ту, или другую народность съ мірового рынка.

5) Всѣ международныя соглашенія и договоры, какого бы то ни было рода, должны быть сполна опубликованы для всеобщаго свѣдѣнія.

Пункты составлены весьма мудро и кажутся необыкновенно справедливыми и великодушными. Однако мы не найдемъ ни одного пункта, который былъ бы невыгоденъ для Америки. Выгодность же ихъ для европейскихъ державъ весьма сомнительна. Первый пунктъ отвергающій дипломатическую тайну ни для кого не обязателенъ потому, что не осуществимъ. Какъ провѣрить и доказать, что два государства заключили между собою тайное соглашеніе. Этотъ принципъ выдвинули большевики, ведя одновременно тайную переписку съ германскимъ генеральнымъ штабомъ. Второй, третій и четвертый пункты какъ нельзя болѣе выгодны Америкѣ. Свобода мореплаванія и устраненіе экономическихъ ограниченій означаетъ полное господствованіе ея на міровомъ рынкѣ внѣ всякой конкуренціи, ибо воевавшіе государства не скоро возстановятъ свою разстроенную промышленность. Сокращеніе до минимума вооруженныхъ силъ какъ разъ подходитъ къ Заатлантической республикѣ, господствующей на Новомъ материкѣ, не имѣющей сильныхъ сосѣдей и потому не нуждающейся въ большой сухопутной арміи. Флотъ же всеравно необходимъ для охраны обширной торговли. Пятый пунктъ туманный и не даетъ ничего реальнаго. Реальность же его уже выразилась въ томъ, что на открывшейся мирной конференціи рѣшено не возвращать Германіи ея колоній. Шестой пунктъ очень пріятенъ для насъ русскихъ. Однако, что такое самоопредѣленіе въ политическомъ и національномъ отношеніи для Россіи? Мы видимъ его въ настоящее время во всевозможныхъ самостійностяхъ и гражданской войнѣ. Очищеніе же русскихъ территорій отъ непріятельскихъ войскъ заключается пока въ томъ, что приказано удалиться нѣмцамъ, которыхъ замѣняютъ на Украинѣ большевики. Съ Октября же мѣсяца 1918 года, т. е. со времени выяснившагося разгрома Германіи и по Февраль 1919 г. въ продолженіи 5 мѣсяцевъ,

ведя тяжелую борьбу съ большевизмомъ, мы не видѣли никакой помоши отъ союзниковъ. Лишь одна Англія оказываетъ намъ помощь техническими средствами. Тотъ же Вильсомъ, будучи профессоромъ, доказывалъ въ своемъ научномъ трудѣ вредъ всякихъ самоопредѣленій, сапаратизмовъ и федерацій и утверждалъ что не только С—Ш, нынѣ Штаты лишь по названію, остающемуся пережиткомъ старины, представляютъ собою единое цѣлое государство, но и Швейцарія, не смотря на свои кантоны и населеніе, состоящее изъ трехъ націй—страна единая. Можемъ ли мы вѣрить послѣ того, что самоопредѣленіе рекомендуется намъ изъ любви или симпатіи? 7-ой 8-ой 9-й пункты вытекаютъ изъ права побѣжденныхъ, и вполнѣ осуществимы; 10-й, 11-й, 12-й и 13-й—раздробляютъ Европу на рядъ малыхъ государствъ, дѣлая ихъ безсильными и покорными. 14-й пунктъ—такая туманность, которая совершенно не разъясняется дополнительными пятью пунктами. Въ предполагаемомъ союзѣ народовъ, конечно, будетъ играть главную роль экономическое господство, которое останется всецѣло въ рукахъ Америки и Англіи.

Взглядъ на государство былъ различенъ въ различныя времена. „Государство - это я“, говорилъ Людовикъ 14-й. Оно представлялось собственностью династіи, союзомъ одноплеменнаго или разноплеменнаго народа, объединеннаго династіей или общими интересами и т. п. Въ лигѣ народовъ Вильсона положенъ новый принципъ. Государство—это торговое предпріятіе, акціонерная компанія, которая управляетъ частью мірового рынка, первенство на которомъ принадлежитъ крупнымъ фирмамъ, легко выдерживающимъ всякую конкуренцію. Проектируемый союзъ народовъ будутъ возглавлять Америка, Франція и Англія, а главнымъ образомъ первая. Онѣ будутъ владѣть міровымъ рынкомъ и при помощи его держать въ повиновеніи остальныя мелкія государства, раздробленыя при помощи истощенія отъ послѣдствій войны и провозглашенныхъ самоопредѣленій, федерацій и т. п. Имъ, этимъ лилипутамъ, предоставляется полная свобода кричать въ своихъ бутафорскихъ парламентахъ о всякихъ свободахъ, всеобщемъ счастіи и истощаться во взаимной враждѣ, но они не смѣютъ перечить, когда ихъ будутъ стричь, какъ овецъ, международный капиталъ американскаго и французскаго еврейства. Они будутъ покорны подъ угрозой исключенья изъ мірового рынка, такъ какъ у нихъ самихъ ничего не будетъ своего. Придется платить милліардные долги и отдать свои естественныя богатства представителямъ

интернаціональнаго, по преимуществу еврейскаго капитала. Лига народовъ, въ которой будутъ диктовать свою волю Америка, Англія и Франція, причемъ первой будетъ принадлежать доминирующая роль, дѣйствительно осуществима при такихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, проектъ Вильсона есть ничто иное, какъ великая міровая ложь, въ которой подъ красивыми фразами о всеобщемъ братствѣ, разоруженіи и пр. скрывается самый сухой эгоизмъ и холодный политическій разсчетъ. Державамъ побѣдительницамъ войны въ будущемъ дѣйствительно не нужны, ибо господство уже достигнуто. Нужно лишь держать крѣпко то, что захвачено. Но такъ ли думаютъ побѣжденные? Выгоденъ ли имъ подобный союзъ народовъ?

Прежде всего среди самыхъ державъ побѣдительницъ существуетъ нѣкоторое разногласіе. Практическіе англичане уже высказывались всколзь, что проектъ Вильсона нѣсколько наивенъ. Старый соціалистъ Клемансо высказался откровенно о несходствѣ своихъ взлядовъ съ Вильсоновскими. „Америка находится очень далеко, а Франція граничитъ съ Германіей". Поистинѣ это простое и мудрое замѣчаніе. Изъ него вытекаетъ утопичность вопроса о разоруженіи, а слѣдовательно и о союзѣ народовъ. Миръ по прежнему можетъ поддерживаться только остріемъ меча, а Вильсонъ въ слѣдущій разъ можетъ запоздать явиться на новый Европейскій турниръ.

Проскальзывали извѣстія о томъ, что теперь Англія должна держать сухопутную армію въ 900 тысячъ (до войны было около 200 тыс.), а Америка 500 тысячъ (до войоы было 100 тыс.), а также и о томъ, что Заатлантическая республика предполагаетъ ассигновать на флотъ 20 милліардовъ фунт. стерл. Все это совершенно противорѣчитъ программѣ о разоруженіи. Вѣроятно, между побѣдителями существуетъ разногласіе на почвѣ дѣлежа добычи, однако къ соглашенію они придутъ по необходимости. Въ общемъ, всѣ данныя говорятъ за то, что миръ будетъ по старому способу поддерживаться вооруженной силой, а не союзомъ народовъ и разоруженіемъ.

Словомъ проектъ Вильсона, заключающій столько громкихъ фразъ, ровно ничего не вноситъ новаго въ международные отношенія. Такъ было, такъ будетъ: горе побѣжденнымъ!

Какимъ образомъ проектеруемая мѣра, въ случаѣ ея осуществленія, можетъ отразиться на различныхъ государствахъ Европы. Про мелкія государства, напримѣръ, Турцію, Болгарію, Сербію, Румынію, Бельгію, Голандію и новыя самоопредѣлящіяся—Венгрію, Польшу и пр. слѣдуетъ утвердительно сказать, что они будутъ всецѣло подчинены сильнымъ. То же относится и къ Италіи. Остается Германія и Россія. Первая совершенно побѣждена, а вторая?.. Говорятъ, не побѣждена, но и не побѣдительница. Правильнѣе сказать, побѣждена внутренними врагами и разгромлена гораздо въ большей степени, чѣмъ Германія.

До войны Германія имѣла 65 милліоновъ народонаселенія. Убыло убитыми, ранеными и неспособными къ труду, не больше 5 милліоновъ. Потери отъ отторженія Эльзасъ Лотарингіи и частей Польши, составятъ не болѣе 5 милліоновъ; останется 55 мил. Но зато прибавится 10—12 мил. австрійскихъ нѣмцевъ, оставшихся за штатомъ по упраздненіи Австро-Венгріи. Державы Согласія, конечно, не согласятся присоединить къ Германіи нѣмецкую Австрію, но когда все успокоится, кто помѣшаетъ ей подружиться и войти въ тайное соглашеніе съ остальной Германіей. Въ общемъ, получатся все тѣ же 65 милліоновъ чистыхъ нѣмцевъ, тогда, какъ во Франціи, вычтя изъ сорока три милліона потерь, остается 37 милліоновъ. Съ присоединеніемъ Эльзасъ-Лотарингіи получится прежняя цифра около 40 милліоновъ. Вѣроятно, населеніе Германіи будетъ продолжать увеличиваться, а Франція останется все на той же точкѣ равновѣсія. Нѣмцы теряютъ колоніи и будутъ устранены изъ Турціи. Какъ имъ прокормиться, куда приложить свою энергію и избытокъ производительности? Откуда получать сырье для многочисленныхъ фабрикъ? Мы знаемъ, что въ мирное время нѣмецкая промышленность господствовала въ Польшѣ, Турціи и Россіи. Она проникла даже во Францію и Англію, въ Азію и Африку. Какъ же быть теперь? Поможетъ ли имъ пресловутый союзъ народовъ? Скорѣе наоборотъ. Если нѣмцы не хотятъ покончить самоубійствомъ и вариться въ собственномъ соку, то, конечно, необходимы героическія усилія.

Принимая во вниманіе историческую энергію нѣмцевъ, ихъ трудоспособность, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что они ни въ коемъ случаѣ не захотятъ медленно душиться въ собственномъ соку. Они найдутъ способъ проникнуть на Востокъ—въ Польшу и Россію, которыя крайне будутъ нуж-

даться въ нѣмецкой дешевой промышленности. Взаимное раздраженіе и злоба русскихъ и нѣмцевъ врядъ ли протянется 10—20 лѣтъ и необходимость возьметъ верхъ надъ принципами. Отъ взаимнаго торговаго общенія намъ никакъ не уклониться. Это можетъ произойти даже гораздо быстрѣе, если союзники не поймутъ насъ и не приложатъ всѣхъ усилій, чтобы сдѣлать изъ Россіи вновь сильную державу въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей и Англіей.

Во всякомъ случаѣ Германія вновь энергично возмется за трудъ, вѣроятно возстановитъ у себя монархію и будетъ вновь готовиться занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, а также мечтать о реваншѣ. Европа нисколько не избавится отъ вооруженія. Германія побѣждена и унижена, но нельзя совершенно парализовать волю и энергію 65 милліоннаго народа, обладающаго безусловно избыткомъ силъ и тѣмъ болѣе принужденнаго необходимостью работать, не покладая рукъ.

Возстановленіе Польши является, конечно, актомъ исторической справедливости, если признавать таковую, какъ нѣчто само по себѣ цѣнное и имѣющее международное значеніе. Однако государству этому уже не суждено воскреснуть въ прежнемъ блескѣ. Истощенное войной, раздираемое постоянной враждой съ Галиціей и отсутствіемъ твердой власти, оно обречено на обычное прозябаніе мелкихъ государствъ, идущихъ всегда въ хвостѣ большихъ. Германія сумѣетъ пріобрѣсти въ Польшѣ экономическое вліяніе.

Гораздо большимъ врагомъ для Германіи является возрожденная Чехія, которая по своей культурности, патріотизму нисколько не уступаетъ нѣмцамъ. Это историческій врагъ, который никогда не проститъ многовѣкового нѣмецкаго владычества и будетъ бороться до послѣдняго за свою самостоятельность.

Касаясь теперь вопроса о судьбѣ Россіи на мирномъ конгрессѣ, вспомнимъ участіе ея въ общей побѣдѣ. Активное участіе Россіи слѣдуетъ считать оконченнымъ съ началомъ революціи. Съ тѣхъ поръ, когда былъ изданъ приказъ № 1-й и въ милліонную массу солдатъ брошенъ лозунгъ: „безъ анексіи, контрибуціи, на основахъ самоопредѣленія“, а также—„война нужна капиталистамъ, буржуямъ и офицерамъ“ (съ точки зрѣнія соціалистовъ—это синонимы)—армія погибла. По инерціи она продолжала держаться на фронтѣ, но уже была не боеспособна.

Такимъ образомъ Россія вела войну 2½ года, но это время отличалось наиболъшей интенсивностью и кровопролитіемъ. По плану германскаго генеральнаго штаба, принятому еще въ мирное время, въ случаѣ войны на два фронта предположено было всей главной массой обрушиться на Францію, дабы разгромить ее и вывести изъ строя пока мобилизуется Россія и успѣетъ подать помощь Англія. Этотъ планъ и рѣшено было привести въ исполненіе, какъ только послѣдовало объявленіе войны.

Планъ этотъ, какъ извѣстно, не удался вслѣдствіе нашей быстрой мобилизаціи и столь же быстраго вторженія въ Пруссію и Галицію. Шесть лучшихъ германскихъ корпусовъ могли бы довершить взятіе Парижа, но ихъ пришлось бросить противъ русскихъ и обратить все вниманіе на восточный фронтъ.

И въ то время, какъ на западномъ фронтѣ наступило затишье и война стала позиціонной, что дало возможность усилиться Франціи и переправлять на материкъ свои войска Англіи—на восточномъ фронтѣ въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ 1914 и весь 1915 годъ шли непрерывные, кровопролитнѣйшіе бои, въ то время какъ союзники собирались съ силами.

Наше наступленіе въ 1916 году дало намъ свыше 400 тысячъ плѣнныхъ и огромныя трофеи. Одновременно, пользуясь симъ, имѣли первый крупный успѣхъ и союзники, продвинувшіеся на 40 верстъ на фронтѣ на 20—30 километровъ впередъ. Наступленіемъ 1916 года мы еще спасли отъ разгрома Италію.

Въ общемъ, за два съ половиной года войны Россія одними лишь плѣнными потеряла свыше 2-хъ милліоновъ человѣкъ и сама взяла у противника не меньше. Союзники не были достаточно подготовлены къ войнѣ и первые два года находились все время подъ угрозой пораженія, которую парализовала Россія, давъ имъ возможность собрать и накопить силы, а также пріобрѣсти опытъ, необходимый для побѣды надъ столь мощной военной державой, каковой оказалась Германія.

Измѣнницей общему дѣлу оказалась не государственная Россія, а наша некультурная соціалистичсская демократія. Не случись этой измѣны, война окончилась бы въ 1917 г., ибо наши живыя и техническія силы ко времени переворота были громадныя. Такимъ образомъ, казалось бы, мы имѣемъ законное право на то, чтобы намъ теперь помогли въ не-

счастіи. Вѣдь безъ Россіи, Франція и Англія даже не рѣшились бы на войну. Въ томъ, что они были бы разбиты, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вѣрность союзникамъ стараго правительства внѣ подозрѣнія. Разговоры о томъ, что дворцовая партія хотѣла заключить съ нѣмцами миръ для предотвращеніи революціи—клевета. Ни однимъ документомъ, который, конечно, не постѣснялась бы опубликовать Временное Правительство, не доказана предполагавшаяся измѣна.

Однако было бы наивно разсчитывать на благодарность народовъ. Эта заповѣдь Бисмарка остается незыблемой до сихъ поръ. Если въ частной жизни благодарность рѣдкое явленіе, то тѣмъ болѣе она не осуществима въ политикѣ. Въ прежнія времена монархи, вслѣдствіе личныхъ свойствъ, руководствовались благодарностью, или чувствомъ симпатіи. Но когда въ государственныхъ дѣлахъ принимаютъ широкое участіе народы, эгоистическая политика, преслѣдующая только выгоды, играетъ доминирующую роль. Поэтому не будемъ обольщаться ложными надеждами, что намъ кто-то, за что-то, долженъ быть благодарнымъ. Въ весьма тяжкій для Дона моментъ, въ концѣ января сего года представитель Франціи при Добровольческой арміи, капитанъ Фуке, обратился къ Донскому Атаману съ предложеніемъ оказать ему помощь живой силой, если Донъ обязуется принять на себя всѣ убытки французскихъ предпріятій за время революціи не только въ Донской области, но и на украинѣ. Предложеніе это было отвергнуто. Впрочемъ, какъ оказалось потомъ, капитанъ Фуке не имѣлъ никакихъ реальныхъ основаній дѣлать подобное предложеніе. Оно доказываетъ, на какую благодарность мы можемъ разсчитывать.

Самое выгодное для союзниковъ было бы раздѣлить Россію на сферы вліянія, прекративъ ея самостоятельное существованіе и эксплоатируя, какъ колонію. Но это неосуществимо. Колонія эта потребуетъ большое количество войскъ для своей оккупаціи и постоянной борьбы съ возстающими инсургентами; самое же главное, невозможно раздѣлить полюбовно сферы вліянія между Америкой, Англіей и Франціей. Лучше оставить ее существовать въ качествѣ „больного человѣка“, подобно Турціи. Но и здѣсь скрывается большая опасность. Больнымъ человѣкомъ можетъ легко завладѣть мирнымъ способомъ лучше знающая его и имѣющая традиціоцное вліяніе Германія. „Больной человѣкъ“, спустя нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, и самъ будетъ стремиться къ этому, когда увидитъ, какъ съ нимъ обошлись союзники.

Какъ упомянуто выше, международныя отношенія складываются такимъ образомъ, что на всеобщій миръ нѣтъ никакой надежды. Миръ, это—лишь перемиріе. Теперь очередь за Германіей лелеять мечту о реваншѣ. И это неизбѣжно. Черезъ 20—30 лѣтъ Европа будетъ находиться въ столь же лихорадочномъ состояніи вооруженія, какъ это было передъ войной 1914 года. Найдется ли новый Вильсонъ, который вступится за Францію и Англію? 70 мил. нѣмцевъ могутъ раздавить 40 мил. французовъ раньше чѣмъ подоспѣютъ англичане и американцы. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если Россія останется нейтральной. Если же конституціонная Россія возстановится и быстрыми шагами пойдетъ впередъ по пути культурнаго развитія, если она будетъ по прежнему находиться въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей, то послѣдней не угрожаетъ никакой опасности.

Великіе государственные вожди должны руководствоваться не только современнымъ международнымъ положеніемъ, но и смотрѣть по крайней мѣрѣ на 20 лѣтъ впередъ. Управлять значитъ предвидѣть. И если нынѣшніе правители Франціи великіе вожди, то они должны добиваться во что бы ни стало самаго скораго возстановленія Россіи въ ея прежнихъ границахъ, за исключеніемъ развѣ только одной Польши. Этого требуютъ и финансовыя соображенія. Россія можетъ выполнить свои финансовыя обязательства, если будетъ возстановлена и сильна. Если союзники этого не поймутъ, или по какимъ нибудь болѣе выгоднымъ соображеніямъ оставятъ насъ на произволъ судьбы, на дальнѣйшее разореніе большевизму, тогда мы, униженные и оскорбленные, обрѣтемъ друга въ несчастіи въ лицѣ Германіи. И тогда мы станемъ врагами Франціи. Никакой Вильсонъ, ни Англія не помирятъ насъ.

Между тѣмъ, нашъ союзъ съ Англіей и Франціей обезпеченъ взаимными выгодами. Россія не морская и не колоніальная держава; поэтому никакихъ спорныхъ вопросовъ съ обѣими странами у нея быть не можетъ. Богатства Россіи неисчислимы. Прямой интересъ союзниковъ помочь намъ въ эксплоатаціи ихъ, не пустивъ нѣмцевъ.

Все это, вѣроятно, ясно государственнымъ умамъ Франціи и Англіи. Но бѣда въ томъ, что они не знаютъ Россіи и русскаго народа, примѣняя къ нему свою западно европейскую точку зрѣнія. Отсюда стремленіе не вмѣшиваться вооруженной силой во внутреннія дѣла, предоставляя намъ самимъ рѣшить внутренніе споры, надежда на возможность

переговоровъ съ соціалистическими партіями и т. п. Во Франціи соціалистическое и еврейское засиліе дошло до того, что намъ предлагаютъ и даже требуютъ выявить „демократическое лицо“ и непремѣнно устроить у себя республику для дальнѣйшаго разрушенія Россіи и во славу израиля, возглавляющаго пресловутый интернаціоналъ. Россія же въ это время безумiемъ одурѣвшаго народа разоряется все больше и больше, превращаясь въ пустыню. Между тѣмъ, вопросъ чрезвычайно простъ. Подавить возстаніе черни, руководимой евреями и всякаго рода подпольными дѣятелями утопическаго интернаціонала, именуемое Совѣтской республикой, установить диктатуру, а затѣмъ возстановить монархію въ лицѣ наиболѣе законнаго наслѣдника. Монархія, конечно, должна быть конституціонная съ цензовымъ парламентомъ отъ всѣхъ группъ населенія. Или Россія будетъ монархія, или не будетъ Россіи.

P. S. Намъ не слѣдовало разсчитывать на помощь союзниковъ живой силой, но техническія матеріальныя средства мы должны получить не только въ видѣ вознагражденія за понесенныя потери, но и въ интересахъ самихъ союзниковъ. Между тѣмъ намъ пришлось пережить оставленіе французами Одессы и Крыма, которое составляетъ прямое предательство, ибо французы, если были сами безсильны, могли поручить окупацію южнаго побережья грекамъ, которые вполнѣ справились бы съ большевиками, наступавшими съ сѣвера. Трудно будетъ Франціи вернуть наши прежнія симпатія и разсчитывать на прежнюю рыцарскую вѣрность.

Въ результатѣ нашимъ единственнымъ союзникомъ оказывается Англія, которая безъ громкихъ фразъ, несбыточныхъ обѣщаній и вмѣшательства въ нашу внутреннюю жизнь, оказываетъ намъ дѣйствительно серьезную помощь, доказывая этимъ свою вѣковую государственную мудрость и предвидѣніе.

Для характеристики международнаго положенія не лишнимъ считаю привести статью Великой Россіи (№№ 193 и 166), какъ заслуживающую серьезнаго вниманія.

Новочеркасскъ,
15 Мая 1919 г.

По газетнымъ свѣдѣніямъ Клемансо на одномъ изъ закрытыхъ засѣданій произнесъ слѣдующую рѣчь, лишній разъ доказывающую высокій государственный умъ этого б. соціалиста и патріота, видимо, безсильнаго противостоять пагубнымъ соціалистическимъ и еврейскимъ вліяніямъ:

„Въ войнѣ съ Германіей, Франція потеряла лучшихъ своихъ людей и цвѣтъ своей физической силы, потеряла финансы, благодаря внѣшнимъ займамъ, торговые рынки, благодаря страшному напряженію борьбы и занятія ихъ другими государствами. Въ вопросѣ же о созданіи Россіи—потеряла свою честь, своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ, а армія похоронила свои лавры въ позорномъ оставленіи Одессы и Крыма". Франція потеряла уваженіе Европы и навлекла недовольствіе Англіи и предъ ней снова встаетъ призракъ того, что поверженная сейчасъ во прахъ Германія, сохранившая неразрушенными экономическій финансовый аппаратъ, снова подымется въ силѣ и славѣ и поразитъ своимъ мечемъ обезсиленную Францію, быть можетъ даже при помощи Англіи и возрожденной Россіи. Клемансо говоритъ, что полная неосвѣдомленность о русскихъ дѣлахъ, коньюнктуры и трюки, наѣхавшихъ со всѣхъ концовъ свѣта политическихъ авантюристовъ и жуликовъ, не даютъ возможность разобраться въ томъ, что въ настоящее время происходитъ въ Россіи и что нужно дѣлать. Въ этомъ отношеніи Англія, принявшая въ настоящій моментъ твердый и опредѣленный курсъ, въ вопросѣ о Россіи, въ будущемъ гарантировала себя въ лицѣ ея, благодарнаго и могучаго союзника. Общественное же мнѣніе и Парламентъ Франціи, до сихъ поръ не разобравшійся въ русскомъ вопросѣ и предъявляющій можетъ быть излишнее требованіе къ Германіи, низведутъ страну на положеніе второстепеннаго, обнищавшаго государства, съ которымъ въ будущемъ перестанутъ считаться".

Положеніе въ Западной Европѣ [1]).

[1]) Свѣдѣнія эти доставлены намъ изъ Парижа, отъ лица, близко знакомаго съ текущими событіями въ Западной Европѣ.

Для того чтобы понять современное состояніе Европы. нужно имѣть ввиду слѣдующіе факторы:

1) Всеобщее утомленіе четырехлѣтней войной
2) Быстрое возстановленіе силъ Германіи.
3) Вліяніе большевизма на психологію пролетарскихъ массъ.
4) Несогласіе между союзниками.
5) Усиленіе іудоизма.

Франція понесла наибольшія жертвы людьми и матеріальными средствами. Ея сѣверные департаменты, наимолѣе промышленные, приведены въ полное разрушеніе съ той систематичностью, на которую способны только германцы. Франція обезкровлена и перенесла такое моральное потрясеніе, послѣ котораго она уже не способна на новое военное усиліе. Побѣда ея, оплоченная такой цѣною оказалась пирровой побѣдой.

Ея войска отказываются продолжать войну чѣмъ и объясняется катастрофа Одессы и Крыма. Контингентъ цвѣтныхъ

войскъ Франція принуждена держать на германской границѣ и не можетъ удѣлить изъ нихъ, хоть сколько нибудь значительную часть для отправки въ Россію.

Въ финансовомъ отношеніи Франція попала въ полную зависимость отъ Америки и президентъ Вильсонъ пользуется этимъ оружіемъ для давленія на французское правительство въ цѣляхъ заставить его подчиниться его требованіямъ.

Этимъ путемъ желаніе Клемансо настоять на контрибуціи съ Германіи въ 300 милліардовъ по настоянію Вильсона были понижены.

Англія точно также въ финансовомъ отношеніи встала въ зависимость отъ Америки. Точно также въ Англіи сильно чувствуется стремленіе къ миру. По настоянію рабочихъ массъ происходитъ ускоренная демобилизація войскъ. Боевыя качества англійскихъ войскъ въ настоящее время лучше французскихъ. Дисциплина—крѣпче и случаевъ неповиновенія почти не бываетъ. Войска, посланные въ Гало для усмиренія бунта, выполнили свой долгъ и стрѣляли въ бунтовавшуюся толпу.

Въ Италіи войска и раньше были не высокаго качества и въ настоящее время спѣшно демобилизуются вслѣдствіе своей ненадежности. Американскія войска, принимавшія всѣхъ менѣе участія въ войнѣ, наилучше сохранились. Онѣ великолѣпно оплачиваются, прекрасно содержатся, но тѣмъ не менѣе также спѣшатъ вернуться къ себѣ домой.

Учетъ силъ континента рельефно выдвигаетъ возрастающую силу Германія. Организованность и государственная дисциплина народныхъ массъ поражаетъ еще болѣе въ современной Германіи, чѣмъ во время Имперіи. Все подчинено одной цѣли—національному сохраненію германскаго союза. Патріотическія организаціи пріобрѣли наибольшій вѣсъ. Учредительное Собраніе, засѣдающее въ Веймарѣ, не проявляетъ никакого стремленія къ захвату полноты власти и въ немъ, несмотря на соціалистическое большинство, нѣтъ ни раздоровъ партіи, ни стремленія перестроитъ весь укладъ Германіи по соціалистическому примѣру. Вся власть принадлежитъ Временному Правительству и все подчинено опредѣленному плану, строго проводимому до мельчайшихъ подробностей. Внутреннее управленіе находится въ рукахъ полномоченнаго директора Носье. Это фельдфебель изъ охранной роты фельдмаршала Гинденбурга, призванный во время войны, человѣкъ съ прусской дисциплиной, строго проводящей систему военнаго порядка. Черезъ него военная партія съ фельдмаршаломъ Гинденбургомъ вліяетъ на все внутреннее управленіе Германіи. Патріотическія организаціи стали главной силой руководящей всѣми дѣлами германскаго имперскаго союза. Когда на мирной конференціи былъ поднятъ вопросъ объ отторженіи Данцига отъ Германіи, то въ отвѣтъ на это въ Берлинѣ была устроена манифистація. 56 тысячъ офицеровъ Военнаго Союза продефилировали по улицамъ Берлина въ полномъ боевомъ снаряженіи съ артиллеріей, пулеметами и автомобилями. Въ этотъ союзъ принимаются только тѣ офицеры, которые представятъ точное ручательство, что они въ каждый нужный моментъ могутъ призвать не менѣе 10 солдатъ,

готовыхъ вступить въ ряды арміи для несенія службы. Картина получилась тѣмъ болѣе внушительная, что за каждымъ изъ 50 тысячъ, офицеромъ отсяло въ 10 разъ и болѣе вооруженныхъ солдатъ.

Спартаковская революція была быстро подавлена и твердые элементы въ Германіи, благодаря исключительной организованности восторжествовали. Во многомъ сама спартаковская революція имѣла характеръ поддѣльный, такъ что получили названіе «суррогата революціи» на подобіе тѣхъ многочисленныхъ эрзанцевъ, которые въ такомъ обиліи были выпущены взамѣнъ пищевыхъ продуктовъ во время войны.

Въ области экономической, Германія, благодаря своей организованности, начинаетъ быстро возстанавливаться и угроза возстановленной силы Германіи вновь начинаетъ тяготѣть надъ европейскимъ миромъ и заставляетъ считаться съ собой. Опасенія могущества Германіи является главнымъ факторомъ европейской политики.

Большевизмъ Россійскаго типа не угрожаетъ Европѣ и мечта Ленина пересадить пугачевщину въ западно европейскія страны оказались несбыточной мечтой. Но потокъ демократическихъ идей широко рязлился во всей Европѣ и привелъ къ рѣзкому сбособленію рабочаго класса и крушенію вліянія всѣхъ политическихъ партій вплоть до соціалистовъ. Соціалистическія организаціи потеряли всякій кредитъ и на сцену выступили профессіональная организаціи рабочихъ. Союзъ «Трейтъ-Уніоновъ» въ Англіи является главной движущей силой въ политикѣ. Они настаиваютъ на 6-ти часовомъ рабочемъ днѣ, участія въ прибыляхъ, въ соціализаціи промышленныхъ предпріятій, повышеніи заработной платы. Эта рабочая сила отодвинула въ сторону парламентъ и заставила Ллойдъ-Джорджа провести рабочее законодательство въ внѣпарламентскомъ порядкѣ по соглашенію съ представительствомъ рабочихъ союзовъ. Положеніе было чрезвычайно острое, но въ настоящее время вопросъ въ значительной етепени смягчился. Правительство принуждено было сохранить за рабочими повышенныя военныя ставки до 1921 года. Рабочій день былъ зафиксированъ въ 44 часа въ недѣлю и на этомъ правительствомъ былъ положенъ предѣлъ. И хотя оно принуждено равняться по рабочимъ союзамъ, но тѣмъ не менѣе на капитуляцію правительство не пошло. Второй вопросъ, который крайне тревожитъ Англію—это вопросъ Ирландіи. Ирландія объявила себя независимой республикой и послала своихъ представителей на мирный конгрессъ. Эти представители не были допущены на конференцію и были высланы изъ Франціи. Волненія въ Ирландіи не придали однако характера вооруженнаго возстанія, но отвлекаютъ значительныя вооруженныя англійскія силы. Какъ ирландское движеніе, такъ равно и рабочіе питались пропагандой и денежными средствами изъ большевистіи. Когда этототъ фактъ былъ установленъ, Англія изгнала всѣхъ русскихъ большевиковъ, закрыла доступъ для всѣхъ русскихъ и запретила ввозъ русскихъ денегъ. Съ этого же времени Англія усилила свою помощь всѣмъ тѣмъ русскимъ силамъ, которыя борются съ большевиками.

Во Франціи точно также произошло крушеніе вліянія всѣхъ политическихъ партій. Соціалисты потеряли одинаково свой кредитъ въ рабочихъ массахъ и все значеніе перешло профессіональнымъ организаціямъ.

Когда послѣ оправданія убійцы Жореса лѣвыя партіи задумали устроить демонстрацію протеста, смотръ революціонныхъ силъ, то манифестація совершенно не удалась. Вмѣсто 300 тысячъ рабочихъ, на которыхъ разсчитывали, на улицу вышло не болѣе 10 тысячъ, совершенно мирно настроенныхъ обывателей, большею частью уличныхъ зѣвакъ, а не рабочихъ.

Точно также, когда въ парламентѣ лѣвые подняли необычайный шумъ, по поводу кредита на русскую экспедицію, маневръ ихъ совершенно не удался и Пишонъ получилъ выраженіе довѣрія, но кредиты были вотированы тремя стами голосовъ противъ 87-ми.

Рабочее движеніе, несмотря на свою силу, врядъ ли пріобрѣтетъ доминирующее значеніе во Франціи. Противъ него крайне враждебно настроено все сельское населеніе. Армія, сражавшаяся и побѣдившая Германію, по преимуществу крестьянская армія. Рабочіе и городскіе классы оставались въ тылу и не несли всей тяготы 4-хъ-лѣтней войны. У крестьянина, вышедшаго побѣдителемъ въ войнѣ, глубоко запало подозрѣніе къ тыловымъ и раздраженіе за ихъ обогащеніе въ то время, когда онъ несъ всѣ жертвы кровью и разореніе своего хозяйства. Деревня не позволитъ городу помыкать собою и сумѣетъ отстоять свои интересы. Мелкій земельный собственникъ не допуститъ торжества городского босячества. Вотъ почему нужно думать, что Франція застрахована отъ возобладанія въ ней большевизма.

Возможны отдѣльныя вспышки, каковыя и были уже въ приморскихъ городахъ, въ Марселѣ, но онѣ не отольются въ торжество диктатуры пролетаріата.

По словамъ виднаго политическаго итальянскаго дѣятеля въ Италіи положеніе съ рабочими—деликатное. Положеніе въ арміи — деликатное. Экономическое положеніе — деликатное. Финансовое положеніе—деликатное. По всѣмъ даннымъ Италія можетъ не выдержать натиска большевизма. Въ общемъ нужно отмѣтить, что жизнь въ Западно-Европейскихъ странахъ уже не слагается на основѣ прежнихъ политическихъ партій, а всюду возникаетъ два лагеря, рѣзко обособленныхъ имущихъ и неимущихъ, стремящихся осуществить свои жизненные интересы въ новыхъ формахъ профессіональныхъ организацій, устраняющихъ всякую партійность и стремящихся достигнуть своихъ цѣлей новыми способами борьбы. Нужно думать, однако, что это движеніе не приметъ революціонный характеръ, а встанетъ на путь эволюціонный.

Современную политику нельзя основывать на партійныхъ началахъ. Прежнихъ политическихъ партій уже нѣтъ и начинается новая перегруппировка.

Среди другихъ борющихся силъ въ міровой катастрофѣ нельзя не учитывать силу объединеннаго еврейства. Еврейство это великая держава, хотя безъ территоріи и безъ арміи, но

тѣмъ не менѣе при общей ослабленности сама не только не ослабѣвшая, но возросшая въ своей силѣ Всѣ націи вышли изъ войны глубоко потрясенными, а нѣкоторыя, быть можетъ, низведены съ своей прежней великодержавной роли, но еврейство, еврейскій капиталъ, еврейское международное значеніе ничуть не поколеблены, но окрѣпли. Не смотря на свою разобщенность между различными государствами въ средѣ другихъ народовъ еврейство преслѣдуетъ свои обособленные интересы съ присущими этой расѣ настойчивостью и агрессивностью. У еврейства есть свой имперіализмъ, стремленіе къ міровому господству, осуществляемому скрытыми путями вопреки интересамъ тѣхъ странъ, куда вкраплена еврейская національность, и при помощи иныхъ средствъ, чѣмъ орудія государственной власти. Такимъ образомъ, если приходится считаться съ германской опасностью, то одинаково нельзя упускать изъ вида еврейскую опасность. Многое въ современной политикѣ оставалось бы совершенно непонятнымъ, если не принимать во вниманіе еврейства, какъ дѣйственнаго начала въ политикѣ.

На мировой конференціи Вильсона замѣняетъ нѣкто Хаусъ (Гузъ), въ чинѣ полковника американской службы; онъ всегда молчитъ, съ нимъ никто не разговариваетъ, но всѣ рѣшенія Вильсона продиктованы этой безмолвной личностью. Второе наиболѣе вліятельное лицо это еврейскій мильярдеръ Шифъ, извѣстный своею ненавистью къ Россіи. Между американскимъ еврействомъ и еврействомъ Бронштейновъ-Троцкихъ существуетъ тѣсная связь, изъ Америки идутъ дерективы въ московскій кремль и враждебная къ намъ американская политика направляется руками еврейства.

Все золото и весь хлѣбъ находится въ рукахъ Америки. Міровымъ продовольственнымъ диктаторомъ является Хоръ, кажется, тоже еврей. Путемъ сжиманья или разжиманья хлѣбнаго аппарата, сокращенья или открытія кредита, Америка можетъ оказывать самое могущественное вліяніе на всю европейскую политику.

Французское правительство вполнѣ понимаетъ, что для сохраненія плодовъ побѣды необходимо возстановленіе сильной Россіи. Франціи нельзя отказать въ добрыхъ намѣреніяхъ, но у Франціи нѣтъ силъ, нѣтъ людей, нѣтъ денегъ. Англійская печать и англійское правительство хотѣли бы притти къ намъ на помощь для сверженія большевизма. Конференція признала единство Россіи и не допуститъ ея расчлененія.

Конференція является хранительницей русской территоріи, даже Финляндія не получила еще своего признанія. Но въ лицѣ Америки мы имѣемъ опредѣленно настроенную враждебно къ намъ страну. Президентъ Вильсонъ, несмотря на свою неудачу съ предложеніемъ съѣзда на Принцевыхъ островахъ, еще очень недавно, въ первыхъ числахъ апрѣля, вновь поставилъ вопросъ о признаніи большевистской власти.

Лишь съ трудомъ удалось убѣдить его снять вопросъ съ очереди въ данное время, но подобныя предложенія постоянно намъ угрожаютъ.

Президентъ Вильсонъ секретно послалъ въ Москву особую

миссію По его порученію туда ѣздилъ нѣкто Стефенсъ, аферистъ сомнительной репутаціи и Булетъ посредственный писатель съ крайними соціалистическими идеями.

Они проѣздили 30 дней, изъ которыхъ 8 провели въ Москвѣ въ гостиницѣ «Метрополь» въ обществѣ Бронштейна и другихъ большевитскихъ главарей. Ни тотъ, ни другой никогда въ Россіи не бывали, не говорятъ и не понимаютъ по русски. Они привезли съ собою докладъ, гдѣ утверждаютъ, что никакого террора въ Россіи нѣтъ, что совѣтская власть это подлинная народная власть, красная армія это народное войско и Россія вступила на путь осуществленія соціальнаго преобразованія, благодѣтельнаго для русскаго народа, угнетеннаго царскимъ режимомъ.

Этотъ секретный докладъ, полный цинизма, былъ опубликованъ въ газетахъ и легковѣріе Вильсона было публично разоблачено. Знаменательно, что въ томъ же портфелѣ Стефенсъ и Булетъ привезли съ собою концессіи на русскія лѣсныя богатства и Уральскія нѣдра.

Второй вопросъ, въ которомъ отразилась враждебная по отношенію къ Россіи американская политика является вопросомъ о славянской интервенціи въ русскія дѣла. На помощи славянъ Россіи особенно настаивалъ Крамаржъ и Пашичъ. Помимо ихъ давнихъ русскихъ симпатій, оба эти государственныхъ дѣятеля руководились яснымъ пониманіемъ всего значенія для славянства возстановленія мощи Россіи.

Въ Чехіи запись волонтеровъ пошла очень успѣшно.

Сербія, несмотря на огромныя потери, готова была отправить въ Россію значительныя силы. На экспедиціи нужны были деньги. Не смотря на полное сочувствіе союзниковъ Вильсонъ запротестовалъ и кредиты не были отпущены.

Такимъ образомъ въ настоящее время помощь союзниковъ можетъ быть выражена только въ снабженіи насъ боевыми припасами, въ блокадѣ морей Чернаго и Балтійскаго и затѣмъ, въ созданіи заслона на западной границѣ.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка снизу	Строка сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	—	10	политики	политика
3	—	17	изъ	и съ
11	—	4	францію	Францію
11	—	4	Бѣльгія	Бельгія
11	—	16	ближийшее	ближайшее
15	—	7	40 тыс.	400 тыс.
15	—	13	до 1915 г.	до 1917 г:
15	5	—	до ведены	доведены
15	4	—	умѣщали	вмѣщали
17	—	5	съ начала	сначала
18	—	15—16	тотъ часъ	тотчасъ
18	4	—	крайнѣ	крайне
20	—	6	ruhigyein	ruhig sein
21	—	14	Frene	Treue
41	8	—	грядущій	грядущей
43	8—9	—	Wittrefenzum Beten	Wir treten zum Beten
44	7	—	Глалліи	Галліи
46	—	4	1138—1125	1138—1152
46	—	17	Конрадинэ	Конрадина
48	6	—	восгорѣвшейся	возгорѣвшейся
64	11	—	Unsere Lukunft ist auf dez See	Unsere Zukunft ist auf der Sec
67	1	—	возоикла	возникла
78	5	—	изъ	изъ-за
86	4	—	критикѣ	критики
87	—	3	считающихъ	читающихъ
91	—	13—14	отлилиєь	отличались
92	10—11	—	«собственныя арміи»	собственныя арміи имѣютъ
94	—	2	литетурѣ	литературѣ
100	21	—	междуусобія	междоусобія
101	—	10	XIV—XIV	XIV—XVI
101	3	—	междуусобій	междоусобій
105	4	—	внутронняго	внутренняго
108	19	—	сословнымъ	всесословнымъ
110	13	—	вслѣдствіе	наслѣдіе
116	10	—	оспободителей	освободителей
119	—	23	подбныхъ	подобныхъ
119	1	—	голасаваніе	голосованіе
131	13	—	Франція Въ декабрѣ	Франція въ декабрѣ
144	13	—	на Тихій океанъ	въ Тихій океанъ
150	11	—	войнѣ	войнъ
150	7	—	отношеніи. И такъ	отношеніи, такъ
153	11	—	князей нѣкоторые	князей. Нѣкоторые
154	9	—	освоботить	освободить
154	4	—	предовали	преслѣдовали

Стр.	Строки снизу	Строки сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать
156	—	1	антогонизмъ	антагонизмъ
161	19	—	Отъѣзжать	отъѣзжать
162	—	9	1862	1762
162	—	15	происхожденіо	происхожденіе
165	17	1	дослѣднее	послѣднее
166	10	—	прибалтійскаго	Прибалтійскаго
166	7	—	кчему	къ чему
168	7	—	Іоаннъ грозный	Іоаннъ Грозный
174	—	6	мобилизаціей	организаціей
179	8	—	у общественной	и общественной
180	17	—	некоторыхъ	нѣкоторыхъ
191	1	—	Дрезднѣ	Дрезденѣ
193	13	—	примать	принимать
195	—	14	интиллигенціи	интеллигенціи
195	3	—	артеллерійской	артилерійской
196	16	—	полическая	политическая
197	9	—	непримѣннымъ	непремѣннымъ
198	10	—	въ сословіи	въ сословія
199	8	—	въ Росіи	въ Россіи
201	—	9	художествѣ	убожествѣ
203	—	16	сгорало	сгорала
204	—	20	3-й имперіи	2-й имперіи
205	—	8	разсорись	разсорились
205	10	—	старого	стараго
206	18	—	втакъ	въ такъ
208	—	8	дрогоцѣнной	драгоцѣнной
209	10	—	называтся	называются
209	2	—	только новы	не только новы
210	—	8	не ново, не жизненно и не прогрессивно	не нова, не жизненна и не прогрессивна
213	—	5	«президентъ»	«президентъ. Если даже предположить, что воскреснетъ соціалистическая учредилка, то важно...
215	15	—	дорогу. «Россія	дорогу». Россія
216	—	18	приро-	природѣ
219	—	11	имѣетъ въ лицѣ	имѣетъ враговъ въ лицѣ
219	—	20	парійные	партійные
220	—	15	разстроенно	разстроено
220	—	21	подолнаго	подобнаго
229	—	19	Il Prinsipe	Il Principe
237	—	15	бѣдущее	будущее
237	12	—	явлены	явны
239	10	—	копій	колоній

ЦЂНА 50 РУБ.

б